

Аркадий Крупняков

ЦАРЁВ ГОРОД

Серг. Крупняков

АРКАДИЙ КРУПНЯКОВ

ЦАРЁВ ГОРОД

СКАЗАНИЕ
О НОВЕ ГОРОДЕ
НА КОКШАГЕ

ПОШКАР-ОЛА
МАРИНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1984

84.4 Р

К 84

Книга рассказывает о событиях русской истории конца XVI века. Основное событие, вокруг которого строится повествование, — основание города-крепости на реке Кокшаге, то есть нынешней Йошкар-Олы, 400-летию которой автор и посвящает это произведение.

Рецензент
доктор исторических наук
В. А. Кучкин

Художник *Б. А. Аржекаев*

К 4702010200—16 без объявл.
М 129—84

© Марийское книжное издательство, 1984

I

Куда ни глянь — на тысячи верст леса, леса и леса.

Ни дорог, ни путей, только реки синими змейками вьются, петляют по холодным хвойным просторам, пробиваются через суглинистые земли, через коричневые торфяные залежи, через песчаные наносные холмы к матушке Волгреке.

Между Новгородом Нижним и Казанью, где-то посередине, текут с севера и впадают в великую русскую реку две Кокшаги. Одна Малая, другая Большая. Текут спокойно, почти нигде не приближаясь и не отдаляясь друг от друга. Между ними около ста верст лесистых земель. Это черемисское междуречье — обиталище белого народа. Живут тут люди, промышляют охотой, ловят рыбу, пахут землю, выращивают рожь, овес, коноплю. Ткут холст, отбеливают на росных травах, зимою на снегу, шьют себе белые одежды. Если рубаха — тувыр, — то непременно белая, если сарафан — шовыр, — то еще белей. И войлок на шляпу — белый, сукно на кафтан — из белой овечьей шерсти. Штаны, как для мужчин, так и для женщин, из отбелен-

ного конопляного холста. Обосновались они в этих лесах, назвали себя черемисами, что на древнем их языке означает боевой, смелый человек.

Царями черемисы так и не обзавелись, князей тоже слава богу, нет. Есть у них лужай, что по-нашему округа в каждом округе правит глава рода — лужавуй. По лужаям разбросаны селения — илемы, а около них руэмы — выруба. На этих вырубах пашется земля, родится хлеб.

Веру держат свою — языческую. Молятся своим богам в священных рощах — кюсото, попов пока тоже не завели. Есть в каждом илеме карт. Он и знахарь, он и лекарь, он и хранитель обычаев предков.

Ровно тридцать лет назад лужавуй горной черемисской стороны Аказ Тугаев первым пришел к молодому Московскому государю Ивану Васильевичу и попросился в русское подданство. Царь назвал лужавую Седым барсом видимо, за смелость и за мудрость, дал ему титул князя и обещал, если черемисы помогут ему взять Казань, не брать с них ясак. Князь Акпарс отважно воевал на стороне русских, помог взять Казань, позднее погиб в одной из битв. Многих черемис наспех привели к православной вере, одели на шею лесным людям железные крестики, на этом внедрение христовой веры и закончилось. Храмов божьих в тех лесах, почитай, совсем не было, попов тем более, и посему вера почти не утвердилась. Крестики черемисы попрятали, кюсото и картов оставили и продолжали жить по старым обычаям.

II

Зима в этом году выдалась мягкая, многоснежная. Ходить на охоту даже на лыжах стало трудно. Бабы прядут, ткут холсты, вышивают рубахи. А мужикам зимой что делать? Они собираются в долгие зимние вечера в самом большом и просторном кудо, плетут из лыка лапти, из березовой коры — заплечные сумки лаче, ладят из той же коры туеса — пураки и слушают сказки.

Там, где Изн Кокшан* после мелких изгибов делает большую петлю, берег самый высокий. На четырех хоямах этого берега раскинулся илем лужавуя Топкая. Место это древнее, здесь корень Топкаева рода начался. Больно хорошее место. С одной стороны река, с другой лес стеной стоит. В реке много рыбы, в лесу много зверя. С севера

* Изн Кокшан — Малая Кокшага.

болото, там полным-полно уток, цапли водятся, гуси прилетают. На юге поля распаханы, луга травой богаты. Около ста кудо раскиданы по холмам, а в середине илема бьет из земли родник — вода в нем чистая, как слеза. На самом высоком холме срублена клеть. Над этим просторным срубом вышка, там в тревожные дни сторож сидит, вокруг смотрит.

Нынче очередь сидеть на вышке подошла младшему сыну Топкая. Не успел Кори забраться наверх, только запахнулся в овчинный тулуп, колокольчик на ошлинской дороге зазвенел. А с колокольчиком на дуге в этих местах только один человек ездит — сборщик ясака Митька Суслопаров. Кори кубарем скатился вниз, и скоро весь илем узнал — русский гость едет.

Топкай почесал в затылке: зачем Митьку шайтан несет? Ясак давно уплачен, бунтовать вроде в округе никто не собирается. Однако гостя надо встречать. Лужавуй велел Топканхе прибрать в кудо, сам вышел на дорогу.

И еще больше удивился. Суслопаров ехал один, без стрельцов. Осадил жеребца перед Топкаем, легко выскочил из санного возка:

— Гостей, Топкай, принимаешь?!

— Гостю мы всегда рады. Хорошо ли доехал?

— Доехал, слава богу, хорошо. Малость приостыл.

— Пойдем в кудо, погрейся.

Суслопаров ввалился в кудо, скинул заячий тулуп, снял ушанку, обнажил круглую, большую, как арбуз, голову, погладил ладонью лысину.

— Давно я у ты не был, стосковался, прямо беда! — гость хитро блеснул глазами, заглянул в котел, висевший над очагом посреди кудо, прошел в угол, крутанул жерновку, на которой перемалывалось зерно, стрельнул глазом под нары: — Коришка, младшенький-то, где?

— В караулке. На вышке сидит. Очередь подошла.

— А случаем не в кузнице? Он ведь у ты подмастерьем у кузнеца был?

— Давно. Пять зим прошло с тех пор. Кузнеца не стало, кузница заперта.

— Да, да. Проезжал я мимо, видел. Крышу всю снегом завалило. Только вот прямо беда—отдушина на крыше откуль-то взялась, и сажай окинута. Отчего бы?

— Не замечал, право.

— Про царский указ помнишь?

— Какой? Много их было.

— Чтобы черемисам железо не держать, никакую кузнь не ковать. За ослушание смерть.

— А мы и не ковали. Кузнец у нас русский был. Про русских указа не было.

— Как его звали-то? Я чтой-то запамятовал.

— Илья ему имя.

— Ну-ну. Так почему он ушел?

— Ты что, Митька, совсем память потерял? Сам же приезжал, сам кричал, грозился, хотел в Москву царю писать...

— Но я же потом гнев на милость сменил. Узнал, что он только серпы кует, лемехи, а оружие никакого не кует. И обещал я смотреть на сие дело сквозь пальцы.

— А кузнец тебе не поверил. Ты ведь хитер как лис...

— Да и у него, видно, рыльце-то в пушку, а?

— Не знаю.

— А я знаю. Разбойник твой кузнец! В минувшее бунтовое время озоровал он супротив царя, на Каме более тысячи мятежников водил.

— Может, другой какой? Наш Илейка честный, добрый человек был.

— Он! Известно стало — ушел он от вас снова на Каму, работал у лаишевского помещика Бекбулата в кузне. А как пошли его розыски, снова утек. А бежать ему более, как к тебе, некуда. Уж, поди, сопрятал в каку зимовку? Тебя хитростью тоже бог не обидел. Не зря на караулке зимой и летом сторожей держишь. Меня, наверно, еще на Ошле заприметил, а?

— Ты, Суслопар, старика не обижай. Когда я тебя обманывал? Я врать не умею.

— Почему тогда на кузне в отдушине сажа? Почему туда тропка в снегу проторена? Если кузнеца нет, стало быть, сын твой кует. А это еще и того хуже. Может, он пики да мечи ладит? Давай отпирай кузню. Поглядим.

Топкай накиннул на плечи чапан, надел шапку.

Кузница стояла на отшибе, за илемом. И верно, тропка протоптана, отдушина на крыше окинута сажеей. Топкай открыл дверь, в нос ударил сивушный запах. На горне стоит котел, крышка замазана тестом. На столбце, рядом с наковальней, прилажена деревянная колода.

— Те-те-те! Думал я найти кузню, а тут винокурня!

— Это не иначе как Коришко! — Топкай развел руками. — Ах, кереметь его заломай. Не знал.

Суслопаров откинул рогожу в углу, вытянул на свет туесок, открыл крышку, сунул нос, отпрянул. Увидел на оконце ковшичек деревянный, плеснул туда из туеска, сделал несколько глотков, передал Топкаю.

— Эх! Яко в хлыновском кабаке! Кто же твоего сынка

научить сему делу мог, а? Черемисы вроде бы ничего окромя медовухи не делают. А ну-ко дай ковш, я еще для сугрева попробую. Чуешь, как кровь по жилам забежала, чуешь?!

После второй пробы захмелел и Топкай. Он вытянул из-под рогожи второй туесок и предложил идти в кудю. Там Топкай уже успела сварить мясо. Обгладывая баранью кость, Суслопаров откровенничал:

— Ты понял, Топкай, почему я без стрельцов приехал? Получил я указ, дабы того Илейку выследить. Думал, поеду я с охраной, снова кузнеца напугаю. Он сызнава даст стрекача. Верил, что он тут, у тебя. Но уж если в кузне винокурня, то само собой понятно — нет его здесь.

— Я тебе сказал: врать не умею. Однако и другое скажу: если бы он тут был, мы бы тебе его не отдали, спрятали бы. Он большую пользу нам делал. Я до сих пор жалею, что отпустил его тогда.

— Стало быть, если появится, ты мне знака не дашь?

— Не дам.

— Ну и пес с вами! Мало ли ныне воров по лесам спасается. А хлыновскому воеводе отпишу: вора Илейки в черемисских пределах нет и не было. Наливай еще!

Опорожнив оба туеска, Топкай и Суслопаров завалились на нары спать.

Вечером Топкай разбудил гостя: — Пойдем в караулку. Там нынче Вечный Кочай преданья говорить будет.

— Сказки, стало быть?

— Как хошь назови.

— Несерьезное это дело, Топкай. Для детишков. Лучше давай тут посидим.

— Не скажи. У вас, знаю, монахи такие есть, они с древних времен все, что было на вашей земле, на бумагу записывают, а у нас монахов нет. У нас есть сказители. Они из илема в илем ходят, песни поют, преданья говорят. Их слушают и взрослые, и дети. Чтобы все прошлое не растерялось, сказитель выбирает себе замену — самого памятливого и умного юношу. Вечный Кочай Коришку моего выбрал. У нас сказителей шибко уважают, берегут и кормят до самой смерти. Пойдем, не пожалеешь.

III

Караульное кудю оживает с сумерек. Первыми гудя прибегают ребятишки, приносят хворост, дрова, лучину. Посреди просторного помещения разжигают костер. Здесь нет очага, нет нар и столов. Есть место для костра, плахи.

разбросанные в беспорядке. К противоположной от двери стене пристроен небольшой помост — почетное место. На нем сидит либо лужавуй, когда надо поговорить с народом, либо карт во время зимних молений, или сказитель.

Как только костер нагреет караулку, туда начинают собираться люди. Слева на плахи рассаживаются женщины: кто с прялкой, кто с вышивкой. Справа располагаются мужчины. Ребятишки — вокруг костра, прямо на подстилке из пихтовых лапок. Их дело поддерживать костер, менять в светце лучину.

Сначала в кудо было тихо. Перешептывались меж собой бабы и девки, мужики молча готовились к плетению лаптей, сумок, парни начали выстругивать стрелы. Но вот открылась дверь и появились Кори и Айвика. Кудо сразу оживилось. Весь илем считал их женихом и невестой. Кори — сын лужавуя, Айвика — дочь карта. Чем не пара? Айвика высокая, стройная, черноглазая. Язык острее копийного лезвия. Лет с двенадцати начала ходить на охоту, стрелять научилась лучше многих охотников илема. И случилось так, что после смерти матери она стала делать в доме мужскую работу, а старый отец молот зерно, пек хлеб, варил похлебку. На охоте была удачлива: белок, куниц, зайцев промышляла больше, чем иные опытные охотники. А когда завалила медведя, стали мужики пускать Айвику на сходки как равную. И сейчас она вошла в кудо в меховых сапогах из волчьей шкуры, в кожаных штанах и обтяжку, в короткой шубке под поясом. Беличья шапка набекрень, из-под нее струятся две черные косы. Села на мужскую половину рядом с Коришкой, двинула бедром, свалила его с плахи.

— Ты бы лучше к девкам села, поучилась вышивать. Ведь ничего не умеешь. Кто тебя замуж возьмет?

— А ты чего умеешь? Стрелять не научился, лапти не плетешь, землю не пашешь. Сам иди к девкам, может на шовыр себе напрядешь.

— Я кузнец. Мастер.

— Знаем, какой ты кузнец. Араку в кузнице варить ты мастер, песни петь мастер да на гусях бренчать. Вы знаете, девки, он жениться думает. Чем жену кормить будешь, омарта?*

В кудо хохочут, люди знают, что бранятся эти двое беззлобно, а сами, наверно, любят друг друга.

— Вот погоди, скоро Илейка-кузнец вернется...

— Откуда ты взял, что он вернется?

* Омарта (мар.) — пень, коряга.

— Митька Суслопар приехал, думал, что он уже здесь. Не зря, наверно. Вот тогда...

— Что тогда?

— Женюсь сразу. Дочку его замуж возьму. Он мне обещал. Она ведь тебе одногодка. Наверно, получше тебя будет.

— Настька тебя на сажень к себе не пустит.

— Поглядим.

В куду шумно вошли Топкай, Суслопаров, карт Ялпай и сказочник Вечный Кочай. Мужики уступили им место, Топкай указал сказителю на помост. Как рассаживались мужики, о чем говорили, Айвика не слышала. Она вспомнила детство, Настю, Илью-кузнеца. Так случилось, что лучшей подруги, чем Настя, у нее не было. За три года она научилась хорошо говорить по-русски, Настю научила своему языку. Они целыми днями пропадали в лесу: сперва собирали ягоды, грибы, орехи. Потом научились ставить силки и капканы, стрелять из лука. Ах, какое было хорошее время! Может, и не врет Кори — вернется Настя, и снова они будут вместе...

Очнулась Айвика от воспоминаний, когда зазвенели гусли Кочая. Люди притихли. Только потрескивал костер, рокотали гусли. Начался сказ о далеких временах:

— Это было так давно, что даже самые старые люди не помнят, когда. Или триста лет назад, или пятьсот, а может быть, целую тысячу. На берегах нашей реки, как и сейчас, жили черемисы. Они сеяли хлеб, ловили рыбу, ходили на охоту, собирали грибы и ягоды.

Сейчас здесь все изменилось, но сруб на роднике, где наши предки брали чистую, холодную воду, стоит как и стоял. Я верю: он помнит, как в нашем селении родился Кокша-онар, как объявил он войну злему властителю болот и лесов кею Турни...

Завороженно слушают сказание люди. Глаза их широко открыты, в мечтах они далеко-далеко: в тех лесах, о которых рассказывает старый Кочай, и видится им ясный солнечный день, поляна, заполненная народом... Тихо рокочут гусли, льются слова сказания:

— Звенит прохладная струя родника. Она заполняет сруб и через узкое замшелое отверстие падает искрящейся струей в деревянную, выдолбленную из дуба колоду. Из колоды по чистому песку ручеек впадает в реку. Она широка и могуча — тысячи таких родников и лесных речушек питают ее на протяжении многих верст.

Там, где река огибает поляну, между холмом и родником слышится веселая песня:

Далеко реченька бежит, к реке бежит и рада.
Река течет, на берега глядит и рада.
Чему же рады берега? Лугам пойменным рады.
Чему же рады те луга? Цветам красивым рады.
А наши матери, отцы глядят на нас и рады.

Третье лето идет, как нет Турни в этих краях. Может, подох в своем болотном царстве. Так думали люди на поляне, на празднике.

А здесь, у родника, неожиданная беда. Заскрипел, закричал от тяжести дубовый сруб. Опустился великим грузом на него владыка болот и лесов кей Турни. На нем сапоги в виде птичьих лап, с тремя носками. Голенища выше колен, тело затянуто в зеленую кожу с желтой чешуей. Кольчуга на груди из серебра, руки от плеч до кистей в перьях. На шлеме три змеиных головки выкидывают ядовитые жала в разные стороны. Гневом пышат глаза Турни. Совсем обнаглели людишки. Песни поют, хороводы водят. Забыли, под кем живут. Турни выбросил вперед руку, тяжелый взмах вниз — и словно клин вбит в жилу родника. Рассыпалась последними капельками струя, умолкла. Владыка болот поднял руки над головой, трижды скрестил их, появились три черные тучи и закрыли солнце. Засвистел ветер, сырой и холодный.

Люди перестали петь, остановились в предчувствии беды. Турни всегда приходит одинаково неожиданно. Сейчас бы убежать, но куда? Никто не знает, с какой стороны появится злодей.

А Турни волком проскочил от родника к холму, взбежал на его вершину. Люди увидели его и в ужасе бросились бежать. Турни вскинул руки к небу, и все застыли на том месте, где застал их этот взмах. Никто не мог противиться волшебству Турни.

Пламя и дым поднялись к небу, люди увидели на холме болотного змея таким, какой он есть на самом деле: туловище на коротких когтистых лапах, три змеиных головы на длинных шеях покачиваются из стороны в сторону, вместо рук у Турни длинные перепончатые крылья, а могучий хвост с костным гребешком извивается по земле. Жертва, выбранная змеем, медленно пошла навстречу чудищу. Ужас вошел в девичье сердце Киви, она не хотела идти, но словно невидимые канаты тянули ее к ненавистному и страшному Турни. Увидев над головой змеиные жала, она лишилась чувств. Кей положил ее на хребет и взмахнул крыльями...

Долго стонали лесные люди под пятой злого Турни, десятки, а может быть, сотни девушек исчезли в болотном

царстве. И надо вам сказать, что у Киви, когда ее похитил кей, был молодой муж и дочка — годовалая Элнет. Ее отец бросился вслед за змеем и не вернулся.

Элнет осталась сироткой. Ее воспитали добрые люди селения, она выросла красивой, умной и работающей. И муж нашелся для Элнет. Правда, был он первым бедняком в селении, пришел сюда с берегов Ветлуги, но богат он был добротой, силой и умом. Стала жить Элнет хорошо. Не богато, но и не бедно. Одно было плохо — не было у них детей. Под старость боги сжалились над ними, и родился у Элнет мальчик.

И снова устремил глаза в потолок старый Кочай, замолчал. Люди понимают: он душой перенесся в тот лес, где жила красавица Элнет. Не поднимая век, нараспев начал рассказывать:

— Шумит в могучих ветвях дуба летний ветерок. Качается на суку колыбелька. Элнет дремлет у колыбели — ночь была бессонной. Сын родился крупным, здоровым ребенком, но, наверное от простуды, появился у него на груди чирей. С этой поры мальчик начал хиреть, не спал ночами и постоянно кричал от боли. Мать и отец замучились с ребенком и даже не успели дать ему настоящее имя. В старину имена давал карт. Когда карт посмотрел на мальчика, он сразу понял, что ребенок не жилец — на нем метка Турни. «Он не задержится на этом свете, — сказал карт. — Зовите его пока Кокша».

— Что сие означает, Топкай? — шепотом спросил Суслопаров. — Я не все ваши слова знаю.

— Кокша по-русски — Чирей.

— Такое может быть. Русский богатырь Илья Муромец тоже сидел сиднем тридцать лет и три года. А потом стал могутным.

— Слушай дальше.

— В прошедшую ночь Кокша не дал матери заснуть ни на миг — чирей разросся, покрыл всю грудку ребенка багрянцем. Наутро боль утихла, и ребенок заснул. Задремала и мать. И вот в предрассветную пору, когда туман покрыл реку и ее берега белесой волнистой пряжей, появился Кугурак. И хотя туманная мгла поднялась выше прибрежных ив, она доставала богатырю только до пояса. Он огляделся, увидел дремавшую Элнет и легким кивком головы усыпил ее. Потом подошел к роднику, сруб на нем высох и потрескался, долбленая колода раскололась. Широким взмахом руки онар вызвал воду, родник ожил, и серебряная струя зазвенела по дну ручейка. Когда он

возвратился к дубу, колыбель оказалась около его колен—так высок и могуч был патыр. Он наклонился над колыбелью и заговорил:

Ты спишь, дитя, печаль тебе неведома.
Лишь мать поет о горе и жестокости.
Да и она, наверное, не знает,
Что вся земля слезой горючей полита.
Народ давно под игом змея стонет.
Пришла пора — расти врагу на горе.
Пусть из тебя уйдет болезнь лихая,
Которой одарил тебя Турни.

Кугурак положил руку на грудку ребенка, и чирей исчез. Затем он взял мальчика, поднял на вытянутых ладонях и сказал торжественно:

— Я — патыр Кугурак! Возьми, Кокша, мою земную силу, а смелости тебя отец научит.

Мальчик открыл глаза, взглянул на Кугурака и снова заснул. Болезнь ушла из него, а сон ему был так необходим сейчас. Онар долго любовался ребенком, который вырастал на глазах и уже не уместился в огромных его ладонях. Богатырь хотел положить его в колыбельку, но и она оказалась мала для росшего не по дням, а по часам мальчика. Пришлось патыру расстелить на траве свой кожаный плащ и положить Кокшу на него.

Из клубящегося тумана показался второй онар. Он был так же высок, как и Кугурак, но только худощав, поджар как олень, с длинными ногами и быстрым взглядом.

— Не узнаю Чоткар-онара, — с упреком произнес глава богатырей. — Ты опоздал...

— Я только что с Ветлуги, — перебил его Чоткар. — Ловил там рыбу...

— Не торопись. Ты посмотри сюда. Онар, которого мы ждали, появился. Ему я отдал силу, а ловкость ты отдай.

— Отдам! — воскликнул Чоткар. — Давно земля онаров не рожала. Остались мы втроем... Ого! Он на глазах растет! — Чоткар проворно обежал вокруг Кокши и устремился в туман.

— Куда ты?!

— Побежал я... Жена ругаться будет. Когда я побежал за рыбой, жена поставила котел с водой на угли. Когда вода вскипит, я должен быть на месте, — и Чоткар показал кошель с рыбой.

— Так это ж двести верст туда-обратно?

— Не зря меня зовут Чоткаром. Когда я по лесу бегу, деревья расступаются, мелькая, сливается в сплошную стену зелень. Ах, там вода уже кипит, наверно... Бегу!

— А ловкость?

— Ах, да! — Чоткар подбежал к Кокше, положил на него ладони и торопливо проговорил:

— Бери, Кокша, мою земную ловкость. А доброте научит тебя мать. Чеверын, Кугурак! — Чоткар махнул рукой и исчез в тумане.

А солнце уже поднялось над горизонтом, прошило своими лучами лесные чащобы, развеяло туман, согревая воздух. Где-то вдаль заиграли гусли, напев их все приближался, и скоро на берегу реки появился Арслан-онар.

— Приветствую тебя, Арслан!

— Салам, Кугурак. Зачем ты звал меня?

— Родился новый патыр. Я силу ему дал, а ловкостью Чоткар с ним поделился. Ты мудростью его пожалуй. Ты научи бороться за свободу, а заодно вложи ты в его душу талант певца и музыканта.

Арслан тоже долго любовался мальчиком, молча стоял перед ним, склонив голову и улыбаясь. Потом он ударил по струнам, раздался звон, и Кокша проснулся.

— Тебе пора вставать на землю, патыр, — ласково произнес Арслан и, взяв Кокшу под мышки, поставил его на траву. — Раста быстрее на радость людям, я расскажу тебе о недругах народа...

— Уходит время, скоро рассветет, — перебил его Кугурак. — О недругах узнает и без нас. Ты мудрость ему дай.

— Будь мудр и справедлив, — Арслан положил обе ладони на голову мальчонке. — И вот прими подарок.

Кокша настолько вырос за это малое время, что сам принял в руки тяжелые гусли и удержал их. Он выглядел пятнадцатилетним парнем.

— Ты научи его бороться за свободу, — подсказал Кугурак.

— Любить людей, любить родную землю его народ научит. Будь счастлив, патыр! — Арслан, приподняв паренька, поцеловал его.

* * *

Устал Кочай, устали малыши, некоторые уже спят. Иные клюют носом. Пора по домам.

Молодежь уходит, пожилые остаются, чтобы поговорить о жизни, об охоте, о делах.

С полуночи разыгралась метель. Айвика идет домой, прикрывая лицо рукавичкой. Острые снежинки секут щеки и лоб. За нею тащится неуклюжий Кори. Айвика, как всегда, ворчит:

— Не ходи за мной. Люди увидят, скажут: «Айвика одна домой ходить боится». А кого мне бояться?

— В полночь злые керемети ходят, овда может заломать. Да мало ли...

Вот уже сквозь снежную пелену показалось кудо Ялпая. Кори раскинул руки, хотел обнять девушку, но Айвика ловко вывернулась, побежала к дому. И вдруг порыв ветра разорвал снежное облако, и перед Айвикой зашевелилась темная громада неведомого зверя. Девушка от неожиданности и страха присела, ойкнула. Зверь мотнул головой, скрылся в пурге. Айвика повернулась, бросилась к Кори, прижалась к его груди:

— Там... медведь.

— Откуда медведь, глупая, — Кори обнял ее, похлопал по спине. — Медведь сейчас в берлоге спит. Не бойся, я посмотрю.

Вынув из-за пояса нож, парень скрылся в снежном маре. Скоро он возвратился, сказал тихо:

— Это лошадь под седлом. Видно, у твоего отца гость.

А у карта Ялпая в кудо и верно гость. Далекий гость. С реки Оно Морко. Лужавуй Ярандай. Не зря приехал в такую даль. Сидит на нарах, на шкуре, по-татарски — ноги калачом. Сперва разговор шел по пустякам: как доехал, как зима проходит, как здоровье.

— Какое там здоровье, — говорит Ялпай. — Мне скоро семьдесят. Дочка меня кормит, людей лечу мало-мало, а у самого поясницу ломит.

— Зачем Суслопар приехал? Ясак вы платите исправно...

— По те года у нас русский кузнец жил. Теперь пошли слухи, что он снова сюда пришел. Митька его ловить приехал.

— А он в самом деле пришел?

— Да не видно было. Может, врут люди.

— Не врут. Я тоже слышал, будто он и по моей земле прошел. Говорят, ватагу собирает. Хочет опять против русского царя воевать. Может, вы прячете его? Мне бы больно надо этого кузнеца видеть.

— Переманить к себе хочешь?

— Не то. Был у меня далекий гость. Такой далекий, что и сказать страшно.

— Из Казани?

— Ногаец из волжского устья. Место Астархан называется. Говорил, что пора на Москву всем черемисам подниматься. Этот кузнец с ватагой нам больно бы полезен был.

— Опять подниматься? В те годы нам бока царь наломал, до сих пор болят. Жить, Ярандай, надо мирно. Ясак не тяжелый берут с нас русские, терпеть можно. А если снова бунтовать начнем...

— Странно от карта такие слова слышать. Если бы Топкай это сказал, я бы не удивился. Он сам и отец его Чка с русскими все время якшался. Но ты-то, хранитель нашей веры, страж старых обычаев, зачем русские песни поешь? Хочешь, чтобы снова людям кресты на шею надели? Казань с нас ясак тоже брала, но на веру наших предков не посягала. Я к тебе с большой надеждой ехал.

— Людей наших теперь против русских не поднять. Сила не та.

— Что ты про силу знаешь? Тот нагаец говорил: придет в наши земли сто тысяч всадников.

Мужчины не заметили, что со стороны изи кудо вошла Айвика и весь конец разговора слышала.

— Неужели сто тысяч?! — сказала она. — Вот грабежа будет много.

— Кто это, Ялпай, в разговор мужчин влезает?

— Дочь моя, Айвика.

— Пусть в изи кудо посидит. Не ее ума дело.

— Тебе, пришелец, место у очага дали, ты и сиди. А где мне быть, я сама знаю. Людей на войну поднимать не моего отца воля. Ты к старейшине Топкаю иди.

— Нехорошо, Айвика, так со старшими разговаривать. Это лужавуй Ярандай, с Оно Морко. Он наш гость.

— Прости, отец. Я не поняла. Думала, он хозяин в кудо. Меня в метель выгнать хотел.

— Дерзкая у тебя девка, Ялпай. Давай спать будем.

Потух очаг в кудо карта. Спит гость, спит хозяин. Ворочается под шубой Айвика. Все, что она слышала от гостя, взволновало ее.

На улице беснуется пурга. Спит илем на берегу Кокшаги.

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ СЛОБОДА

I

Отгремели торжественные празднества, молебны и славословия в честь великой победы на Волге. После падения Казани взнесся в Москве храм Покрова святой Богородицы. Молодому государю Ивану Васильевичу европейские послы прочили победное царствие, а державе русской благоденствие.

Поверил в это и сам царь. Забеспокоились иноземные короли, насторожились восточные ханства. И кто знает, как бы сложилась судьба Руси, не заболел царь тяжелой хворью.

Ринулись князья и бояре к опустевшему трону, шкура неубитого медведя стали делить. Целовать крест малолетнему царевичу отказались даже те, на которых Иван опирался, которым верил. Воеводы, бравшие вместе с царем Казань, мечи свои опустили, верность утратили.

Страшные дни пережил государь, но оздоровел и восстал над знатными в гнев и ярости. Полетели боярские головы, обагрились пытошные застенки княжеской кро-

вушкой, наполнились тюрьмы и монастыри опальными дьяками, церковнослужителями.

Чтобы утвердить свою власть, Иван бросал полки то на одну границу, то на другую — искал всюду побед. Из тридцати лет царствования двадцать два года царь провел в войнах и походах. Особенно тяжки были многолетние Ливонские войны. Они вконец обескровили Русь, обезлюднили. И не только битвы уносили человеческие жизни: дважды великий чумной мор нападал на землю, трижды били урожаи жестокие засухи, голод утвердился на сельских починках накрепко. Один сборщик налогов писал: «Про землю расспросить в тех починках не у кого, потому что детей боярских, попов и крестьян там нет никого».

Царь покинул Москву, переехал в Александровскую слободу и заперся там накрепко. В столицу наезжал редко. Именно в эту пору начались мрачные месяцы опричнины.

Чем больше лютует грозный государь, чем жесточе искореняет боярскую измену, тем беспокойнее наступают времена. То там, на границах, поражены царские полки, то здесь, в Москве, заговор. Не успеет Иван усилить рати на западе — глядь, на южные рубежи ворвалась ногайская орда. Засвистят над степью ордынские стрелы, и по этому посвисту, словно по единому сигналу, ударяются в бунты черемисы, татары, мордва, чуваша. Для удержу инородцев строятся по берегам рек города с острогами, сажают туда стрелецкие полки, шлют рати для усмирения бунтовщиков. Уж возведены города Чебоксары, Кокшайск, Тетюши на Волге, Лаишев на Каме. Укреплялись остроги в Казани, в Свияжске и в Новгороде Нижнем.

Кончились опричные времена, само слово опричнина попало под запрет, но царь не оставил слободу. Весной, чуть подсохнут дороги, идут в государево логово обозы, возут туда царское семейство: царевича Ивана Ивановича с молодой супругой Еленой, урожденной Шереметьевой, царевича Федора с женой Ириной, младшей сестрой Бориса Годунова. С ними кравчие, постельничие и прочая челядь. Все лето пылится дорога от Москвы через Троицкую лавру на Александровскую слободу. Мотаются по ней туда и обратно бояре, князья, дьяки и слуги. Народу рассказывают: уходит государь из столицы, боясь мора, пожаров, но люди знают истину. Царь прячется от измен, страшится народа, скрывается от набегов орды.

Осенью восемьдесят первого года прошел по столице слух, что царь удумал прекратить слободское сидение и на зиму переедет в Кремль. Притихла Москва в ожидании, насторожилась.

В сумерки, после вечерней трапезы, слобода погрузилась в сон. Люди спать легли рано. Знали: перед рассветом поднимут всех на молебен, и служба в храме будет идти четыре часа.

Низкие облака, предвестники затяжной осени, надвинулись на слободу, сыпанули по земле мелким дождем. Заползли в свои укрытия надворные сторожа, заложили засовы ворот угрюмые охранники, с крепостных стен тихо-нечко спустились стрельцы с бердышами наперевес. Улетели в ближний лес голуби, что сидели, нахохлившись, на крестах храмов, тишина воцарилась на земле.

Храмов в слободе три: один с высокой колокольной два поменьше. За храмами дворцы. Один — для царя и его семьи, другой — для бояр. Посреди слободы две высокие каменные башни с переходами. Там живут стрельцы, охранные люди, сторожа. В подвалах оружие, пороха, ядра. Около башен длинная низкая хоромина — для челяди.

Постельничий Борис Годунов раздел государя в нижней опочивальне, проводил на перину, укрыл одеялом. В иные времена Иван Васильевич перед сном разговаривал с Борисом, ныне же царь утомлен — днем принимал иностранных послов. Завтра предстоят трудные дела — из Пскова приезжает воевода Иван Шуйский, вести тревожные везет. Царь по этому случаю указал позвать первосоветников думы. Зевнув и перекрестившись, он вяло махнул рукой. Борис низко поклонился и, пятась, вышел из опочивальни.

Государь ворочался под одеялом недолго — уснул. Спал он час, может, два. Вдруг тишину ночи разорвали колокола храмовой звонницы. Сначала затенькали малые колокольцы, потом — Бум! Бум! — подал свой басовитый медный голос большой колокол.

Иван рванулся на перине, сел, сбросил одеяло. В душу вошел страх — в полночь-ту звоны не к добру!

— Бориско!

Годунов возник в темноте около постели.

— С чего в колокола бьют, стервецы? Пошли узнать. — Годунов шагнул к двери, царь вслед ему крикнул: — Виноватого волоки сюда!

Сразу пришло раздражение, потом оно сменилось злой яростью. Всю неделю царь мучился бессонницей, только уснул, и на тебе — что-то стряслось! Теперь не уснуть до утра. «Если звонили попусту — голову снесу», — подумал Иван и, не ожидая постельничего, начал одеваться. Вошел Годунов со свечой в руке, тихо сказал:

— Спи, государь, спокойно. В колокола бил царевич Федор.

— Пошто?

— Сам сюда идет, скажет.

Борис от своего огарка зажег две большие свечи, ушел в угол, сел на лавку. Он знал, что грозы большой не будет. Царь не то, чтобы любил младшего сына, он его жалел, как всегда жалеют родители своих ущербных детей. Сейчас Федору шел двадцать четвертый, он скоро уж два года как женат, но отец звал его по-детски Феденькой или Федюнькой, а за глаза — либо блаженным, либо убогим.

Федор вошел в опочивальню тихо, прикрыл за собой дверь, остановился под сводами, втянув в плечи голову. Царь глянул на него, и волна гнева, все еще давившая грудь, схлынула, вместо нее пришла жалость. «Господи, прости, я в его годы Казань покорил, бояр взял за горло, а он и на мужика не похож». Вид сына был жалкий: ростом невысок, над узкими худыми плечами качалась из стороны в сторону, словно плохо прикрепленная, маленькая голова. На лице блуждала улыбка, она менялась, становилась то виноватой, то подобострастной.

— Ты что, Федюня, по ночам колобродишь, людям спать не даешь? — спросил Иван, улыбнувшись. — На колокольню полез зачем?

— Прости, батюшка, не спалось мне ныне, — торопливо заговорил Федор и зачем-то потрогал пальцами мочку уха. — Вышедши во двор, я всюду усмотрел непорядок. Стрельцы под навесами дремлют, сторожа спят, у ворот охраны никакой. Долго ли до греха, батюшка.

— Трезвонил-то пошто?

— Дак всех, батюшка, разве добудишься! — Федор по-детски хихикнул. — А я как в колокола вдарил — зашевелились.

— Так ты и меня разбудил. А я ведь не сторож.

— Мне ведомо, батюшка, что ты по ночам так и так не спишь, а глядь, даст бог, и днем выспишься. На дворе все одно дощ.

— Мудро рассудил, — царь засмеялся. — Ну, садись. Я все одно звать тебя хотел, поговорить надо. Ты, Борис, уйди, мы уж тут по-свойски как-нибудь обойдемся.

Годунов пододвинул Федору скамью, поклонился и неслышно, на носках, вышел. Иван сунул ноги под одеяло, откинулся на подушки.

— Вот ты сказал, я по ночам не сплю. А отчего сие?

— Заботами великими обременен...

— Не в том суть, — Иван посуровел, натянул одеяло на грудь. — Стар я стал, немощен. Болезни одолевают меня, сна нету. Ем мало, а тучнею. Ресницами не успею хлопнуть, а эта стерва с косой тут как тут!

— Что ты, родиненький! Да ты еще множество лет... — Федор захныкал, утер глаза ладонью.

— На кого держава оставлю, кому скипетр передам? Вот о чем денно и ночью думаю.

— Как это на кого? А братец Иванушка? Он умен...

— Верно! Умен он. Чужими подсказками. А государю свой разум надобен! Не верю я ему. Все потомки наши были Руси собирателями, а он государство мое растрясет. Он дело наше продолжать не станет. Он спит и видит: подняться надо мной, доказать, что царством я правил плохо. Не отдам я ему бразды, нет, не отдам!

— Кому же, батюшка? — царевич покачал головой. — Я скипетр не удержу.

— Верно, Федя. Какой ты царь? Тебе господь иной удел назначил. Вот на колокольню лазить ты горазд.

— Ежели братец не угоден тебе, то, может, его сын?

— Какой сын?

— Вчера Иринушка моя сказывала, ходит твоя сноха последние дни и ждет будто сына. Будет тебе внук.

— Ты забыл — она боярина Шереметьева дочь?!

— Ну и что же? Род древний...

— Древний?! Этот род мне противнее всех родов. Отец Олены изменил мне с крымским ханом, а дядя его не только присягнул на верность Баторию, но и навел его на Великие Луки, отчего город сей мы потеряли. Другой дядя, бесов сын, в монастырях хоронится. Был еще один Шереметьев, его, слава богу, я успел на плаху положить. Да ежели такому внуку престол отдать... Вот если бы ты мне внука подарил! Об этом твоя Иринушка ничего не сказывала?

— Не говорит, — грустно ответил Федор.

— Ты бы меньше по ночам на звонницу лазил, вместо того, чтобы в колокола тренькать, обнимал бы ее крепче, тогда, может, что и сказала бы. Не бесплодна она?

— Один бог ведает.

— Может, послать ее в монастырь, а тебе иную жену?

— Что ты, батюшка, господь с тобой! Лучше я умру, а Иринушку тебе не отдам!

— Да она мне не надобна! Мне внук от тебя нужен!

— Нет, нет! — Федор вскочил со скамьи, замахал руками, заплакал: — Иринушку мою не тронь. Мы с ней в

один год родились, вместе по садам бегали... Помилуй!..

— Погоди ты слезы по ланитам размазывать. Я знаю: Ирина умна, ты добр, вы мне внука достойного дать можете. Вы хоть спите-то вместе али врозь?

— Сперва вместе.

— А теперь?

— Я, батюшка, храплю очень. Ажно оконницы дрожат. Да и она...

— Что она?

— Телесами пышная, горячая. Во сне либо ногу на меня положит, либо руку. Мне горячо, больно, я до утра заснуть не могу.

— Бориско!

— Я тут, государь, — Годунов появился в дверях.

— Скажи своей сестре: если она хоть на одну ночь ляжет спать с мужем врозь — выпорю обоих.

— Скажу, государь.

— А ты, Федяша, сейчас же иди к ней. И на колокольню по ночам чтоб ни ногой.

— И днем, батюшка?

— Что днем?

— Днем, я чаю, позвонить не грех. Благовест господен все-таки.

— Ладно. Днем звони.

Царевич Иван в Александровской слободе — будто сокол в клетке. Не отпускает его отец от себя ни на шаг, всюду насовал наушников, доглядчиков. Давно чует царь, что сын готовится к измене, то и гляди столкнет его с трона. Хоть и держит царевич свой двор, во дворце своя половина у него, но покою нет. Уж вроде бы и в ночь глухую, вроде бы и каморка кругом закрыта, но встретит он тайно друга, поговорит шепотком, а утром, глядь, все отцу известно. В печных трубах, что ли, наушники упрятаны? Уж с какого времени дружки к нему на тайную беседу просятся, а где сойтись? Люди нужные, верные, сильные, молодые. Князь Гришка Масальский, Семка Милославский, боярин Мишка Енгальчев. В Москве было куда вольготнее. Там и в Кремле места много, в городе остаться в тайном месте можно, а здесь все на виду. А дружки весть за вестью шлют: «Встренуться бы, посоветоваться».

Сначала царевич подумал про охоту. В лесу можно вроде бы уединиться. Но как, где? Вчетвером ведь не поедешь, это тебе не простая охота — царская. Егеря, загонщики, бойцы — человек тридцать, не менее. Какое уж тут уединение.

Но как-то дерзкая мысль пришла. На охоту ехать — не ехать, как бог повелит, а собраться для ловитвы можно. Одеться по-охотничьи, сойтись после полуночи в конюшне, конюхи спят, царь туда не ходит. А если и заглянет, можно сказать, что на охоту собрались. И вот появились на конюшне Семка, Мишка и Гришка тайно. На царевиче зелен кафтан с черными шнурами на груди и на рукавах, шапка беличья с красным бархатным верхом, высокие сапоги, широкий пояс, за поясом нож. Друзья тоже одеты по-охотничьи. Стремянным велели лошадей заседлать, вывести на двор и тихо ждать рассвета. Конюхов вытурили во вторую половину конюшни, велели спать. Да и середь конюхов вряд ли наушников царь держит. Закрылись в конюховой комнате тихо, поставили на стол ушатец с брагой, фонарь малый, ворота закрыли. Беседу начали осторожно. Молодые князья как бы между прочим выговаривают царевичу все, что наболело на душе, ждут, когда вскипит у Ивана Ивановича злость на отца.

— Ох-хо-хо, до чего мы дожили, — вздыхая, говорит Енгальчев. — Вот поехал я к тебе, царевич, в гости, гостинец бы какой надо взять, а где? Сами, яко смерды, едим затируху овсяную, пьем квас, а не пиво. Вконец обнищали, того и гляди с сумой по миру пойдем. Доколе так будет, а? Ведь делать что-то надо.

— С сумой-то, может, и не пойдем, — тихо промолвил Милославский, — а вот на большую дорогу с дубьем выходят многие. По всей Руси дым столбом стоит, по дорогам ездить страшно. Я до слободы покамест добрался, две разбойных шайки повстречал.

— И не тронули?

— Да как же они тронут, если я их узнал, да и они меня. Один — Федька Подшивальников, другой — Митька Павлов. Оба бояре.

— Дела творятся на свете, не приведи господь, — князь Масальский перекрестился. — Глад и разорение по всей земле. Бегут людишки в глухомань, в монастыри, в пустыни лесные. Боярин Михаил правду изрек — надо что-то делать. Скоро мужичишков у нас совсем не останется. Сами, что ли, соху тянуть будем?

— Ратников на Руси, почитай, не осталось. Кто сохранился, и тот в бегах. — Милославский сдвинул брови, глянул на царевича, как бы спрашивая: «что, мол, скажешь на это, царевич?»

Иван Иванович подернул плечом, отпил браги из ковша, сказал зло:

— Довоевался царь-батюшка, сам не знает, что дальше

делать. Мечется по слободе, яко барс по клетке. На покой бы ему пора!

— Просись, царевич, в Москву. Слобода, я чаю, тебе давно осточертела.

— Думу отче мой разогнал, сейчас самая пора собрать молодых... У вас, я полагаю, единомышленники есть. На кого опереться можно?

— Как нет, есть. Но сперва надо тебе решиться. Тогда многие пристанут. Была бы матка — рой соберется.

— Ты зря, царевич, медлишь, ты уже не молод, — Милославский вытянул шею, придвинулся к Ивану Ивановичу. — Ты войско водил не единожды. Бери власть, вставай над одряхлевшим царем, он давно ни на что не годен. Ты по нынешним временам более его смыслишь, более знаешь. Бери войско под свою руку, мы тебе опорой станем. Веди рати Баторию навстречу: державу оборонить, Ливонию назад возвратить. Мыслимо ли дело так дальше жить? Не плахе умереть и то почетнее.

— Ох уж эта мне плаха! — зло произнес Масальский. — Она правит Русью, не царь. Сколько на грудь свою приняла! Серебряный, Старицкий, Татищев, Репнин, князь Горбатый-Шуйский, Морозов, Пронский, Салтыков, князья Ростовские. Все имена великие, а сколько малых имен пало, не счесть.

— В том и беда! — царевич поднялся, зашагал по камнатушке. — Все родовитые вырезаны, около царя — сестрость мелкопоместная, нам чуждая. Боюсь я их. И царя боюсь. На кого опереться можно, не знаю.

— А мы! В случае чего жизнью не пожалеем, царевич. Все одно нас плаха ждет, да и тебя тоже... Уж лучше умереть за правду.

— Зачем умереть! Ежели старца придушить, казну его забрать — вся сила у тебя будет, царевич. И медлить не надо. Иначе зачем было собираться? От слов к делу надо переходить. Провороним время, конец тогда. У него рука не дрогнет.

— У кого это рука не дрогнет?

Будто средь ясного неба грянул гром, будто ударило по крыше тяжелое чугунное ядро: в дверях, упираясь руками в косяки, стоял царь. Вскочили заговорщики, онемели от страха. Глядят на царя расширенными глазами, побледнели. Иван в легком кафтане, без пояса. Он высок, сутул, это идет от деда его Ивана Васильевича Третьего. Сухость в телесах от беспокойной жизни, от постоянного бдения. Ночь на дворе, а он не спит, ходит по дворцу неслышными шагами. Никто в слободе не знает, когда царь

ложится в постель, в ночь-полночь зовет к себе слуг, бояр, князей. Лицо желтое, испещренное глубокими морщинами, словно печеное яблоко. Это все от злобы. Крючковатый нос заострен, губы презрительно сжаты, глаза буровят молодых дружков царевича, кидают в страх. Стиснуты зубы, голос то скрипуч, то глуховат, то звонок — это тоже вызывает ужас. Не приведи бог, занесет правую руку над левым плечом и разрубит воздух ребром ладонью сверху вниз — все знают этот жест: голову долой!

— Договаривай. У кого не дрогнет рука?

— У загонщика, государь, — ответил за Милославского царевич. У него испуг прошел, царевич овладел собой и говорил спокойно.

— У какого загонщика?

— Мы на охоту, батюшка, собрались; рассвета ждем. А князь рассказывал про загонщика. Митьку.. Есть у нас такой, который на рогатину трех медведей поднял. Вот у него-то и не дрогнет...

— Мелко врешь, царевич, — царь подошел к столу, поднял ковш с брагой, понюхал. — А кони для охоты где?

— За воротами, государь.

— Покажи, — Иван кивнул головой в сторону двери вышел. Царевич пошел за ним. За воротами у коновязи стояли лошади, оседланные, готовые в путь.

— Загонщики где? — царь голос смягчил, видно, повел сыну.

— Греются либо дрыхнут, стервецы. Коней одних оставили.

Царь обошел скучившихся лошадей, около него из темноты появился Борис Годунов. Иван снова посуровел, спросил сына:

— А ружья, копья, рогатины? Где они? На охоту с голыми руками?

Царевич растерялся снова. Никто не подумал, что царь найдет их в конюшне. Молчание царевича затянулось, он не мог придумать ответа. И вдруг заговорил Годунов:

— Ну что же ты молчишь, царевич? Про вчерашнюю просьбу Федора Иваныча скажи.

— Зачем? Все одно мне батюшка ни в чем не всрит. Уж и на ловитву съездить нельзя. Доглядчиков стало мало, сам меня сторожить начал.

— Это ты напрасно, царевич, — Годунов понизил голос до шепота. — Государю-то ты понадобился для важного дела, он пришел в твою опочивальню, а тебя нет. Вот и...

— Чего вы шепчетесь? Говори, Бориско, что царевич Федор просил?

— Ты знаешь, государь, Федор Иванович медвежий утешил любит, а зверей при дворе не оказалось. Вот он через меня и просил живьем медведя брать. Я просьбу царевичу передал. Так что ружья на ловитве лишними будут.

— Добро, если так... Только пошто в глухих углах бражничать? Ежели собрались на охоту, так едьте! И возвращайся поспешнее. Ты мне зело нужен будешь. А впредь по конюшням со свитой своей не хоронись. Ты, чай, не заговорщик!

II

Вечером царевич возвратился с охоты усталый. Сбросил намокшие одежды, переоделся, навестил жену свою Елену, принялся неспешно ужинать. Про себя подумал: «Коль отец не позовет, так и не пойду». Не успел подумать, а посыльный уж в палате: «Велено идти к государю не мешкая».

Царевич, как ужинал, не переодеваясь, спешно устремился в царскую половину. Иван встретил сына сурово:

— Тебе что велено было? — медленно расставляя слова, проговорил царь. — Много по лесам не шататься, я к делам тебя призывал, а ты?

— День, государь, короток...

— Молчи, бездельник! Держава кровью истекает, а ты рука моя правая, яко волк по оврагам лесным шастаешь, ловитвой тешишься. Град наш Псков в осаде задыхается, а мы зайцев ловим. Воевода Иван Петров Шуйский приискал, я первосоветников думы позвал, а ты где?!

— Я, батюшка, в думе не состою, к ратным делам ты меня не пускаешь, зачем я тебе с первосоветниками?

— Как это зачем?! Ты видишь — я немощен, дни мои сочтены. Кому, как не тебе, престол оставляю я? И кто, как не ты, ныне знать должен, что в державе нашей происходит? Допреж чем с думой говорить, я с тобой посоветоваться хотел, а ты шти хлебаешь.

— Советов моих ты и в малых делах не приемлешь, зачем попусту время тратить? Его у тебя и так не хватает. Да и какой я советчик, если у тебя ко мне веры нет.

— Потому и нет, что ты делу моему не радеешь, наперекор ему все творишь. Сколь я не противился, а ты кого в жены взял? Олену, Шереметьева дочь. А он, Шереметьев, не первый ли супротивник мой! Ты тогда меня послушался? И коль будет она, не дай бог, царицей, она державу нашу за золотые сережки продаст.

— У тебя, государь, что ни князь, то супротивник, что

ни боярин, то изменник. Не на дворовой же девке мне жениться было!

— Вот как ты заговорил! Нет, не был ты моим единомышленником и не будешь! Иди, шти свои дохлебывай. Разохотилось мне с тобой говорить, раздумалось. Иди, иди.

Царевич пожал плечами, пошел к выходу.

— Подожди. Утром на боярском совете быть непременно. И оденься по чину. А то прибежишь, как и сей раз, в рубахе, штями обляпанной...

...Сидение с первосоветниками думы началось с раннего утра. В четыре часа ночи вся слобода встала на моление, в шесть утра защитник Пскова Иван Шуйский, глава думы Мстиславский, дядя царевича Федора Никита Юрьев, князья Богдан Бельский и Александр Нагой, оба Годуновы пришли к государю в Крестовую палату. Туда же еще раньше привели царевичей: Ивана и Федора. Ранее царь любил заставлять первосоветников ждать, но ныне появился в палате вслед за всеми. В кресло, поставленное на возвышение, не взошел, а присел на лавку около изразцовой печки. Без обычной в таких случаях торжественности сказал:

— Князь Шуйский Иван сын Петров, начинай, рассказывай. Говори подробно, ибо давно мы вестей из-под Пскова не имели.

Князь и боярин воевода Шуйский поднялся, распахнул кафтан (в палате было жарко натоплено) и начал говорить спокойно, размеренно. Он знал себе цену — царь считал его лучшим воеводой, недаром же поручил ему защиту Пскова.

— Осенью минувшего года, вы о сем знаете, ляхи отняли у нас Великие Луки, град Торопец и пришли под Псков. У Речи Посполитой было в войсках сорок восемь тысяч ратников, осадные пушки. У нас же было—тыща конных детей боярских, две с половиной тысячи псковских и нарвских стрелков, полтыщи донских казаков атамана Мишки Черкашенина. Местные псковские воеводы имели у себя три тысячи дворян. Ежели счесть и заверстанных холопов — у нас обретется всего восемь тысяч рати. Супротив сорока восьми тысяч ляхов. Первый приступ круля Батория длился, почитай, полсуток, но мы отбили его с честью, а Свинозскую башню, коюю успели занять ляхи, мы взорвали вместе с неприятелем. Ныне же мы затворили стены города накрепко и сели в осаду. Многие наскоки ляхов покамест разбиваются о стены Пскова без видимой для них пользы. Но не так крепки стены, как твердость псковичей, решивших умереть в городе, но не отдать его врагу. У нас вме-

сте с воинами сражаются и жонки псковские, и дети-подростки. Никто не щадит ни сил, ни жизни, все терпеливо переносят голод. Однаже долго последнему врагу нашему мы противиться не сможем. Задушить нас может только этот неприятель — голод. Вам судить, государь и бояре, как нам быть далее.

— А круль Баторий глад терпит ли? — спросил Борис Годунов.

— Войска его одеты по-летнему, жолнеры короля грабят окружные села, жрать им тоже нечего. При первых же заморозках рати ляхов начнут таять.

— Стало быть, зиму вы просидеть можете?

— Государь укажет — просидим. Но лучше бы поднатузиться и снять осаду совсем.

— Мне сие указать легко. Но у Батория в союзе король шведский Юхан. Ведомо нам, что он готовит войска на Новгород, а его воевода Делагарди, вы это тоже знаете, взял Нарву, Ивангород, Копорье и Ям. Если падет Новгород, то и Пскову не устоять. Тогда дорога на Москву будет открытой. А за нашей спиной три татарских орды стоят. Вот о чем подумайте, бояры.

— Надо, государь, со Стефаном Баторием мир чинить, — сказал боярин Никита Юрьев. — Изнемогли мы от войн постоянных, сил мало. А с Юханом одним как-нибудь, даст бог, справимся.

— Баторий всю Ливонию к себе спросит, — заметил князь Бельский.

— Да еще в придачу четыреста тысяч золотых, — добавил Годунов. — Где их взять?

— Как же быть? — спросил царь, оглядев бояр, потом остановил взгляд на царевиче Иване.

— Злотых нам, конечно, жаль, — Иван Иванович заговорил, глядя в пол. — А владетелей ливонских можно отдать на съедение врагу. Их нам не жалко...

— Ты, царевич, не ехидничай, ты дело говори. Как мыслишь быть нам?

— Если мы пропадем, то казна царева пропадет тоже. Надо ее пустить в дело, укрепить наши рати и послать их на Оршу и Могилев. Если силой крепость возьмем, Баторий сразу хвост прижмет и длани с горла Пскова снимет, руки князя Шуйского развяжет. Вот тогда и по Юхану ударить можно.

— Значит, войне конца не будет? — спросил Александр Нагой. — Тогда истощимся напрочь.

Начался большой спор, дума разделилась на две половины. Одни говорили про передышку, про замирение, дру-

гие твердили — воевать! Царь спор этот будто не слышал. Он сидел, опустив голову, и думал. Потом поднял руку, заговорил:

— Не в том смысл нашего совета состоит — воевать или не воевать. Полного мира недруги наши нам не дадут. Я мыслю так, бояре: у Батория надо вырвать мир, а все силы бросить на Юхана. Нарвское плавание нам выпускать из рук нельзя ни в коем разе. Без моря мы пропадем, это уж истинно.

Дума, еще поспорив мало, постановила: «А помириться бы со Стефаном королем, а короля свейского не замири-вать».

Потом спор разгорелся снова, и, вроде бы, из-за мало-важного. Как писать в мирной грамоте титулы короля и царя. Стефан всегда требовал полного титула: «Король великой Польши, князь Ливонский, князь и государь Литвы, ясновельможный гетман Украины, князь Семиградский, Гданьский, государь Вифляндский, курфюрст, его величество Стефан Баторий». Если сей титул принять, то многое из царского титула придется выбросить, ибо в нем также указано княжение Ливонское, Литовское и Украинское. Ну, Гданьск, Семиградье, пес с ними, но исконные названия за что же ляху отдавать? Спорили долго, особенно горячился по сему поводу царевич Иван. Он в скором времени надеялся царствовать, а тут, мыслимо ли дело, полтитла у него отхватывают. Этому старому дураку хорошо, про-воевал полгосударства, поставит подпись под грамотой и умрет. А ты ходи с усеченным титулом.

Спор этот, как и все прочие, прервал царь. Он сказал:

— Хватит языки проминать, бояре. Извечного государя, как его ни напиши, во всех землях ведают. Согласен, пишите меня без титулов, токмо «государь Вифлянский» Баторию писать не будем. Нарва нам самим нужна.

— Как быть, государь? — спросил Бельский. — Баторий послов наших не примет, пленит всех. Кто содейство замирению делать будет?

— Недавно был у меня монашек один от римского папы Григория, — ответил царь. — И просил тот монах стать нам рядом с Римом супротив турецкого солтана. Я ему такое согласие дал. Все равно мы с татарами да турками до конца дней русских так и так воевать не перестанем. И за это, я мыслю, папа нас со Стефаном помирит.

— А не стыдно нам будет?! — воскликнул царевич Иван. — Папа — первый враг нашей веры, не он ли все эти годы толкал Батория на наши рати? А мы будем челом ему бить, его посла обхаживать. Весь мир знает, что сия

римская ехидна сказала. Мол, кнут польского короля — единственное средство, дабы вколотить в россиян святую католическую веру. А мы за это будем в рот ему заглядывать?!

— Ты, Ваня, не кипятись, — не поворачивая головы к Ивану, заметил царь. — Не тебе — мне покамест в рот папе придется заглядывать. Я и загляну. Ибо тот сильным государем чтится, который гордыню свою пересилить может. А твоя гордыня тебя задавила.

Царевич резко поднялся со скамын, оглядел бояр, зашагал к двери.

— Ты куда?

— Слаб я с такими великими мужами разговаривать. Немошен.

— Вернись сейчас же! Я тебе велю!

Но Иван Иванович не остановился, как будто этого грозного окрика не слышал.

Бояре сокрушенно качали головами.

III

Царевич Федор на боярском совете сидел как на иголках. Он ненавидел спорящих бояр, которые затягивали время, злился на брата, который дерзил отцу и тоже зря тратил часы. А в медвежьем загоне сидел свирепый зверь, которого изловила на охоте свита царевича Ивана, сейчас бы самая пора начать медвежью забаву — любимое, второе после благовеста, занятие Федора. Еле дождавшись конца думы, он радостно возвестил о начале забавы и пригласил бояр потешиться медведем, глядя при этом на отца вопросительно. Царь кивнул головой в знак согласия.

Когда бояре вышли, Годунов сказал:

— Ты бы, государь, велел царевичу делами заниматься. Переложи часть ноши на него. И тебе будет легче, и ему польза.

— Что он может? Ест, спит, по саду ходит, птичек божьих слушает, в колокола трезвонит. Теперь вот потеха. Нет, государя из него не будет. А жаль.

— А кто его государственным делам учит, — сказал старший Годунов. — Балуешь ты его, Иван Васильевич, ой, балуешь. Ему двадцать четвертый год пошел, ты в это время Казань покорил, сколько дел великих сделал, а он все одно что дитя малое. Пусть не наследник он, но царский сын. Ему ли по колокольням лазить? Впрягай в дела его, государь.

— Придумай что-нибудь для него, Митрей. Только умом и духом он слаб, ведь не умеет ничего.

— Чтобы быть опорой тебе, государь, не столь ум важен, сколь верность, — заметил Борис. — Дела научить можно, а верности государю не будет — нигде ее не возьмешь. У царевича Федора, не в пример старшему брату его, верность государю собачья. Это надо ценить.

— Погоди, Бориско, — Иван Васильевич прикрыл дверь в палату. — Скажи, пошто ты у конюшни соврал мне?

— Почему ж, государь. Медведя и всамделе живьем взяли.

— По нужде. А утром царевич на охоту ехать и не думал. Тебе-то какая корысть выгораживать его? Ты спишь и видишь в наследниках деверя твоего.

— Мне с обоими твоими сынами в дружбе жить надлежит. Я им обоим и радею. А кого бог наследником укажет... Ты еще долго у кормила державы прстоишь. Всякое может быть.

— Увертлив ты, Бориско, хитер. Одобряю тебя. Дружи с Иваном, узнавай замыслы его. Не зря же он с Масальским и Милославским по конюшням хоронится.

— Попытаюсь, государь.

Царевич Иван медвежьей потеху смотреть не стал. Он ушел на свою половину, велел подавать обед в горницу жены. Елена ходила последние дни, из своей опочивальни выходила редко, и виделись они мало.

В горнице натоплено жарко. Елена, располневшая, белотелая, лежала на рундуке, застланном овчиной. Широкое льняное полотно, покрывавшее жену, сбито к ногам, свисает на пол. Руки разметались по подушкам. Царевич подошел к Елене, осторожно коснулся рукой горки живота. Она встрепенулась, села, одергивая рубашку, прикрыла бедра.

— Встань, Оленушка. Обедать пора, — ласково сказал царевич, подавая жене руку. Она оперлась на его ладонь, поднялась, радуясь нежданному появлению мужа.

— Прости, не одетая я, не чесана, не убрана. Ко сну клонит все время, дышать тяжело.

— Топить бы надо поменьше. Взопрел я совсем, — Иван бросил на скамейку кафтан, расстегнул ворот рубашки.

— Озябну ведь. Сынка нашего берегу. Бойкой парнишка будет. Ножками в живот то и дело толкается.

Пока слуги вносили яства а Елена прибиралась за парчовым занавесом, Иван вспомнил Годунова. Почему он защитил его на конюшне? От доброты? От хитрости? Ему бы ссорить их с отцом выгоднее. Поразмыслив, царевич решил, что тут и не доброта, и не хитрость. Просто умный Борис понимает, что надежды на то, чтобы сделать наслед-

ником Федора, у него нет, царем тому не быть. А он, Иван, будущий государь, и злобить его Годуновым невыгодно.

— Что бояре порешили? — спросила Елена, когда они сели за стол.

— Ничего порешить они не могут. Спорили до хрипоты, а как он сказал, так и стало.

— Хоть бы подход скорее.

— Не надо так говорить, Оленушка. Тут и у стен уши.

— Боюсь я его. Не за себя, за дитя своего будущего боюсь. Придушит он его. Еще в зыбке придушит.

— Федька бояр медведя травить повел, там будет пир, — Ивану говорить о жестокости отца не хотелось. — Я на тот пир не пойду.

— Что так? Снова ведь огневается.

— Пусть его. Надоело мне все.

— Вызовет все одно.

— А я спрячусь. Видеть его не могу.

Над дворцом тихо плавилась похмельная ночь. Рассеивалась неторопко за холмами тьма, кромка леса чуть за-светлела. Пир у царя продолжался далеко за полночь, наконец, все утихло. Бояре, упившись, уснули: кто на лавках, кто под столом, а старый Никита князь Юрьев — так тот уснул прямо за столом, уткнув клин бородки в ковшик с романеей. Царь от чрезмерного питья воздержался — болела печень. Он оставил бояр одних, удалился на покой. Но сон не приходил. В тишине раздражение, копившееся в нем весь день и вечер, стало возрастать, рвалось наружу. Вспомнился насмешливый голос царевича: «А стыдно нам не будет, бояре?», вспомнил глухой стук, когда Иван хлопнул дверью. Ну, на медведя не глядел, бог с ним, ему он, наверно, на охоте надоел, но на пир почему не пришел? Зван ведь был, потом зван вторично. Нарочно Годунова посылали. Не пришел, погнушался. Вспомнил царь, как испугались молодые на конюшне. Конечно же, ради заговора уединились, мерзавцы! Родной сын, кровь от крови, плоть от плоти, а сколь Иван помнит, все сын ему суперечил, все шел наперекор. Да и первый ли это заговор? Ведь не зря покойный Малюта доносил не единожды, что сын изменял ему. Только бояре спасли, заступились. Может, потому и защитили, что сами рядом с изменой стояли, боялись, что юный царевич выдаст их при пытке. Вот и теперь снова крутятся около него Масальские, Милославские и иные желатели смерти государевой. Что они говорили на конюшне? Может, убить его удумали, задушить?

Царь вскочил с постели, торопливо стал одеваться. Разгоряченный хмелем ум рисовал ему страшные картины.

Может, спит он, государь, после хмельного пира, а злодеи снова где-то по-за углам собираются, копят, и не успеешь глазом моргнуть — ворвутся, набросятся... Надо узнать, почему не было царевича на пиру, дома ли он? Может, снова в ночи заговор творит.

Скрипнула дверь в сени, Годунов уже тут как тут. Царь на хбду застегивал пуговицы ферязи, шагал по переходам, гулко скрипели половицы. Глянув через плечо на постельничего, Иван прохрипел:

— Не ходи за мной, шуму много делаем. Спят все.

Борис поотстал немного, потом на носках двинулся за царем. Иван поднялся по лестнице, тихо подошел к опочивальне царевича, постоял около двери, послушал. Осторожно приоткрыл дверь, в опочивальне тихо. Сделал несколько шагов к кровати, вытянул шею, напрягая зрение. В тусклом предрассветном сумраке разглядел пустую, застланную парчовым покрывалом, кровать. Сына не было. «Может, у жены ночует? — вспыхнуло в мозгу. — На сносях она у него. Бережет, поди». Опочивальня Елены была в левом крыле дворца, царь решительно двинулся туда. Поодаль, как тень, двигался Борис.

Через чуть приоткрытую дверь из опочивальни царицы пробивалась полоска света. Царь остановился, принял ухом к двери. Внутри раздавались глухие голоса — здесь не спали. Разговаривали двое. В иное время царь зайти в женскую опочивальню ночью не решился бы, но один голос был грубый, вроде бы мужской. «Значит, царевич у жены, я правду подумал», — мелькнуло в голове Ивана, и он решительно толкнул дверь. Увидев его, Елена коротко взвизгнула, заметалась по комнате. В опочивальне было жарче, чем днем, и сноха одета была в одну нижнюю рубашу, легкую и короткую. Подол рубашки спереди вздернулся на округлую горку живота и совсем обнажил ноги Елены.

Повивальная бабка Марфута загородила сноху своим грузным корпусом, басовито и грубо сказала:

— Ты-то, государь, пошто сюда влез? Аль не видишь, мы рожать собираемся.

— Иванко где?

— У себя, поди. Где ему быть, — ответила Елена.

— Мне он надобен, а его нигде нет. Какая ты ему жена, если не знаешь, где муж ночует, — увидев нелюбимую сноху простоволосой и голозадой, Иван озлобился. Ему захотелось всю накопившуюся обиду и тревогу излить на Елену.

— Я ему жена хорошая, — на обидные слова свекра

сноха решилась отвечать дерзко. — А вот ты какой отец, если сын от тебя прячется?

— А ну, мамка, выйди! — приказал Иван, и Марфута, почуяв гнев, сразу вышла. Елена выпрямилась, натянула подол рубахи ниже, но прятаться не стала. — И не стыдно тебе! Что ты, словно блудница Вифлеемская, ляжками передо мной сверкаешь?

— Коли тебе, старому человеку, не совестно, то мне и подавно. Я роженица! Я внука тебе принести готовлюсь.

— Вот и хорошо! — царь отвернулся от снохи, присел на конец скамьи. — Я чаю, он будет весь в отца. Пусть Ванька почувствует на себе, каково ему в старости жить, когда сын его будет ненавидеть да по ночам прятаться, да заговоры плести. Ужо вззоет тогда, как мне сейчас вить приходится.

— На это не надейся! Мой сынок будет чист, твою лихую кровь он не примет!

— А чью?! — Иван вскочил со скамьи, подбежал к снохе. — Уж не шереметьевскую ли?

— Да, нашу, честную, доброго рода кровушку, всю ему отдам до капельки.

— У, сука срамная! — царь схватил Елену за голые плечи, с силой потрянул, бросил на рундук. — Да я его, выродка шереметьевского, в утробе твоей задушу!

— Ирода-царя вспомни! Он тоже деток малых душил, а как умер? В мученьях! И ты подохнешь скорее, чем...

— Вона как! — царь схватил сноху за ноги, рванул на себя, сбросил с рундука. Елена охнула. Иван отвел ногу назад и с силой ударил по животу носком сапога. Елена закричала истошно, свернулась калачом, обхватив руками живот... Царь выскочил за дверь, столкнулся с Годуновым:

— Помоги ей... Рожать начала.

Как он очутился на своей постели, не помнит. Откинувшись на подушки, задыхаясь, проговорил отрывисто:

— Он... еще там у нее... в брюхе... а уже... изменник.

Утром во дворе стало известно — у Елены выкидыш, а сама роженица лежит в беспамятстве.

IV

Царевич, чтобы не идти на пир, решил спрятаться в Оружейной башне. Там, в каморке под лестницей, жил его личный дьяк Спиридон, у него можно было скоротать ночь.

Дьяк встретил его новостью:

— Был у меня князь Масальский, велел тебе, царевич,

кланяться. Велел передать, что он зря себя и коня истомил...

— Давно?

— Часа, поди, два тому.

— Ладно! — Иван Иванович бросился из каморки на конюшню, сам оседлал коня и вырвался за стены слободы на дорогу. Он решил догнать друзей и сказать им, что решился. Выжидать нет смысла. С отцом он рассорился накрепко, мириться с ним не хочется, надо действовать. А то друзей позвал, тесто затворил, а потом бросил. Нет, пора уж и хлебы печь.

Осенью ночь наступает быстро. Вроде и проскакал-то царевич немного, как дорогу заволокла темень, начался холодный обложной дождь. А царевич одет легко, сразу промок до нитки. Конь от резвого бега горяч, со спины его валит пар, а Ивана начала колотить дрожь. Ко всему он, видно, сбился с дороги и понял, что Масальского ему не догнать. Коня он повернул назад, да поздно. Где дорога домой — бог ведает? Пришлось опустить поводья, дать жеребцу волю, он-то дорогу найдет.

К слободе подъехал только утром. Озноб сменился лomotой в теле и жаром. Встретила его Марфута и сказала, что сына у него не будет. Про ночное посещение царя повитуха на всякий случай промолчала.

Царевич кинулся в опочивальню жены. Елена лежала на том же рундуке, в бреду вскрикивала: «Ирод ты, ирод... В мученьях подохнешь, убивец!» Около нее хлопотали иноземный лекарь, две няньки. Они расступились. Царевич опустился на колени около рундука, положил ладонь на пылающий лоб жены:

— Касатонька ты моя, очнись. Будет у нас сын. Еще будет... — Елена услышала знакомый голос, открыла глаза. Приподняла голову, простонала:

— Он... его... ногой, по темечку. Он...—голова ее снова упала на подушку. Елена и царевич меж собой никогда не называли царя по имени. И Иван сразу понял, кто это ОН и что случилось. Лекарь тронул его за плечо:

— Отойти, царевич. Ей отшень покой натопен.

Иван, пошатываясь, вышел из опочивальни. Ломило голову, кровь стучала в висках, знобило. «Что творится на белом свете, господи! Он же дитя убил! Внука своего». Царевич сжал кулаки, и сразу в разгоряченную голову пришла мысль идти к НЕМУ, выплеснуть в его рожу всю свою ненависть, броситься на него, схватить за горло, душить, рвать и топтать его костистое тело. Пусть его схватят потом, пусть предадут смерти, это не пугало царевича.

Он побежал по переходам, на ходу неизвестно зачем сбросил меховой терлик прямо на пол, остался в легком турецком расписном шелковом кафтане. Потом сорвал с головы шапку, может оттого, что ему было жарко и душно, откинул ее в сторону. На лестнице встретил Федора. Брат схватил его за рукав, заговорил умоляюще:

— Не ходи, братец, к нему, не надо. Ты, Иванушка, добрый человек... не надо, сохрани тебя господь.

— Пусти, блаженный! — Иван вырвал рукав, но брат ухватил его за полу кафтана:

— Не сердись, Иванушка... негоже так. Ну пережди денек-другой...

Иван оттолкнул Федора, бегом, гремя сапогами по ступеням, спустился вниз, столкнулся с дьяком Спиридоном:

— Где он?!

Умный дьяк сразу понял, куда и зачем стремится Иван; ухватился за пояс:

— Охолонь, царевич, погоди. Государь в Крестовой палате, молится богу. Благоразумен будь.

— Не мешай, дьяче! Я задушу его! А ты... ты бумаги мои в случае чего, сожги. А людям скажи — он дитя мое убил!

— Зачем? Вся слобода знает...

Около Крестовой палаты на мягкой скамье сидели Борис Годунов и Александр Нагой.

— Он там? — Иван тяжело дышал. Годунов встал перед ним, загородил дверь. — Пусти, Борис! Мне надобно.

— Он ждет тебя. Только чуток обожди, посиди с нами. Молитву кончит, тогда уж.

Крестовая палата невелика. Справа — изразцовая печь, слева — кресло. Стол небольшой, скатерть рытого турецкого бархата расшита красивыми цветами. Лавок в палате нет, есть рундук, на нем подушки золотные, атласные с кистями. Пол сплошь покрыт толстыми коврами, вытканными багряными узорами по красному полю. В палате полутьма, окна занавешены наглухо, только одно узкое, как бойница, окно освещает аналой, на котором раскрыто евангелие. На подставке большое серебряное распятие Христа.

Царь в старой черной рясе стоит на коленях перед распятием, спиной к двери. Голова запрокинута в молитве, видна только лысина и взлохмаченный пушок на ней. Царевич, ступая неслышно по мягкому ковру, вышел на середину палаты, остановился. В дверях встал Годунов. Царь будто не слышал прихода сына, он только усилил голос в молитве. Царевич понял, отец лицедействует.

— Боже правый, боже крепкий, боже бессмертный, — монотонно молился царь. — Коль прознаша ты про грехи смиренных слуг своих, в руке свои возьми судьбы наши дланью господней препроводи нас, грехи наши отпусти и прости. — И тем же голосом: — Кто взошел в хижины моя?

— Царевич у ног твоих, — Годунов, сказав это, отступил, скрылся за дверь.

— Встань одесную меня, сын мой, помолимся.

— У меня грехов нет, — ответил царевич. — Мне замаливать нечего. И я не молиться к тебе пришел.

— Все мы грешники, сын мой. Молитвой и постом повинны искупать грехи наши. Встань одесную!

— Лицедей! Смиренье на себя наложил, грехи свои лбом отстучать хочешь! Дитя загубил и молишься!

Царь медленно поднялся, взял посох, повернулся к сыну:

— Умерь гордыню свою, ум воспаленный охлади. Сядь, — голос царя, хриплый в молитве, вдруг зазвенел медью, глаза, устремленные на сына, буровили его насквозь. Иван как-то сразу обмяк, сел на рундук. Царь величественно прошел к креслу, уселся напротив сына, положил посох поперек колен, оперся на него обеими руками. — О гибели внука моего я сам сожалею более, чем ты. Я ранее не лукавил перед тобой и сейчас не стану. Большую надею я питал на внука, ибо тебе державу свою отдавать я не хотел, да и ныне не хочу жё. Думал, родишь ты мне сына, воспитаю я его добрым радетелем дел моих... А ныне кому престол оставлю я? Федор умом хил, духом немощен, ты до великих дел еще не дорос, все заговоры супротив меня плетешь да ловитвами тешишься. Растрясешь государство мое, все сделанное мной порушишь.

— Все, что было, до меня растрясли. Ливонию крулю польскому отдаешь, Нарову свейский король отнимет, казну бояре разворуют. На трон пустой я и сам садиться не хочу.

— Да никто и не просит тебя. Я еще сам...

— Дитя невинное убил пошто?

— Да не убивал я его! — царь схватил посох, ударил острым концом по полу. — Оленка, дура, испугавшись, побежала от меня, по полу распласталась...

— Ты же бил ее!

— Велика беда. Осерчал я, ударил... Легонько...

— Безвинную!

— А пошто она по светлице металась, яко молодая кобылица, в единой рубашке полупрозрачной! Ткань титьки напряженные облепила, выявила. Сосцы насквозь вид-

но! Что у тебя, дома бедность какая, полотно на рубашки не хватает? Спокон веков жонки при людях три одежины носят. Рубашку нательную низкую, другую—сорочку красную, шелковую, а поверх всего сарафан надобен. А она? Короткая сорочка на бремень живота вздернулась, а задница голая, яко у блудницы. Ляжками оголенными трясет. Вот за это я ее и поучил малость.

— Ты же в полночь глухую к роженице ворвался, ты по животу ногами бил, изверг! Она сама мне сказала.

— Не верь ты ей! Вся шереметьевская полесина лжива, двоедушна! — Вспомнив о ненавистных Шереметьевых, царь сразу дал волю гневу: — Не жаль мне ее, да и недоноска шереметьевского не жаль! Завтра в монастырь блудницу заточу, сдохнет в келье пусть!

— Не отдам я тебе ее, людоядец! Ты сам скорее сдохнешь, чем невинного человека...

— А ну, повтори, червь, повтори-и! — царь вскочил с кресла, бросился на сына. Распахнулась дверь в палату, ворвался Годунов, встал между отцом и сыном.

— Уйди, Бориско! — царь поднял посох, ткнул тупым концом Годунова в грудь. — Во-он, банщик*! Рано в царские дела лезти. Во-он! — царь схватил Бориса за воротник, вытолкал за дверь и снова кинулся к сыну, ударил его посохом по спине. С криками «Кровопиец! Кровопиец!» Иван схватил отца в охапку, бросил на рундук. Царь охнул, выронил посох, подняться не успел. Царевич придавил грудь отца коленом, схватил за горло, начал душить. Он был много сильнее царя, и не миновать бы отцу смерти, если бы не Годунов. Тот вбежал, оторвал царевича, поволок его к выходу. Иван около двери стряхнул Бориса, снова, как зверь, пошел на царя. Отец в это время успел оправиться, поднял посох и, размахнувшись им как копьем, бросил в сына. Иван закрыл голову руками. Острый конец жезла скользнул по рукаву, ударил в висок, мягко упал на ковер. Хлынула кровь, царевич зажал рану ладонью, потом отнял руку, глянул на окровавленные пальцы, в голове у него помутилось, и он рухнул на пол. Темное кровавое пятно расползлось по коврау.

Борис с ужасом начал пятиться к двери, исчез. Царь рванулся к сыну, встал перед ним на одно колено, поднял Ивана, прижал к подбородку, закрывая ладонью рану. Меж пальцами царя сочилась кровь, она сбегала по щеке сына на шею, на бородку двумя темно-красными ручейками.

* Годунов владел всеми банями Москвы.

— Не смей, слышишь, Ваня, не смей! Не умирай, не надо!

Царевич очнулся, глянул в выпученные глаза отца, тихо протонал:

— Что мы наделали с тобой... тятя...

— Обожди, не надо! — твердил отец. — Я не хотел, не хотел! Господи!

Царевич закрыл глаза, голова упала на плечо.

— Бориско! Он умирает! Лекаря! Скорее, скорее! Спасите!

Вбежал Годунов. Он подхватил Ивана, перенес на рундук. Царь оттолкнул, крикнул:

— Сказано — за лекарем!

— Нагой побежал!

— Сынок, очнись! — отец схватил сына за плечи, стал поднимать. — Сядь, Ваня, милый. Не смей умирать! Не надо! Я не хотел! Что ты стоишь, Бориско. Кровь унять надо! Умрет ведь!

В дверях появился лекарь, за ним нес ушатец с горячей водой Александр Нагой.

Царевич умирал мучительно. Боли от простуды и от раны соединились воедино. Иван то бился в горячке, то затихал, впадая в беспамятство. Лечили его два иноземных лекаря: разводили медвежьей желчью в молоке, обкладывали льдом ноги, поили горячим вином. Царь беспрестанно молился у себя в палате; в храме дважды, утром и вечером, служили молебны во здравие царевича. На третий день болезни по слободе пошел слух: к Ивану нарочно приставили иноземцев, чтобы уморить, поскольку за деньги те иностранцы могут и оздоровить, и залечить. Царь приказал немедленно приставить к сыну двух своих знахарей — их привезли из Москвы. Те, оттолкнув немца и англичанина, стали натирать больного тертой редькой, обкладывать виски хреном, поили мочой младенцев. После знахарей к Ивану лезли монахи. Они клали на лоб умирающего ладанку с мощами, жгли под носом ладан, молились. Иноземцы, знахари и монахи ссорились около постели царевича, иногда дело доходило до драки. На пятый день царевич пришел в себя, позвал отца. Странное дело, вся ненависть к царю ушла куда-то, Иван взял руку отца, стал нежно ее гладить. Царь зарыдал, упал перед ложем сына на колени, уткнулся в грудь лицом. Плечи его вздрагивали. Иван гладил его костлявую спину, говорил медленно:

— Я на тебя не в обиде, нет. Видно, так угодно... Мо-

жет, так и для меня... и для тебя лучше. А ты помнишь, мать говорила, что для бога я рожден, не для царствования... Ты бранил ее...

На одиннадцатый день царевич умер. Гроб с его телом повезли в Москву. Вслед за сыном покинул слободу и царь, чтоб более не возвращаться сюда никогда.

Гроб установили в скорбном полумраке Архангельского собора, там, где лежал прах всех предков царя.

Четверо суток отец не отходил от гроба сына. В черной монашеской рясе он стоял на коленях на каменных плитах храма, громко читал молитвы, каялся в грехах, просил у бога прощения. Иногда молитвы утихали, царь поднимался с колен, сгорбившись, старческой походкой ходил вокруг гроба, что-то шептал про себя. Ночью садился на стулец у изголовья гроба и думал. Может быть, впервые он спрашивал себя: правильно ли прожил свою жизнь?

«Что человеческого я видел в жизни своей, господи?— думал Иван. — Любви к ближнему своему у меня не было, какая у царей любовь? В семье своей, почитай, не бывал никогда, женами любим не был. Плоть тешил свою, а пошто? Род свой множить старался, да сам же и пресекал его. Царством своим правил ли? Может, не сам правил, а плаха с топором остро наточенным? Покоя всю жизнь не знал, всю жизнь в страхе провел, трусом стал, тени своей боюсь. Хотел люду своему добро сотворить, а что вышло? Державу разорил — люд обнищал. Трон без наследника оставлю, казну без надзора. Для чего копил сокровищницу свою? Один раз только и порадовался богатству своему, когда укрывался от татар, перевозил драгоценности в Новгород. Четыреста пятьдесят телег везли сокровища мои, пять тысяч пудов золота и серебра лежало в мешках и сундуках. А сколько драгоценных камней, сосудов, украшений! Показалось мне тогда: нет государей богаче, чем я. А теперь кому это все достанется? К чему все золото, серебро, сапфиры, изумруды? Может, отдать в храмы, монастыри, пусть грехи мои замаливают?»

После пышных похорон царь поехал в Троицкий монастырь. Дьякам дал указ составить списки всех людей, им казненных. Возвратившись от Троицы, Иван подписал грамоту, по которой посмертно прощались все казненные. Списки были посланы по монастырям, чтобы вся Русь молилась за души помилованных. Со списками посылались мешки с серебром на помин души каждого.

До Богородицкого монастыря оставалось всего семь верст. Но Ешка и Палага настолько в дороге истомились, что далее идти не могли. В деревеньке попросились в крайнюю избу христа ради на ночлег. Мужик впустил их, дрожащими руками запалил лучину.

— Покормить бы вас надо, страннички, да нечем. Сами лебеду толчем, мучицей припорошиваем и едим.

— Благодарствуем на добром слове, — Ешка развязал котомку, вынул черствый каравай хлеба, мешочек с толокном, узелок с солью. — Раздели, раб божий, с нами трапезу.

Из-за печки вышла простоволосая баба, выставила на стол глиняную плошку с водой. Палага посолила воду, размешала в ней толокно. С печки высунулись четыре детских головенки. Ешка взял нож, перекрестил им каравай, распластал на ломти. Прогудел в сторону печки:

— А ну, мелочь пузатая, беги за стол — ужинать будем. — Ребятишки кубарем скатились с печки, расселись вокруг стола.

— Издалека ли едете, страннички? — спросил мужик. — И куда?

— В обитель к Богородице идем, — ответила Палага. — Почитай всю Русь исходили.

— Богу и царю служим.

— В каком сане ходишь? Ряса у тебя вроде монашеская, а грива поповская...

— Сам забыл, кто я. В молодости ходил по диким лесным землям, инородцев к христовой вере приобщал. Был у черемис, у татар. Государю нашему Казань покорять помогал с крестом и саблей в руке. Во Свияжске настоятелем храма был, во Пскове игуменом монастыря обретаюсь, в пустынях лесных отшельничал, потом сызнова воевал...

— Душа у него беспокойная, да и выпить, грешным делом, любит.

— Молчи уж, старая. Скажи лучше — любил. Теперь под старость лет хотим в иноческую жизнь проситься, да не берут.

— Ох-ох-хо! Кому старики нужны, — Палага перекрестилась. — В монастырях ныне молодых, работающих полным-полно. Если у Богородицы не примут, не знаем уж, куда и податься. Бедность везде, как и у вас.

Утром вышли на дорогу к монастырю. В одном месте, где дорога проходила мимо болотца, в низине увидели во-

зок, увязший в грязи по самые ступицы колес. Тщедушный монашек в синем кафтане пытался вытолкнуть возок на сухое место, но яма была глубока, а лошаденка худа. Ешка сказал: «Бог в помощь», обошел телегу кругом, увидел большой кожаный кошель:

— Груз пока надо сбросить.

— Не можно! — стрелец махнул бердышом. — Там царское селебро! Пять пудов.

— Никуда оно не денется. Инако возок не вытянуть, — и, не ожидая согласия стрельца, Ешка взял кошель за горло, бросил на обочину. Потом оперся плечом в задок возка, стрелец, монашек и Палага подсобили, и лошаденка, поднатужившись, выдернула телегу на бугор.

— Пошто такое богатое приношение? — спросил Ешка монаха, шагая за возком.

— На помин души убиенных. Слышал, чай, царевич умер. Государь в казнях своих раскаялся, простил всех виноватых.

До монастырских ворот стрелец и монашек рассказывали Ешке о переменах, которые произошли в Москве.

Как и предполагала Палага, в монастырь их не только не приняли, но и не впустили за ворота. Около стен толпилось множество желающих попасть в обитель, но ворота не открывались.

— Что делать будем, старая? Куда стопы свои направим?

— В Москву идти надобно, батюшка.

— Кто нас ждет там?

— К государю Ивану Васильевичу перед светлый лик. Ты всю жизнь ему служил, под Казанию единую чашу крови пили вы, неужели не поможет. Если лютость его прошла, может, вспомнит и нас сирых.

И снова отправились странники в дальнюю дорогу.

I

Данила Сабуров, боярин и воевода, любил деньги (кто их не любит?), вино, гнedyх лошадей и красивых баб. А не любил воевода родовитых людей, сидение на одном месте, топленое масло, а также лодки, паромы и всякую передвижку по воде. Потому как цыганка еще в молодости нагадала ему, что женится он на дочери кабатчика, а смерть найдет в речной пучине. Назло цыганке воевода женился на самой богатой девке Москвы и на самой, как говорили, сварливой. Прожив с нею три года, Данила совершенно неожиданно узнал, что его тесть разбогател на кабаках, когда жил в Ярославле. Исходя из этого, следовало — тонуть ему в воде. А как избежать водных путей? Паромы, лодки, их люби-не-люби, а пользуйся. Вот нынешний случай взять: из Казани до Свияжска ни на чем другом, как на лодке или на плоту, не добраться. И пришлось Сабурову с конями, стрельцами и слугами садиться на потарлоту и дрожать на этом большом весельном пароме.

Все, слава богу, обошлось благополучно, если не считать, что его любимый гнедой жеребец потерял подкову.

Она застряла меж досок парома, оторвалась. Вроде бы пустячный случай, но он, как мы увидим далее, имел большие последствия. Дело в том, что боярин Борис Федорович Годунов, родственник и покровитель Сабуровых, от имени царя послал указ совершить очередную проверку приволжских крепостей. Уж так повелось: воеводы городов нещадно грабили инородцев, присваивали казенные деньги и не столько служили охране границ государевых, сколько старались о своем «кормлении». Не зря тот же Годунов изрек однажды, что если бы не воеводы да городничие понизовых городов, то, может быть, у инородцев никаких бунтов бы не было. Посему указывалось: воевод прошупывать и менять если не каждый год, то через год. Для этого приезжали дьяки из Москвы, но чаще поручали это казанским воеводам, поскольку в этой самой большой на Волге крепости воевод было двое: один — большой, другой — осадный. Ныне в больших воеводах сидит Богдан Сабуров, а Данила — в осадных. И велено ему, Даниле Сабурову, идти в Москву, а по пути проведать свияжского и кокшайского воевод и посмотреть, как строится кузьмодемьянская крепость. На Свияге сидит князь Петр Буйносов-Ростовский, а на Кокшаге — его братец Василий. Буйносовы — давние недруги Годуновых и Сабуровых, а посему боярин Данила имеет намеренье прошупать князей тщательно. Ибо Годунов в отдельной грамоте намекнул, что в делах грядущих эти два братца могут зело помешать, и поэтому неплохо было бы их не просто столкнуть с воеводского сиденья, но и подвести под гнев государев накрепко.

Данила, перебравшись на правый берег, всю дорогу думал, как бы это дело похитрее сотворить, но надежду на успех имел малую. Оба Буйносовы хитры и осторожны, самому не попасть бы в их капканы — и то слава богу.

Петр Иванов Буйносов-Ростовский сразу выделил Даниле кузнеца, и Сабуров, не заходя в избу, повел жеребца к ковальному станку. Навстречу ему из кузницы вышел рывеватый красивый мужчина, косая сажень в плечах. Он поклонился воеводе, принял повод, завел жеребца за столбы. Ударил ребром ладони по подколенью, ласково прогудел: «Ножку». И конь послушно поднял копыто. Кузнец выбрал из связки подкову, примерил по копыту, отбросил, взял другую. Она пришлась впору. Работал коваль сноровисто, красиво и быстро.

— Может, и другие подковы сменить? — спросил Сабуров кузнеца.

Мастер глянул на него исподлобья, улыбнулся, тряхнул рыжими кудрями и начал отдирать подкову на задней ноге.

— Не больно ты разговорчив, — заметил Данила. Ему плечистый нравился, и захотелось с ним поговорить.

— Мое дело — подкова. А говорить дьяки мастера.

— Зовут-то как?

— До сих пор Ильей звали.

— Роду-племени какого?

— Родителей не помню, — не глядя на воеводу, ответил кузнец и крикнул: — Эй, Андрюха, гвоздей принеси!

В дверях кузни появился молодой парень в кожаном фартуке, тоже высокий и плечистый. Он высыпал в ладонь кузнеца горсть гвоздей и снова скрылся под крышей.

— А прозвище у тебя како? — не унимался воевода.

— Говорят, что батя мой кузнецом был. Стало быть, Илья, сын Кузнецов.

— А молодой — брат?

— Он мне здесь в подмастерья дан. Также сирота.

— Женаты?

— Ему еще рано, а мне уже поздно. Себя бы прокормить.

Проверив подковы, Сабуров вынул серебряный рубль, сунул в ладонь кузнецу:

— Знатно работаешь, таких люблю.

— Спасибо, батюшка. Теперь хоть до Москвы скачи — подков не потеряешь.

— До Москвы — как бог велит, мне бы до Кузьмодемьянска добраться.

Кузнец ничего не ответил, поклонился и зашагал к двери.

В воеводской избе уж и стол накрыт. Буйносов, борода до пупа, брюхо отвисло над приспущенным поясом, проворно выскочил из-за стола, подбежал к Сабурову, помог ему стянуть кафтан, поднял длань к шапке. Данила отстранил руку, сказал насмешливо:

— Не по роду честь воздаешь, Петр Иванович. Буйносовы, я чаю, родовой хвост из-под Рюрика-князя тянут. А мы, Сабуровы...

— Ох, хо-хо! Кто ныне на хвосты смотрит?! А ты, я полагаю, двоюродным братом Борису Федоровичу Годунову приходишься?

— Троюродным.

— А он ныне одной ногой на подножье трона встал. То и гляди...

— Сабуровы не Годуновыми знатны. У нас в родне и царицы были. О сем не забывай.

— Я помню, Данилушка, помню. Супротив пострижения бедной Соломонии я первый руку тянул.

Разгладив влажными ладонями волосы, Сабуров уселся на скамью. Слуги, хлопотавшие вокруг застолья, вышли. Буйносов разлил по чаркам вино. Выпили, заели пластовой квашеной капустой.

— Почитай, живем мы рядом, — утерев усы, заговорил Буйносов, — а в гостях ты у меня первый раз. Не по-соседски это, воевода.

— До гостевания ли ныне, князь. Казанские татары сызнова голову поднимают, черемиса, чуваша все им в рот глядят. Мало того, камские вотяки, башкиры, как и восемь лет назад, к ним пристать хотят. А теперь, когда грозный царь немощен, наследника нет, нам остается только на себя надеяться. Я бы и сей день к тебе приехать не удосужился, да получен из Москвы указ осмотреть все понизовые города и крепости и донести о их ладности либо худости.

— Стало быть, в Казани снова беспокойно?

— Казань-то стоит. Там у меня, почитай, полк, да у брата Богдана два. Казанцы в городе сидят смирно, а вот лесную черемису, камскую чудь волнуют. Посему Богдан поехал в Арске-крепости Гаврюшку Щекина проверить, в Лаишеве Степку Кайсарова посмотреть, в Тетюшах голова Невежа Оксаков, говорят, запил, в Олаторе князь Засекин заворовался. Мне велено у тебя побывать, потом кузьмодемьянску крепость поглядеть. Говорят, плохо и медленно ее строят. По пути побываю в Чебоксари да кокшайский острог посмотрю. А потом, даст бог, и в Москву.

— Так ты, стало, Богдана Юрьича не увидишь ныне? — спросил князь после второй чарки.

— В Разрядном приказе велено встренуться, — Сабуров выпил тоже.

— Кланяйся ему моим земным поклоном. И попрошу тебя, Данилушка, пусть он Степку Кайсарова в приказе сильно бы не хулил. Он, я чаю, у него в Лаишеве порядков найдет немало, крепость там дальняя, хилая, сам Степка горяч и молод, мало ли что...

— Сродни, что ли?

— Да зять он мой, будь неладен. Только служить начал. Пусть уж Богдан Юрьич пожалеет малого.

— Ладно, скажу. Вот ежели у тебя я найду прорухи, не помиую. А Степку надо пощадить. Кайсаровы, я знаю, люди хоть и не родовитые, зато честные. А тебя, многоопытного, всего насквозь прошупаю, так и знай! — Сабуров начал хмелеть, и его нелюбовь к родовитому Буйносову так и вырывалась наружу.

— Да что у меня щупать, Данилушка! Свяжск — кре-

постель особая, и посадили меня сюда, дряхлого, ради седин моих, а не дела.

— Не скажи, князюшка, не скажи. Ты тут длани свои нагрел немало.

— А кто ныне не греет? Все, яко воробьи, клюют понемножку. А я к тому говорю, что никто на мои стены не полезет. Казань рядом, вон она, через реку наискосок стоит, стены острожьи крепки, еще до казанского взятия возведены. Чай, помнишь, как в Угличе самолучшие сосенки срубили, плотами перегнали и за две недели крепостишку вздернули? Более тридцати лет прошло, каждый год что-то пристраиваем — чего тут смотреть... Выпьем давай еще чарку-другую, да и на покой. Я те девку сенную постель погреть пошлю. Есть тут у меня одна ягодка-малинка...

— Ой, хитер ты, княже Буйносов, — Данила погрозил Петру пальцем. — Чарку-другую я, конечно, изопью, ягодку попробую, но крепость ты мне все одно покажешь. И если что не так...

— Да покажу, покажу. Вот утром опохмелимся, и посмотришь. Мне такую махину в карман не спрятать.

В дверь бочком пролез подъячий. Вытянув лисью мордочку, пропел:

— Князюшко-батюшко, у нас гость во дворе.

— Кого еще бог принес? — недовольно, через плечо, спросил Буйносов.

— Прибежал из-под Ланшева голова Степан Кайсаров. Пустит?

— Ох ты! — воскликнул Сабуров. — На помине, как сова на овине! Зови! Поглядим, что за пташка твой зятек.

Мимо подъячего в избу вошел Кайсаров. Посреди горницы остановился, перекрестился на образа, бросил мокрую, смятую в руке шапку на лавку, утер рукавом бородку и усы:

— Бью челом тебе, боярин Сабуров, и тебе, князь Петр Иваныч. Простите за мокроту, на дворе ливень. В конце пути все же меня прихватил.

Буйносов, широко раскинув руки, шагнул к зятю, обнял, поцеловал трижды.

— Разболокайся и — за стол.

— Хорошо ли доехал? — спросил Сабуров, когда Степка уселся на скамью.

— По Каме лодка бежала, слава богу, ходко, а вот по Волге спроть течения намаялись. Не только у стрельцов, но и у меня руки измозолились в кровь, — и он показал багряные ладони.

— К тестю погостить?

— Смилуйся, боярин. В такую даль — погостить. По делу я.

— Крепость на кого оставил? — сурово спросил Буйносов.

— На Митьку Болтина. Мужик надежный.

— Надежный-то надежный, а к тебе с проверкой Богдан Сабуров из Казани выехал. Приедет, а головы крепостного нету.

— Ладно, не бранись, княже, — Сабуров налил вина, подвинул чарку Кайсарову. — Ты сперва согрей гостя, потом и спрашивай. А с Богданом мы договоримся как-нибудь.

— Мог бы Митьку послать, — с напускной суровостью упорствовал Петр.

— Мог бы, мог бы... К тебе в гости зятюшка любимый приехал, а ты с упреками. На, выпей, потом о деле скажешь.

Степка в трудном пути оголодал, а после чарки осмелел и начал усердно поглощать оставшуюся телятину, овсяную кашу на сале, пироги с грибами. Сабуров глядел на него искоса, усмехался. Буйносов то и дело подвигал гостю чарку. Данила нюхом чуял, что Степка прискакал в такую даль не по пустому делу. Наверняка что-нибудь натворил и приехал к тестю за помощью. И, может, дело это и есть та зацепка, которая так нужна сейчас Сабурову. Не зря же хозяин старается поскорее оглушить гостя хмелем и увести на покой.

— Ты на хмельное-то не особенно налегай, — сказал Данила. — На голодно брюхо упьешься и о деле сказать не сможешь.

— Дело, оно не волк, в лес не убежит. Завтра поговорим, — торопливо откликнулся Петр Иванович и налил зятю полный ковш медовой браги. Тот вылакал его не отрываясь, и через малое время уткнулся в миску с кашей. Буйносов хотел позвать слуг, чтобы Степку унесли, но Данила проворно поднялся, взвалил Кайсарова на плечо:

— Указывай, князь, куда нести. Зачем слугам его показывать? Воевода все-таки.

Потом выпили еще по чарке, поговорили о том о сем, и Данила попросился на покой. Буйносов указал ему отдельную спальню, пожелал доброй ночи, и они расстались.

В спальне и в самом деле грелась постель. На широкой кровати кто-то лежал под одеялом. «Ну и хитер старый лис, — подумал Сабуров. — Мысли мои прочитал и

приставил ко мне на всю ночь сторожа». А задумал Данило в полночь тайно сходить к Степке и все у него спытать. А теперь уйди, попробуй... Бабу, конечно, можно прогнать, но она сразу разбудит князя... «Ладно, — решил воевода, — ты, Петрушка, хитер, а я тебя перехитрить попробую». Он взял единственную свечу, мерцавшую в углу, оглядел спальню. Его пузатый кожаный кошель, где хранились деньги, бумаги и три штофа романей, был на месте. Укрепив свечу на спинку кровати, он вытащил штоф, походные чарки и, ткнув локтем лежавшую под одеялом, сказал тихо:

— Вставай, выпьем.

Девка, видать, была привычной греть гостям постели. Она высунула из-под одеяла голову, спросила смело:

— Князюшко на медовуху поспешили али как?

— У меня от нее похмелье тяжкое бывает. Я уж лучше своей романей упьюсь. Заморско винцо пробовала?

Девка откинула одеяло, села на кровать рядом с воеводой, натянула исподницу на оголившиеся колени...

...Около полуночи, когда девка, разметавшись по кровати, тихонечко со свистом захрапела, Данила поднялся, зажал под мышкой два оставшиеся штофа и на носках вышел из спальни.

Степку еле добудился. Он сел на кровать, потер ладонями виски.

— Гудит яко котел. Утро, што ль?

— Светает. Давай опохмелимся, — сказал Данила и протянул чарку романей. Степка выпил, тряхнул головой, вздохнул. Озноб в теле понемногу улегся, внутри потеплело, просветлело в голове. Сабуров налил еще чарку. Он решил ковать железо, пока горячо.

— Тестюшко твой у меня заступничества просил. Натворил что в Лаишеве-то?

— У меня в воеводстве все ладно, — ответил Степка

— Не скажи. Было б ладно, не прискакал бы в такую даль. А там сейчас, замежду прочим, мой брат Богдан Юрьич щупать тебя приехал. А он, ты знаешь, шуток не любит.

— Говорю, в Лаишеве все путем, — Степка сам налил чарку, выпил.

— Ну, смотри, коли мне не веришь и таишься, на заступу не рассчитывай. Мы, Сабуровы, такие: кто с нами открыт, тот нам друг, кто с закрытой душой — враг.

Кайсаров выпил еще чарку, задумался. Хоть дело, по которому он приехал, касается больше Буйносова, но в Лаишеве все равно о нем Богдану станет известно. И то-

гда Степану Кайсарову несдобровать. Не лучше ли все рассказать, может, Данила что и посоветует? А тот будто проник в его мысли, сказал:

— Богдан будет в Лаишеве день-два. Ни ты, ни Буйносов его уже не увидите. А я его встречу. И если я не буду знать...

— Ладно, скажу! — Степка выпил еще чарку. — В Москве, в Тайном приказе, стало известно, что в Лаишеве у помещика Бекбулата скрывается вор и разбойник Илейка Кузнецов. И тот Илейка в пору смуты, что была восемь лет тому на Каме, воровал против государя и поднял на бунт тыщи башкир, вотяков и черемисов. Когда государь послал из Муромы на бунтовщиков большую рать, они, убоясь, ушли в глухие черемисские леса на Кокшагу и там растворились. Сам Илейка позднее вернулся на родину, и Бекбулат его скрыл, потому как в кузницах зело нуждался.

— А Буйносов тут причем?

— Но год тому назад приехал к Бекбулату пристав чтобы того вора заковать в железо, а кузнец, видно, почувял, что запахло жареным, и с Камы убег.

— Ну-ну! Говори дальше.

— Пристав тот с прошлого года жил в Лаишеве и того бунтовщика подкарауливал. Ибо осталась у Бекбулата Илейкова дочка Настя, и вор непременно должен либо коло нее появиться, либо ее вызвать к себе. Девка эта — единственное родное, что у него осталось. Неделью тому снова на имя пристава грамотка из Тайного приказа пришла Я, грешный, ее прочел, а там сказано, что вор-де Илейка кует всякую кузнь у воеводы Буйносова, и приставу было велено туда ехать и вора имать. Грамотку я пока положил под сукно, а сам ринулся сюда, чтобы того Илюшку изловить и привезти на Каму, да приставу и отдать. А с тестя вину за сокрытие снять. За такой грех, сам знаешь, не помилюют.

— Верно, не помиловали бы. И тебя, и Петра-князя. Если бы ты мне об этом не рассказал. А теперь спи спокойно. Завтра Илейку-вора закуем в цепи, и вези его к приставу. Скажешь, изловлен он не в Свияжске, а где-нибудь на Каме. А мы с Богданом где надо промолчим.

— Вот спасибо, Данилушка. Век тебя не забуду.

— А теперь досыпай. Утро вечера мудренее.

Пока Кайсаров с радости допивал последний штоф, Данила размышлял. «Конечно, — думал он, — утром, как только Степка расскажет Буйносову суть дела, тот непременно кузнеца придушит. И вину его за сокрытие не до-

казать. Убедившись, что Степка уснул, Данила снова вернулся в спальню. Девка все еще спала, и он, натянув на ее бедра одеяло, вышел во двор. Осенний затяжной дождь все еще моросил, было темно и тихо. Разыскав около кузницы землянку, толкнул дверь. В темноте прогудел хриплый басок:

— Кто там?

— Вставай, кузнец, не помнящий родства.

— Боярин?! погоди, сейчас огонь высеку.

— Не надо. Ты один?

— Андрейка со мной.

— Пусть выйдет. Разговор тайный.

— У меня от него утаек нет.

— К Буйносову за твоей душой приехали. С Камы. Утром тебя закуют. За што, сам знаешь. Беги, если можешь.

— У тебя, боярин, какая корысть во мне? Ради чего...

— Потом поговорим. Иди в Кузьмодемьянск, жди меня. Будешь мне служить. В стрелецкий кафтан одену. Такую голову да плахе отдать — жалко. Беги!

Выйдя из землянки, на пороге добавил:

— Парня бери с собой. Инако пытать его будут. Буйносов — стервец, сам знаешь.

Утром Кайсаров проснулся поздно. Разбудил тестя, тот поднял боярина. Не спеша опохмелились, послали за кузнецом. Подьячий вернулся скоро и испуганно прошептал на ухо князю:

— Кузнецов и след простыл.

II

Бегло осмотрев свияжскую крепость и пообещав Буйносову не выносить сор из избы, боярин поехал на Чебоксары. Кокшайскую крепость он решил миновать. Не хотелось переправляться через Волгу, да и к тому же был он там месяца два назад. Сидит там воеводой племянник Буйносова Василий, такой же жулик, как и дядя, за крепостью смотрит мало, грабит местных черемис. Нового там ничего не узнать.

В Чебоксарах Данила просидел пять суток, бражничал с воеводой Михайлом княж-Бехтеревым. На пятые сутки, как снег на голову, появился в Чебоксарах Васька Буйносов. Прикинулся лисой, обиделся, вроде, на то, что миновал боярин его крепость, погнушался угощением. А из прощание, когда остались они вдвоем, спросил:

— Не с умыслом ли ты, боярин, мимо меня с песнями проехал?

— Да был я у тебя давно ли? А умысел какой же?

— Боялся, может, чего?

— Ты не медведь.

— Так-то оно так. Только девка одна свияжская на тебя дяде моему жалобилась.

— Обнимал не крепко? — Сабуров хохотнул.

— Догадлив, воевода. Сказывала она, будто в ночи ходил ты в землянку кузнеца, и утром его не стало. А он будто бы государеву делу изменник.

Сабуров зло глянул на младшего Буйносова и сказал отчетливо:

— Передай своему дяде, что я, не в пример ему, с бунтовщиками не знаюсь и у себя их не скрываю. Мои люди, вот они, все на виду, — и рванул поводья. Конь поднялся на дыбы и, кидая с копыт комья глины, пошел по дороге галопом.

В Кузьмодемьянске Сабуров застал большое скопление народа. Смешанная черемисско-чувашская деревенька Чикма уже превращалась в настоящий город. Тут хлопотали князья-воеводы Туренин и Замыцкий. Солнцев-Засекин только что был переведен воеводой в Алатырь. Сначала здесь построили небольшой острожек и воеводскую избу, потом пригнали из Свияжска, Чебоксар и Кокшайска русских поселенцев, коих разместили в двух слободах — Загородной и Ямской.

Сейчас острог усиливали дубовыми стенами, копали ров и насыпали вал. Недалеко от острога каменщики клали фундамент, возводили храм. Вокруг воеводской избы местные помещики строили, каждый для себя, хоромы на случай сидения в осаде.

Сабурова князья встретили просто, грехами они еще не обзавелись, скрывать им от боярина было пока нечего. Однако, чтобы оказать уважение казанскому воеводе (как-никак едет он от них в Москву), устроили в воскресный день охоту. Дичи кругом в лесах было хоть отбавляй, и воеводы до вечера тешились звериной ловитвой.

Досада Сабурова была велика. Беглый кузнец в Кузьмодемьянске не появился. Сколько ни ждал Данила — нет кузнеца. Стало быть, ударить теперь Буйносова нечем. То и гляди он тебя хлестанет. И еще больше расстроился боярин, когда узнал, что за поимку бунтовщика обещана хорошая награда.

Илья вывел Андрейку за Свияжск, в прибрежный лес, нашел глубокий овраг, на дне которого был густой кустарник, сказал:

— Ложись. До ночи переждем...

— Бежать бы надо, дядя Илья. Ведь найдут!

— Воевода, поди, погоню послал. Он так же, как и ты, мыслит: беглецы стараются учесать подальше. И догон сейчас, наверное, скачет по всем дорогам. А мы у воеводы под боком пересидим, а ночью ищи ветра в поле.

Летний день длинный, можно бы и поспать, но Илья вроде бы про себя говорит:

— Спать нам нельзя ни в каком разе. Давай шепотком говорить о чем-нибудь.

— Расскажи, за што тебя заковать хотят? Если можно

— Не только можно, но и нужно. Связал нас бог одной веревочкой... Слушай. Родом, Андрейка, я из Тетюшей. Сколь себя помню, все время у горна да наковальни стоял. Сначала, как ты, в подручных, потом стал кузнецом. А барином моим был князь Бехтерев. Ковал я ему, значит, всякую кузнь, парнем был видным. И полюбила меня девка из соседнего села. Марфуткой звали ее. Красивее девки в округе не было. Лицо — кровь с молоком, глаза синие как небо, статная словно молодая елочка, ласковая. Женился я на ней, и появилась у нас Настенька. Год спустя старый владетель умер, приехал из Москвы молодой. И стал к моей Марфуте липнуть. Меня из кузни выгнал, послал на Волгу бурлачить — плоты гонять. Три года я гонял плоты, сдружился с бурлацкой вольницей, смелость приобрел, ловкость. А барин, подлец, не дремал: поставил Марфу к себе в услужение. В тот год река встала рано, пришел я домой, а жена в слезы. «Житья, говорит, нет, барин насильничать пытался, если далее так пойдет — повешусь». Я осерчал, пришел к барину, показал ему свой увесистый кулак, а он меня по лицу плеткой. Вот тут до сих пор метка осталась. Он, значит, меня плеткой, а я ему кулаком в висок. А кулак у меня, сам знаешь, словно молот. Барин упал, дрыгнул ногами и отдал богу душу. Поручил я жену и дочку Ермилке, он у меня подручным в кузнице был и вместо меня остался, а сам подался к своим друзьям — бурлачкам. И порешили мы сбиться в ватагу и воевать за правду и волю. Долго рассказывать, но вскоре ватага, где я был атаманом, разрослась до тыщи человек. Приставали к ней все более инородцы: черемиса, чуваша да вотяки. И стали мы громить барские усадьбы, и так

прошло пять лет. Ватага моя побольшела раза в четыре, а то и в пять. И послал царь на нас полки, которые разметали нас по лесам. Еще года три скитался я по горам, лесам да удолям, но потом узнал — Марфа моя, заболела, умерла, и меня неудержимо потянуло в родные места. Дочке моей Насте шел двенадцатый год, выдалась она такой же красавицей, как и мать, и решили мы — я, она и Ермил — податься на Каму. Взял меня лаишевский помещик в кузнецы. Ермил, опять же, при мне, и стали мы жить сходно. Вдруг появился на Каме пристав с царским указом: Илюшку-атамана поймать, заковать в железы, а кто на него укажет, тому дать триста рублей награды. Пришлось мне бежать в Свияжск. А далее сам все знаешь.

— Сколько ей теперь?

— Кому?

— Насте твоей.

— Сколь и тебе — ровни вы. — Илья почесал бородку, улыбнулся. — Поженить бы вас... Лучшего зятя мне не найти...

Андрейка ничего не ответил. О своей дочке кузнец варивал ему не раз, и парень нарисовал себе в воображении образ красавицы и, еще не видев ее, уже любил. Слова Ильи о женитьбе всколыхнули его думы, но он сразу приглушил их, понимая, что сейчас они как никогда неуместны.

— Нам бы сперва от Буйносова убежать. Где хорониться-то будем, а?

— Отсюда, Андрюха, наши пути в разные стороны пойдут.

— Как это? А боярин в Кузьмодемьянске? Велел ждать.

— Поэтому мы туда и не пойдем. Посуди сам: какая ему корысть во мне?

— Стрельцами хотел сделать.

— Стрельцов у него своих хватит. Он меня в Москву хотел заманить да в Тайный приказ отдать.

— И куда ты теперь?

— Снова в глушь лесную. К черемисам.

— А я как же? Почему не с тобой? —

— Я подвига великого хочу у тебя просить. Если не по силам — откажись. Ей-богу не обижусь.

— Ты мне теперь отца дороже. Что смогу, сделаю.

— Пойдешь ты на Каму, под Лаишев. Я тебе говорил там у меня дочь Настя осталась. Одна мне родная душа. А на меня теперь охотников много нашлось: три боярина, лаишевский помещик Бекбулатов да пристав царский. Они около Насти столько доглядчиков посадят — несдобровать

ей. А ты мало кому известен. Доберись до Казани, потолкайся на пристани, наймись на какую ни то баржу и плыви до камского устья. Оттуда опять же водой по Каме до Лаишева. Сойди на берег ранее пристани, найди в имении бекбулатовом кузню. Там должен работать кузнец Ермил. Он тебе во всем поможет. Если, даст бог, Настеньку мою выручишь, бегите с ней ко мне. Она дорогу знает, потому как от черемис по этой дороге проходили.

— А вдруг ее нет там? Мало ли что. Куда мне тогда?

— Постарайся узнать, где она. И если, не дай бог, что плохое приключилось, беги ко мне один. Лесной дороги ты не знаешь, беги снова на Волгу, к крепости кокшайской. Там по реке Кокшаге Малой, запомни, есть еще Кокшага Большая, не перепутай, добирайся до илема старейшины Топкая. Он будет знать, где я. Запомнил?

— Не забуду. Кокшага Малая, илем Топкая.

— Ну, давай обнимемся и — с богом!

IV

Эта зима в Топкаевом илеме прошла благополучно. Где-то за рекой Оно Морко, по слухам, снова начались бунты против русских. В вятской стороне чуть не убили сборщика ясака Митьку Суслопарова, а параньгинские татары и черемисы ходили будто бы в Казань, чтобы там снова поставить ханство. Ну а здесь, в междуречье, было тихо. Приезжал было моркинский лужавуй Ярандай, подбивал Топкая к мятежу, однако безуспешно. Луговые черемисы воевать отказались. На носу было лето — пахать, сеять надо, сено убирать, рожь. До войны ли? Весна, да и лето, были ранними. Люди посеяли яровые, скосили сено: часть его заматали в стога, часть затащили на сеновалы. Настала пора ржаной жнивы, но ударили дожди. Так бывает часто. Дожди идут не там, где просят, а там, где косят, не там, где их ждут, а там, где жнут. И настала пора безделья — ни в поле, ни в лес, ни на реку не выйти. Вечный Кочай появился в илеме. И ребятишки тут как тут: рассказывай, дед, предания про Кокшу-патыра дальше. Забрались они на сеновал, расселись, как воробьи, вокруг старого сказочника. И парни тоже пришли, и девки. В сарае под крышей стоит густой запах сухих луговых цветов, парни разлеглись на сено, девки расселись поодаль — лучшего места не сыскать. Темень, ничего не видно, слушай деда, и ничего тебе не мешает — мечтай вслед сказке.

И снова перенеслись ребята в мечтах в лесное селение, где живет молодой онар Кокша, снова зажурчал родничок над косогором, снова полилось дедово сказание:

— В тот же день слух о молодом онаре разнесся по всему селению. Люди приходили в куду Элнет и дивились чуду: вчера Кокша был грудным ребенком, сегодня ему можно было дать восемнадцать лет. Дивились его необычной силе и разуму: он разговаривал как взрослый, поднимал бревно, которое не могли поднять и пятеро мужчин.

— Ты теперь, сын мой, стал онаром, — сказал ему отец. — Это всем ясно, но как и где живут онары, что они делают, мы знаем плохо. Одни говорят, что они полубоги, иные — что онары волшебники. Верно ли это, я не знаю. Как ты будешь жить, что делать? Ведь для чего-то Кугурак, Чоткар и Арслан сделали тебя онаром.

— Я помню, они сказали, что я должен победить Турни и еще...

— Вот ты сказал — Турни. А что мы знаем про него? Знаем, что он ежегодно берет с нас дань, жжет засухой наши посевы, гноит зерно, мешает охоте, насылает на людей болотные болезни. И еще знаем, что он змей, но может принимать и облик человека. Мы и не видели его по-настоящему. Как только он появляется на холме, мы в ужасе закрываем голову руками. Я думаю, надо позвать карта. Он, может, знает про онаров и Турни больше.

Позвали карта. Но он тоже не смог сказать ничего нового. Но совет, однако, дал:

— Много лет тому назад в нашем селении жил Тойдемар. Говорят, что он был рожден онаром, но Турни перехитрил его и отнял у него силу. И ушел Тойдемар из селения, покинул людей, живет сейчас в лесной гуще, никого из людей к себе не пускает. Все думают, что он колдун, и обходят его одинокое куду стороной. Тебя он, может быть, подпустит. Сходи, дорогу я укажу.

И стал Кокша собираться в путь. Сначала он подружился с молодым кузнецом Яналом, и решили они отковать меч. Целую неделю собирали железо по всем дворам, вторую неделю варили железо в горне и ковали меч. День и ночь вход в кузницу озарялся горящим пламенем...

Дети ясно представляли кузницу Янала. Она была такая же, как и та, в которой работал русский кузнец Илейка. Только богатырь Кокша, он, наверно, упирался головой в крышу кузницы, с огромной силой ударял молотом по раскаленному металлу, положенному на наковальню.

...Вот меч и готов. Янал и с ним трое парней не смогли его поднять. Кузнец и говорит Кокше:

— Я сделал все, как ты просил. Нам вчетвером не удалось поднять поделку, а ты-то сможешь ли?

Кокша одной рукой подхватил меч, насадил его на ру-

коятку и вышел из кузницы. Недалеко рос могучий дуб. Кокша размахнулся, ударил по стволу с одной стороны, ударил с другой, и старый великан рухнул на землю.

Отец сплел Кокше лаче из лыка, мать положила туда хлеб, сыр, сушеную рыбу, и в один прекрасный день Кокша вышел на тропинку, указанную картом.

Идет Кокша лесом, берегом реки, перебирается через болота и завалы, ему еще идти и идти; а вы, ребята, представьте себе в глухом сосновом лесу землянку Тойдемара Древний старец в длинной белой рубахе сидит около костра и варит в котле какое-то снадобье. Борода его не седеющая уже пожелтевшая от времени, развеивается на ветру. Рядом на пеньке сидит девушка невиданной красоты и вышивает вюргенчик. Вот она подняла голову, взглянула на старика, задумалась. Потом заговорила:

— Зачем, кочай, хлопочешь над отваром? Зачем лекарство варишь? Ты сам здоров. Люди в нашу глушь не ходят.

— Какая ты, Юкчи, глупышка, — ласково отвечает ей старик. — Ты тоже вышиваешь, а для чего? Я вижу у тебя вюргенчик — свадебный платок. Сказала, к нам не ходят люди, так, стало быть, и женихов не жди. Зачем тогда готовишься в невесты?

Юкчи смутилась и тихо ответила:

— Быть может, кто-то и придет. Я чувствую...

— Вот видишь. Никто не знает, что произойдет в подлунном мире. Быть может, снадобье мое и твой платок нам скоро пригодятся.

— Ты думаешь?! — радостно воскликнула Юкчи. — Ты, верно, знаешь? Ведь говорят недаром, что ты волшебник...

— Не трать слова впустую. Кого мы оба ждем — он близко.

И верно: за ручьем, протекавшим рядом с землянкой, послышался стон. Тойдемар и Юкчи перешли ручей и увидели высокого, красивого парня. Он шел тихо, переходя от дерева к дереву. Казалось, он вот-вот упадет. Старик и девушка подхватили его под руки и повели.

— Он весь в жару, — шепнула Юкчи. — Наверно, простудился.

— Турни наслал на парня лихорадку, — ответил Тойдемар, укладывая парня на лежанку. — Неси сюда все шкуры, какие есть. Сейчас горячка сменится ознобом, укрою парня с головой. Вот видишь, пригодился мой отвар.

Старик принес чашку со снадобьем, напоил им парня, Юкчи укрыла его шкурами...

Утром парень встал как ни в чем не бывало. Он подошел к старику, сел напротив него и сказал:

— Меня зовут Кокша.

— Знаю, — ответил старик. — Я жду тебя без малого сто лет.

— Как так?

— У каждой большой реки раз в сто лет рождается свой онар.

— Ты — Тойдемар?

— Да. Я тоже был рожден онаром. И над моею колыбелью стояли патыры когда-то. И дали все, что дадено тебе. Но чтобы победить Турни, ловкости да силы мало...

— Они дают и мудрость.

— Им только кажется... А мудрость к нам приходит лишь с годами. Ты сделал умно, что пошел ко мне. А я в твои годы тоже меч сковал и сразу устремился на врага. И вот — расплата. Меч мой рассыпан в прах, а я лишен онарской силы, живу отшельником. Сиротку взял на воспитанье.

— Как обо мне узнал?

— Слухом полнится земля. Я хоть и тайно, но среди людей бываю.

— Я к тебе за мудростью пришел. Хочу спросить, что делать мне, онару? Какую жизнь вести? Онары, кто они такие?

— Я говорил тебе: у каждой реки есть свой онар. Он должен защищать от недругов лихих родную землю и в час години горькой людей вести на бой против врагов. А в дни, когда на берегах реки спокойно, народу помогать в делах труднейших.

— Я слышал, что онар бессмертен?

— Нет, юноша, онар не вечен. Да, правда, живет он дольше, чем простые люди, три сотни лет его житейский срок. Он, как и все, с годами устает и должен лечь в курган, но не на смерть, на отдых...

— Надолго ли?

— Пока он не понадобится людям. Когда в страну придет захватчиков орда, онар поднимется врагу навстречу, такой же сильный, как и прежде. Он мощи наберется от земли.

— А кто его разбудит?

— Ложась в покой подземный, онар заветный клич оставит, особенное тайное словечко, и передаст его родным. Всего скорее дочке.

— А почему не сыну?

— В нежданной битве сын погнубнуть может, и не ус-

пеет передать он слово. Быть может, в тот час не будет рядом человека, которому его доверить можно. А дочь — она все время дома. И будет этот клич заветный передаваться из поколения в поколение.

— Тогда, отец, одно мне непонятно. Почему народ несет смиренно тяжелое ярмо Турни? Нельзя ли разбудить в один условный час всех патыров, ушедших на покой на все века? Их, верно, будет больше тысячи. По-моему, никто такого и не пытался сделать?

— Не так-то просто это. Вот ты сказал: тебе онары передали мудрость. А знаешь ли ты, что это такое?

— Мудрость — разум.

— Не только. Ум, знание жизни, хитрость, сплавленные вместе, дают нам мудрость. В онарах же — отвага, сила, ловкость да с простотой святая доброта. А у Турни — коварство, хитрость и сила волшебства. Вот ты спроси меня, а почему онары, во все века набегив все злочинцев отражая, с Турни не могут справиться? Никто из патыров над змеем победу одержать не мог.

— Да, думал я об этом. И не нашел ответа.

— У патыров оружие могуче. Но нет в нем силы волшебства. А у Турни всего один трезубец. Я тоже, как и ты, все лето меч ковал тяжелый, он был, пожалуй, в пять раз потяжелее, чем твой. Махая им над головой своею, я, словно бык, поперся на врага. А змей коснулся меча трезубцем, и от него осталась горстка праха, вернее, рыжей ржавчины комков. Болотный кей махнет трезубцем, и стрелы все сгорают на лету.

— Так что ж мне делать?

— Я думаю об этом много лет. Чтоб победить врага, его нам надо знать. Тебе о змее расскажу, что знаю. Послушай.

Среди болот гнилых, непроходимых, на острове большом построил он дворец. Никто его не видел; туда для смертного одна дорога, обратных нет путей. Но я об этом знаю кое-что. Вот ты сказал: народ не попытался патыров поднять. Онары, в простоте душевной заветные слова отдавая, забыли про Турни. А он, как только патыр лег в курган, дочурку либо похищал, а чаще убивал грозой в лесу, топил в реке с заветным словом вместе. Кто мог поднять онара? Никто! И все они теперь лежат в курганах и будут лежать вечно. И скоро род онаров переведется вовсе. И это, юноша, еще не все. Послушай, что со мной случилось. Когда я понял, что Турни мне не убить, я сразу же смирился. Решил жениться, думал, буду жить спокойно, хлеб растить, детей. Не тут-то было. Ты знай, Кокша,

что змей живую дань с людей берет не зря. Он выбирает девушек красивых, он их берет сначала в жены, и дочерей от них, с змеиной кровью, с обличем чарующим и нежным, пускает к людям. И если ты когда-нибудь увидишь бабу злую, ты так и знай: в ней кровь течет Турни. О, сколько горя принесли мужчинам эти полузмейки, попробуй сосчитать! Итак, задумал я жениться и девушку нашел себе под стать. Но в день счастливый свадьбы Турни мою невесту подменил. Он дочь свою подсунул в мое кудо, он дал ей красоту моей любимой, ее походку, голос, тело, он только сердце ей змеиное оставил. Мы с нею прожили всего полгода, она меня, наверно, полюбила, ведь половина в ней от человека. Она призналась мне в замене, она хотела стать женой хорошей и все змеиное в ней вытравить просила.

Кто знает, верно ли я сделал — в гневе задушил супругу и был за то наказан змеем: он отнял все, что дали мне онары, а люди чтут меня женоубийцей. То было так давно, что вспоминать не стоит, но от моей жены подменной я многое узнал о царстве змея, и до сих пор я не могу себе простить глупую поспешность. Дочь змея мне сказала тайну: отец ей как-то похвалился, что знает он секрет, как выковать волшебный меч, который не уступит троезубцу. И эту тайну выведать моя жена хотела... Но я поторопился... Я вижу, хворь твоя вернулась снова, ты весь в ознобе. На, выпей мой отвар и вновь ложись под шкуры. Юкчи тебя укроет...

Летняя ночь коротка. Дети, слушая сказку, не сомкнули глаз, а вверху, на насесте, уже загорланил петух.

I

Мирон Мишурин в Посольском приказе считался самым хитрым и пронырливым дьяком. И потому направлен был послом в самое бойкое и опасное место — в Бахчисарай. Посол явился к хану Магмет-Гирею с дорогими поминками, наобещал ему с три короба, вошел в доверие. В конце приема попросил: позволь, мол, великий хан, жить мне не в Бахчисарае, а в Кафе. Потому как, мол, здоровьишко мое слабое, а Кафа как-никак на берегу моря. А сноситься, мол, по теперешним временам, с ханом проще простого будет — из Бахчисарая в Кафу, взад и вперед, чуть не каждый день гонцы скачут, потому как в Кафе живет наместник турецкого султана калга Юсуф. Хан скуп был и позволил. Он подумал: здесь, в Бахчисарае, по посольским правилам Мирону жилье надо давать, кормить, а в Кафе посол пусть сам о всем этом заботится. Да и то надо учесть: чем посол от дворца хана дальше, тем меньше о делах ханства будет знать, тем меньше будет хана беспокоить.

А у Мишурина иной расчет был. Он знал, что теперь

дела ханства не Гирей вершат, а наместник султана. И быть ближе к нему — самая что ни есть выгода. И о другом подумал Мирон: в Бахчисарае между ханом Магмет-Гиреем и его братом Ислам-Гиреем постоянно грызня идет, режут они противников своих, как баранов, то и гляди послужит нож в пах сунут.

Устроился Мирон в Кафе, подкупил одного бахчисарайского гонца и зажил безбедно. Все, что можно, от калги узнает, а от хана новости ему гонец возит. С Москвой сносятся редко. Хан грызней с братом занят, ему не до набегов на Русь, потому и сообщать особенно нечего.

Но вот тревожная весть из Бахчисарая: Ислам-Гирей уследил, когда оба ханских сына в набеги ушли, ворвался во дворец, хана придушил, занял трон. И, судя по всему, сделал он это с согласия калги. Потому как Юсуф переворотом несколько не обеспокоен был, даже морскую прогулку, назначенную в тот день, не отменил.

Сыновья убитого хана, Мурат-Гирей и Саадет-Гирей, быстренько из набегов возвратились, наскочили на Бахчисарай, дядю из дворца выгнали, казну ханскую разграбили. Потом начали трон делить. Вот тут султанский калга забеспокоился, сообщил в Стамбул. И недели не прошло — встала у кафских берегов турецкая эскадра с пушками и янычарами. Янычары помогли Ислам-Гирею мятежных племянников из Бахчисарая изгнать, и пришлось Мурату и Саадету бежать из Крыма в ногайские степи.

Эскадра привезла хану Исламу султанский указ: все мелкие набегать бросить, а копить силы для большого похода на Москву. «Пора, — писал султан, — восстановить справедливость, и восстановить под сенью золотого полумесяца астраханские и казанские земли». Ислам-Гирей позвал Мирона Мишурина во дворец и сказал так:

— Беги к своему царю и передай: если хочет сохранить мир на своих рубежах, пусть шлет мне три тыщи рублей золотом, не отнекиваясь. У меня сейчас три дочери на выданье, у сына радость — обрезание у него будет, им нужна рухлядь, товар всякий надобен. Если откажет, буду пустошить и выжигать все его земли от Казани до Астрахани.

Мирон хана выслушал и пошел на Москву не коротким и легким путем, а кружным и опасным. Потому как знал государь платить такую тяжелую дань не захочет и спросит посла, как бы можно хана прижать и рубежи наши обезопасить. А прижать Крым можно только с помощью местных беглецов: надо поставить против Ислам-Гирея

конников Мурата и Саадета. К тому же надо узнать, что ногаи замышляют в этом случае. И выходило — надо идти послу через ногайские степи на Астрахань, а уж только оттуда — в Москву.

Мурат и Саадет кочевали трудно и опасно — в ничейных пределах. С одной стороны — ногайские степи, с другой — устье русской Волги. Тут хоть места и привольные, не одну тысячу конников спрятать можно, однако, только и жди удара. Либо со стороны ногайского мурзы Аталыка, либо от русских ратников.

Здесь и нашел мятежных братьев Мирон Мишурин. Братья жили тут не очень дружно, но в одном они были единодушны. Против своего врага хана Ислама они согласны были на союз хоть с сатаной. Мурат прямо сказал Мишурину:

— Если твой царь с ханом воевать хочет, я ему служить буду.

— А Саадет?

— Он мой младший брат. Куда я, туда и он. Если я к Москве уйду, его Аталык тут как щенка придушит.

— Аталык в чью сторону глядит?

— Он у хана Ислама, как хвост у коня.

— Ты что про Аталыка знаешь?

— Много знаю...

Ногайский князь Аталык — крымскому трону ярый приверженец. Он богат, жаден, смел, расчетлив. Пусть ханы в Бахчисарае душат друг друга, толкают с трона, на это Аталыку наплевать. Все равно судьбу ханства решают не они. Сидит в Кафе турецкий калга, он ставленник султана, если его слушаться, не прогадаешь. А калга сам приехал к Аталыку, сказал:

— Великий султан, тень аллаха на земле, повелел Астраханское и Казанское ханства снова поставить под руку Османов. Теперь самая пора отнять эти земли у русского царя. Бери своих джигитов и скачи на Волгу, под Казань. В глухих лесах хозяином будь, жди знака. Скоро султан повелит крымскому юрту идти на Москву, тогда ты поднимешь черемис, чувашей и мордву и ударишь русскому царю в спину. Сам знаешь, такие удары всегда смертельны. Сколько под твоей рукой войска?

— Три тыщи сабель наберу. Может, четыре.

— Больше и не надо. Пока разбросай их в лесах по сотням, жди знака. Настанет пора — гонцов пошлю.

— Скоро ли пришлешь гонцов?

— Этого не знает никто, кроме султана. И ты внуши своим аскерам, чтобы не болтали зря. Мой султан всегда говорит, что язык — страж головы. Быть ли ей на плечах, от языка зависит.

— До Казани далеко. А до черемис еще дальше, — заметил Аталык.

— А ты иди не торопясь. Сам знаешь: чем дальше поход, тем больше добыча. Если возвратишься богатым и сильным, на бахчисарайский трон замахнуться сможешь. Султан благословит тебя тогда. Я обещаю.

— Ладно. Через неделю брошу под копыта коней дальнюю дорогу.

Через неделю позвал мурза сотника Аббаса, приказал:

— Бери три сотни лучших джигитов, скачи на Каму. У Лаишева перейди воду, в лесах Поволжья растворись. Ищи друзей у татар, у черемис. Всем, кто к вере Магомета клонится, говори: «Скоро русских от Казани и Астрахани выгоним». Пусть помогать нам готовятся. Сторонникам нашим помогай, русских прихвостней подави страхом. Жди, придет время — я сам приведу туда свое войско. Хан Ислам на Москву с юга пойдет, мы царю в спину ударим. Дороги лесные разведай, чтобы мы потом не вслепую шли. Пословицу знаешь, наверно: слепой свой посох теряет всего один раз.

II

Крепость свияжскую Андрейка обошел стороной, спустился к пристани по прибрежному кустарнику. Хоть и была в Свияжске его родина, но теперь он стал для нее человеком отверженным. Не дай бог, боярин Буйносов или его слуги увидят — несдобровать Андрейке. А крепость так и манила к себе. В ней он родился, провел детство. Здесь впервые полюбил. И не какую-нибудь дворовую девку, а дочь боярина Буйносова-Ростовского Верку. И она врезалась в него по уши. Да и как не полюбить — парень Андрейка хоть куда. И ростом вышел, и статностью. А если по лицу судить, красивее его в крепости никого нет.

Отца и мать он не помнил. Отец его служил дьяком в Посольском приказе, за какие-то провинности выслан был в крепость на Свиягу, где и умер в одно время с женой от

моровой язвы. Воспитывали Андрейку воеводы крепости, научили грамоте, сделали писцом приказной избы. Все шло своим порядком, но вот появилась в крепости Верка Буйносова, тут все и началось. Воевода разъярился сразу: как это так, дочь князя за простого писца отдать? Мыслимо ли дело?! А княгиня — за Верку. Дескать, батько Андрейки был дяк в главном московском приказе, а это, пожалуй, почище столбового дворянина будет. И поместье у него было свое, богатое, пусть и за вину отнятое. Князь-воевода крут и упрям — Верку отправил в свою вотчину, а Андрейку выгнал из приказной избы и отдал кузнецу подмастерьем. Пусть-де про столбовое дворянство забудет, место свое холопые знает, чтобы впредь на княжну взор поднимать неповадно было.

За те четыре года, что простоял Андрейка у наковальни рядом с Ильей, появилась у него могучая сила в руках, ремесло и свой норов. Кузнец учил его быть честным и справедливым. И полюбил парень Илью как родного отца. А по рассказам полюбил и его дочку. Про Верку забыл.

На пристани Андрейке повезло. Единственная баржа, стоявшая здесь, грузилась к походу на Каменный пояс, и пойдет она туда через Лаишев. Купец следил за погрузкой, около трапа, перекинутого на баржу, толпились мужики. Многие из них были плутоваты — не поймешь, зачем они вертятся. Молодых было мало. Один, в рваной шапчонке, лихо сдвинутой на затылок, подмигнул Андрейке:

— Лямку покрепче выбираешь?

— Какую такую лямку? — не понял Андрейка.

— А на носу баржи посмотри.

Андрюшка глянул. На крюке, вбитом у тупого носа посудыны, висел моток толстой конопляной веревки — бечевы. На конце, на лямках, болталось около тридцати бурлацких хомутов. Сразу бросило в пот, Андрюшка вспомнил, как он, живучи во Свяжске, впервые увидел бурлацкий караван. Дранные, сизые от соленого пота рубахи, голые плечи, мясо на них ободрано до костей, лямочные хомуты, впалые груди, землистые, худые лица — все это испугало мальчишку. Бурлаки шли, нет, они не шли, они рвались из хомутов, словно загнанные кони. Вся ватага надсадно хрипела, раскачивалась, будто ее кидал из стороны в сторону ядреный волжский ветер. Бурлаки пели. Это была не песня, это был стон:

Эх, силу-силушку мы сгубим,
И, эх да. Мы краюху хлеба купим.
Эй, дубинушка, ухнем.
Эй, зеленая, сама пойдет.

Стрихнул Андрейка тяжелое воспоминание, спросил парня:

— А ты уж выбрал? Самую крепкую, поди?

— Мне нужда, — парень полоснул ребром ладони по горлу. — Мне за Каменный пояс перебраться надо. А ты куда?

— Мне бы до Лаишева.

— Тоже в хомут полезешь?

— Нет. Лучше пешком, чем баржу за собой тянуть.

— Вот, мать твою за ногу! Пойдем в сторонку, покалякам.

Они отошли за поленницу березовых пиленых дров, сели на плаху.

— Ты одно пойми, голова—два уха, до Камы купчина на веслах пойдет, и быстро, поскольку по течению. Это совсем не трудно. Иное дело, когда в воды Камы вступим. Спротив течения на веслах — хана. Тут нас купчишко непременно в лямки всунет и жилушки нам вытянет.

— Этим тоже нужда? — спросил Андрейка, кивнув в сторону толпы.

— Э, это сарынь бродяжья. Они на весла сядут, задарма до Камы доедут, объедят купца и разбегутся. И нам, я думаю, то же следоват сделать. До матушки Камы доплывем, а там — бог.

— Ты, видно, купцов плохо знаешь. Он же видит нас наскрозь. Какой ему резон таких нанимать?

— Да, это верно. Может, он цепи какие придумат? Приторочит к канату — куда денешься?

— Без цепей нельзя. Цепи будут. Только не железные.

— Какие?

— Золоты.

— Ну, придумал тоже! Я вот как полагаю...

— Глянь, сарынь на баржу ринулась.

— Охо! Пошли! Не то опоздаем.

— Тебя как зовут-то? — спросил Андрейка на бегу.

— Дениской.

Купец влез на рундук, оглядел мужиков, столпившихся на палубе:

— Смотрю я на вас, босяки, и вижу: все вы плуты и жулики. Найму я вас, а вы в Набережных Челнах сбегите.

— Не сбежим, хозяин, ей-бо! — крикнул кто-то.

— И разумно поступите. Вот вы такую штуку когда-нибудь видели? — купец выхватил из короба шкуру соболя, поднял над головой.

— Ох-ох-ох!

— Рухлядка!
— На казанском базаре видали!
— А цену меху сему знаете?
— Как не знать, четыре рубли!
— Не брешь! За четыре рубли лошадь хорошую...
— Ежли соболю белый, то и пятишну получить можно!
— Знайте, плуты, я эту шкуру за Каменным поясом у туземных людей за серьги оловянные выменял. А им красная цена три копейки. Для чего я вам это сказываю? А вот для чего. Я вас на свою баржу возьму, но по новому уговору. Я вас до Каменного пояса буду поить-кормить, но ни копейки не дам. Все деньги получите на Поясе, понакупите в лавках Семена Аникеевича Строганова всякой всячины, и поедем мы по тайге рухлядь выменивать. Каждый из вас что выменяет — все его. Мешок — так мешок, пять — давай пять! Всем на барже места хватит. И возвратитесь вы, голуби мои, домой богаче, чем я. Вот какой уговор. Только — ша! Ежели кто из вас начнет плутовать — скину с баржи, и весь сказ. Согласен кто — подходи!

Во второй половине дня Денис и Андрей уже сидели на барже и мерно вспарывали веслом зеленоватую волжскую воду. Баржа по течению шла ходко — двум гребцам на одно весло нечего делать. И посему Денис и Андрей тихонечко вели разговор:

- У тебя в Лаишеве какая нужда?
- Сестренку искать буду.
- Давно потерял?
- Давненько.
- Красивая?
- Тебе-то зачем знать это?
- По привычке спросил. Люблю красивых баб. Из-за них и за Камни бегу.
- Как это?
- Служил я у одного человека. У старого, хилого, но богатого. А жонка у него была молодая, пышная, красивая. Возьми да и воззришь на меня. Ну я и увел ее от скряги. Теперь он меня ищет. Говорят, сыщиков нанял.
- Жонка где?
- Дак к мужу вернулась.
- Зачем же он ищет тогда?
- Дак мы же мешок с деньгами прихватили. Он думает, деньги со мной.
- А они где?
- Мы же их по кабакам да базарам растрясли.
- Зачем ты мне рассказываешь об этом? Врешь, поди?
- Ей-богу не вру.

— А вдруг я тот самый сыщик и есть?
— Снова дурак. Сыщику зачем бурлаком в Лаишев идти? Ты бы меня и на пристани сцапал.

Немного помолчали.

— Как сестренку звать?

— Настя.

— Отец-мать живы?

— Матери нет, отец жив. Найду сестру, к нему по-топаем.

— Далеко?

— В черемисские глухие края.

— А чо он туда забрался?

— Стал-быть, надо.

— Да ты не бойся. Я не пристав, коль ты не сыщик.

— Правда, Дениска, не знаю я.

Снова помолчали, ударяя веслами по воде.

— Вот ты меня дважды дураком назвал, а ведь дурак-то ты, — сказал Андрейка. — Теперь за Камнями самое бойкое место, а ты туда хорониться от купца бежишь. Туда ныне все царские служки, казаки, приставы, купцы стремятся. Тебя еще до Камней сцапают.

— Может, мне с тобой в Лаишев мотануть? А там в дикую черемисскую сторону? Возьмешь? В Челнах сбежим.

— А цепь золотая?

— Плевал я на нее. Я золото видел. Одни только беды от него.

Не зря говорят: камское устье весла сушит. Купец впряг всех нанятых в бурлацкую лямку, и баржа пошла бечевой. Друзья день промаялись в хомутах, а ночью, когда купец поверил, что теперь никто не сбежит, удрали.

Издалека, от Каменного пояса, несет свои воды холодная Кама. Река течет вольготно, широко, на поворотах придерживает свой ход, словно прислушивается, как стонет лесная прикамская земля.

Вечерами, когда багряное солнце садится за утесы, река, берег и небо окрашиваются в кровавый свет, и кажется, что это земля исторгает кровь, уроненную в нее за все века.

По лесным опушкам, по малым тропинкам, по горам и удолям, голодные, пожираемые комарьем, добрались Дениска и Андрейка до лаишевских земель.

Андрейка, как и советовал ему Илья, стал перво-на-перво разыскивать кузницу. Она приютилась на окраине деревнешки, за которой виднелась усадьба помещика Бекбулатова. Правее, через болотистый луг, маячила своей единственной башней лаишевская крепость.

Кузня была небольшая, гораздо меньше, чем у боярина Буйносова. Но порог, как и у всех кузен, был такой же высокий. Андрейка остановился у двери, оглядел кузнеца. Он был молод, стучал по наковальне, ковал зуб для бороны. На пришедших не глядел, был занят работой.

— Бог в помощь, дядя Ермил, — сказал Андрейка.

— Спасибо, — неласково ответил кузнец. — Если вы просячие, то не подаем. Самим жрать нечего.

— Мы пока еще не христардинчаем. У нас дело. Вот перстенок великоват, то и гляди свалится. Не утерять бы, — Андрейка, сдернув с пальца железный перстень, подал кузнецу через порог. Тот взял, подбросил на ладони блестящее колечко, усмехнулся в бородку:

— Моя работа, узнаю. От дяди Ильи, что ли?

— От него.

— За Настенкой?

— Жива ли?

— Давно ждет. Только выкрасть ее будет трудновато. Под двумя обзорами она. С одной стороны — барин со слугами, с другой — пристав. Он, собака, на дядю Илью капканы расставил, ждет. Сюда приходит чуть не каждый день, нюхает словно пес. Паутину свою растянул по всем деревьям...

— Как нам быть?

— Тут вам оставаться ни в коем разе нельзя. Вот вам по топору, вот вам нож — и в лес. У меня там место есть, провожу. Есть, поди, хотите? — кузнец пошел за горн, вынес берестяной кузовок, вытянул из него полкаравая хлеба, подал Андрюшке. — Вон там, за рощей, родничок есть, коло него поешьте, во ржи спрячьтесь до вечера. Ночью уведу в лес, будете там ждать. Мне тоже с Настенкой открыто видеться нельзя. Пристав, собака, сразу на хвост сядет.

...Ночью кузнец привел их в лесную чащобу, на песчаный пригорок. В нем была вырыта землянка, дверь ее завешена закопченной рогожей. Кузнец зашел в землянку, запалил лучину, вставил в светец, откинул рогожу:

— Милости прошу.

Землянка и так тесна, а тут еще по глинистой стене развешаны капканы, охотничьи снасти, лук со стрелами в железных наконечниках. Перед дверью — низкий железный мангал, рядом котелок.

— Я тут охотой балуюсь. Место это никто не знает. И вы себе пропитание сами добывайте. Огонь только тут разводите, еду варите на мангале. Двойная выгода: высокого дыма не будет, да и от гнуса спасетесь. Инако сожрет вас

комарье без остатка. Через денек-другой я приду. — Кузнец вышел из землянки, крикнул: — Лучина в углу!

Дениска разыскал пучок лучины, выдернул одну, зажег от огарка, сунул в развилки светца. Укладываясь спать на пихтовую подстилку, спросил:

— Хотел я у кузнеца спросить, чего такого твой батя натворил, что его приставы царские ищут?

— Придет время — узнаем, — спокойно ответил Андрейка. — Ты со мной идти не передумал?

— Погляжу еще. Вот сестренку твою дождемся. Давай спи. Завтра рано вставать надо, еду себе добывать...

Поднялись на рассвете. Договорились: Андрейка с рыболовной снастью останется на реке, Дениска с луком пойдет на зверя.

В своих скитаниях Дениска понаторел — научился всему понемногу. Если надо было, мог сойти за плотника, был в подручных у кузнеца, в артели мог быть кашеваром, в лесу умел капканы ставить, лук со стрелой держать тоже приходилось. Любил Дениска лошадей, собак, кошек и прочую живность, умел доить коров (по великой нужде приходилось отнимать у буренок, отбившихся от стада, молоко). Стащить, что плохо лежит, тоже наловчился. Сей раз уходя на охоту, верил, что вернется с добычей.

Быстро перевалив через хвойный пригорок, он опустил-ся в низину, и тут на него навалились комарье и мошкара разом. Впереди, сколь хватало взгляду, раскинулось болото, топь. Комары, учуяв живое, вились над ним столбом, тучи мошек облепили лицо, шею, кисти рук. Гнусь лезла в нос и в рот, не давая вздохнуть. «Отсель, однако, надо скорее убираться, — подумал Дениска. — Сожрут, гады, всю кровушку высосут». Он выломал несколько березовых веток, стал осторожно обмахиваться; знал, что стоит только раздавить на себе несколько кровососов, запах крови сразу привлечет вдвое больше гнуса.

Лицо, шея, кисти рук от укусов вздулись волдырями, нестерпимый зуд сводил с ума. Заплыли, мешали смотреть веки глаз. Дениска сломя голову бросился на продуваемый ветром пригорок. Но тут вдруг из-под ракушек выпорхнула стайка уток. Повинующийся охотничьему азарту, Дениска отбросил махалку, хлестнул стрелу на лук, натянул тетиву. Стрела, тенькинув, блеснула опереньем, и кряква, дрогнув, завалилась на крыло, упала в болото. Прыгая с кочки на кочку, Дениска добрался до утки, вынул стрелу, подоткнул утиную голову под пояс. Не успел выйти на берег, как гад, почуяв кровь, накинулся на него со звонким гуденьем.

Задыхаясь, он полез по песчаному склону наверх, но черная туча преследовала его до самого гребня. Здесь дул ветерок, и стало немного легче.

— Пропади оно пропадом, это болото, — сказал сам себе Дениска. — Буду по соснякам ходить!

Песчаный гребень огибал болото, Дениска зашагал по нему, надеясь в удобном месте свернуть в сторону. Вдруг где-то справа раздались звуки: стон не стон, мычанье не мычанье. Одно было понятно: какое-то живое существо взывало о помощи. Дениска, не раздумывая, скатился по зыбкому песку к болоту и пошел на зов. Там, где болотный берег был свободен от кустов, Дениска увидел лосиху. Вернее, не всю лосиху, а только одну огромную голову и верхнюю часть спины. Зверь увяз в болоте, скорее всего, лосиха, истерзанная гнусом, хотела укрыться в жиже и попала в топь. Выход на берег был крут, болотная грязь густа, и зверь обессилел. Подойдя ближе, Дениска увидел, что лосиха не одна, около ее морды на берегу лежал лосенок. Он был густо облеплен комарьем, двигаться уже не мог и только дергался задними длинными ножонками. Голова лосихи была также окинута черной шалью гнуса, окровавлена и распухша. Зверь стонал, часто дышал, с шумом выпуская воздух ноздрями, выбрасывая оттуда насекомых. Крупные безумевшие глаза лосихи смотрели на человека пристально. Она открывала и закрывала их — наглые паразиты пытались садиться на глаза. Густая грязь по обе стороны головы растолкана, и сначала Дениска не понял для чего. И только рассмотрев углаженную землю около головы, догадался: лосенок лез к вымени матери, а она головой преграждала ему путь в трясину.

Дениска сперва занялся лосенком. Он соскреб с него присосавшихся гадов, зачерпнул шапкой воду, омыл худое искусанное тельце, потом принес охапку мокрого мха, обложил им лосенка в несколько слоев. Затем выломал длинную ольховую ветку, охлестал голову лосихи, набросал перед нею веток и, ступая по ним осторожно, также обмыл кожу, закрыл толстым слоем мха. Лосиха широко открыла глаза, потом закрыла их. И в этом взгляде Дениска увидел не страх, а благодарность.

Вскоре они уже были около этого места вдвоем. Андрейка нес лопату и ведро, Дениска — веревку и топор.

Перво-наперво срыли крутизну берега, бросая землю под шею зверя. Потом лопатой же откинули грязь от боков лосихи, подложили по обе стороны вырубленные березовые стволы. Стоя на них, подвели под живот лосихи веревку, концы вывели на берег и стали тянуть. Лосиха, со-

брав последние силы, рванулась, выбросила передние ноги из трясины, встала на твердое место. Еще рывок за веревки помог зверю вытянуть из топи и задние ноги. Лосиха поднялась и тяжелыми скачками вышла на берег. Тут силы снова покинули ее, и она упала. Андрейка принялся ведрами носить на берег воду и лил ее на лосиху, Дениска ножом чистил кожу. Зверь не зря ринулся в болото: вся кожа его была покрыта струпьями, меж которых торчали брюшки насосавшихся клещей. Лосиха сначала лежала не шевелясь, потом приподняла голову, замычала. «Пить просит», — догадался Дениска. Андрейка поднес ей ведро, и лосиха крупными глотками принялась пить. Затем начали мыть вымя. Оно набрякло, было твердым. Дениска промял его, отдоил застоявшееся молоко, кивнул Андрейке: — Неси мальчика сюда.

Лосенка положили около вымени, Дениска пальцами разжал ему зубы, вложил сосок в рот, другой рукой нажал на вымя. Струйка молока будто оживила лосенка, он начал жадно сосать.

— Давай, давай, кормись, — приговаривал Дениска, — и молись богу, что мы оказались на твоём пути.

Еще натаскали мху, покрыли зверей слоем, сели рядом, усталые.

— Что теперь будем делать с ними? — спросил Андрейка.

— Поживем — увидим.

III

Сегодня у помещика Абыза Бекбулатова гость — пристав Семейка Маков. Гость, прямо сказать, надоевший. Уж, поди, скоро полгода, как торчит он в Лаишеве, и в то, что приехал он ловить мятежника Илейку, татарин не верит. Кто знает, может, послан он Москвой, чтобы доглядывать за ним, за Абызом, и доносить государю. Хоть и подарил Иван Васильевич Бекбулатову именье, хоть и велики у него перед царем заслуги, однако, может ли он татарину верить? Вот и послан Семейка вынюхивать: а не готовит ли Абыз измену? Потому и терпит бек пристава, угощает его в неделю по два раза на своем подворье. Сколько мяса он за полгода сожрал, сколько вина выпивал, только один аллах знает. Вот и сейчас сидит Маков за столом, широкий пояс на пузе распустил, хлещет пиво ковшами и не пьянеет. Сам Абыз к хмельному не больно привык, в юности и молодости он не пил, коран запрещал. Пророк Магомет сказал в Истинной книге, что капля вина

оскверняет душу человека. Потому сейчас хоть и пил Абыз вдвое меньше Семейки, но спьянился вдвое больше.

— Ты чо, как красна девка, губами шлепаешь. Пей!—
Маков пододвигал к беку ендову, шмыгал носом.

— В коране сказано... капля оскверняет...

— Ништо! Бог простит. А что касасемо капли, так это проще всего, — пристав макнул палец в пиво, стряхнул на пол. — Вот и нет той капли, котора оскверняет. Остальное можно пить. Ништо!

— Я не верю тебе, Семейко, аллах свидетель, ты не за кузнецом приехал.

— Отчего не веришь?

— Полгода казенный харч жрешь, царевы деньги тра тишь. Да тот Илейка весь с потрохами того не стоит. Царь ради него и рубля пожалел бы.

— Не мудр ты, Абыз. Вот прошлый раз ты мне на мужиков своих жалобился. Что, мол, не слушают тебя...

— Обнаглели! Даже ребятишки... Вчера шел я по улице, а один кричит: «Абыз, свиное ухо обгрыз!» Я хотел на него собаку пустить, а мужики сразу к изгороди и за колья. Разве мне не обидно! Мой отец Булат Казань помогал царю воевать, брат мой Симеон Бекбулатович на царском престоле сидел, я сам с царем на Баторея ходил, а какая мне честь? Только и слышу «свиное ухо ашал!»

— Прикажи ишшо пива подать, и я тебе скажу, поче му я долго не уезжаю.

Абыз хлопнул в ладони, вошла высокая девушка в легком шелковом халате, в полупрозрачных восточных шальварах. Стройный стан ее просвечивал через шелк и кисею

— Настька! Пива тащи! Мясо кончилось.

Девушка поклонилась, вышла.

— А ведь до чего лепна, стерьва, а! — воскликнул пристав. — Ты бы послал ее ко мне в каморку за чем-ни будь. Я бы бедра ей погладил...

— А она бы тебя по рылу! Я сам ее обидеть боюсь. То и гляди ночью прирежет. Либо убежит. Как тогда отца ее дождем, а?

— Но штаны татарские да халат все ж даки одела.

— Другую одежду отобрал. Что ей оставалось делать?

Настя вошла, поставила на стол пиво и мясо, повернулась, чтобы уйти. Маков поднял ладонь, хотел ее шлепнуть по ягодице, но не успел. Девка взмахнула пустым подносом, ударила ребром по запястью. Пристав вскочил, взвыл стал трясти руку, подпрыгивая. Абыз захохотал:

— Ну что, погладил?

— Выпори ее! Велю!

— Ладно. Только если убежит, твоя вина будет. А может, сам накажешь, когда в каморку пошлю, а?

— Лей пиво! Вот отца поймаю, тут уж я с нею потешусь, — пристав одним махом выпил налитый ковш. — Ты сказал, что царь за Илейку рубля пожалеет. Нет, не пожалеет. Царь, он знает, что к чему. Конечно, чтобы его словить, траты велики. Ну а если он, не пойманный, снова ватагу в тыщу разбойников собьет да на царевы угоды ведет? Во скоко тыщ это встанет? Я знаю, ты скуп. Ты мне мяса и пива жалеешь, а если этот вор все твое именье разорит, дешевле будет? Вот почему я тут полгода торчу, и еще столько же проторчу, коли понадобится.

— А может, он за дочкой и не придет больше?

— Придет, — Маков разгладил усы. — Она у него единственная родня. Только бы не прозевать. Ты ее часом на улицу не отпускаешь ли? По ночам сторожишь ли?

— Не бойсь. Ночью цепочку на ногу одеваю, одежду убираю...

— Покажи.

— Пойдем.

В спальне Насти пусто. На нарах соломенный тюфяк закинут рогожей, подушка набита сеном. Около нар, будто змейка, лежит цепь. Один конец с браслетом, другой болтом прикован к полу. На единственном окне — решетка.

Пристав покачал решетку, держится крепко. Подошел, поднял цепь, потянул. Болт заскрипел, начал вылезать из половицы.

— Пол гнилой, бек! Убежит ведь. С цепью удерет!

— Нет. Около окна и двери человек мой ходит. До утра.

— Ты что это, бек! Да я теперь ночи спокойно спать не буду. А человека твоего тот Илейка запросто придушит. Нет, позови кузнеца, пусть он новую дыру пробьет, в здоровом месте. Я так велю.

— Ладно. Завтра сделаю...

Кузнец пришел на второй день, в обед. Настя сидела на нарах и хлебала щи, положив миску на колени. Старая служанка, что привела его, встала в дверях. Кузнец выдрал болт, сказал служанке:

— Ломик принеси. Он на крыльце оставлен.

Служанка ушла, кузнец подошел к Насте, зашептал:

— Илья двух молодцов за тобой прислал. Я цепь на-рашу, хитрое колечко поставлю. Жди. Радость свою не выказывай, а то этот пес пристав догадлив. Придем за тобой через неделю, не ранее.

Настя кивала головой. Вошел Абыз, спросил:

— Ты сам струмент принести не мог? Зачем служанку отослал?

— Струмент, барин, пока не нужен. Цепь в кузницу понесу. Наращивать надо.

— Зачем?

— Близко здоровых половиц нет, все гниловаты.

— К ночи успеешь?

— Работа не велика.

Вечером кузнец принес цепь, выдернул половицу, пробил в ней дырку, сунул болт, заклепал накрепко. Абыз сам проверил работу, натягивая цепь со всей силой, болт не шевельнулся.

IV

Через сутки лосиху и лосенка друзья перевели к землянке, соорудили для них загородку, рубили ветки и охапками носили корм. Лосиха ела ветки охотно, лосенок сосал молоко и начал заметно поправляться. Андрейка ловил рыбу, ее тут было много. Дениска ходил на охоту. Кормились сносно, ночью лосиху и лосенка заваливали мхом, а сами прятались от комарья в задымленной землянке. Иногда пили молоко.

Прошло трое суток, кузнец не появлялся.

Еще прошло трое суток.

— Придет твой кузнец али не придет?! — не вытерпел Дениска.

— Не знаю. Если тебе невтерпеж, иди за Камни. Мне надо дождаться.

— Меня за Камнями никто не ждет. Мне на твою сестренку больно хочется посмотреть.

«А мне, думаешь, не хочется?» — хотел было сказать Андрейка, но промолчал.

— Ты мне не ответил прошлый раз: она у тебя красивая?

— Да как тебе сказать, все при ней.

— На тебя похожа?

— Нет. На мать.

— Если понравится, отдашь за меня?

— У нее спросишь. Только знай, она девка сурьезная и таких бабьих угодников не любит.

— Стало быть, ждать мне ее не стоит?

— Подожди. Вдруг и она... И мне одному плохо.

— Лосиха уж по загону ходит. И лосенок.

— Причем тут...

— Может, с собой ее возьмем?

— Пошто она нам, Забота одна.

— Вот и дурак. Корму в лесу навалом, молоком, чай, поделится в случае голодухи. Да и котомки на нее навешаем.

— Так она и пойдет за нами.

— За нами, может, не пойдет, а за лосенком... Мы его на веревочку.

— Чудной ты.

Кузнец пришел только на девятый день. Рассказал про Настю, про цепочку.

— Выкрасть ее нам троим было бы трудно, я кой-каких мужиков подговорил. Они согласились помочь, только...

— Что «только»?

— Если вы их с собой возьмете.

— Много их?

— С десяток будет. Может, чуток больше.

— Я не знаю...

— Чего ты не знаешь? — Дениска взъерился. — Леса велики, всем места хватит. Да если хочешь знать, всем скопом-то лучше. Нам никакая погоня не страшна будет. Отобьемся.

— Ну, тогда завтра к ночи будьте у моей кузни.

Утром через дворового мужика Настя получила знак — готовься. Она безропотно дала охраннику запереть браслет на ноге, сбросила халат и отдала его служанке, легла, гремя цепью, на нары, укрылась двумя рогожами. Охранник закрыл дверь на замок и принялся ходить по скрипучим половицам балкона от двери до окна и обратно. У Насти были припрятаны ножницы и бечевка.

В полночь спальенка осветилась, в окно полыхнули багряные отсветы пожара. Было видно, что горели хлебные амбары. Настя вскочила и, перебирая пальцами цепь, добралась до хитрого звена. Оно было надпилено сбоку. Порвав цепь, Настя схватила рогожку, сложила ее пополам, вырезала отверстие для головы. Другой рогожей обернула бедра, все это перепоясала бечевкой — одежда была готова.

Вся дворня бросилась тушить пожар, в это время за скрипели половицы, охнул пришибленный охранник, и вскоре загремел замок. Распахнулась дверь, ворвались в спальенку трое, схватили Настю за руки и повлекли в темноту.

На околице деревни их ждали люди, человек сорок. К этому времени огонь перебросился на усадьбу, ночь была ветренной. Люди, не глядя на пожар, побежали к черневшему вдаль спасительному лесу.

— В лес первым вошел кузнец. За ним Андрейка, Дениска, Настя. Остальные гуськом сзади.

Отойдя верст пять, Ермил подошел к Насте, положил руку на плечо:

— Похолодало. Задержись чуток, переоденься. Я вот тут в узелке рубашку для тебя прихватил, штаны. Походи пока в мужской стати.

Догоняя ушедших вперед мужиков, Настя спросила Ермила:

— Что за люди? Семейные?

— Где там. Либо бобыли, либо холостяки. С дитем да бабой кто в такую даль бежать решится?

Усадьба сгорела дотла. На пожарище утром нашли пережженный скелет охранника и обрывок цепи с болтом. Пристав подумал, что это Настины останки, матюгнувшись зл и стал собираться восвояси. О побеге сорока крепостных мужиков Бекбулатов узнал только к вечеру. Посылать в погоню было бессмысленно.

Беглецы шли без остановки почти сутки. Вела их Настя. Она была рада, что ее вырвали из лап Абыза и что она среди людей. Ей донельзя надоела жизнь взаперти, надоел надзор Абыза, его служанки и охранника. Теперь она наслаждалась волей, боялась за нее и, опасаясь погони, замучила людей долгим переходом без единой минуты отдыха. В походе к ней пристроился парень, заговорил:

— Зовут меня Андрюшка. Я у отца твоего Ильи вместо сына был. Потому и говорил всем, что ты моя сестра. Не подведи меня.

— Спасибо, братец. Батя, как он?

— Не ведаю. Расстались мы на Волге, а подался он на Кокшагу. Будем искать его там.

— Я те места знаю. А который с лосихой, он тоже за брата?

— Он сам по себе. За Камни бежал, да передумал.

Дениска как решил, так и сделал. Изладил лосенку поводок, на спину лосихи вперехлест повесил две котомки, свою и Андрейкину. Лосенок за эти дни привык к нему и бежал за ним охотно. Лосиха не отставала от детеныша.

На первом привале вытянул из котомки узелок, подошел к Насте, бросил его на колени.

— Что это?

— Мне Ермил рассказывал, что тебя на ночь к цепи приковывали, а одежду отымали. Вот я и прихватил, идучи. Сходи за кусты, переоденься. В штанах-то, поди, неловко?

Настя развязала узел и ахнула. В нем лежал ее сарафан, исподняя рубаха и платок.

— Где взял-то? — спросила Настя, смеясь.

— Коло стража твоего. Я догадливый. Ну, чо сидишь? Иди. Мне непременно на тебя посмотреть надо.

— Зачем это?

— На место придем — сватать буду.

— Ох ты! Не шибко ли скор? Может, я иного выберу.

— Иного некого! Андрюшка — брат, а другие прочие — голь перекатная. А у меня хозяйство! Вишь, вон ветки жрет. И за лошадь сойдет, и за корову. Ну и приплод опять же.

— Веселый ты. Как звать-то?

— Дениской.

Настя сходила за излучину речки, переделалась, спросила шутейно:

— Ну как, женишок, нравлюсь?

— В рогожах была красивше. Ну, да ладно. И так сгодишься.

И оба рассмеялись.

Перед сном Настя позвала Ермила и Андрюшку, сказала:

— Завтра чуть свет тронемся.

— Не торопись, Настасьюшка. Мужики обутики по корням да кочкам растрепали, почти босы идут. Многие подались лыко драть. Завтра лапти плести будут. Да и еду надо добыть...

— А если погоня?

— Барину не до погони. Он головешки считает.

Усталые мужики заснули мертвецким сном. А Насте, хоть и она устала не меньше, не спится. Мысли одна другой тревожнее. Сколько же займет этот путь? Оба раза она проделывала его на коне без всяких забот — отец кормил ее, обогревал, опекал. Даже в седле они за день пути изматывали все силы. А тут пешком, да с такой оравой. Чем-то надо кормиться, одеваться, обуваться. Много ли прошли, а лапти истрепали. Да и примут ли черемисы такое множество чужих людей? ...А названный братец — ой, пригож. Только молчалив, застенчив. Вон Дениска, тот уж и посвататься успел. Идет Насте двадцать первое лето, сердечко любви просит, ласки. Сколько она на цепи, как собачонка, сидела, натасковалась по живому слову, по человечьему теплу. Сейчас бы ходить ей с суженым по лугам, цветы собирать, венки плести. А у нее впереди неведомость одна, тяготы, страх. Нет, любовные мысли из головы надо выбросить, сердце сжать в кулак, на парней глядеть ровным взглядом. Особенно Дениски надо опасаться. Язык у парня медовый, глаза голубые, кудри золотистые. И нахален, пес. Не успел увидеть, и уже сватается.

Так в думах тревожных и уснула Настя в веточном шалаше, специально для нее Дениской излаженном.

Пока бежали от бека подальше, мало о чем думали. Лишь бы не догнали, только бы дальше, в глушь, в сокрытие. А утром на привале задумались: надо бы старшего избрать, пора и о жратве поговорить. Стали кричать:

— Настасью давай в вожатые!

— Она по этой дороге бегала, все путя знает!

— Девка она боевая!

Настя протестовала:

— Старше меня есть. Вот дядя Ермил...

— Я лучше рядом похожу, — кузнец тоже указал на Настю. — Если совета спросишь, дам.

— Я одна середь вас. Неужто мужиков не укажете? Вот Андрейка есть, Дениска...

— Их мы не знаем! Будем тебя слушаться.

На том и порешили. Настя согласилась, сказала:

— Тогда слушайте. Многие ночью лыка надрали, лапти плетут. А их можно ладить по вечерам. Днем на охоту пойдем — кормов у нас совсем нет. Кто стрелы умеет делать, делайте, кто петли вязать мастер, вяжите. Западни ройте. Собирайте ягоду, грибы, орехи. Все в один котел.

— В лесу с голоду не подохнем. Ты вот что нам скажи: примут ли нас черемисы?

— К башкирам и татарам наши отцы и раньше бегали. Их там ловили и Бекбулату возвращали. Может, и нас?

— Ранее бегивали по одному, — объясняла Настя. — Ныне нас полсотни человек. Земли у черемис необъятные, испросим позволения, осядем на месте, заложим деревеньку. Нам бы только батю найти.

— Чо там думать?! Хуже не будет.

— Обратно ходу нет! Лучше в петлю головой, чем к Бекбулату.

— На промысел пошли!

— Вдруг погоня заявится?!

— Более суток прошло. Будь она послана — догнала бы давно.

— Сторожей все же выставить!

Покричали, погалдели и разошлись в лес во все стороны.

* * *

Зверья в лесу было много. Андрейка подстрелил четырех откормленных зайцев, Дениска завалил небольшого кабана. Они совсем было собрались идти назад, как вдруг в стороне услышали стон. Дениска первым выскочил на

просеку и увидел ветхую телегу. Около колеса лежал, повернув голову к плечу, мужик. Голая спина его была окровавлена, вокруг раны, около шеи, вился рой крупных зеленых мух. На телеге была молодая женщина, она лежала, откинув левую руку в сторону. Сарафан расхлестнут по середине. На руке, приткнувшись к титьке, вздрагивает дите, облепленное комарами. Баба, видать, в беспамятстве; она стонет и дышит тяжело, вздымая грудь.

— Мати пресвятая богородица, да что же это?! — воскликнул Дениска, подойдя к телеге. Баба открыла глаза, хотела правой рукой прикрыть наготу, не смогла. Андрейка закинул подол на ее живот.

— Дитя... спасите... люди добрые, — сухими, истрескавшимися губами прошептала баба.

— Кто это вас? — спросил Андрейка.

— Басурманы... Мужика зарубили... саблей, надо мной надругались... коня увели. Доченьку... Настёночку, ради Христа...

Дениска принял на руки девочку, смахнул с ее тельца кровососов. Девочка зашевелила ручонками, пискнула. Личико ее синее, видно ребенок кричал до изнеможения.

— Много их было?

— Коло сотни... Богом заклинаю... дитя не бросайте...

— Как же можно? — Дениска взял откинутую руку, положил бабе на грудь. — И тебя, и дитя... Мы, чай, крещеные люди. Андрейка! Принеси воды скорее!

Андрейка бросился к ручью.

— Не надо. Не жилица я, — баба вздрогнула, вытянулась.

Дениска обернул искусанную девчонку тряпицей, лежавшей около матери, положил на сено. Приподнял бабе голову, она безжизненно свалилась набок.

— Ну, Денис Иванович, везет тебе. Хоть на охоту не ходи. То лосенок, то девчонка.

Прибежал Андрейка. Он принес в шапке воды.

— Не надо. Скончалась баба.

— Что делать будем?

— Похоронить бы надо...

— У нас окромя ножей ничего нет.

— Погляди у мужика под рукой. Кажись, топор там.

Топором вырубил в глине небольшую яму, положили туда бабу и мужика, засыпали землей. На телегу бросили зайцев и кабана. Андрейка впрягся в оглобли, потянул тележку по просеке. За ним, положив девочку в полу кафтана, пошел Дениска.

— Напрасно это все, — сказал через плечо Андрейка. — Не выживет она.

— Параня, лосиха моя, однако, двоих прокормит. Ишшо и телегу повезет. Не робей, друг, мало-помалу и семейством, и хозяйством обзаводимся.

В табор они добрались первыми. Мужики, стоявшие в заставе, помогли дотянуть телегу до места. Девчонка в пути не только не умерла, но и оживала. Не успел Дениска развернуть тряпицу, как она пронзительно закричала, требуя молока. Настя подбежала к телеге, глянула на ребенка, удивленно вскинула брови:

— Где нашли?

Схватила девчонку, прижала к груди. Дениска с ведерком бросился к Паране. Лосиха малость подрыгала ногами, но подоить себя дала. Андрейка содрал с березы кусок молодой коры, изладил воронку, зачерпнул ею молока, подал Насте. Та вставила узкий конец воронки в губы девочки. Молоко хлынуло в ротик, девчонка сначала вытолкнула его язычком, но потом зачмокала губками.

— Ха! — Дениска улыбнулся во весь рот. — Видать, голод не тетка.

Насытившись, девочка уснула. Ее положили на телегу, прикрыли от комаров. Андрейка начал рассказывать о необычной встрече.

К вечеру в табор сошлись все. Промысел был хорош — всякий что-нибудь да принес. Запалили костер, начали готовить ужин.

После ужина, кто где нашел себе местечко, уложились на покой. Насте не до сна. В телеге то и дело пищит девчонка — ее жалят комары. Настя берет ее на руки, укутывает подолом сарафана, про себя бранит мужиков. Телегу привезли, малютку грудную привезли, а узлы, какие на телеге были, выбросили. Там наверняка для дитя были пеленки, рубашонки и всякие иные тряпки. Ну, ладно, прокормить ее пока можно молоком лосихи, но во что одевать? Мужики сами полуголы, в таборе не найти и лоскутка, а ребенку нужно много. Вот положок от комаров бы сшить, а из чего? Дело к осени идет, во что девочку одевать? А этот зубоскал Дениска рассказывал, что два узла из телеги выкинул. Как бы они сейчасгодились. А что если сходить туда? Дениску того же утром послать? Нет, этого делать нельзя. Утром чуть свет надо вперед идти, в этих местах какие-то злодеи шастают, от них скорее уходить подальше надо. А если ей самой сходить, ночью? Просеку ту она видела, место по рассказам. Дениски найти можно.

Благо выплыла из облаков луна, и след от телеги виден. Настя сняла исподнюю рубашку, обернула ею уснувшую девчонку, положила на телегу и растворилась в лесном полумраке...

V

Хоть и устал за день Андрейка, но ему в эту ночь не спалось. Андрейку мучила ревность. С той поры, как он увидел Настю, покоя как не бывало. Девушка оказалась гораздо милее и пригожее, чем он представлял. Ему не надо было влюбляться в Настю, он давно уже любил ее. За время пути по лесам можно было бы поговорить с ней, сказать об этом, но парень был в таких делах совсем неопытен, к тому же несмел и молчалив. Совсем иное дело Дениска. У того язык привешен прочнее, чем у колокольчика на дуге, звенит и звенит над ухом красавицы. Уж и посвататься успел, хмырь болотный. И дозвенит, добьется своего, влюбит в себя девушку. И сказать ему ничего нельзя, сам же Андрейка называл ее сестрой. Ах, какой он был дурак тогда! А может, рассказать Дениске всю правду? Неужели не поймет?

— Спишь? — Андрейка подлез под разлапистую пихту, лег рядом с Дениской.

— Думаю, — ответил Дениска, отодвигаясь.

— О чем?

— Думы без краев. О себе, о нас, о Насте, о Настёнке. А ты чо не спишь?

— Поговорить с тобой надо бы. В минувший раз я соврал тебе...

— Когда?

— Там, на барже. Настя не сестра мне, а Илья, к которому мы стремимся, не отец.

— Как это?

— Я сирота. Дядя Илья был мне вместо отца. А Настю я дюже полюбил.

— Ты, паря, хитришь. Она тебя сразу братом назвала.

— Я сам попросил ее об этом. Не веришь — у нее узнай.

Оба долго молчали.

— Ладно. И я признаюсь. Я тоже наврал тебе. Тогда, на барже. Не было никакой купчихи, никаких денег.

— Зачем за Камни бежал тогда?

— Барин розгами выдрал меня. Я не стерпел и пустил на его усадьбу красного петуха. Вот и... А Настю люби. Я в сторону отойду. Она, конечно, пригожа, но не моя.

Я о том как раз и думал ныне. Не время сейчас женихаться. Да и что я ей дать могу? Да и ты тоже.

— Доброе у тебя сердце, Дениска. Спасибо тебе.

— Ладно уж. Давай спать. Завтра рано в путь.

Ватага поднялась с рассветом. Разбудила людей Настёнка. Она заорала на телеге во всю мочь, и первым к ней подскочил Дениска.

— Давай, давай, ори! Ты теперь у нас заместо петуха будешь, — Дениска взял девчонку на руки, понес к шалашу, где должна была спать Настя. Девушки там не было. Из-под пихты вылез Андрейка. Дениска крикнул ему:

— Настю найди! Параню подоить надо.

Андрейка обошел весь стан, Настю не нашел. Встревоженный, он пришел к Ермилу. Тот тоже девушку не видел.

Настю ватага искала до полудня. Был обшарен весь лес в округе верст на пять. Девушка словно испарилась.

В полдень беглецы собрались на совет.

— Что будем делать, мужики? — спросил Ермил.

Ватажники молчали. Беда свалилась на всех неожиданно.

— Вы, мужики, как хотите, — тихо заговорил Андрейка, — а я пока Настю не найду, с этого места не стронусь. Может, она в лесу заблудилась, а мы уйдем.

— Кто уходить-то собирается?! — крикнул Дениска. — Да и куда уходить, если пути мы не знаем, за ней ведь шли.

— Еще искать надо!

— Иголку в стог сена!

— Размыслить сперва надо, что с ней случилось, потом уж...

— А может, она тово...

— Что тово?

— Бросила нас! Надоели мы ей. Снасились мы — заботу громадную на ее девичьи плечи взвалили. Веди нас, хлопочи как одеть, обушь, накормить. А теперь дитя сй в руки бросили. В таком трудном пути самого себя не дотащишь, а ей — робятишка... Вон какая зевластая.

— И впрямь ей с нами тяжело. Одна среди мужиков. По малой нужде, и то от нас за версту ходит. Истинно бросила. И правильно сделала.

— Не то говорите, мужики, — Ермил поднялся на пенек. — Я с ее отцом с малолетства... Он за людей душу был рад положить, она карахтером вся в него. И не заблудилась она. С детства по лесам ходит. Скорее всего, к злодеям в руки попала она.

— Вот это истинно! Кто из нас не видел множество

следов конских копыт, а я там своими глазами видел всадников татарских...

— Это не татары, — сказал Ермил. — Это ногайцы. Как они попали сюда, я не ведаю, но разговоры их я слышал. И потому я вот што, мужики, думаю. Андрей прав, нам пока здесь остановиться надобно. И не только для того, чтобы Настю найти, но и пересидеть тут, пока ногайцы вперед уйдут.

— Но если они в наши места идут, то нам как же быть?

— Не бойсь, — сказал Андрейка. — Конники на одном месте не сидят. Придут они в наши места и уйдут.

— Парень верно говорит! Не назад же нам возвращаться?

— Может, они в иную сторону скачут?

— Что касемо пережидания — верно! Отсидимся пока в болотах!

— Леса здесь богатые! Прокормимся!

— Подождите, ребята! А подумали ли мы про холода? Осень на носу, нам к зиме до места дотопать надо!

Долго судили-рядили, но пришли к одному: надо искать потаенное место, чтобы переждать время. Лезть под басурманские сабли — не дело. Искать Настю поручили Андрею и Денису. На другой день потаенное место разыскал Ермил. В верстах четырех от табора болото крутой подковой обогнуло низкий глинистый холмик, заросший густо ивняком, молодыми березками и кленами. Место всем понравилось, и Ермил (его поставили старшим) приказал строить тут шалаши, выкопать пару землянок. Сидеть тут решили не меньше недели, пока впереди не разведают дорогу. Дениска при переезде пытался было запрячь Параню в телегу, но в деле этом не преуспел, лосяха поломала оглобли, тянуть возок никак не хотела. Пришлось эту затею бросить. Настенку нянчили поочередно всей ватагой, она пила звериное молоко, стала поправляться и, как видно, собралась жить наперекор всему. Поиски Насти ни к чему не привели. Девка как в воду канула.

В конце недельного сидения беглецы запечалились — охотники приносили из походов в окрестные леса одну весть неутешительнее другой. Сотня, убившая Настенкиных родителей, видимо, была ертаульной*. Вслед за ней должны были пойти другие сотни.

Дениска спросил Андрейку:

— Далеко ли те места? Тебе Настя не сказывала?

— Далеко.

* Ертаул (тат.) — передовой, разведочный отряд.

— Может, до зимы успеем?

— Ведь от басурманов прятаться придется, по кружным путям ходить, пережидать.

— Я вот что скажу, — вернул в разговор Ермил. — Рисковать в этом деле нельзя. Нужно сейчас решать. В лесах зимой снега велики, дорог не будет, много ли по суметам находим? Да и раздеты мы, — плеем от морозов за всяко просто. С голоду умрем. А если сейчас остановимся, успеем еду себе заготовить, зверя будем промышлять, из шкур одежду пошьем.

— И еще одно учтите, — сказал кто-то из ватажников. — Может, на Кокшаге басурманов поболее, чем здесь. А к весне что-то прояснится.

Однодушно согласились: осесть на зиму на этом острове.

VI

Над Кокшагой низкое небо. На левом берегу мерцает одинокий костришко, сыплет искрами в темень, отражается в воде. За костром видны силуэты лошадей, нет-нет да и раздастся тревожное ржание жеребца — вожака табуна.

Это ночная пастьба, любимое занятие илемских ребятишек. Давным-давно здесь был прибрежный руэм — выруб для посева. Потом земля истощилась, ее забросили. Она густо заросла травой. Нынче траву скосили на сено, а на отаву по ночам выгоняют пастись лошадей. С ребятишками, как всегда, посылают одного взрослого, по очереди. Нынче в ночное напросилась Айвика. Она сказала Топкаю с обидой:

— Лошадь у меня есть? Есть. Я сама пашу-сею, почему меня очередь обходит?

А где Айвика, там и Кори. Пришел он на свет костра, сел у огня, положил гусли на траву.

— Ты зачем притащился? — Айвика бросила в костер смолистый пенек. — Разве сегодня твой черед?

— Отец твой послал, — Кори бросил на траву чапан, лег на живот. — Сказал мне так: иди, Коришка, к табуну, там одна сопливая малышня, то и гляди волки их съедят. Пусть хоть один мужчина будет.

— Это кто мужчина? Ты? Волков-ту хоть раз в жизни видал?

— Не ворчи, сама рада небось.

— Ладно, оставайся. Может, сказку расскажешь. Не зря, чай, гусли приволок. Учись, пока Кочай хворает. Посмотри, какой из тебя сказитель получится.

— Верно! Давай, Кори, сказку! — ребятишки обрадовались, придвинулись ближе к костру.

— Кочай про Кокшу-патыра не успел досказать!

— Ты, поди, не раз слышал.

— Конечно, — Кори сел на чапан, сложил ноги калачом, положил на колени гусли. — Только я как Кочай петь не умею. Я по-своему буду говорить. Если что позабыл — выдумаю.

Когда Кори начал рассказывать, ребята оживились; сказание пошло совсем не так, как у деда. Но все равно было интересно.

— Много ли, мало ли прожил Кокша у деда Тойдемара, я не знаю, — так начал сказывать Кори. — Но знаю одно, он сильно полюбил Юкчи. И она его тоже полюбила. Ему бы сразу засватать девку и вся недолга, а он не может решиться поговорить с Тойдемаром. А тем временем, я прошу вас, детки, мысленно перенестись в царство Турни, на тот самый остров среди болот, о котором рассказывал Кочай. Где-то на краю этого острова, среди множества покрытых мхом и старыми листьями кочек, мы увидим девку, вот такую, как Айвика. Все ее тело зеленое с чешуйками, но красивое. В руке хлыст, она ходит около кочек и так же, как Айвика, ворчит:

— Прескверный старикашка! Родную дочь законопатил в эту яму. Послал считать сонливых этих тварей. Закрыл болотные все выходы и входы. Я тут подохну от тоски и скуки, — и она в досаде щелкнула бичом. — А ну, проснитесь, твари! Встать! Всем встать!

И вот холмики, которые мы принимаем за болотные кочки, зашевелились, сбросили с себя мох и ряску, и над землей стали подниматься девушки, которых похитил змей в течение многих лет. Лица их были измождены, вместо одежды — истлевшие лохмотья, еле прикрывающие их тела. Девушки по одной начали выходить на сухое место. Она каждую ударила хлыстом, чтобы посчитать:

— Одна, другая, третья! Подумать только, сколько же вас тут? Шесть, восемь. Десять. Подождите! Я со счета сбилась. Пошли обратно все, считать я буду снова. Одна, другая, третья, пятая... Пойдите! Идите тише. Ну, старый хрыч! Болотное отродье! Считать меня до девяти лишь научил, а сам...

— Кого ты назвала хрычом болотным? — дочь и не заметила, как на поляне появился Турни. — Отца родного?

— Ну что ты, болотный леший мой учитель...

— Болотный леший — лодырь и тупица, — махнув ру-

кой, сказал Турни. — Чему он может научить?.. Скажи, ну чем ты недовольна?

— Я умираю от тоски и скуки. Одно бабье вокруг... — змейка вскочила, ударила хлыстом девушку: — Что вы как сонные мухи? Веселее! Живее! Шевелитесь! Вот ты! Спишь на ходу!

И она ударила еще одну девушку. Турни лениво повернул голову, сказал:

— Не бей ее, Юнга. Она не виновата. Она и вправду не проснулась.

— Ты разбуди ее!

— Нельзя. Заколдовал ее я триста лет назад. Разбудишь — превратится в горстку праха.

— Зачем они нужны, коль постоянно спят? Я думала...

— Ты думала... В твоих палатах горы полотна, а в сундуках узорное шитье, а на столе прекрасное питье. Все это — дело их рук.

Появился младший сын Турни, он подскочил к отцу и зашептал что-то на ухо. Змей вскочил на ноги, топнул о землю и обратился в самого себя — в трехглавого змея. Юнга вскрикнула — даже дети боялись отца, когда он превращался в Трехглавого.

— Зачем ты нас, отец, пугаешь?! — воскликнула Юнга.

— Молчи, девчонка. Мне надо три головы, когда опасность близка.

— А что случилось?

— В двуречье появился новый богатырь. Для беспокойства не было причины, но он у Тойдемара появился, а этот может дать ему совет. Я до сих пор не знаю, что он узнал от дочери моей...

— Он полюбил сиротку, я подслушал, — сказал змееныш.

— Что за сиротка, почему не знаю?

— Отшельник взял в свою землянку Юкчи-сиротку. Ей теперь семнадцать.

— Это хорошо. Молчи, змееныш. Дай подумать. Сиротка — это мысль.

Змей долго раскачивал тремя головами, потом отрыгнул из правой глотки клубок пламени, плеснул на него воды из левой глотки и снова стал похож на человека.

— Надумал? — спросил змееныш.

— Надумал.

— Заманим его в топь, убьем, утопим?

— Дурак! Онар бессмертен. Его мы женим. Эй, Юнга!

— Я здесь, отец.

— Ты знаешь, где землянка Тойдемара?

— Была когда-то.

— Лети туда и взгляни на Юкчи. А заодно и на онара взглянешь. Я этих увальней, онаров знаю. Он будет десять лет вздыхать о девке, а сватов не осмелится послать. Когда Кокша пойдет от Тойдемара, ты превратишься в юную сиротку, его догонишь и пошлешь обратно. Чтоб он, рсшив жениться, сиротку ту засватал. Ты смелости ему придай и...

— Меня ты можешь не учить, отец...

...Ах, какая это была свадьба! Весь илем от мала до велика пришел на пир к своему онару. Да что там илем — со всей округи сошлись гости, принесли богатые подарки. Все междуречье знало, что сегодня женится Кокша-патыр.

Под дубом, где совсем недавно качалась колыбелька онара, расставили много столов и скамеек. Счастливая Юкчи взяла Кокшу за руку и сказала:

— Пойдем, мой милый патыр, к роднику. Умоемся его водой прозрачной. Спокон веков со свадьбы все молодые ходят к роднику, чтобы любовь была такой же чистой, чтобы любовь была такой же вечной, как струи водоносного ключа.

Они оставили гостей и, взявшись за руки, побежали к роднику. Они склонились над срубом, умыли свои лица ключевой водой, потом начали черпать горстями прозрачную, холодную влагу и поить ею друг друга. Потом они разговорились, стали мечтать о том, как они будут жить, сколько у них будет детей.

Но вот парни подхватили онара под руки и повели к столам. Юкчи с собой не взяли — не по обычаю. За нею девушки с песней придут. Вон они уже на косогоре.

И вдруг из кустов выскочили два беса — подручные Турни, схватили Юкчи, заткнули ей рот мхом и унесли в лес. Когда девушки подошли к роднику, невесты там не было. Подруги принялись звать ее: кричать и аукать, на крик возвратился Кокша.

— Юкчи, где ты? — позвал онар, и когда невеста не ответила, Кокша испугался. — Где ты, Юкчи? Она пропала! Ищите все!

Девушки и парни рассыпались по берегам ручья в поисках невесты. И вот совершенно неожиданно около сруба возникла Юкчи. Вы, конечно, догадались, что ее подменили, и теперь вместо нее стояла Юнга, точь-в-точь похожая на Юкчи.

— Чего горланите?! — грубо крикнула Юнга. — Я здесь. Чуть было в воду не упала. Идите к дубу все.

Парни и девушки удивились грубости невесты, но от родника отошли. Может быть, и верно говорит Юкчи —

ей хочется побыть наедине с любимым, а гости не отстают от них ни на шаг.

— Ты почему неласкова с гостями? — спросил Кокша, когда они остались наедине.

— Пристали, как репейники к хвосту. Одним побыть нам не дают, они мне надоели.

— Ну, что ты, милая. Они мои друзья.

Тут Юнга поняла, что ведет себя не так, как следует, и сказала:

— Прости меня, мой патыр. Они и мне друзья. Пойдем скорее к ним.

— А пить из родника любви? Ведь мы еще не досыта...

— Мне эта сырость надоела там...

— Тебя, Юкчи, совсем не узнаю. Мы только что...

— Пойдем скорей на свадьбу, милый. Пойдем!

Она ухватила Кокшу за руку и повлекла вверх по ко-
согору.

А гости уже перешли на поляну к холму, где посреди-
не разведен свадебный костер. Карт и Тойдемар хлопочут
около костра, готовят свадебные блины, колышки и другие
предметы, нужные для обряда.

Карт, увидев, что жених и невеста готовы и идут на
поляну, сказал:

— Склонитесь над костром. Пусть юмо тул — великий
бог огня до боли ваши губы обожжет, как обожгла любовь
два юных сердца. Благословляю вас. Отныне ты, Кокша,
и ты, Юкчи, — супруги. По древнему завету никто не мо-
жет вас разъединить. Любя живите...

И вдруг на холме раздался страшный хохот. Все обер-
нулись к холму и увидели на нем Турни. Громовым голо-
сом он прокричал:

— Ну что, великий патыр! Единственную дочь мою по-
хитил, женою сделал — меня на свадьбу даже не позвал.
Нехорошо!

А нахальная Юнга сбросила с себя одеяние Юкчи,
осталась в своем чешуйчатом наряде, прильнула к Кокше.
Он оттолкнул ее, бросился к змею:

— Куда девал Юкчи, презренный вор?! Скорее меч
несите!

— Не горячись, Кокша! — Турни поднял над головой
руку. — Зачем тебе Юкчи? По красоте моя Юнга ее не
хуже, твоя Юкчи бедна, как серая кукушка, а на свою
жену взгляни? Здесь каждая чешуйка золотая, браслеты —
серебро, в сережках — самоцветы. А во дворце сто тысяч
сундуков...

— Прочь, змей! — Кокша схватил поданный ему меч. — Мне не нужно твое змеиное отродье! Отдай Юкчи!

Онар взмахнул своим огромным мечом, и всем показалось, что он сейчас развалит Турни пополам. Но змей резко выбросил правую руку в сторону, сжал кисть, и в ней очутился трезубец. Легкое прикосновение к мечу, вспышка ярче молнии — и от меча осталась рукоятка. Она дымилась в руке онара, а змей спокойно возразил Кокше:

— Сказал ты — не нужна тебе Юнга? Как не нужна? Карт только что сказал: «По древнему завету никто не может вас разъединить». А ты, премудрый карт, обычаев хранитель, чего молчишь? Скажи, кто по обычаю жена онара?

Карт, испуганный появлением Турни, забился в толпу и, когда змей неожиданно обратился к нему, испугался еще больше. Но какой-то голос (он вроде бы прилетел с ветром) сказал ему тихо: «Скажи змею: мы хотим посоветоваться». И карт ободрился, вышел к костру и твердо произнес:

— Мы пойдем советоваться, Турни. Со старейшинами.

— Ладно. Только скажи старейшинам, что я не буду беспокоить ваши илеме сто лет. Если, конечно, мы породнимся. Скажи им, не забудь. Я подожду.

Карт, Тойдемар, Кокша и старейшины отошли от илема в лес и поднялись на высокую гору, поросшую сосняком. Их что-то тянуло туда. Здесь на большом сваленном грозой дереве сидел Арслан-онар. Он поздоровался с людьми и сказал:

— На тебя одного, Кокша, надежда. Из онаров только мы двое остались на земле: Кугурак и Чоткар легли в курганы на вековой покой, я тоже теряю силы. Только ты... Надо соглашаться со змеем, надо брать его дочь в жены, надо вывести тайну меча.

— Я люблю Юкчи, Арслан! — воскликнул Кокша.

— Поэтому ты и должен бороться за нее. И не так, как мы это делали раньше. Враг к нам с коварством и хитростью — мы должны быть коварнее и хитрее. Ты возьмешь Юngu в жены, ты будешь с ней ласков, ты заставишь ее полюбить людей, ты выведаешь тайну меча, и вот тогда мы с тобой победим змея, выручим Юкчи и всех, кого он похитил. А если будешь сейчас наскакивать на Турни — погибнешь сам, погубишь Юкчи, не будет народу облегчения. Ты понял нас?

— Я постараюсь, — ответил Кокша. А Тойдемар сказал:

— Надо запросить у змея побольше. Чтоб он не дога-

дался о наших замыслах. Пусть думает, что нас одолела жадность.

— Слушай нас, Турни, — сказал карт, когда старейшины вернулись на поляну. — Мы согласны взять твою дочь в жены онару. Он будет любить ее и считаться твоим зятем. Но за это ты должен оставить земли нашего илема и не появляться на них никогда. Пусть Кокша ходит к тебе в гости, если захочет, но твоя нога пусть не ступает на наши поля и леса.

— Согласен, — хмуро сказал Турни.

— И еще: в приданое невесте ты можешь давать все, что хочешь, но кроме того ты должен дать нам столько браслетов, чтобы их хватило на всех женщины двуречья.

— На обе руки по браслету?

— На обе.

— Ладно. Девкам на обе руки, бабам — на одну. Только золотых и...

— Ни золота, ни серебра нам не надо, Турни. Если наши бабы будут носить золотые браслеты, от грабителей и захватчиков не будет отбоя. Пусть это будут железные браслеты.

Так закончилась свадьба Кокши-онара.

Кори поднялся на ноги, оглядел поляну и крикнул:

— Кокша женился, а у нас кони разбрелись! А ну, голпузники, собрать лошадей ближе к костру!

СНОХА

I

После смерти царевича Ивана государь изменился необычайно. Посмертное прощение «изменников»-бояр подсказало народу, что опал и гонений больше не будет. Это чуть позднее подтвердил и сам царь, подписав указ, в котором грозил жестокими карами за ложные доносы, вошедшие у москвичей в привычку. Смертная казнь грозила всякому, кто напрасно обвинит бояр в мятеже. Боярских холопов и мелких ябедников за напраслину били палками по пяткам, рвали языки, ссылали в дальние крепости.

Притихли и бояре, они чувствовали, что царь ведет Ливонскую войну к концу. Он часто напоминал думе: кончу войну — отрекись от престола, хочу последние годы пожить по-человечески. В августе шведские рати осадили крепость, что на Ладоге и устье Невы. Но два штурма подряд были русскими отбиты, а в ноябре фельдмаршал Делагарди снял осаду и увел армию восвояси. Воевать с Россией один на один у шведов оказалась кишка тонка. Царь совсем было воспрянул, стал собирать войска, чтобы

одним ударом очистить северные берега Балтики и завершить войну со славой.

Но не тут-то было. Не успели притихнуть шведы, как на южных границах тревога. Пошла на Русь Большая нойгайская орда, заволновалось, забунтовало Поволжье.

Бунты инородцев расходились как круги по воде. Первый камень мятежа, как всегда, бросили казанцы. Волна шла во все четыре стороны. На Каму и далее к удмуртам, на Свиягу к чувашам, на Суру к мордве, на Кокшагу к черемисам. Построенные на Волге крепостишки бунтовой волне противиться не могли — она перекатывалась через них и расходилась в лесные глубинки, там разрасталась и сводила на нет все усилия крепостных воевод.

Приволжской, прикамской землей, вроде бы завоеванной, управлять становилось невозможно. Было ясно: надо крепости строить в глуши лесов. На Кокшаге, на озере Санчурин, в яранских лесах. Последовал указ готовить строительство укрепленных городов в приволжских лесах, выбирать места, где способнее ставить остроги. Поручено следить за этим делом Борису Годунову.

Зимой Иван перешел жить на половину царевича Федора. Сказал, что одиноко ему в огромных палатах, да и сколько дров надо, чтобы обтопить их. А здесь все-таки к сыну ближе. Жену Марию царь по-прежнему держал в Угличе, в Москву не звал. А она, гордячка, и не просилась. Сына Дмитрия, жившего с матерью, Иван не вспоминал, вроде как совсем и не было его. Мария на царство не венчана, Дмитрий прав на престол не имел никаких.

Царь выбрал для себя всего одну комнату, теплую и светлую, устроился в ней скромно, жизнь повел простую. Постельничего Годунова от себя отпустил, у него дел государственных и так прибавилось. Сам одевался и раздевался, много молился, размышлял о жизни, готовился к неизбежному концу. Указал над склепом, где похоронен царевич Иван, соорудить надгробие, как и у всех царей, погребенных в Архангельском соборе. Заодно повелел привести в порядок могилы жен, которых хоронили в Воскресенском монастыре, в кремле. Туда же царь приказал перенести прах Марфы Собакиной. По церковным обычаям, царю можно было жениться не более трех раз. Марфа была третьей. Собакина умерла через несколько дней после свадьбы. И похоронили ее по-простому. Царь приказал положить ее прах рядом с Анастасией и Марией Темрюковной. Поручено это Борису Годунову.

...Мерцает под образами одинокая лампада. В палате полумрак и тишина. Только поет под печкой сверчок. Царь

лежит под атласным одеялом, руки завел под голову, думает, вспоминает прожитую жизнь. Мысленно упрекает бога: «Господи, прости мя, ропщу я на тебя. Возношу тебе мысль жалобную свою, изнемогая от великих напастей. Для чего поражал ты меня столькими бедствиями с того времени, как я увидел свет? Для чего я принял столько горестей и от друзей, и от врагов? И не токмо от них, а и от детей родных. За што в конце жизни моей оставил ты мя одинокого настолько, что терзаюсь теперь мыслью, кому трон мой оставить, кому державу вручить?»

Брякнуло кольцо на двери, в палату вошел Годунов:

— Прости, государь, что в поздний час тревожу я тебя, но весть о чуде принес я тебе ныне.

— Что есмь? — Иван сбросил одеяло, встал, протянул руку. Годунов привычно подхватил с вешалки рясу, подал царю.

— Вскрыли мы домовину государыни Марфы, дабы прах перенести во внове гроб изготовленный, а праха нет.

— Господи прости! — Иван перекрестился в страхе. — Неужто выкинули?

— Я этого не сказал, государь. Я говорю — праха нет.

— А что есть?

— Государыня лежит, яко живая. Даже румянец на щеках не потух.

— Не перепутал ты чего, Борис? Ныне десятый год идет с тех пор, как Марфуту похоронили.

— Мне ли лик ее не знать, государь? Я потому и не перенес ее, знал, что ты посмотреть захочешь.

— Шубу давай!

Зима в этом году снежная, по всему кремлю намело сугробов. Меж ними протоптаны тропинки узкие, извилистые. Скрипит под сапогами снег, царь шагает за Годуновым, ворчит:

— Ох-хо-хо! Запустенело округ, непорядки. Снег разгрести, дороги сделать — разве мне об этом думать? На много ли уединился я, отдохновение хотел малое сделать, а уж кремль снегом засыпало. А что в державе, я чаю, творится — и подумать страшно.

— Людей недохватка, государь. Все в расходе по делам... а снег, я полагаю, весной сам растает.

— Лень свою, Бориско, на весну не перекладывай.

Во дворе монастыря чернеют на белом снегу два каменных надгробья, рядом свежая могила, около нее дубовый гроб полусгнивший, под крышкой. Землекопы, монахи и стрельцы отошли в сторонку, дали дорогу царю. Борис

кивнул, крышку сняли, поднесли к гробу два фонаря. Марфа, и верно, лежала будто живая, хоронили ее бледную и худую, теперь лицо будто припухло, округлилось, откуда-то появился на щеках румянец. Царь опустил на одно колено, легко провел по щеке пальцами. Почувствовал под рукой холодную твердость, будто корочкой защитилось тело покойной от тления. «Никакого чуда тут нет, — подумал про себя царь. — Несчастную так напичкали ядами, что и тлен ее не берет». И снова волна ненависти к боярам хлынула в душу, как и в те дни, когда провожал он красавицу-царицу в последний путь. Перекрестив чело Марфы троекратно, царь поднялся и молча пошел прочь...

...Злость на боярство не прошла и в палате. Взволнованный необычным событием, царь не мог уснуть. Тревожные думы одна за одной приходили в воспаленную голову. «Вот умру я, — думал он, — снова повторится то же, что и было после смерти отца моего. Опять наступят времена семибоярщины, и пресечется корень мой на троне. Нет, нужно оставить после себя твердую власть. Как ни ломай голову, как ни крути ни верти, а кроме царевича Федора на престол сажать некого. Его-то бояре оттолкнуть не посмеют, ибо не останется у трона никого, кто был бы выше его родом. Но как быть с властью? Ведь царем быть — не только на троне сидеть да скипетр с державой в руках сжимать. Тут ум нужен, характер. Ни того, ни другого у блаженного Федюни нет. И один выход в этом деле — Годуновы. Федор станет царем, Ирина царицей, а Борис будет при них. Этот державу вырвать из ладоней Феде никому не позволит. И сам не сумеет взять, поскольку худороден. Поставь около Федора какого ни то родовитого боярина, Шуйского к слову, он в первый же год лапы к трону потянет. А Бориса бояре никогда к престолу не допустят. «Иришку, Борисову сестру, я, пожалуй, напрасно хаял, — думает царь. — Просто мало знал свою сношку. И ее можно будет в державную телегу запрячь. Умна, сноровиста, ласкова, статна. Трон своим видом не унизит. Красива опять же, черноброва, румяна, глаза, на щеках ямки. Царица да и только! Плечи покаты, бедра крутые, походка горделивая. Жаль, что бесплодна. Но это скорее от Федюни происходит. На мужика совсем не похож. Иная жена на месте Ирины давно бы догадалась друга любезного на стороне завести, а эта дуручка честна, богобоязненна. Может, намекнуть ей? Уж больно внук по теперешней поре мне надобен, ой как надобен! Родись у снохи парнишка — года через два, глядишь, и царь. Отец мой Василий Иванович в три годочка был коронован. А в аглицких землях,

слышал я, в зыбке королевичей коронуют. Внука в первое время Годуновы бы поддерживали, а потом царенок сам начнет понимать что к чему. Я, к примеру, тринадцатилетним бояр за бороды таскал, с послами иноземных держав разговаривал. Конечно, тяжело Ирину на грех супротив сына толкать, но, видит бог, придется. Без внука мне никак нельзя. Никак».

Уснул царь на рассвете, но все равно спалось мало. Утром позвал Годунова, спросил:

— Что во дворе деется? Про Казань слышно что-нибудь? Инородцы бунтовать не перестали?

— И не перестанут, государь. Вчера прибежали с Волги Сабуровы, Богдан и Данила. От твоего имени велел я им в приволжских крепостишках побывать, деяния воевод посмотреть.

— И что же?

— Худо, государь. Крепостишки ветшают, почину им никто не делает, воеводы все более для себя воруют, инородцев озлобляют. Воевода крепости кокшайской мощну свою набил, а стены городца во многих местах погнили и упали совсем, стрельцам корм дает худой, то и гляди разбегутся все...

— Кто там воеводой?

— Василей сын Буйносов-Ростовский.

— Вытури его оттуда. Другого воеводу дай.

— А дядя его еще далее пошел. Сокрывал в крепости свияжской кузнеца одного, беглого вора. Если помнишь, в минувшие бунты воровал он против тебя на Каме, более тыщи разбойников на наши рати водил. Не успел воевода Сабуров разнюхать про это, а кузнец тот возьми и сбеги. Не иначе как в глубь лесов, к черемисам. Теперь жди и там бунта...

— Како ты мыслишь, Борис? Вот намыслил я построить крепостишки во глубине черемисских земель. Хоть бы три на первое время. Но ведь денег прорву надо. Спрашивал я у головы Разрядного приказа, он подсчитал мне ровно сто двенадцать тыщ пятьсот семьдесят два рубли и 31 алтын. Я и подумал: может, черемисских бунтовщиков и без острогов усмирять можно. На Волге мы крепостей настроили, а чернь как бунтовала, так и бунтует.

— Усмирить черемис, государь, мы сможем. Но не дороже ли это будет? Уж коль стали они нашими подданными, то нам бы с ними надо жить мирно, по-доброму.

— От крепостей они, думаешь, замирятся?

— Суть не в них, государь. Сам знаешь, теперь перед нами солтан турецкий стоит, а крымская орда — бич в

руках турок. И они этим бичом будут хлестать во все места. И особливо по Астрахани и Казани. И крепости эти, я полагаю, удумал ты строить не для усмирения черемис, а для их защиты от вражьих набегов. Если бы черемис не подбивали на мятежи басурманы, то они бы и не бунтовали вовсе.

— Стало быть, крепости строить надо непременно.

— Надо, государь.

— Места для городов разведаны?

— Людей я те места разведать посылал, а черемиса их побила.

— Другие посланы?

— Нет, государь. Один я не успеваю. Сам знаешь, сколько у меня забот. За себя и за иных думать приходится.

— За кого за иных?

— Бояре Бельский, Никита Юрьев, Мстиславский томо бородами трясут, а дела от них мало. Одряхтели зело, стары ведь. Что с них спросишь?

— На бояр не тебе жалобиться. С них я сам спрошу. А Сабуровых вечером ко мне.

— Исполню, государь.

— Ты же строй крепости на мордовских и чувашских землях. Черемисский край сестре поручи. Ей скоро царичей быть, пусть к государским делам привыкает.

— Скажу.

— Не надо, пожалуй. Я сам ныне к ней пойду. Любо мне бывать у нее. Душевно и вольно поговорить более не с кем.

— Твоя воля, государь. Я рад, что сестра моя по сердцу тебе пришлась. Она большой подпорой царевичу может быть, ежели ты ему державу в руку положишь.

— Положу. Видит бог, более некому...

Как-то недели две назад государь занемог. Не то, чтобы слег совсем, просто разболелась голова, снова пришла бессонница. Был позван лекарь аглицкий, который ранее лечил царевича Ивана, а теперь перешел на половину царевича Федора. Привел его Годунов. Теперь Борис не отходил от царя. Бояре злословили, что-де постельничий с умыслом уговорил перейти на зиму к Федору, чтобы был он к Годуновым поближе, а от бояр подальше.

Лекарь осмотрел Ивана Васильевича и сказал, что для беспокойства причины нет, недомогание сил происходит от постоянного сидения в хоромах, от неподвижности. Посоветовал больше гулять на воле, чаще садиться на коня, дышать вольным духом. Постельничий помнил об этом.

— Может, государь, на зайчишек съездим? — предложил Годунов: — Пока снег неглубок, пока следы заметны. Завтра.

— Не люблю откладывать! — воскликнул царь. — Едем сегодня. Иначе закис я тут совсем.

Не прошло и часа, как лошади были собраны, гурьба ловитчиков наготове. Царь вышел во двор, сказал Годунову:

— Куда такая орава? Чай, не на медведя идем. Бери пятерых — хватит.

До леса доскакали быстро. Царь ехал впереди, Годунов скакал рядом, стремя в стремя. Погода выдалась отменная — небесный свод вымыт, будто перед праздником. Над землей струилась освежающая ветренная влага. Когда въехали в лес, их объяла благоговейная тишина. Еловые и пихтовые лапы под снеговыми шапками чуть покачивались. Иван попрiderжал коня, поехал шагом.

— Боже мой! Какая лепота. Пожить бы, Бориско, еще столько же, а?

— Поживешь, государь. Полсотни лет — это разве года? Вон на Никиту-боярина погляди. Восьмой десяток разменял, а все еще на девок одним глазом косит.

— Про девок не говори, душу не тревожь. Я вон царицу из Углича жду и то боюсь. Нemoшь великую чувствую. И зависть меня гложет, Борисушко.

— Уж тебе ли, государь, завидовать. Все у тебя есть — богатство, слава, власть.

— А молодость? Цари, я полагаю, последнему молодому холопу завидуют.

— Не надо, государь. Зависть — самое последнее, ничтожное чувство. Завистников вокруг тебя великое множество, всех их знаешь ты, мерзость их очевидна. Стоит ли уподобляться им?

— Не любишь, видать, завистников?

— Мало того. Ненавижу. Нет на свете людей ничтожнее и зловреднее, чем завистники. В каких наичестнейших, удачливых людях не ищут они порока? В каком премудром, талантливом деле не найдут они глупости аль бо бесполезности? Какого одаренного человека не закидают грязью, не очерняют хулоу? В любой победе находят черты злодеяния, всякому герою придумают унижение. Ибо завистник всегда злобно находит в одаренности человека скверну и хулу, дабы ими прикрыть пустоту свою, бездарность и немощность.

— Для чего говоришь это? Мне в упрек?

— Что ты, государь! Кому ты захочешь завидовать. Я

говоря про недругов моих, чтобы ты, не дай бог, к речам их не прислушался. Уж не я ли радею тебе и государству твоему?! Уж не я ли отдал семье твоей все, что у меня есть, а что нажил? Ненависть бояр родовитых, зависть великую. И какие только слухи не сеют про меня. Что татарин я, двоедушен, злобен, мстителен и глуп.

— Неужто говорят такое?

— Только ли. У меня до сих пор не зажили раны, что получил я, защищая царевича Ивана, а по Москве пущен слух, будто я поссорил тебя с ним.

— Не надо, Борис... Даже небо хмуриться от сих речей стало...

— Не буду.

На лес, и верно, набежали легкие тучи, закрыли солнце. Пошел снег. Крупный, мягкий, падал он на землю, закрывая просеку, по которой ехали охотники, белесой пеленой. Ловитчики поотстали, их тоже не было видно. Речушка поперек просеки с мосточком на ней вырисовалась из белой мглы неожиданно. Две темные фигуры на мосточке испуганно прижались к перилам, а когда кони царя и Годунова гулко застучали по бревнам, упали на колени. Царь натянул повод, сказал:

— Встаньте.

Мужчина поднялся с колен, взглянул на царя, как-то значительно улыбнулся в широченную лохматую бороду. За ним поднялась женщина в длинной монашеской рясе, подпоясанной кушаком.

— Куда идешь, борода?

— Куда глаза глядят, Иван Василич. Пристанища ищем.

— Откуда знаешь меня?

— Встречались, государь. Под Казанью, да и во Свияжске.

— Не помню что-то.

— Князя Акпарса вспомни. Коло него мы с попадьей моей были. А зовут меня Иоахим.

— Это ты по лесным пустыням шлялся, черемис к вере приводил?

— Я, государь. И моя Палага.

— В гости зашел бы. Али торопишься?

Ешка пожал плечами.

— Вечером у ворот моих потолкайся. И приведут тя.— Царь тронул поводья, и кони двинулись дальше.

— Зачем он тебе, государь? — спросил Годунов.

— Недогадлив ты, Борис. Даве сказывал, что развед-

чиков твоих черемисы побили, а других послать некого. А он черемисские леса исходил вдоль и поперек.

— Прости, государь. Бродячим монахам не верю. Наврет три короба...

— Послушаем, поглядим.

Охота не удалась, но Иван был доволен. Прошла головная боль, он встретил Ешку, а тот напомнил ему времена казанского взятия, милые сердцу молодые годы. И оттого царь помолодел вроде.

— Мне у тебя вечером быть? — спросил Годунов, когда расставались.

— Не надо. Сестре скажи, чтобы меня ждала. Скажи, будут гости.

— Царевичу быть?

— Ему же бражничать нельзя. Пусть благовестом нас усладит.

II

Ирина слова брата встретила с радостью. До того царь заходил к ней редко, все душеспасительные беседы вел, исподволь выведывал, что она знает, како мыслит. Теперь же брат посоветовал приготовить пир, поставить на стол хмельного. Значит, царь по-настоящему считает их дом своим семейным жильем, значит, обратилось его сердце к ней как к родной снохе. А она ведь втайне считала беседы царя проверкой и ждала: вот-вот придут к ней царские слуги и поведут в монастырь, как уводили в глухие кельи первых двух жен царевича Ивана. А брат, уходя, посоветовал:

— Смелой будь. Государь покорных не любит. Он тебя в царицы прочит. Он знает: нам с тобой державой править, а не мужу твоему.

Ирина над словами брата думала недолго. Она сама понимала, что царицей быть придется. А надолго ли — от самой зависит. Если быть робкой, мягкосердной — затуркают бояре, да и сам царь любит смелых. Надоело ей улыбаться всем и каждому, пора и зубки показать. Ума ей не занимать, решительность в ней с детства воспитана, в семье Годуновых росла. Здесь размазней не любили, растяп презирали.

Решила просто: буду с царем на равной ноге, пусть почувствует во мне будущую царицу. И по характеру, и по уму.

Уж и постаралась сношка, уж похлопотала. На столе чего только нет! И мясо, и рыба, и соленья всякие. Брус-

ника моченая, капуста пластовая, грибы. Брага, ренское вино, бесхмельное пиво. Сама Ирина оделась в лучшие свои наряды, уложила косы на голове венцом, в уши вдела колты янтарные, на грудь нити из жемчуга. А царевич уж на колокольне. Шутка сказать, царя благовестом тешить. И разливаются над кремлем звуки малых колокольцев, и рассыпаются перезвоны средних колоколов, падают, будто пудовые гири — тум-м, бум-м, — удары главного звона Ивана Великого. Ирина давно знает царя, она жила и воспитывалась во дворце, и случилось так, что с детства дружила с царевичем Федором. Видела она Ивана, правда, издалека, но часто. И постарел, и одряхлел он у нее на глазах. Но сегодня, когда царь вошел к ней в палату, Ирина удивилась. Иван Васильевич помолодел, изменился. Голубая бархатная мурмолка лихо сдвинута набок, глаза блестят, спина распрямилась, на плечах ладно висит малиновый парчовый кафтан, подпоясанный широким зеленым шелковым поясом. Как будто не было жестоких хворей, будто не сгибался царь над гробом царевича, не бил поклоны в Крестовой палате.

— Вот, Иринушка, принимай гостей. Это — отец Ефим, это — матушка Пелагея. Они со мною рядом Казань воевали. Ефим одевал кольчугу, брал меч, а матушка врачевала раненых. Об остальных их достоинствах после скажу.

Ешку и Палагу переодели. На космы натянута черная камилавка новая, ряса из сиреневого шелка, тяжелого, бухарского. Ежели такую рясу на базаре продать, то неделю в кабаке сидеть можно. На Палаге внакидку цветная шаль, сарафан и сафьяновые сапожки.

Ирина отвесила вошедшим глубокий поклон:

— Желанным гостям всякая хозяйка рада, а я так и совсем окрылена радостью безмерной. Садитесь к столу. Чем богата, тем и рада.

— Расскажи-ка, отец Ефим, о скитаниях своих, — сказал царь, когда выпили по ковшу браги и закусили.

Ешка сдул бражную пену с усов, сырой ладонью погладил бороду, начал говорить.

— С той поры, как князь Акпарс умер, начались мои походы.

— Разве Акпарс умер?!

— Давно.

— Кого за себя оставил?

— В том-то и дело, государь, — никого. Детей у князя не было, а других людей княжеского рода у черемис не оказалось. Ты про него забыл...

— А бояре куда глядели?

— Бояре крепости по Волге строить начали, воевод туда сажать, а тем черемисская власть ни к чему. Они сразу инородцев грабить начали, и волнения ныне оттого и происходят...

— Что ж, по-твоему, крепости строить не надо было?

— Сперва надо было строить монастыри. Ибо она божья обитель, прости, Иван Василич, что поучаю тебя, является собой и крепость, и господен храм одновременно.

— Погоди, погоди! А монахи, ты мыслишь, будут святым духом жить? Они тех же инородцев...

— Разница великая, государь. Воевода приходит и отбирает силой, а в монастырь верующие несут по своей воле.

— Ты, сколь я помню, на Кокшагу с Шигоней хаживал?

— Три года там жил и все места в округе знаю.

— Добро. Говори про скитания. Иринushка, ренского нам налей.

— Стоит ли, государь? — сказал Ешка, выпив вина. — Был я и во Пскове, был в Новгороде Нижнем, в Казани. И в рясе ходил, и в кольчуге...

— Характер у него беспокойный, — заметила Палага. — На одном месте не усидеть ему. Во множестве местов бывали мы, некое житие и забылось совсем. Теперь вот под Москву притопали.

— Зачем? Что думаете делать тут?

— Да тут к одному месту прибиться хотим. Старость одолевает, государь. Телеса покоя просят.

— Ты врешь, баба, — недовольно пробурчал Ешка. — Какая старость?! Когда государь Казань брал, ему было двадцать два, мне тридцать пять. Разность велика ли? Теперь, я вижу, мы снова государю надобны. Ты что думаешь, он нас брагу хлестать сюда позвал? Говори, Иван Васильевич, если надо, мы еще державе послужим.

— Вот за эти слова хвалю! А позвал я тебя, отец Ефим, вот зачем. Думаем мы в глуби кокшайских лесов срубить город. Ты бы сходил в те края да место для города подыскал бы. Сил хватит?

— Туда дойду, а обратно... Я то кой-как, а вот старуха моя, верно, не сдюжит. Если так, государь, размыслим: я в кокшайские места уйду, там заложу святую пустынь, осяду в ней, буду искать доброе место для града. Восточку, я чаю, подать сумею.

— Добро! — царь положил руку Ешке на плечо. — Я знал, что ты, как и прежде, делам государства радатель. Вести шли вот ей, — Иван кивнул головой на Ирину. — Она и рати туда снаряжать будет, и город строить.

— Не по плечу ношу кладешь, государь, — Ирина совсем не ожидала таких слов. — Города строит, рати собирает Разрядный приказ. Мне ли...

— К делам привыкай, сношенька. Ты к тому сроку, может, царицей будешь.

Палага перекрестилась в испуге, глянула на Ешку. Недоуменно и тоже смущенно подняла брови Ирина. Иван понял бабий испуг — они подумали, что он прочит ее за себя.

— Вот замирение со Степкой Баторием сделаю — отрекусь от престола, на отдых уйду. Корону Федюне передам, пусть правит. А ты ему помощница первая. Посему за град на Кокшаге с тебя буду спрашивать. Посмотрю, какая ты будешь царица.

Ешка поднялся, перекрестился на образа:

— Спасибо, Иван Васильич, за хлеб-соль, нам пора.

— С богом, отец Ефим. Дадут тебе лошаденку с санями, я указал, еды на дорогу — и поезжай. К весне жду вестей. «Наградить бы чем-то надо, — подумал царь, провожая взглядом две удаляющиеся фигуры. — Как и тридцать лет назад, служат эти люди державе добровольно, сами дел полезных народу ищут, не спрашивая ни денег, ни благодарности. Вот и сейчас пошли в дикую даль без ропота, и верю — снова добрую службу сослужат мне. Вот тогда и награжу».

— Про сих людей, сношенька, не забывай. Дело делают — награди. На таких вот подвижников и впредь опирайся.

За окнами сгустилась ночь, колокола тренькали вяло, видать, царевич приустал либо замерз. На колокольне, поди, ветренно, руки, поди, коченеют. Ирина слушает благовест, склонив на плечо голову.

— О чем думаешь, Иринушка? — тихо и ласково спрашивает Иван.

— О словах твоих думаю, о нове городе на Кокшаге. Таких городов мы настроили немало, а есть ли толк от них? И брат мой говаривал, и отец Ефим ныне то же сказал — волнения инородцев от крепостей происходят.

— Сии речи не умны! — царь выпил бокал вина, захмелел, начал говорить громко. — Я все северные страны обрусить хочу, к студеному морю выйти, а черемиса та — на пути моем. Немало крепостей мы поставили, это верно, но все они по Волге, по берегам. А народы дикие во глубине лесов, крепости волжские до них не достают. А мне надобно мечом и копьём подавить их, пусть головы к земле пригнут неподъемно.

— Я иначе думаю, государь. Не осердишься на это?

— Говори, яко мыслишь. Ранее Иванушко прямые речи мне говорил, ныне окромя тебя некому.

— Разве не знаешь ты, что народ от мечей злобится. Инородцев надо кротостью, лаской приворожить, дружбу надо с ними вести. Тогда...

— С кем дружбу? С черемисой? Не зря говорят в людях: с одной стороны черемиса, с другой берегися. Знаю я, народ сей коварный зело. Я им и князя дал — погубили, ясак не брал — все без толку. Прихвостни тагарские — и ничего более. Чем еще их к дружбе склонить?

— Верой в бога единого, неделимого. Не с крепостей дружбу творить надобно, государь, а с часовенок. Ты, и чаю, неспроста монаха многомудрого в гости мне привел, а он утверждение свое на той земле начинает со святой пустыни. Вера христова...

— Огонь и меч — защита веры христовой! Не буде меча в руке моей, веру нехристи затопчут в навоз и грязь, и некому будет славить бога! Недруги мои...

— Недругов своих надобно уважать, государь мой. Надобно стремиться превратить их во друзей. Головы рубить легче всего. — Сказав последние слова, Ирина сама испугалась своей смелости. Таких упреков Иван не выносил. Но царь не возразил Ирине, как будто слов этих не слышал. Вылавливая из миски моченую бруснику, бросал крупные ягоды в рот, мелкие давил большим пальцем в ложке, слизывал языком. Потом заговорил мягко, беззлобно:

— Ты, душа моя, по женску канону судишь. И неправа во многом. А я жизнь знаю досконально. Вот ты говоришь: доброта, ласка. Может, с мужем, с милым это и надобно, а с людьми — вред! Да будет тебе известно, никакая доброта не останется безнаказанной. Ты человеку поверил, а он, скот, тебе изменил. Ты ему добро содеял, он непременно, подлец, злом отплатит. Вот приходит к тебе человеке, просит займы денег. Ты ему дал, и он тут же тебе враг. Либо, свинья, долг тот не отдаст, либо будет клясть тебя на всех перекрестках за то, что ты последнее с него спустил. Вот сказала ты: к черемисам с добром надобно. Я ли им не радел? На три лета ясак и все налоги скостил, волю дал. И что же стало? Зубовный скрежет слышен — почему не на пять? Акпарса княжеским тиглом возвеличил, золотом, серебром одаривал — людьми меня за это благодарить бы следовало. А на деле? Сонмы завистников луговых появились и своего же владыку извели, а на меня бунтом кинулись, и до сих пор кидаются. Зло, мечи, гнет родят страх, это верно, зато со страхом приходит и уважение.

Вот ты про плаху помянула (услышал все-таки, подумала Ирина). Рубить, мол, головы легко. Легко это или трудно, не в том суть, но всякий государь рядом с тронном палача ставит. И окромя пользы ничего не происходит. Ты, чай, сама видывала, сколько зевак к лобному месту в дни казни приходит. Тысячи и тысячи. Ни к одному храму, где о добре молитвы творят, столько никогда не прихаживало. Топоры стучат, кости хрустят, кровь рекой — и все довольны, у всех вроде праздник. Не пробовал я, но, видит бог, попробую. Сзову народ на казнь поглядеть, а потом приговоренных помилю. Помяни мое слово, с лобного места стащат за ноги и разорвут, пожалуй. Как же — такого зрелища лишил!

— Одну дерзость ты простил мне, прости и другую. В иное время ты попики этого рваного и на порог не пустил бы. А ныне вровень с собой посадил. Почему?

— Ну, почему?

— Потому как верных людей вокруг тебя осталось мало. И не только тебе, но и мне Борис жалобился, что на разведывание черемисских земель послать некого.

— Тут ты права, Иринушка. Друзьями верными обнищал я. Но и другое пойми, черемиса друзьями моими не будут никогда!

— Твоими, может, и не будут, но простому русскому люду они не враги. Ныне все более мы о дружбе князей, королей да царей думаем, а надо бы в первую голову о единении народов государства заботиться. Вот ты многие народы покорил: и мордва, и чуваша, и черемиса, татару, вотяки ж, и сразу крепости начал строить.

— Да что вам крепости эти дались! Без них покорности инородцев не дожждаться!

— А с крепостями дождался?!

— Нет, но потому, что крепости не там поставлены, и мало их!

— Я супротив крепостей не стою. Я хочу сказать, что в города стрельцов и воевод сажать надобно меньше, а простого люду на земли те поселять больше. Земли там вольные, к пользованию трудные, и придется тем поселенцам вместе с инородцами лишения переносить, горе и беду мыкать. А это скрепляет людей, сдружает и усиливает.

— Вот-вот! Сдружившись да усилившись, они вместе воровать против меня начнут. Тогда поистине от крепостей пользы не будет.

— Ты не хочешь понять меня, государь. Я еще ранее сказала — инородцам надобно веру в господу бога нашего единого и неделимого внушить. И того...

— Добро, добро. Я не спорить к тебе пришел. Это я так, по привычке. Бери под свою руку это дело, строй грады на Кокшаге, на озере Санчурин, на Яран-реке. Церковь святую потрясем, найдем денег и на монастыри, и на храмы. Ищи, посылай наших людей на поселенье, сколь сможешь. Пробуй, испытывай, может, ты и права в мыслях своих, ибо радуешь ты меня смелостью, рвением к государственной полезности, широтой помыслов твоих. Может, и впрямь кротостью многого добиться можно.

— Спасибо, государь мой, за похвалу. Ранее я думала, что душа твоя ко мне не лежит.

— Было так, было. И теперь у меня упрёки есть к тебе, и немалые.

— Слушаю тебя, Иван Васильевич.

— Надумал я державу передать Феде, потому как более некому. Но душа болит у меня. Недолговечен он будет на царстве. Здоровьем хил, духом слаб. Либо умрет, потому как государю железное здоровье требуется, либо сомнут его бояре.

— Но ты сам сказал — Борис будет рядом...

— Неродовит он. Вот если бы ты сына родила. Младенцем несмышленным и то он трон укрепил бы.

— Это все в воле божьей, государь.

Иван поглядел на смутившуюся Ирину, схватил штоф, налил полный бокал вина, выпил.

— А может, в твоей, душа моя?

— Как это?

— Я ж сказал тебе — роди сына. И если Федя немощен — согреши.

Ирина побледнела, встала из-за стола, подошла к окну:

— Побойся бога, государь! Греха побойся. Слова твои дерзки...

— Дерзости и греха не боюсь. Бывает, что и согрешить надобно во имя дела государственного. Ответствуй мне, что хуже — оставить державу без пастыря или грехом малым дать царству наследника умного, красивого и крепкого. Да и грех ли это, когда человеки стремятся оставить после себя доброе потомство? Не всяк ли муж и жена его в ночи объятия вершат, и не телесной улады ради, а дабы породить на свет нового человека?

На улице снова зазвенели утихшие было колокола. Ирина, услышав постыдные речи царя, хотела было крикнуть: «Позволь, государь, мне уйти!», но какая-то неведомая сила остановила ее. Она сама длинными бессонными ночами думала о грехе, ее дух и плоть требовали материнства, она

одна точно знала, что бесплодие — не ее вина. И не крикнула, не ушла, а сказала, не оборачиваясь от окна:

— То муж и жена, государь, а ты чему учишь?

— Но как быть, коли муж безъягл и доброго семени дать не может?!

— Но ты же царевичу отец! — Ирина гневно вскинула голову, повернулась к царю. — Опомнись! Подумай, о чем речь ведешь.

— Потому и забочусь о вас обоих, что отец! Вот умру я, разорвут вас князья да бояре, и род, что идет от Ивана Калиты, нарушат. Кого вы поставите на пути этой алчной до власти орды?!

В голову жаркой волной ударила кровь. Щеки Ирины пылали. Речи царя волновали ее и пугали одновременно. Ей было стыдно слушать дерзкие слова свекра, но где-то в глубине билась мысль о том, что Иван прав, и если, не дай бог, она впадет в подобный грех, он не осудит ее. Особенно поразили Ирину слова о дьяке Спиридоне. Царь как будто знал, чувствовал, что она равнодушна к Спиридону. И другая мысль мелькнула в голове: дьяк после смерти царевича остался не у дел, хорошо бы приблизить его, сделать дьяком при Федоре. Но мысль эту она отогнала, подумала, что самая пора речи царские прекратить. Можно встать и уйти, но царь огневается, да и мыслимое ли дело хозяйке убегать от гостя... Надо направить русло разговора в другую сторону. Но о чем бы заговорить?

— Что молчишь, сноха?

— Ты и так грешен, государь, — нашлась Ирина. Догадалась — царя надо упрекнуть во многоженстве, он непременно начнет оправдываться. — У тебя, Иван Васильевич, жена в Угличе томится. Котора по счету? Седьмая?

— Она же наследника мне не даст.

— К твоим грехам господь привык, может, он и простит прегрешения твои, а меня-то зачем в геенну огненную ввергнуть хочешь?

— Женами меня не попрекай, Ирина! Ты же знаешь, что все жены мои — это суть страдания мои, боли мои, а не грехи. Только одна из семи на том свете в грех зачтется. Одну ее я сам сгубил. Ни перед кем я не оправдывался, а тебе исповедаться хочу. Будешь слушать?

— Говори.

— Среди многих есть единственная, кого любил я и сейчас люблю. Да и этот грех перед господом богом страданиями моими перекроется и не впишется в смертную книгу судьбы моей. Спроси имя ее, назову.

— Знаю, государь. Это Анастасия — любовь первая твоя.

— По-женски судишь, сношенька. Первая любовь всегда самая короткая. Сама посуди: шел мне тогда шестнадцатый годок. В эту пору любая девица по сердцу, но надолго ли? Только теперь умом своим зрелым и опытным понимаю, что свора боярская убивала эту любовь чуть не с первого дня. Я молод и наивен был тогда, думал, что все беды шли от промысла божьего, а не — все бесовскими, боярскими кознями творилось. Мою юницу Настасьюшку Старицкие-князья изводили, чем только могли. Да только ли Старицкие. И ядом, и злым словом, и волхованием злодейским.

— Об этом я слышала.

— Всем мы с Настенькой верили: первых дочерей наших, Аннушку и Машеньку, в руки няnek и мамок отдали. И детки невинные уморены были, каждая и до года дожить не успела. Потом родился Митя. Уж как был любим нами! Настя, догадавшись, сама пестовала, и рос парнишка, как в сказке, не по дням, а по часам. Ты его помнишь ли?

— Нет, государь. Меня тогда и на свете не было.

— Как сейчас помню тот злополучный день: поехали мы помолиться в монастырь града Кириллова водою. Стали спускаться на берег со струга по сходням. Митю из рук царицыных отняли, отдали няньке. Вроде бы для бережения его набежало на сходни десятка полтора слуг, сходни рухнули в воду. Все бросились спасать царицу, а она сама плавать умела, что ее спасать, да и вода у берега неглубока была. О царевиче же забыли. А может, и не забыли? Может, с умыслом вынули из воды его последним, бездыханным. С тех пор Настя совсем занемогла... А кто ее лечил? Те же лекаря боярские. Вместо снадобий отраву сыпали. Подумать только — когда она умерла, ей и тридцати не было. Вот все думают, что Ванюшу я убил. Нет! Это моими руками псы боярские сына моего прикончили! Не они ли с детства властолюбие его разжигали, супротив меня настраивали? Не они ли...

— Самомнителен ты, государь. Жить, поди, тебе тяжело. Всюду яды мерещатся, казни. А может быть...

— Нет, ты погоди, дослушай меня до конца, коль семью женами попрекнула.

— Женами не я тебя попрекаю, а церковь святая...

— Попы, митрополит?! А не они ли, не святые ли отцы мне Марию Темрюковну сосватали, дабы через нее все черкасские народы в лоно православной церкви привести?

Мог я ее сердцем полюбить, по нравам, по крови чужую? Телесами она лепна была, в ночи горяча, но разве царице это надобно? Она бы не только меня, но и тебя пережила, настоль крепка была и резва. А что вышло? И трех лет не минуло, как не стало ее. А ты говоришь — яды мне мерещатся. Я ли ее не берег, я ли ее не холил! А Марфу, дочь Собакиных, вспомни! Только вчера ее видел...

— Перекрестись, государь. Она же...

— Борис разве не сказывал тебе? Переносил он прах ее в иное место, домовину открыл, а она лежит, тлением не тронутая. Десять годков минуло, а она еще красивее стала. Румяная лежит. Ты, поди, думаешь, чудо земное, всамделе-то она вся насквозь ядами пропитана. В нее, поди, отрав этих три ведра бояре влили. Потому как просватал ее за меня Малюта Лукьяныч, всеми боярами ненавидимый. Легко ли было мне трех жен опустить в могилу одну за другой, подумай сама. Я сначала терзался и плакал, а уж потом пришло остервенение великое. Многая казнь от того остервенения пошла. Не тогда ли мои бессонные ночи начались? Мечусь на постели в ночи, думаю: «Сколь жен ни бери — бояре все равно изведут». Мой верный Малюта дал совет: женись, государь, на простой девке, на такой, чтоб ни к друзьям твоим, ни к недругам у нее родни не было. И выбрали мне Анну Колтовскую. Уж красивее ее, вроде, во всей державе не сыскать было, здоровее бабы не видывал. Успокоюсь, думал, в своей семье, народит она мне наследников, и все пойдет как следует. Ан не тут-то было! Митрополит венчать на царство ее отказался, боярская дума отказала родителям Анны во всех чинах, ни один поклониться ей не хотел. А что мне делать было? Снова головы рубить? Но как совсем без бояр останешься. И пришлось со слезой во взоре проводить непризнанную царицу в монастырь. Потом дали мне в жены Васильчикову Анну. Ты уж ее-то хорошо помнишь.

— Помню. Гордая была, красивая.

— Она прямо сказала, что меня не любит и пошла во дворец по настоянию братьев своих да боярина Умнова-Колычева. Зачем мне такая? Не удалось Умнову делишки свои обманом поправить. Ему я голову снес, а Анну в монастырь сослал.

Озлобился тогда я зело крепко, решил жить безбрачно, один. Как раз война шла, к ратным делам пристрастился, в полках более пребывал, чем на престоле. Думал, что сердце мое, окаменившись, любить не способно. О, как я ошибся тогда! Приехав в Москву на малое время, встретил я случайно жену дьяка Мелентьева Василису. Боже

мой, какой огонь запылал в моем сердце! И сказал я Малюте: «Хочу жену сию, жить без нее не могу». Скуратов понял это по-своему. Дьяка заколол, жену его привел ко мне в опочивальню. Вот ее-то, Иринушка, я до сих пор люблю и забыть не смогу до гроба. И еще скажу тебе — годы, что прожиты с нею, самые удачливые в царствии моем, самые счастливые. Ну, а про Марью Нагую ты сама все знаешь...

Открылась дверь, в палату бочком протиснулся Федор. Одет он был тепло: поверх кафтана шуба, поверх шапки башлык меховой, беличий. Скинув рукавицы, царевич подошел к печке, приложил ладони к изразцам, стал греть.

— Где же ты, Федя, так долго задержался? — спросила Ирина.

— На звоннице монастыря. Батюшка велел.

— Замерз, поди? — спросил Иван ласково, подошел к печке, встал с сыном рядом.

— Монаси ушли?

— Ушли, сынок, ушли. Послал я их разведывать приволжские леса, монастыри и крепости там ставить чтобы.

— Монастыри — это хорошо, — улыбаясь и потирая ладони, сказал Федор. — В тех лесах, я чаю, медведей полным-полно.

— Да уж наверно. Однако бунтовщиков, я полагаю, больше.

— И там бунтовщики? Им-то, лесным людям, чего недостает?

— Бог с ними, с лесными людьми, Федя, — сказала Ирина. — Сядь, поужинай, кровь бражкой согрей.

— Ну ее, бражку, — Федор сел за стол. — У меня от нее в брюхе урчит. Ренского в кубок плесни немного.

— Ну, я, пожалуй, пойду, Иринушка, — сказал царь, слегка склонив голову. — А ты совет мой помни. Помни слова мои, не забывай.

— О чем это он? — спросил Федор, когда отец ушел.

— Велел мне государь крепость на Кокшаге строить. Вот и...

— Ты, чаю, не воевода. Тебе-то пошто?

— Скоро, говорит, царицей будешь. Привыкай к делам. Хочет в скорости державу тебе передать.

— Ну какой я царь, Иринушка? Ну сама подумай.

— Всякому свое, Федя. Отец твоей жестокостью правил, ты будешь царствовать добротой. Может, она, доброта, сильнее...

Утром Ирина пошла в Разрядный приказ. Веление царя сперва напугало ее, потом увлекло. Ей надоело торчать в

теремах без цели и без дела. Царевича ничто, кроме медвежьих потех, звона колоколов и моления, не волновало, ей с ним было скучно. А в деле большом, важном и трудном можно всем показать себя, пусть бояре знают, что будущая царица не квочка, а деятельница. Брат Борис намеренья ее тоже одобрил.

III

На площади перед Разрядной избой — словно на базаре. Здесь всегдалюдно. Отсюда начинаются чуть ли не все походы. Ратные ли полки на Ливонию, осадные ли на Псков — все идут по этой площади. Строить новые крепости и города уходят смешанные полки стрельцов и мастеров тоже от Разрядного приказа. Тут то и дело толкуются воеводы, их товарищи, городничие с дьяками и подьячими, острожные начальники, а то и просто воины, плотники, каменщики. Много жонок. Одна провожает своего мужа-воеводу в поход, другая встречает из похода. Девицы вьются около своих суженых, утирают концом платка слезы — вернется из похода или нет, неведомо. А вот дети боярские и приставы торчат около высокого крыльца, а тут, на углу, звенят щитами оружейники. Всюду торчат золоченые, серебряные, а то и медные шишаки шлемов, блестят латы на солнце, щетинятся ежами ватаги копейщиков. Звенят мечи, стучат древки знамен, развеваются стяги. Ирина в сопровождении двух слуг идет по площади, удивляется. Всюду шум, смех, шутейные разговоры: словно на праздник собираются люди, а не на кровавую сечу.

Приказная изба только на словах изба. А всамделе это хоромы с надстройкой на двенадцать палат. Крыльцо рубленое, высокое, трехлестничное. По ступенькам медленно спускается воевода Данила Сабуров. Князю отдохнуть в Москве не дали, снова указали городское воеводство, теперь уже не в Казани, а в Новгороде Нижнем. Увидел Ирину, замедлил шаг, поклонился низко, спросил шутейно:

— Уж не в поход ли, Федоровна? Удивлен зело, увидев ты здесь.

— Царским повелением иду, Гаврилыч. Велено мне град на Кокшаге строить. Узнать надобно.

— Ишь ты! Уж не сама ли в походе том будешь?

— Как бог укажет. А то мужики ныне все более по Москве разгуливают.

— Напрасно намек бросила, Федоровна. Я вот ныне иду в Нижний Новгород. Буде на Кокшаге нужда — дай знать.

— Запомню. Спасибо.

Голова Разрядного приказа, боярин Васильчиков Григорий Борисович, увидел Ирину Федоровну из окна. Он имел привычку оглядывать площадь, дабы видеть, сколько там людей, и скоро ли закончится день его забот. Ныне он подошел к затянутой морозными узорами оконнице, подышал на нее, оттаял малый кружок. И видит — поднимается по лестнице сестра Годунова. Боярин не то чтобы удивился, скорее, вспомнил, что Ирина — будущая царица и надо выскочить ей навстречу, принять с почетом. Не одевая шубы и шапки, Григорий Борисович выбежал в сени, дробно протопал по ступенькам, схватил Ирину под руку:

— Гостья-то у нас какая, господи! Оконницы заволокло инеем, не видно ничего, а я сердцем почуял. Милости прошу, Ирина Федоровна, заходи.

Так, за руку, боярин провел ее сенями, ввел в палату, усадил на скамью, кивнул дякам и подьячим, сидевшим за длинным боковым столом, те тихонечко, на носках, вышли.

— Как драгоценное здоровьечко, княгиня? Здоров ли царевич Федор?

— Все, слава богу, здоровы, боярин. Хворать ныне некогда, заботами обременены многими. Повелел мне государь заботиться о построении града и крепости на Кокшаге-реке.

— Да уж знаю. Братец ваш, Борис Федорович, сказывал.

— Так вот, я хотела бы знать: с чего мне начинать и как скоро дело это соберется?

— Не гневайся, княгиня, но у дела сего пока нет не токмо коня, но и возу. Град в диких пустынях лесных построить зело трудно и долго. И я полагаю...

— Если трудно и долго — тем скорее его надо начинать. Аль ты, боярин, иначе мыслишь? Скоро ли первый столб ставить будем?

— Годика, я мыслю, через два.

— Отчего так много?

— А вот сама посуди, княгиня. Чтобы первый кол забить, надо знать, где его забить. Мы, княгинюшка, пока еще не знаем. Разведчиков, нами посланных, черемисы убивали. Это раз. Три полка, самое малое, надо собрать, чтобы град тот ставить. А мы не токмо три полка, а десяток стрельцов для разведывания не найдем. Все замирения с Баторием ждут, а пока для ратных дел людей нехватка, не говоря о мирных. Вот кончим войну...

— Земли те разведывать не стрельцов потребно посы-

лать, боярин, а монахов. Они не с мечом туда пойдут, а со словом божьим, и не погибнут. Что касаясь реки Кокшаги, то государь монахов туда уже послал. И я мыслю, что самая пора полки готовить. А то ленивая работа, боярин, получается. Пока монахи дойдут, пока разведают, пока весть пошлют — пройдет полгода. Весть получивши, вы начнете полки собирать — еще год. Пока они дойдут до места — еще полгода.

— Так оно и рассчитано, княгиня. И Борис Федорович...

— Худо рассчитано, боярин! Вестей от разведчиков ждать не надо. Надо полки собирать, на Волгу посылать, а там они вести и без нас получают. Ведь в устье Кокшаги крепостишка наша стоит.

— В твоих словах зерно смысла есть, княгиня, однако из кого полки собирать? Из ратных полков я ни одного воина взять не смею. Поверь, княгиня, я тебе помочь рад, посему совет мой выслушай. Попроси у государя повеления из ратных полков сбор сделать. Ежели он, государь наш, к замирению клонится, можно, я чаю, ратные части умирить.

— Добро, боярин, жди. Государь тебе укажет.

— Вот тогда, княгинюшка, мы и подумаем...

— Нет уж, Григорий Борисыч, думать долго я тебе не дам, не надейся. Сразу начнем полки собирать. Может, завтра же я к тебе снова пожалую.

Васильчиков проводил Ирину до крыльца и долго глядел ей вслед. Подумал: «А государыня из нее выйдет отменная».

А в полях под Коломной по завьюженному санному пути сквозь пургу и холод тащилась лошаденка с розвальнями. В них, прижавшись друг к другу, сидели Ешка и Палага — простые русские люди, вечные скитальцы, разведыватели родной земли.

IV

К полуночи небо очистилось от облаков, луна осветила лес, и идти стало легче. Настя дошла до ручья, пересекавшего просеку, о нем ей рассказывал Дениска, и повернула направо. Вот и полянка. Чуть поодаль от могилы в траве нашла два узла со скарбом несчастных убитых родителей Настёнки. Видимо семья перебиралась на новое место, и все, что у нее было нужного, завязано тут. Перевязав узлы бечевой, Настя перебросила их через плечо и двинулась к просеке.

Всадники появились неожиданно, налетели на Настю,

опутали сыromятым длинным ремнем, бросили, как мешок, поперек лошади и поскакали вдоль просеки. Девушка принялась было кричать, чтобы дать знать о похищении ватажникам, но всадник ожег ее тело несколькими ударами нагайки.

Через полчаса дикой тряски кони остановились, Настю сняли и внесли в какое-то помещение, бросили на нары и стали развязывать. Еще в пути Настя догадалась, что ее схватили нагайцы. Живя у Абыза, она хорошо научилась говорить по-татарски и все, что кричали всадники, было ей понятно. К нарам подошли двое.

— Кто ты такая? — это спросил Ярандай. Спросил по-русски.

— Не понимаю, — по-татарски ответила Настя.

— Ты татарка? — это спросил Аббас. — Как в эти места попала?

— С отцом и матерью в Параньгу ехала. К дяде жить. Из под Казани.

— Родители где?

— Разбойники налетели на нас. Отца-мать убили, коня отняли, увели.

— А ты?

— Я за ручьем пряталась. Испугалась. Сидела до ночи.

— Почему в русском сарафане?

— В дороге купила. Для тепла. А внизу своя одежда, — Настя приподняла подол, показала татарские шальвары, которые захватил для нее в Лаишеве Дениска.

— Она правду говорит. Мои джигиты в лесу побаловали мало-мало, коня привели. Как дальше жить думаешь?

— Дорогу к дяде я не знаю. Что хотите со мной делайте.

— У меня пока поживешь, — сказал Ярандай. — Потом будет видно. Иди в другую половину куду. Скажи жене, чтоб накормила.

Во второй половине — потухающий очаг, под котлом — подернутые серым пеплом горячие угли. В котле что-то булькает, по запаху — каша с маслом. Ярандаиха, женщина лет сорока пяти, сидит у стола, прокалывает шилом серебряные монеты и нашивает их на грудь белой рубахи. Мысль мелькнула у Насти, она вошла, сказала по-татарски:

— Муж велел меня накормить.

— А ты кто?

— Аббас взял меня и подарил твоему мужу. Я его второй женой буду. А может, и первой.

Ярандаиха открыла рот от удивления.

— Рот закрой — брюхо простудишь. И торопись.

Ярандаиха растерянно встала, взяла деревянную плошку, подошла к котлу. Зачерпнула половником кашу и только тогда пришла в себя:

— Наша вера двух жен держать не велит, ты врешь.

— А пророк Магомет четырех жен держать позволил. Твой муж, я думаю, решил магометову веру взять. Кашу-то давай, чего столбом стоишь.

Ярандаиха пустила по столу плошку с кашей, бросила в нее ложку.

— Жри, — села против Насти, окинула ее ненавидящим взглядом, полушепотом произнесла: — Я тебя зарежу тогда.

— Мне Аббас тоже нож даст. Я им владею хорошо, — Настя зачерпнула ложку каши, попробовала, выплюнула. — Ты кашу варить совсем не умеешь. Ну ничего, я тебя научу. Заставлю шибко жернова крутить, хорошую крупу делать. Ноги мне перед сном мыть будешь.

— Я лучше тебя убью! Какой кереметь принес тебя?!

— Не кричи. Муж услышит—побьет. Давай лучше тихо поговорим.

— С собакой говори!

— Напрасно. Мне твой муж не очень нужен. У меня жених есть. Но если ты меня второй женой не хочешь, помоги мне.

— Убежать хочешь?—Ярандаиха подвинулась к Насте.

— Поймают все равно. У них кони.

— Я тебе лошадь найду!

— Всему свое время. Сперва съезди в лес по просеке верст двенадцать. Там найди мужиков, среди них мой жених есть. Скажи: пусть меня не ждут, а идут к своему месту. Я смирной прикинусь, когда за мной глядеть перестанут, вот тогда ты дашь мне лошадь и я их догоню.

Ярандаиха долго думала, но потом все же сказала:

— Завтра я сестренку туда пошлю.

I

Народ ждал смерти царя, ждал добрых перемен. «Зажился государюшко-батюшко, ох зажился», — думали мужики и крестились торопливо, испугавшись крамольной мыслишки.

Русь лежала в запустении и страхе, люди пребывали в горе. Что ни война — то проигрыш, что ни поход — растрата казне. А это, стало быть, снова налоги, снова поборы. Торговлишка захирела совсем, купеческие лавки заколочены досками крест-накрест, разорены. Проторговавшись до креста на голой шее, одни сидели в долговых ямах, а иные ударялись в бега.

В городах храмовые колокола гудели набатом бесперебойно. Либо звали на пожар, либо на бунт. Мелкота голопузая расплзлась по слободам да посадам, а там тоже жевать нечего. И оставалось браться за дубину да в лес.

Сперва мелкие ватажки бродяг хоронились в ближних лесах, но потом волей-неволей сбивались в огромные ватаги, и места в перелесках хватать не стало, да и страшно было — вдруг нагрянут рати, а они шутить не умеют. И

приходилось бежать в заволжские леса, к инородцам. Там дебри необъятные, прокорму много, спрятаться есть где. Царь это знал, боялся — занесут туда русские люди мятежный дух, сговорятся с инородцами. А те и сами только и глядят, где своровать. Станутся разбойные ватаги с чувашами, черемисами — такой бунтовой пожар запалят, что от него нигде не спрячешься. И посему надумал царь (уж который раз) пожениться. Поручил тайные переговоры доверенному дьяку Савве Фролову, чтобы тот связался с Лондоном и засватал бы в жены царю племянницу английской королевы Машку Хастинскую*. Царь все рассчитал накрепко: если все сойдется слава богу, то союз с английской державой укреплен будет; если бояре, псы-изменники, да холопы-мятежники поднимутся — можно будет бежать с богатством в Лондон и дожить там свою жизнь безбедно. Это, конечно, на крайний случай. А пока царь торопил Бориса Годунова и сноху Ирину — стройте за Волгой в лесах города, силу царскую укрепляйте.

Весна в том году приходила в Москву не торопилась. Уже март на дворе, а от мороза трещат зауголки домов, сыплют березы инеем, а предрассветьем часы долги, словно зиме не конец, а начало. Выйдешь на улицу и не поймешь — не то город спит, не то дремлет. Скрипят колодезные журавли, это молодушки чуть свет берут воду. Бухают деревянными ведрами в оледенелые срубы колодцев, гремят коромыслами. Потом, покачивая бедрами, несут воду по узким, только что протоптанным в снегу тропинкам ко дворам. Встречь им идут ранние птички — молодые ямщики. Они, заигрывая, хлопают молодушек рукавицами по заднему месту. Молодайки повизгивают, незлобно отругиваются.

Боярин Богдан Бельский, один, без свиты, тайно пробирается по улицам в хоромы Бориса Годунова. Сторож дворовых ворот на стук открыл смотровое окошко, узнал боярина, впустил.

— Борис Федорович спит?

— Встамши. Видел — по двору ходил.

— Кто спросит — я у вас не был.

— Да уж понимаю.

— Лекарь аглицкой не приходил?

— С полночи тут. Супругу-боярыню лечит.

— На вот тебе, — Богдан сунул в протянутую руку сторожа гривенник.

— Благодарствую, боярин. Не сумлевайся.

* Мэри Гастингс.

В опочивальне боярыни натоплено жарко. Больная после трудной и мучительной ночи уснула. Около нее переговариваются шепотком боярин Борис Федорович Годунов и английский лекарь Иоган Эйлоф. В Москву Эйлоф приехал давно с единственной надеждой — разбогатеть. Отменно говорит по-русски, в желании своем преуспел — в Москве у него домишко, как у боярина, и золотишка, однако, тоже немало. Лечит Эйлоф не только царя и его семейство, но и знатных бояр, князей и дьяков. В дверях показался слуга и мотнул головой. Лекарь и боярин поднялись и на носках осторожно вышли из опочивальни. В горнице их ждал Богдан Бельский. Здесь чуть прохладнее, полумрак. Ставни на окнах закрыты наглухо, посреди горницы на столе мерцает единственная тонкая восковая свечка. Борис отослал слуг, закрыл дверь, набросил крючок.

— Хорошо ли дошел, Богдаша? — спросил Годунов, присаживаясь к столу. — Пошто задержался?

— Снегопад был, боярин. Улицы занесло. Тропки заново протаптывать пришлось. Взопрел, яко мерин.

— Доглядчики не прицеплялись?

— Я без слуг, незаметно. Будто простой ямщик. Даже армяк надел. А ты во дворец скоро ли?

— Да вот, — Борис кивнул на дверь, — пока боярыня не оздоровеет. Неделю около нее сижу. Как там, во дворце? Государь-батюшко здоров?

— Какой там сдорюф, — вместо Богдана ответил лекарь. — Сперфа ноги отекал, теперь прюхо, крудь... Расдулся, как пусырь.

— Назавтра баню заказал, — добавил Бельский...

— Паню, паню! Ему покой натопен, легкая жизнь. А он фино пьет, как воду, про пап думает. Фечером пражничают, утром кричит: «Кте Ифашка Эйлоф! Кте этот сукин сын!» После пани снова орать пудет.

— Нет, ты уж, Иванушко, подлечи государя, как надобно.

— Кому натопно?

— Да хоша бы мне, — Бельский глянул на Эйлофа, прищурил правый глаз. — За государево здоровье я отвечаю. Лекарей, знахарей я ищу. Месяц тому приволок я из печорских лесов ведунью, велела она исподнюю рубаху государя принести. Долго она нюхала ее, шептала, а потом и говорит: «В начале весны хозяин сей сорочки отдаст богу душу». Я, понятно, нести такую весть побоялся, но Иван Василич об этом все-таки узнал и сильно огневан был. Сказал: «Если в начале весны я заболею — всем лекарям и знахарям головы снесу, а тебе, Богдашка, пер-

вому. Дак как же мне о здоровье государя не печалиться. Ты уж его подлечи. По-особому как-нибудь. И тогда получишь от меня двести рублей золотых.

— И от меня получишь, — сказал Годунов и отвернулся.

— За то, что я лечу косударя, мне итет жалофанье...

— Сказано тебе — ты по-особому полечи.

— Не просто, чтоб государь жив был, но чтобы на принцессе Хастинской поженился. Всем боярам, особливо мне, это желательно. Я тебе пятьсот золотых дам.

Эйлоф долго молчал, поглядывая то на Богдана, то на Бориса. Он хорошо понимал, чего хотят бояре, но их двое. А вдруг они, поссорившись, у гроба царя выдадут его. Тогда — плохо. Но Бельский прав, Иоган и сам слышал, как царь не единожды грозился обезглавить всех лекарей. Это чертова ведунья знает, что любому тяжело больному человеку опасно начало весны. И если царю в марте будет хуже, он запросто может послать его на казнь. А если помочь боярам... И будешь жив, и деньги! Семьсот золотых! В Лондоне за эти деньги можно купить лучшую лекарню...

— Тобро. Я полечу государя по-особому. Когда, коворишь, будет паня?

— Завтра с утра.

— Котофьте солотые.

— Ну, вот и договорились. А тенерь, пока совсем не рассвело, — по домам.

Возвратившись в покои, Эйлоф нашел царя в тяжелом состоянии. Иван Васильевич дышал отрывисто, стонал и бранился. Иоган раздел государя, помял ему грудь, потом, надрезав на руке вену, пустил кровь. После снадобья, выпитого царем с большой охотой, ему стало легче. И он сказал:

— Ты, Ивашка, вели послать за боярином Никитой Юрьевым, пусть придет Иван Мстиславский, воевода Шуйский. И Богдашку Бельского пусть позовут. Потом пусть духовник мой придет.

Лекарь ушел, царь встал с постели, перешел из опочивальни в Крестовую палату. Телу царя полегчало, но душа стала болеть еще сильнее. Он не знал, куда себя деть. Ходил по палате из угла в угол, садился за стол, принимался читать свитки, потом бросал их, подходил к окну. Такое с ним в последнее время бывало часто. Звать второй раз лекаря не хотелось.

Через час званные бояре пришли в палату. Они поздоровались с царем, чинно расселись на лавки, на свои привычные места. Царь угрюмо их разглядывал исподлобья.

— Позвал я вас, бояры, вот зачем. Отныне я постригаюсь в монахи и ухожу из мира. Власть свою отдаю сыну моему единоутробному Федору. — Сказав это, царь повел глазами по палате. Бояре сидели молча. Иван Мстиславский даже гладить бороду не перестал, князь Шуйский незаметно усмехнулся в усы, Богдан поднял было брови, опустил, прикрыл веки. Только дядя царевича Никита Юрьев, вытянув шею, ждал, что скажет царь дальше. «Не верят, сволочи, ухмыляются, — подумал про себя царь. — И правильно делают. Третий раз от престола отрекаюсь — привыкли. И на сей раз душой кривлю, но надобно. Видит бог, надобно. Если умру, все будет по закону. А оздоровею — там будет видно».

— Вам, позванным сюда, самым верным моим боярам, вверяю я попечение моего сына. Только вам одним, и никому более.

— Бориса Федоровича надо бы, — сказал Богдан Бельский. — Ему первому около трона стоять придется. Деверь все-таки.

— Он и без опекунства постоит, коли деверь, — сердито сказал царь, а про себя подумал: «Может, разведу я Федю с Ириной, вот и не будет деверя. — Мне наследник нужен, внук». Потом начались разговоры: как опекать молодого царя, что надобно сделать в государстве. Проговорили до вечера. Вечером пришел духовник.

Ночью царя мучила одышка, он просил Эйлофа убрать отеки.

— Сии отеки, косударь, суть фодянка, ее как крофь не отфоришь.

— Иные средства есть?

— Есть, косударь. Утром, пойдя в паню, мойся толго, парься сильно — фыконяй ис телес фоду. Польше потей. Потение — есть тфое спасенье. А Пельскому Поктану я там снадобье, после пани прими. Путет польза.

Царь мылся и парился в бане четыре часа. Мойщики хлестали его вениками до изнеможения, потом завертывали в льняное полотно, выносили в предбанник отдыхать. Потом снова парили.

После бани хоть и обессилел царь сильно, но отеки исчезли, и он, уверовав в умение Ивашки Эйлофа, без опаски принял снадобье от Бельского. Царь не знал, что пока он мылся в бане, Эйлоф подогревал ртуть, собирал ее пары в склянку и разбавлял малиновым настоем.

Лежа в постели, Иван позвал дьяка Фролова, спросил:

— Зятек твой, Родионко, жив?

— Жив. Что ему делается.

— В шахи играет?
— Силен, собака. Никто его обыграть не может.
— А почему я обыгрываю?
— Так ведь, государь-батюшко, своя голова дороже...
— Пошли его ко мне. Скажи, что я отныне не царь и голову ему сечь за выигрыш не стану. Хочу истинно свой ум испытать.

Годунов на правах постельничего одел царя в коричневого шелка рясу (отныне Иван не царь, а монах), перетянув ее широким кожаным поясом, на голову надел скуфейку, какую носили все монашеские послушники. Богдан Бельский в Сводчатой палате поставил к рундуку столик с шахматами, привел туда Родиона Баркина. Царь сел на рундук, застланный шкурами, Родион — на стул. Началась игра. Баркин, поверив своему тестю, решил играть честно и каждым ходом прижимал королевскую фигуру в угол доски. Царь сразу почувствовал, что он проигрывает, и чем дальше шла игра, тем больше ошибок он делал. Застучала кровь в висках, учащенно забилося сердце. Стало трудно дышать. И не успел Баркин произнести слово «мат», как Иван вздрогнул, выпрямился и упал навзничь, на рундук.

— Лекаря! — истошно крикнул Бельский.

— Духовника! — еще сильнее заорал Годунов.

По палате забегали, засуетились слуги. Баркин стоял бледный.

— Убирайся ты! — Богдан толкнул его в спину. — Пока жив!

Годунов и Бельский остались вдвоем. Царь хрипел, на губах появилась пена.

— Что смотришь, Борис, — зашипел Бельский! — Очнется ведь. И тогда нам...

— Ты сам. Я не могу.

— Вот мякиш! Его надо было придушить сразу после казанского взятия — иное было б дело. Теперь не оплошаем!

— Ты первый...

— На плахе будем препираться, не здесь.

Богдан подошел к рундуку, сжал кистями шею царя с двух сторон. Годунов положил ладонь на губы царя, надавил сильно. Иван дернулся, затих.

Вбежал Эйлоф, приложил ухо к груди Ивана, сказал окружившим рундук людям:

— Финиш.

Пятидесятилетнее царствие Грозного кончилось.

Ирина никогда не верила своему свекору. Пусть в последнее время он называл ее будущей царицей, приблизил к себе — она всегда была настороже. Знала, характер царя изменчив: сегодня он называет тебя дочерью и царицей, а завтра может застричь в монашескую келью. Даже после поручения заботиться о построении города на Кокшаге она не укрепилась в вере и начала ходить в Разряд только для того, чтобы не огневать государя. И вот теперь свершилось! Ее Феденька провозглашен царем, она царица, и сегодня мужа венчают на престол. Она почему-то совсем не боялась боярских козней, не страшилась превратностей царской власти — перед нею и Федором стоял могучий ее брат. Она верила, Борис в обиду их не даст, да и сама решила помогать мужу во всех его делах неистово. Ирина была сегодня радостна и торжественна.

Был на исходе май, день выдался солнечным, безветренным. Только что отцвела черемуха, и началось теплое, ласковое лето. Царская семья встала рано — началось одевание по чину. Ирину и Федора одевали в разных палатах. Молодого царя раздели донага, но тут вышла заминка. Руководил одеванием Борис Годунов, он повелел вместо льняного белья принести шелковое. В палате было тепло, но Федору почему-то казалось, что он застыл:

— Озяб я, шурин, — хныкал царь. — Мурашки по телесам бегают. — Он стоял посреди палаты сжавшись, прикрыв ладонями рыжеватый лобок. Наконец, принесли шелковое белье, поверх него одели богато расшитую белую рубашку. Под бархатный, широкий, унизанный жемчугом пояс одели камчатый зипун, на тафтяной подкладке. Поверх зипуна надели царский становой кафтан с жемчужными запястьями на рукавах. И в накидку (чтоб легче ходить по переходам дворца) было наброшено на плечи платно из парчи тканной золотом, украшенное драгоценными камнями и жемчугом.

— Плечи больно, шурин, — жаловался царь. — Уж больно платно тяжело, легче нет ли?

— Терпи, государь, — Годунов усмехнулся. — Впереди бармы будут, они намного тяжелее. А про шапку Мономаха я уж не говорю. Терпи.

Долго вели Федора по переходам дворца в царскую семейную молельню — Благовещенский собор: Здесь царя ждала Ирина.

Служба у Благовещеньев была недолгой, но царь уже и здесь утомился, и в Архангельский собор его вели под

руки. Здесь царскую чету ждал митрополит и высшее духовенство — снова было моление. Дорога между Архангельским и Успенским соборами, через площадь, устлана коврами и дорогими тканями. По обеим сторонам сплошной золоченой стеной стояли князья, бояре, дьяки. За знатью чернела толпа вплоть до кремлевских стен.

Федор горбился, запинался за ковры. Годунов и Мстиславский удерживали его с двух сторон:

— Головку подними, государь, — шептал Мстиславский. — На тебя вся Москва смотрит. Ты теперь самодержец Российский.

Успенский собор в сиянии свечей. От людской тесноты, от кадильного дыма и резкого запаха воска в храме душно. Гремит хор певчих.

А по площади к храму — шествие. Впереди причетник с фонарем, за ним попарно дьяконы с большими крестами и хоругвями. За хоругвеносцами священники с иконами, дьяконы со свечами и кадилами. Далее, тоже парами, шли архиереи, за ними хор отроков, два диакона — один с патриаршей свечой в полпуда, другой с крестом высоким в два аршина. Митрополита Дионисия, как и царя, с двух сторон поддерживают иподиаконы. Золотым крестом осеняет он народ. За патриархом через порог храма провели царскую чету. После царской свиты в собор хлынули князья, бояре, толкаясь и тихо бранясь из-за мест. Простому черному люду в собор не попасть. Его место на площади. Но зычный голос Дионисия слышен и здесь:

— Троица пресущественная и пребожественная и преблагая! Направи нас на истину свою и настави нас на повеления твоя, да возглаголем о людях твоих по воле твоей. Осени венцом твоим божеским на Российское царствование славимого милостью и хотением твоим раба божьего Федора Иоанновича и вручи ему скипетр престола нашего, вручи державу ему крестоосененную, назови его великим государем, царем и великим князем всея Руси. Да будет славен самодержец Владимирский, Московский, Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский, государь Псковский и великий князь Смоленской, Тверской, Югорской, Пермской, Вятской, Болгарской и иных земель государь, и великий князь Новгорода, Низовские земли, Черниговской, Рязанской, Полоцкой, Ростовской, Ярославской, Белозерской, Угорской, Обдорской, Кондинской и всея Сибирские земли и Северные страны повелитель, и государь отчинный земли Лифляндские и иных многих земель государь.

Гремят хоры, возносятся к куполу храма славопения, и воздевает патриарх на голову Федора шапку Мономаха,

два архиепископа кладут на плечи молодого царя тяжелые бармы, вручают в правую руку скипетр, а в левую — державу.

У Федора кружится голова, в уши врываются громкие возгласы «многая лета царю Федору Иоанновичу, многая лета!», от тяжести шапки Мономаха болит шея, пудовые, осыпанные камнями и жемчугом бармы ломают плечи. Торжественное молебствие идет бесконечно долго, руки с скипетром и державой на весу немеют, болят ноги. Чувствует молодой царь, что вот-вот упадет, выронит из рук державу, и не быть ему царем. Он вскидывает взгляд на Бориса, протягивает ему державу, шепчет: «На-ко, шурин, помоги малость, тяжело мне». Качнулся скипетр, его еле успел подхватить Мстиславский, упал бы на плиты храма Борис принял золотой шар с крестиком наверху, передал его Ирине, подхватил царя под руку, Мстиславский кивнул головой патриарху. Дионисий торопливо осенил Федора крестом, сунул крест соборному ключарю и двинулся к выходу. Венчание на царство окончилось. Богдан Бельский за процессией не пошел. Он перекрестился, глядя на иконостас, подумал: «Это хорошо — царь слаб и ничтожен. Боярин Никита стар, то и гляди помрет, Мстиславский горяч и честен, его можно легко отодвинуть в сторону. Шуйского pošлѐм воевать... Ах, если б не Борис, всю власть в свои руки я взять мог бы».

При раздевании во дворце царь немного отдышался, воспрянул духом. Вспомнил слова Мстиславского: «Ты теперь самодержец Российский», но не обрадовался этому, а испугался. «Самому всю Россию держать придется. Мне ли, если я скипетр не удержал? Только на одного Бориса надежда. Надо бы его чином повысить, долго ли ему царские подштанники подавать». Борис будто прочитал мысли царя, сказал:

— Прости меня, великий государь, и позволь мне на пиру не быть.

— Пошто так?

— Сегодня пир, завтра похмелье, а у меня дел невпроорот. Иные заботы совсем неотложны. Стало ведомо — на окраины наши снова рать крымская идет. А столицу наводнили воры и разбойники, пожары тушить не успеваем. То и гляди мятеж вспыхнет.

— А чего князь Иван Туренин смотрит? Ему спокойствие города охранять поручено.

— Князь больше мед-пиво пьет, заменять его надобно.

— И замени.

— Всюду мне не успеть. Чин мой хоть и почетен, но

хлопотен. Я, как постельничий, все время около тебя повинен быть. То одеваю, то раздеваю, то в постель укладываю.

— Я уж думал об этом, шурин. Напишу указ — я жа-
лую тебя чином конюшего. А на пир приходи. Не при-
дешь — люди бог знает что подумают.

— Спасибо, государь.

На пиру Федор был недолго. Сославшись на усталость, он ушел. Борис раздел его, уложил в постель. Царь ото-
слал его на пир, велел быть около Ирины, чтобы было ей
не скучно, и чтобы люди не сказали, что царицу оставили
на пиру одну. Как только Годунов ушел, царь покинул
постель, оделся и вышел из дворца. Пересек площадь, ос-
тановился у колокольни Ивана Великого. Сторож прегра-
дил ему дорогу, но, узнав царя, скинул с двери замок, рас-
пахнул створку.

Федор долго взбирался по крутым скрипучим лестни-
цам, несколько раз отдыхал, присев на ступеньки. Он по-
нимал, что творит сейчас что-то очень недостойное его са-
на, но ничего поделать с собой не мог. Его неудержимо
тянуло наверх, к колоколам.

В широких окнах колокольни шумел ветер, в небе све-
тила яркая летняя луна. Царь глянул в окно, и у него заш-
лось сердце. Перед ним лежала освещенная луной Москва.
Блестели серебром реки, справа горбились Воробьевы го-
ры, а дальше, насколько охватывал глаз, темнели беско-
нечные леса и поля. «Господи, — подумал Федор, —
сколь необъятна земля наша, все это мое, за все я ответ-
ствовать должен, всем управлять. Боже! Дай мне сил, ра-
зума, крепости!» И только сейчас, в этот миг, он почув-
ствовал себя по-настоящему царем. Порыв ветерка качнул
язычок маленького колокола, он слегка зазвенел. Федор
продел пальцы в связку веревок, хотел дернуть, ударить в
колокольцы, но удержался. «Достойно ли царю, как про-
стому звонарю... не дай бог, узнают люди!» Потом пришла
другая мысль: «Пусть узнают! Царь я или не царь!» И
рванул бечевки на себя. Серебристо зателенькали коло-
кольчики, рассыпая свой благовест над ночной летней зем-
лей. Потом тенькнула троица средних колоколов, грянул
густым дрожащим голосом большой колокол. И пошло, и
пошло!

Ворвались в люк колокольни люди, остановились, пора-
женные, что-то закричали. Царь не услышал их, да, на-
верное, и не увидел. Он склонил голову на плечо, блажен-
но улыбался, правой рукой дергал за язычки малые коло-
кола, левой средние. Топал ногой по доске, прилаженной к

бечеве большого колокола. Люди, пятась, один за другим исчезли в люке. Над Москвой плыл благовест, и мало кто знал, что появился у людей царь-звонарь и пойдут теперь в державе перемены.

III

Годунов сказал царю правду — в середине лета Ислам Гирей-хан послал на южную границу Руси двухтысячное войско, и воевода Крюк-Колычев в стычках погубил половину своей рати. Крымские разбойники были отброшены, но, не дай бог, если набегут снова, чем их тогда отбивать? «Пусть Богдашка над этим голову поломает, — подумал Годунов. — Спесь с него тогда и осыплется». Мысль была не пустяшной — Богдан Бельский встал над боярской думой главой и начал покусывать Годунова. И только общая вина перед убитым государем не давала ему вышвырнуть Бориса из думы, отвести его от царя. Надобно было Бельскому перья поощипать.

— Южные окраины нам особливо надо беречь, — сказал на думе Бельский. — И я думаю, стоит послать Крюк-Колычеву четыре тысячи ратников.

— Четыре тысячи! — Годунов поднял руки над головой. — А где их взять, если мы полки чуть не по пальцам считаем?

— В Смоленске у князя Голицина три тыщи ратников задарма хлеб жрут, в Чернигове у Ивана князя Долгорукого столько же, и в Луках Великих у князя Гачарина за тишь — их всех ополовинить, вот и четыре тысячи.

— Ой, мудр ты, Богдан Васильевич, ой, мудр. А про шестьдесят тыщ жолнеров Батория, что нависли над нашими западными границами, ты забыл? А може, и не знал совсем, что Стефанко войну на нас готовит? Крымские воры наскочат, пограбят да убегут восвояси, а Баторий берет города навечно, накрепко.

— Нет, города сии оголять немислимо, — шумели бояре.

— Может, из Олатыря, Нижнего Новгорода али из Орзамаса? — неуверенно предложил глава думы.

— Бунтовых инородцев куда девать? Еще покойный государь повелел за Волгой строить три крепости: кокшайскую, яранскую да санчурскую. Туда десять тысяч посылать надо, а не брать. С северских уделов тоже ни одного ратника не возьмешь, там свейский король Юхан на нас ножи точит.

— Что же делать?

И бояре, и Бельский разводили руками.

— Отдайте южные рубежи на мое попечение, — предложил Годунов.

— Что ж, ты их грудью своей заслонишь? — ехидно спросил Бельский.

— У меня, Богдан Васильич, кроме груди еще и ум есть. И об этом бояры знают. Я надеюсь не только рубежи сберечь, а в Бахчисарае нашего доброхота на трон поставить. Если мне, конечно, бояры поверят.

Дума решила Годунову верить. Многие бояре знали, что от нашего посла из Крыма был у Бориса гонец Мишурин.

От него узнал Годунов, что началась в Крыму междоусобица и что Гирей режут друг друга. Ислам-Гирей убил своего старшего брата Магмет-Гирея и занял его трон. Сыновья Магмета, Мурат и Саадет, возвратились из набег, Ислама из Бахчисарая прогнали, казну его ограбили, начали трон делить. Ислам тем временем пожаловался турецкому султану. Тот сразу к берегам Крыма — эскадру с войском. Пришлось Мурату и Саадету бежать к ногайцам.

Борис выслушал Мишурина и сказал:

— Как ты думаешь, уживутся братья на Каспии?

— Ни в коем разе. Да и ногаи им долго быть там не дадут.

— По-твоему, какой из братьев умнее?

— Конечно, Мурат.

— Тогда беги в ногайские степи, найди Мурата и скажи, что русский царь его жалует и ждет в гости.

Через месяц стало известно: в Москву едет Мурат-Гирей.

...Мурат-Гирея решили принимать в Теремном дворце, в Престольной палате. Ее только что заново расписали ярославские мастера: на бордовом фоне передней стены, над тронным креслом, изобразили двуглавого орла с державой и скипетром в лапах.

По стенам золотом пустили травчатую роспись, а под гербом по обе стороны написали, золотом же, двух рыкающих львов. По сводам палаты римскими красками нарисовали двенадцать апостолов Христа. Лавки и рундуки вынесли, вместо них, по европейскому образцу, поставили стулья с высокими спинками, а сиденья и спинки обили цветной кожей, а по ней вышили золотыми нитками невиданные по красоте цветы. Хоть был Мурат опальным ханом, но честь ему решили воздать большую. Хотя бы потому, что это был для молодого царя первый иноземный прием.

Царя Федора посадили в угол, в тронное кресло. По сторонам, на стульях, — царица Ирина и Годунов. Бояре — вдоль стен.

Мурат-Гирей вошел в палату твердым шагом, рука — на эфесе сабли. Его принимали как друга, и оружие оставили при нем. Большая голова побрита, усы опущены вниз, подбородок тяжел. Глаза черные, крупные, брови вскинуты. Он встал перед троном, склонил голову.

Царь. Хорошо ли доехал друг наш Мурат-Гирей?

Мурат. Слава аллаху, доехал я хорошо. И приветствую царя Руси душевно.

Царь. И я приветствую тебя. Хорошо ли поживает брат твой Саадет?

Мурат. С братом с нашим мы не в дружбе.

Царь. Отчего так?

Мурат. Двух баранов в одном котле не сварить.

Годунов. Хорошо ли правит наш недруг хан Ислам-Гирей?

Мурат. Этот шайтан отравляет свое правление ядом глупости. Призвал он в Крымский юрт людей турецких, они опустошили Крым, от янычаров идет насильство и убийство великое. Поданные властью Ислама тяготятся, они желают иного хана.

Годунов. Кого?

Мурат. Саадет-Гирей. Он шлет туда лживые, обманные письма, натравливает на меня ногайцев. Мне там жить тяжело.

Царь. А ко мне на службу ты не пошел бы?

Мурат. Где служить?

Годунов. Про ханство Касимово знаешь?

Мурат. Слышал.

Годунов. Дадим тебе землю на украинских рубежах. Будешь от хана Ислама те земли беречь, войной пойдешь если. Войска у тебя много?

Мурат. Пять тыщ. Но каждый мой джигит пятерых стоит!

Годунов. При удобном случае на Ислама войной сходить можешь.

Царь. Верно. Мы поможем. А с братцем ты бы не ссорился. Ему бы мы Астрахань беречь поручили.

Мурат. Не советую, государь. Он всегда, вступая на тропу добра, берет в спутники зло. Я хочу упредить вас: Саадет по наущению ногайцев послал под Казань Муслу Аталыка с джигитами.

Царь. Зачем?

Мурат. Астраханские мурзы властью твоей тяготятся. Задумали они вместе с казанцами сбить одно ханство, от твоей управы уйти, а ханом хотят сделать Саадета. И будет тот Аталык мутить черемис и других инородцев, подговаривать их к бунту против тебя. Оберегись, государь.

Царь. Спасибо за упреждение.

Годунов. Из слов твоих видно: служить ты нам хочешь.

Мурат. Буду служить. Только...

Годунов. О всем ином завтра договоримся. Ныне же государь утомлен.

Когда Мурат вышел, Бельский сказал недовольно:

— Поставим лису кур караулить. Он же с ханом Исламом может статься, вот тогда будет защита южных рубежей.

Бояре Бельского не послушали, сказали, что Мурат Ислама ненавидит, и боярин Годунов мудро поступил, позвав Гирея на службу государю.

За ужином у царя Борис сказал Ирине:

— Про Аталыка слышала? Что из этого следует?

— Крепости надобно ставить немедленно. Сперва на Кокшаге, потом на Санчурине...

— И не только там. Повели, государь, — обратился он к Федору, — спешно послать в Астрахань два полка, и пусть там князь Федор Лобанов да Борис Мезецкий ставят крепость каменную, ибо старая, деревянная, обветшала.

— Повелю. А Саадет не помешает? У него, я слышал, войска больше, чем у Мурата.

— Верно, государь. Чтобы оно не случилось, мы на время пошлем туда Мурата. Он своему милому братцу глотку порвет, если тот...

— А как же южные рубежи? — спросила Ирина.

— Подождут. Туда теперь Ислам не пойдет. Ему не до того. И еще: на переволоке меж Волгой и Доном надо поставить крепость супротив ногайцев и крымцев. И пусть заботится о построении острога сего великая царица.

— Верно, шурин, верно! — царь заулыбался и, повернувшись к жене, промолвил: — Пусть эта крепость будет твоей, Иринушка, и назовем ее Царицын острог. Ладно ли я придумал, шурин?

— Я, государь, рад этому не менее твоего. Если бы мы успели в эти годы поставить крепость на Тереке, то нам не токмо ногайцы али крымцы — нам весь Османский султанат был бы не страшен.

Через день был большой прием. В Столовой палате около царского кресла стояли рынды в белых одеяниях с се-

кирками на плечах и один конюший, и боярин Борис Федорович Годунов. На большой лавке воссел один боярин и князь Иван Федорович Мстиславский. Никита Романович оказался болен, а Богдана Бельского почему-то в список приема вписать забыли. На кривой лавке сидели бояре Дмитрий Годунов, Степан Годунов, дворецкий Григорий Годунов, Иван Годунов, князь Дмитрий Шуйский да сыновья царева дяди Федор и Александр Романовы. Мурат со свитой сидел за отдельным гостевым столом. На приеме был зачитан указ о строительстве новых крепостей.

IV

Теперь уж голова Разрядного приказа не ждал прихода Ирины, а прибежал во дворец сам. Нашлись и ратники, и мастера-строители. Изыскивались фураж и прокормные деньги. За боярином вползли в царицыну палату четверо подьячих. За ушами перья, на поясах привешены чернильницы, за пазухой бумага.

— Здрав будь, Григорий Борисыч, — Ирина указала боярину на скамью. — Зачем пожаловал?

— Тут, государыня, я грамотку воеводам сочинил — казанскому и нижегородскому. И пришел к тебе, дабы ты державную руку свою приложила. Надумали мы послать на Кокшагу три полка. Большой полк поведут князь Иван Ондреев Ноготков да князь Григорий Бельский.

— Умные мужи. Пусть ведут.

— В передовом полку пойдет воевода князь Иван Гagin-Великой. В сторожевом — князь Петр Шаховской.

— Не мало ли?

— Слушай, государыня. Им будут помогать воеводы с двух сторон, на то и грамота писана.

— Чти.

Подьячий сунул в руку боярина свиток, Васильчиков начал читать.

— Воеводе казанскому, князю Григорию Куракину, воеводе нижегородскому Даниле Сабурову государыня Ирина Федоровна повелела построению Новоцаревой крепости на Кокшаге вам бы воспомоществовать. Для сего сыскать в ваших уездах сарай и печи, где дельвали кирпич, известь и кирпич жгли, и все эти сарай и печи отписать на государя, потом велеть их починить и покрыть, а также поделать новые сарай и печи. Приготовить лес и дрова, камень на известь, а также бутовый камень велеть ломать. Для этого дела послана будет с князем воеводой Ноготковым государева казна. Сваи делать велеть государевым двор-

цовым селам, что округ вас имеются, и посылать на Кокшагу водою, и зимой по льду, ибо в тех местах кокшайских никаких сел нет. И кирпич каленый посылать крестьянами же...

— Подожди, боярин. Боюсь я, что князья и воеводы казну царскую разворуют, а крестьян будут заставлять все делать бесплатно. Посему впиши в грамоту таковые слова...

Писцы мигом выдернули из-за ушей перья, умокнули в чернильницы, приготовились строчить.

— Для этого все дела делать наймом, искать охочих людей, уговариваясь с ним, и деньги платить исправно. А также взять по десять человек целовальников из казанцев и из нижегородцев, из лучших посадских людей и велеть им делать денежные расходы и писать их в книги подлинно, порознь, по статьям, и к этому писцы должны крест целовать, чтобы в деньгах кражи не было. А кто будет запасами промышлять или посулы брать, или чем покорыствуется, тот будет от государя казнен смертью.

— Не строгонько ли, государыня, будет? Мужики, узнавши про твой указ...

— Это не мой указ. Мне так государь повелел делать. Мужика и так до крайности объярили, оттого он бунтует, в леса бежит. И еще выслушай, боярин. Коль бояре красть царские деньги не станут, то их будет и на то, чтобы за ту землю, которую мы под город и его усадьбы возьмем, инородцам честно уплачивать. Если бы по доброте и правде мы строною правили, может, эти крепости и строить не надо было.

— Так-то оно так, государыня, однако...

— Не будем государя оговаривать. Допиши.

Боярин кивнул дьяку, и тот погнал по грамоте строку, играя титлами.

V

А Топкаев илем живет тем временем своей жизнью. Полевые работы закончены, сезон охоты еще не начался. Землю сковало морозом, снег еще не выпал. Опять собрались ребятишки в просторной избе кузнеца, снова приготовились Кочая слушать. Взрослые тоже пришли, у кого время свободное есть. Просят сказителя начать. Кочай спрашивает Кори:

— На чем ты кончил?

— Кокша женился на Юнге. Свадьба была. Ты сам дальше продолжай.

— Ладно, продолжу, — согласился дед. — Все одно пока делать нечего. Ну что ж, привел онар Юнгу в свое кудо, хоть ему было нелегко, но прикинулся любящим. Сразу работать по дому заставлять не стал, понимал, что толку от этого не будет. Сказал, что хочет познакомить ее со всеми женщинами плема, и стал водить из кудо в кудо. Видит Юнга — все жены работают. Одна зерно на жерновах перемальывает, другая коноплю в ступе толчет, третья полотно ткет, четвертая у очага хлопочет. Всякая работа тяжела, но она приносит семье радость. Нашли одну лентяйку: сидела, волосы расчесывала. Юнга спросила мужа:

— Зачем она вместо работы красотой занимается?

— Чтобы муж больше любил.

— А разве муж ее любит мало?

— Совсем не любит. Весь илем над ней смеется.

Многое поняла Юнга, наглядевшись на тружениц-жен, и принялась дома наводить чистоту, делать всякую работу. И еще увидела Юнга бедность, в которой живут люди, и поняла, что в этом виноват ее отец. Как-то Кокша спросил ее:

— Ты отца любишь?

— У нас в царстве никто никого не любит. А теперь я ненавижу его. А ты меня любишь?

— Почему ты спросила об этом?

— Я же знаю, старейшины силой заставили взять меня.

— Зачем же шла, если знала? -

— Я очень полюбила тебя. Думала, все сделаю для того, чтобы и ты... Мне очень трудно, но я стараюсь во всем угодить тебе.

— Спасибо, — сказал онар. — Но, прости, я в твою любовь не верю. Ведь ты сама сказала: «У нас никто никого не любит». Все в илеме думают, что ты пришла ко мне, чтобы погубить. Тебя отец послал...

— Неправда это! Я сама его просила. Я жить без тебя не могла.

— А сейчас?

— Сейчас я еще больше люблю тебя. В первые дни один только ты для меня существовал, остальные люди были неприятны. Теперь я весь илем люблю, теперь, если ты скажешь — иди в болотное царство, выгонишь если, я умру.

— Как я поверю тебе? Все знают: твой отец хитер, жесток и коварен. А ты его дочь. Слова твои сладки, а...

— Но моя мать была простая женщина! Скажи, что я должна сделать, чтобы ты поверил мне?

— Узнай у отца тайну волшебного меча. Как его сделать, узнай.

Юнга задумалась. Она долго молчала, потом спросила:

— Вы этим мечом хотите погубить моего отца?

— Победить, — уточнил Кокша.

— Я не понимаю, для чего? Он вам дал слово, что не тронет ни вашего илема, ни людей. Он обещал не появляться здесь. Мой отец, хотя и коварен, но, даю голову на отсечение, слово свое он всегда держит. Он ведь царь, кей.

— Мы хотим, чтобы весь наш край был свободным. Не только наш илем, а весь народ.

— Да вам-то какое дело до других? Пусть они сами...

— Мы не будем счастливы, если из других илемов будут слышаться стоны, литься слезы.

— Все равно не понимаю. Вы какие-то чудные. Илему обещана свобода, отец будет помогать вам, если нужно. Чего еще вам надо? Ну, хорошо, я узнаю секрет меча. Ты сделаешь этот меч. И ты же первый пойдешь на отца?

— Пойду.

— И погибнешь! Я останусь одна. Нет, я не пойду за тайной меча.

— Почему ты думаешь, что я погибну?

— Разве ты не видел его трезубец? А знаешь ли ты, что у него в войске три тысячи злых духов-кереметей? А болотные черти! Он может напустить на тебя грозу, ливень, огонь. Что ты сделаешь с одним мечом, пусть и волшебным?

— Тебя родила простая женщина, но кровь в тебе змеиная, — сказал Кокша, вздохнув. — Я не могу тебе поверить. Чтобы жить в согласии, надо верить друг другу. Ладно, не ходи за тайной меча, но сделай так, чтобы я тебе верил.

— Я буду думать, — сказала Юнга.

На следующее утро она встала рано и начала сборы.

— Ты куда? — спросил ее муж.

— К отцу. Я не спала всю ночь и думала. Не надумала ничего. Я узнаю тайну меча, но ты дай мне слово, что не пойдешь в бой без меня.

— Даю слово онара.

— Тогда жди.

Больше недели Юнга не было дома. Наконец, она появилась, бросилась Кокше на шею:

— О, как я истосковалась! Я совсем не могу жить без тебя.

— Как твои дела?

— Я прикинулась веселой, и отец был рад, что я пришла навестить его. Он без меня сильно скучал, стал жаловаться, что змееныш его не слушается, дерзит, от старшего сына двести лет нет вестей, и только я вспомнила о старом отце. Я шутила, слегка высмеивала тебя и людей. Я сказала, что глупые людишки снова куют огромный меч и хотят сделать его волшебным. Отец расхохотался: «Никто не знает тайны меча!» Я сказала, что люди молятся добрым духам и просят у них эту тайну. «И добрые духи не знают! Знаю только я один. Да если бы знали, все равно им не сделать такого меча. Где они возьмут полную бочку слез?!» — «А зачем слезы?» — спросила я. «Чтобы сковать волшебный меч, нужно собрать все украшения, какие носят женщины: браслеты, кольца, серьги; железо, медь, золото, серебро. Все это надо расплавить, выковать меч. Нужно нагреть его до цвета соломы и опустить в бочку с материнскими слезами. И вот тогда... Но ты сама понимаешь, что столько слез набрать невозможно». — «Конечно, — сказала я. — Не будут же они приводить к бочке баб и заставлять плакать». — «Но ты не вздумай разболтать об этом своему муженьку! — вдруг крикнул он. — Если ты это сделаешь, я превращу тебя в простую бабу, привезу домой, брошу среди моих рабынь, а змеенышу велю тебя охранять. Ты знаешь, как он тебя ненавидит и какую жизнь он тебе устроит. Ты лучше убеди онара, пусть он даже и не думает о мече. Я подумываю его сделать моим настоящим зятем, чтобы вы жили здесь, около меня. Ты расскажи ему о нашем богатстве...»

Я все ему обещала, и он велел мне уговаривать тебя: «Если онара будет со мной, мы поработим всех людей».

— Ты хочешь этого? — спросил Кокша.

— Нет. Завтра же начнем собирать украшения и слезы.

— Разве можно это сделать? Твой отец прав, как собирать столько слез?

— Можно. Я видела у вас берестяную посуду для пива и кваса. Как она называется?

— Пурак.

— Надо сделать тысячу пураков, но только маленьких, с палец величиной. И тайно раздать их матерям, у которых мой отец забрал дочерей и сыновей. Пусть они собирают слезы в эти берестяные посудинки. Потом я сама поеду их собирать, меня не заподозрят лазутчики отца — они меня боятся.

Обрадованный Кокша созвал старейшин и рассказал им все. Скоро на многие версты кругом мужчины стали делать берестяные посудинки, матери начали собирать в них

слезы, а женщины и девушки каждого илема сносили в одно кудо все свои украшения. К осени у кузнеца Янала скопилась гора браслетов, колец и других украшений, а под навесом в тени стояла тысяча пурачков, наполненных материнскими слезами. Меч вышел вдвое больше, чем первый. Когда оружие было отковано, его нагрели до цвета соломы, все слезы вылили в посудину и сунули туда нагретый меч. Из посудины вырвались клубы соленого пара, и закалка меча закончилась. Когда Кокша начал его испытывать, все были поражены. Стоило мечом только прикоснуться к дубу — дерево сразу падало. Стоило размахнуться вокруг — и возникала поляна.

Теперь можно было бросать клич народу, чтобы все собирались на бой с бесовской ратью Турни-кея.

В конце осени произошла решительная битва с Турни-кеем. Змей все лето спокойно отдыхал, он верил, что дочь среди людей, и если появится опасность — предупредит.

Но когда лазутчики сообщили, что онар Кокша ведет рать, и что люди делают гати и проходы в болотных тряси-нах, Турни тоже не особенно забеспокоился. Он превратился в змея, перелетел болото, опустился на сухом месте и, превратившись в Турни, крикнул:

— Эй ты, Чирей! Вызываю тебя на открытый бой!

— Эй ты, гад ползучий! — ответил Кокша. — Принимаю вызов!

Турни топнул ногой, в его руке появился трезубец. Не успел он поднять его, как Кокша ударил по колдовскому железу мечом и рассек его на две части. Половинки трезубца вспыхнули ослепительно белым пламенем, огонь был настолько сильным, что под ними загорелась земля и они стали уходить вглубь, оставляя после себя черный, опаленный колодец, который и до сих пор считают бездонным.

Лишившись главного оружия, Турни перепугался и превратившись в змея, улетел восвояси. Там собрал всех гадов, бесов, кереметей и направил их на людей.

Но Кокша со своим волшебным мечом отражал их там, где они появлялись. Много гадости полегло в этой битве, люди загнали остатки войска Турни в болото.

Наконец, владыка болот оправился от страха и превратился в Трехглавого. Он в гневе поднялся над болотом, ураганом налетел на людей, разметал их. Только Кокша удержался на месте — он держал меч в руке и ждал врага. Потом, сверкнув глазами, он взмахнул мечом — и стих ветер. Трехглавый свирепо бил огромным хвостом, и земля дрожала от этих ударов. Одна голова извергала огонь,

другая — смрадную гнилую воду, третья — дым, который застилал все вокруг.

Еще раз взмахнул онар — и слетела голова, извергающая дым. Турни взвыл и полыхнул на онара длинной струей пламени. Загорелась одежда на патыре, но он не отступил и отсек огнедышащую голову. И тогда Турни принял человеческий облик и запросил пощады.

Именно этого и добивался онар. Если бы он уничтожил Турни, то никто не смог бы возвратить народу девушек и парней, украденных змеем. Не возвратилась бы и Юкчи. И онар сказал:

— Я оставлю тебе жизнь. Но ты больше ни разу не появишься в междуречье, ты выпустишь всех, кого сейчас держишь в рабстве, пусть они будут здоровы и невредимы. И пусть среди них будет Юкчи. Сделай это сейчас же.

Турни ничего другого не оставалось, волшебный меч онара был занесен над его головой. Он прошептал заклинания, и тут снова задрожала и заколыхалась земля, забурлили стоячие воды гнилого болота и ринулись в реку. Болото стало высыхать, по нему пролегло множество тропинок, и на одной из них показалась красавица Юкчи, а следом за ней все девушки, плененные злым Турни.

Кокша поднял свою любимую на руки и понес...

И начался в междуречье праздник победы. Народ решил своему освободителю принести великие почести. Реку, которая не имела названия, назвали именем Кокши. Реки живут долго, а это значит, что память о патыре Кокше будет вечной.

Потом настал светлый день радостной, веселой свадьбы Кокши и Юкчи. А как же Юнга, спросите вы? Обессиленный и побежденный Турни понял, что дочь предала его, и выполнил обещание. Он превратил ее в простую женщину, и она стала совсем другой. Она встретила онара-победителя и сказала ему:

— Ты свободен, Кокша. Та девушка, с которой тебя соединил Тул юмо, умерла. Юнги больше нет, и я не хочу стать помехой в вашей любви. Я найду себе мужа.

Так оно и случилось. Вскоре после свадьбы онара ее встретил кузнец Янал и полюбил. Девушка стала совсем не похожа на Юнгу — доброе сердце, кротость и нежность совсем преобразили ее черты. Люди забыли, что она была дочерью змея, но зато помнили, что она добыла онару тайну меча. И когда Янал взял ее в жены, она была любима мужем, уважаема народом и дожила до глубокой старости счастливой.

Мирно и спокойно стал жить народ междуречья. Если из царства Турни и появлялись отряды бесов и кереметей, Кокша брал в руки меч и загонял их снова в болото. Сам Турни держал слово, а скорее всего, боялся показываться среди людей. И так продолжалось сто лет. У Кокши было много детей, а те в свою очередь рожали своих детей. Юкчи умерла раньше мужа, она ведь была простой женщиной. Онар больше не женился, он нянчил внуков и правнуков, а самой любимой его правнучкой была Кайна.

И вот настало время усталости. Онар решил уйти на покой. Народ насыпал огромный курган, и Кокша лег на вековой отдых. Заветное слово он, по обычаю прадедов, оставил Кайне. Но, зная ошибки других онаров, он велел людям междуречья приставлять к девушке, владеющей словом, защитника, который должен быть всегда около нее. Старейшины поручили это дело самому смелому и самому умному охотнику селения молодому Янтемиру. Его прочили в женихи Кайне. Но пока ей было всего пятнадцать лет. Люди проводили онара на вековой покой без слез и стонов. Он сказал им, что онары не умирают, плакать о них не надо, а если случится беда, то стоит только послать к кургану Кайну, и онар поднимется, разгонит вражью орду и снова ляжет на покой.

И еще несколько лет люди жили спокойно.

VI

Это в сказке люди жили спокойно. А в жизни снова, как и в прошлые годы, началось беспокойство. Снова в Топкаев илем приехал Ярандай. Он только что побывал в Казани, а там большие перемены. Снова казанские мурзы заговорили про ханство. Пришлось Топкаю собирать сынов старейшин. На это ушла целая неделя. Наконец, совет собрался, запалили костер мудрости в караульном куде расселись на плахи Ярандай, Топкай, Ургаш, Актуган, старейшины. Первое слово дали гостю:

Ярандай. Кто из вас, уважаемые, помнит мурзу Кучака?

Актуган. Про мурзу Я не могу сказать, а плетку его помнят все. У меня до сих пор рубец на плече.

Ярандай. От властителя и стерпеть можно. Кучак был суровый, но справедливый.

Актуган. С тобой, может, справедливым был...

Ярандай. Не о том речь. Ныне мурза вызывал меня в Казань и сказывал, что на Москву поднимаются турецкий солтан, крымский хан и ногайцы. Хотят они у русского

царя отнять Астрахань, Казань и наши земли. В помощь нам идут в несметном числе ногайцы, и первые отряды мурзы Аталыка уже на нашей земле, в моем илеме. И сказано нам, черемисам, подниматься на русских и воевать их по Волге от Кокшайска до Нижнего Новгорода по первому снегу. Стало быть, времени у нас мало, и все черемисское междуречье должно подняться в эту неделю. Снег вот-вот выпадет. Твой род, Топкай, в междуречье самый сильный, ты выступишь первым и пойдешь по илемам в сторону Васильурска, поднимая за собой всех людей.

Топкай. Зимой самая охота начинается. Если мы начнем воевать — будем без добычи. Чем ясак платить тогда?

Ярандай. По твоему судить — воевать некогда. Весной сев, летом сенокос, осенью урожай убирать. Ногайцы могут и без вас русских с Волги вышвырнуть. Тогда будешь ли ты хозяином своих земель? Об этом помните, уважаемые.

Ургаш. Не зря говорят: сонной собаке —дохлый заяц. А если мы Васильгород возьмем — добычи больше, чем на охоте будет.

Актуган. Ты-то сам, Ярандай, пойдешь ли? Помнишь, пять лет назад нас на русских погнал, а сам сидел в Торъяле. Сколько мужчин потеряли мы тогда ни за что, ни про что.

Ярандай. Мои люди уже поднялись и вышли на реку Илеть. Теперь очередь Кокшаги наступила. Силой вас никто не погонит. Но если русских выгоним, я тебе, Актуган, всему вашему роду не позавидую. Ногайцы и казанцы сметут вас как русских пособников. Вот мое последнее слово.

Долго судили-рядили, но пришли к одному: надо выступать в зимний поход.

Первый снег упал на землю через три дня после совета. А спустя неделю первые сотни лучников выступили на заснеженные тропы, чтобы собраться в устье реки Ветлуги.

VII

При покойном государе в военные походы ходили строго. Разрядный приказ давал роспись, кто кому подчинен, кто над кем стоит, и редко какой воевода спорил — боялись.

Ныне, когда молодой царь приговорил послать полки в зимний поход на усмирение казанской черемисы, росписи составили наспех и кое-как. Было велено воеводам собраться в Нижнем Новгороде к сроку в Дмитриев день, а

потом уж «над казанцами, которые заворовались, промышлень». И невиданное доселе дело — к сроку в Нижний явились не все воеводы. По росписи воевода Андрей Куракин, который стоял со своим полком в Суздале, должен был прибыть к князю Ивану Ноготкову во Владимир, а потом уж им обоим надлежало идти к Ивану Воротынскому на Волгу.

Андрей Куракин, получив роспись, возмущился донельзя: «Как, ему, князю Куракину, предки которого служили издревле великим князьям, прямо подчиняться какому-то Ноготкову?» И полк свой во Владимир не повел. Князь Иван Ноготков был хоть и молод, но честолюбив и задирист. «С чего бы мне идти в Нижний и стоять ниже Воротынского, ежели мой полк строил чуть ли не все царские крепости на Волге, а воины Воротынского все эти годы околачивались в осаде, а сам князь ожирел до того, что в седло ныне сесть не может?». И тоже на съезд к Воротынскому не поехал.

По вестям было видно — богатые казанцы подняли черемис и грозят Свияжску, Кокшайску и Васильсурску, а им встречу выступать нельзя. Мало того, что два полка к месту сбора не явились, меж иными воеводами полное несогласие. Князь Михайло Ноздреватый да воевода Меркур Щербатый стали бесчестить Ивана да Ефима Бутурлиных своим несогласием стать им в подчинение. Андрей Измайлов написал царю челобитную и, ожидая ответа, в поход не торопился. В челобитной было сказано, что Измайловы испокон веков служат великим князьям московским, а князья Елецкие служили князьям рязанским. И подчиняться Измайлову воеводе Елецкому позорно.

Челобитную Измайлова переслали из Разрядного приказа Борису Годунову вместе с грамотой большого воеводы Воротынского. Князь Иван Михайлович писал, что выступить супротив бунтовщиков не может, воеводы его не слушают, и просил строгого царского указа.

Царь Федор Иванович выслушал Годунова спокойно. сказал тихо:

— Ну, напиши им иной указ — подмахну. Ведь Измайлов прав, их род, всем ведомо, знатнее Елецких. Да и Щербатые выше Бутурлиных, я об этом знаю.

— Негоже так, государь. Если ты свои указы будешь менять яко рукавицы, какая им будет цена?! Сам видишь, что получается. Вороги на наши крепости навалились, а воеводы все еще о местах грызутся. Так нам и Волгу потерять недолго! Им потачки давать нельзя, государь. Твой указ нерушим — пусть знают. Инако они в каждом походе

будут свариться и воевать буде недосуг им. Посмотри-ко что делается: давно ли Ивашка Ноготков в детях боярских ходил, князишко и впрямь ноготка не более, а туда же! И кому подчиниться не хочет? Воротынскому! Даже на съезд не явился.

— Как это не явился?

— Так, я же тебе читал. И Ондрюшко Куракин в Нижнем не съехался.

До Федора только сейчас дошло, что его царского слова князя-воеводы всерьез не приняли и делают не то, что он им велит, а то, что им вздумается.

— Ах они, своеобычники, ах они, охальники! — Федор вскочил с кресла. Заметался по палате. — Батюшки покойного боялись, а я, стало быть, им не царь! Они забыли, кто я! Они меня еще узнают! Я им покажу, покажу! — царь подбежал к столу, схватил перо. — Где бумага, где чернило?

— Ты словесами, государь, прикажи, словесами. Я все как есть исполню.

— Немедля зови Ивашку Ноготкова в Москву, а полк его отдай кому иному. И сразу, как сюда прибудет, — в тюрьму его! В застенки!

— Будет исполнено, государь.

— Андрюшку Куракина тоже!

— Хватит одного, государь, другим для острастки. А Куракину после промысла над казанцами дать суд. Если ты повелишь?

— Велю!

В КОКШАЙСКОЙ СТОРОНЕ

I

Ступая неслышно, как рысь, подкрадывалась к людям зима. Уснули скованные льдами реки, зарылись в глубокие сугробы. Снега падали легки и пушисты, заваливая лесные хижины выше крыш.

Илья шел к своей цели не торопясь. Безлюдные ранее леса теперь полнились беглым людом. То там, то здесь Илья встречал ватажки бродяг. Был он не раз узнан прежними товарищами по бунту, они звали его к себе, предлагали встать на атаманство, чтобы снова жечь усадьбы помещиков, грозить царю и боярам. Убеждали, говорили, что деваться им теперь все одно некуда, возврата к родным местам нет. Теперь, мол, нам осталось либо в стремя ногой, либо в петлю головой.

Илья отнекивался, ссылаясь на старость, на то, что ищет дочь. А самому хотелось покоя, тихой, безмятежной жизни. Руки просили работы. И такая жизнь ему мыслилась только в одном месте — в глухом далеком илеме, у Топкая. Он верил, что Андрейка вызволит Настю, приве-

дет ее на берега Кокшаги, там их можно поженить и зажить спокойно, по-семейному.

К первым заморозкам он достиг реки Кундыш, потом перебрался в Чкаруэм. Там ему сказали, что Топкай жив-здоров, кузня его цела, изба тоже не занята. Малость отдохнув, по первому снегу он направился в Топкаев илем. Добрался до Кокшаги ночью, подошел к своей избе и удивился — в оконце пробивался желтоватый свет, а из трубы вился дымок.

Тихо отворив дверь, он вошел в избу. Свет на окна шел из печки. Перед освещенным челом сидел на низком стульчике Вечный Кочай и подбрасывал в печь березовые поленья. Это обрадовало Илью. Старого сказителя он любил, пожалуй, больше всех в этой округе, в свое время этот мудрый старик помог ему устроиться тут на жизнь, это он привел его и Настю к Топкаю в илем и убедил принять его, как кузнеца.

— Кто пришел? — тихо спросил Кочай, вглядываясь в темноту.

— Илейка-кузнец пришел, — так же тихо ответил Илья. — Здравствуй, дедушка.

Кочай бросился к двери, обнял кузнеца, заплакал:

— Пришел все-таки. А мы думали, нет тебя в живых. — Он помог Илье раздеться, посадил к печке, дрожащими руками зажег лучину, вынул из печи чугунок с хлебкой.

— А дочка где?

— Здесь ее ждать буду. Должна и она появиться. Меня-то не ждал небось?

— Как не ждал! Не только я — все ждали. Коришка особенно. В прошлую зиму Митька Суслопаров приходил, про тебя спрашивал. Говорил, пришла в Хлынов бумага. велели тебя искать.

— Вон оно как!

— Но ты не бойся. Топкай сказал — мы тебя не выдадим. Теперь про ту бумагу забыли. Живи спокойно. В кузнице думаешь работать?

— Если позволят.

— Как не позволят? Коришка в Казань ездил два раза. Шкурки на железо менял, привозил да прятал. Косы, серпы ковать надо, подковы делать. Без кузнеца совсем плохо.

— Добро, Кочай. Я рад, что тебя увидел. Места ваши теперь мне все равно, что родные...

Ешка и Палага ехали безбедно, не спеша. Дороги накатаны, сани новые, лошаденка резвая. Кормили ее тайно по ночам у чужих стогов с сеном, сами ночевали у мужиков, питались христовым именем. На заставах показывали грамоту, и сторожа, увидев царскую печать, махали руками, мол, проезжайте ради бога.

Сперва ехали малыми дорогами до Владимира, а потом свернули на Муром. Муромская дорога—словно река мощная, полноводная. Подхватила она наших путников, понесла. Рядом пешие, конные, возки, караваны, обозы. И в одну и в другую сторону. Из Москвы полки с пушками, воеводы с саблями; в Москву—кожа, лен, меха, рыба. За саями шагают бородатые мужики в кафтанах, армяках, тулупах, на возах—купец с бременем яко у роженицы.

Из стольного града на гладких лошадях да в закоженных возках скачут сборщики налогов, монахи, бояре. Встречь им обозы с зерном, где лошаденки хилые, мосластые.

Из белокаменной, вальяжно развальясь в колымаге, едет боярин с боярыней. Может, в свою вотчину, а может, на богомолье. С криком «пади!» скачет верховой скороход, он везет срочно осургученную бумагу, а ему навстречу—искалеченные ратники, поломанные пушки, оборванные просячие Христа ради, юродивые, а то и просто странники. И виляет Ешкина подвода по дороге, как лодчонка по бурной реке. День за днем, сутки за сутками.

Иногда Палага торопит Ешку, но тот невозмутим:

— Спешить некуда. Волгу переедем по льду—зима долга. Кокшага тоже по ледку нас поднимет. К весне, глядишь, будем на месте.

— А туземные люди нас не побьют?

— У кокшайского воеводы стрельцов попросим в случае чего.

Ешка все рассчитал правильно. Волгу переехали благополучно и в один из дней очутились у ворот кокшайской крепости. Крепостишка была ветха, ворота расхлябенены настежь, башенки покосились. Сторож у ворот спал запахнувшись в тулуп. Ешка не стал его будить и проехал к воеводской избе. Воевода Василий Буйносов в этот раз мучился похмельем. Он долго читал царскую грамоту, потом выпил миску капустного рассола, сказал:

— Стрельцов я те дам, раз царь-батюшка приказывает, только в снегах лесных вы утонете. По Большой Кок-

шаге санный путь проторен, там купцы в Хлынов ездят, а по Малой Кокшаге пути нет.

— Мы проторим.

— А может, до весны переждешь?

— Что ты, княже! Река, вскрывшись, нас и на шаг не пустит. Я тут бывал, знаю.

— Ну, смотри.

Отдохнув четыре дня, Ешка тронулся по Кокшаге. Впереди шли четверо верховых стрельцов, они, поочередно меняя передовых всадников, пробивали езду. За ними шли сани, в них восседала Палага. Ешке тоже воевода дал коня под седлом. Путь был трудный, но благополучный. Шесть суток шли спокойно, никого не встретив. Попадались по пути охотничьи следы, но живого человека не встречалось. Берега у реки были всюду болотистые, низкие, сплошь заросшие лесом. Места для крепости не находились.

Наконец, на шестые сутки стрельцы выскочили на открытый берег. Здесь река, словно волчица с волчатами, петляла по лесу со своими протоками, заливами и старицами. На одном повороте левый берег был высок, там, на холме, виднелись жилища людей, над ними вились дымки.

Ешка остановился, долго разглядывал берег, сказал:

— Ну, кажись, приехали. Вам, служивые, спасибо за проводы, теперь езжайте домой. Мы уж тут как-нибудь одни.

— Там черемисы, — сказал старший стрелец. — Они злолюты. Застрелят, однако.

— Если с пищалями придем, непременно застрелят. А коль мы приедем к ним с крестом и миром? Поезжайте. Скажите воеводе, пусть он государю весть перешлет о том, что место для крепости сыскано. Вы же сей берег запомните и, когда будет надобность, воеводам укажите.

Стрельцы радостно повернули коней.

Здесь на реке было протоптано много тропинок. Ешка выбрал одну из них, направил по ней Палагу.

— Иди безбоязненно. Я за тобой. Сколь они ни злолюты, но по бабе стрелять не будут, — и повел за Палагой коня в поводу. Вдруг тропинка раздвоилась, одна вильнула в сторону, в лес. Оттуда был слышен звон молотков о наковальню. Ешка удивился, он знал, что давним царским указом черемисам строго запрещалось иметь железо и ковать из него любую кузнь: «Не иначе тут русские люди есть», — подумал Ешка и направился на железный перезвон. Открылась заснеженная полянка, у лесной опушки приткнулась небольшая приземистая кузня. Ешка подо-

шел к створчатой двери, постучал. Створка открылась, показался молодой широкоплечий парень. Увидев незнакомых людей, он отскочил вглубь кузни, схватил железный прут. Другой мужчина, борода с проседью, неторопливо наклонился, поднял большой молот.

— Поро кече*, — Ешка сдернул шапку, поклонился.

— Пурыза**, — ответил бородатый, но молот не опустил. Когда около Ешки появилась Палага, напряженность с лиц кузнецов спала, молодой недовольно буркнул:

— Дверь закройте, холоду напустите.

Ешка и Палага перешагнули через порог, плотно прикрыли створку двери.

— Ехали вот, слышим — звенит..

— Откуда ехали?

— Да из кокшайской крепости. Умучились — страсть.

— Вы вроде русские, не черемисы. Откуда язык знаете? — спросил молодой. Он, видимо, был тут за подручного у кузнеца.

— Живал я здесь ранее, знакомых имею.

— Куда путь держите? — кузнец опустил молот, присел на чурбан.

— Ищем илем лужавуя Чка.

— Уж ты не поп ли? — молодой улыбнулся.

— Поп.

— Ешка Большая палка!

— Он самый, — Ешка хохотнул.

— Давно бы так сказал. Тут про тебя Вечный Кочай целые сказки рассказывает. Помнят тебя все.

— погоди! Кто сказки рассказывает? Кочай? Так он жив еще?! Тогда вроде на ладан дышал.

— Недаром его Вечным Кочаем называли.

— Кочай по-русски — дед. А имя никак не вспомню

— Имя нет.

— Почему?

— Он все время Кочай был. Мой отец когда женился, Кочай уже стариком был. Его молодым никто не видел. Он шочмовуя*** Чка хорошо помнит, он и ему сказки рассказывал, песни пел — вот как он стар.

— Чка разве умер?

— Давно. Отец мой шочмовую сын будет. Топкай его зовут. Все земли до реки Кундыш его: Чкаруэм, Чкаэнгер, Шечка.

* Поро кече (мар.) — добрый день.

** Пурыза (мар.) — входите.

*** Шочмо вуй (мар.) — глава земли, основатель рода.

— Стало быть, Чка в живых нет. Жалко. Я было хотел ему поклониться, место хотел попросить. Чтобы жить на старости лет, богу молиться.

— А места много. У отца спроси — позволит.

— Как тебя зовут?

— Коришка. Гришка, если по-русскому.

— Скажи-ка мне, Гриша, разве теперь царь черемисам железо ковать позволяет? Раньше, я помню..

— И теперь не позволяет.

— А как же? — Ешка кивнул на наковальню.

— Это не наша кузница, а дяди Ильи. А он русский.

— Царя, стало быть, перехитрили? — Ешка снова хотнул.

— Зачем же, — Илья подошел к горну, сунул в пылающие угли кусок железа, качнул меха. — Царь, ведь он чего боится? Чтобы инородцы копыя, мечи, наконечники для стрел не ковали, не вооружались чтоб. Я и не кую. А без лемехов для сохи, без лопат, без топоров, без ножей как обойтись? Люди хлеб сеют, лес рубят, на охоту ходят. За все это ясак царю платят. Им без железа не обойтись. Вот меня и приспособили. Дом помогли построить, кузню.

— Женить хотим, да не соглашается.

— Поздно уже. Дочку вот жду с Камы.

— Стало быть, один бобыльствуешь?

— Один пока.

— Может, нас с Палагой приютишь на первое время.

— Рад буду. Правда, со мной Кочай живет, но он уходить собрался.

Вечером в избу Ильи пришел Топкай. Он постарел, погрузнел, но Ешку вспомнил, обнялись, похлопали друг друга по спине. Палага в избе освоилась, гремела около печи ухватами, готовила ужин.

— Ну, как живешь, Ешка Кугу тоя? — спросил Топкай, пока Палага собирала на стол.

— Живу не тужу, — Ешка был весел, ему хотелось балагурить. — Рупь украду, полтину пропью, другую прогуляю, а на барыш опохмеляюсь. По девкам было бегал, дашибко попадья ругается.

— Ты, однако, по-прежнему весел. Сколько лет мы не виделись?

— Лет, поди, тридцать с гаком.

Сели за стол. Илья молча вынул большой коричневый каравай хлеба, перекрестил его ножом, отвалил сначала краюху, потом начал пластовать на ломтики. Палага вынесла на стол миску гороховой каши. Илья разлил по кружкам медовуху.

— А ты, Топкай, как живешь? — спросил Ешка, когда выпили по первой. — Раньше ты вроде на другом месте жил.

— Ай, — Топкай отмахнулся. — Люди мы не сидячие, где захотим, там и живем. Руэмы вырубаем, землю пашем, на охоту ходим, рыбу ловим. Брат мой Ургаш за Оно Морко ушел, трех сыновей имею. Старший, Япак, в Чкаруэме остался, средний, Актуган, на реке Манаге живет, а младший, Кори, у Ильи кузнечному делу учится. Старуха моя умерла, вторую бабу взял. Молодую. Ну, а этот илем у нас родовой. Я тут все время зимую.

— Ясак кому платишь?

— С Вятки приезжает дьяк Суслопаров...

— Дерет ясак невероятно много, — заметил Илья. — Креста нет.

— Кори мне сказывал, что ты тут жить собрался, богу молиться?

— Истинно. Клочок землицы дашь?

— Земли не жалко, только обманываешь ты меня за чем? Помнишь, в прошлый раз пришел ты к моему отцу и сразу сказал правду — принес де я вам новую веру. А теперь зачем душой кривишь?

— Поверь, Топкай, хочу под старость лет в тиши пожить.

— И только для этого через великие морозы, через глубокие снега сюда добирался? Будто таких мест под Москвой нет. Я сначала подумал — ты от царского гнева сюда бежишь, но люди видели, что тебя пычальники* сюда провожали, а ты их отослал.

— Мыслимо ли дело?! — Ешка захмелел и стал горячиться. — Мы с тобой уху есть еще не начали, а ты в меня уже костями плюешь! Конечно же, и под Москвой тихие места есть, но я поп, мне богу служить надо. Вот я и надумал в ваши места зимой, пока дороги стоят, добрести, место отыскать да и заложить малую пустынь святую, поставить в ней икону Девы Мироносицы и приобщать вас, безбожников, к истинной православной вере. Я думал: если преуспею в этом богоугодном деле, то со временем встанет на месте моей пустыньки некий монастырь. Сколько я, тридцать тому лет, на ваши шеи крестиков навешал — где они? У-у, ироды, побросали!

— Почему побросали? — Топкай сунул руку под рубашку, вытянул медный крестик. — Вот он. Теперь у нас многие двух богов имеют — и вашего Христа, и нашего Оно

* Пычал (мар.) — ружье. Вероятно, от слова «пищаль».

юмо. Если большая беда придет, который да поможет. Молиться вашему богу, правда, нам негде—ставь свою икону. Но пычальников с собой зачем привел?

— И тут не солгу. Узнал государь наш Иван Васильевич, что я в ваши места иду, и велел мне место для крепостишки разведать..

— Крепость нам ни к чему! — сердито перебил Топкай. — Мой лужай против царя не бунтует, хоть и надо бы. Понаедут потом русские...

— А чем тебе русские насолили? Вот русский кузнец Илья — он тебе лемехи для пашни кует, сорлу* делает. Первого русского кого ты увидел?

— Ну, тебя.

— Какой я вред сделал? Зерна вам привез, хлеб сеять научил, от мурзы отбиваться помог. Помнишь?! Так вот, ныне супротив царя снова не только казанцы, но и ногаи, крымцы поднимаются и всю вашу землю хотят забрать под себя.

— Это правда! — Топкай выпил медовуху, утер губы ладонью. — Ургаш мне сказывал, что за рекой Оно Морко какой-то Аббас появился. Грабит людей, убивает.

— Тут такое дело, — вступил в разговор Илья. — Нам что ногайские мурзы, что русские воеводы. Обое рябое. Хорошо бы подняться да тех и иных не пускать на земли тутошние.

— Легко сказать — подняться. А с чем? С дубьем, с рогатинами? Супротив пушек, пищалей да сабель? Нет, милые мои. У вас на одного бога надежда должна быть. Уж если вы православную веру приняли, то крепость супротив мухамеданцев вам зело поможет. Как мыслишь, Топкай, закладывать мне пустыньку али не надо?

Топкай долго раздумывал, потом сказал:

— Отдохни сперва, потом я братьев позову, сыновей. Надо посоветоваться.

III

Весть о том, что на Кокшагу пришел русский поп от царя, распространилась по лесам быстро. Спустя две недели к Топкаю на совет приехали не только сыновья и братья, но и карты близлежащих илемов, соседи и друзья. Ургаша, который жил далеко, за рекой Оно Морко, Топкай на совет не зазывал, но и он приехал. И не один. С ним прикатил лужавуй Ярандай — тот уж совсем далеко жил, но все-таки с дальней дорогой не посчитался.

* Сорла (мар.) — серп.

Сначала думали собраться в избе кузнеца, но Ярандай запротестовал:

— Наши предки всегда советовались около костра. А в русской избе огонь в камни запрятан. Наших богов там нет.

— Верно, верно, — заговорили карты. — Тул юмо в избе не живет, а он в советах первый помощник. Разве у вас караульного кудо нет?

Все собрались в караулке, развели костер, уселись вокруг. Позвали Илью, Ешку. Вечный Кочай тоже пришел. Первым начал говорить Топкай:

— Пришел к нам русский поп Ешка Большая палка. Многие его знают и помнят, он у нас лет тридцать тому был. Теперь Ешка хочет у нас жить постоянно и просит земли, чтобы пахать, сеять и хлеб растить.

— Сам пришел, или послан кем? — спросил Ярандай.

— Про это он сам скажет.

— Я хитрить не буду — послан главой православной церкви. Сперва думаю построить пустыньку малую, буду там жить и молиться богу. Все, кто крещен в нашу веру, будут со мной вместе молитвы творить. И коль со временем мы удостоимся святости, господь бог нам даст знамение — построим мы вместе с вами церковь. А то кресты вы одели, а молитесь по-прежнему языческим богам своим, православной вере противным.

— Нам кресты силой одели, мы их забросили давно! — крикнул карт Ярандаева илема. — Многие в магометову веру ушли.

— Бросили, да не все, — заметил Актуган. — И магометан средь нас мало.

— Хоть вера и не варезка, чтобы менять ее каждую зиму, однако, ныне силой неволить никого не велено, — сказал Ешка. — Я потому и хочу начать с пустыньки, дабы выбрать истинных поклонников Исуса Христа.

— Дайте я скажу, — Вечный Кочай вышел к костру, погрел над огнем руки. — Человеку без веры жить нельзя, он должен во что-то верить. А у нас плохо дело пошло — старых богов забывать стали, а Исуса Христа мы не узнали. Крестики на шею надели, а где жертвы новому богу приносить, где грехи замаливать? Мы в большой нужде живем: старые боги на нас обиделись, бедами наказывают, а русский бог про нас, может, и не слышал вовсе. Он нас не защищает, не помогает. На двух нарах нельзя сидеть, упадешь непременно. Надо одну веру выбирать. Пусть Ешка делает русское кюсото, будем там у вашего бога милости просить.

— А чем наши боги плохи? — спросил карт Ялпай. — У русских есть свой бог, у татар аллах, пусть у нас будет юмо.

— Пусть будет, — согласился Ешка. — Но вы про нас подумайте. Про Илью-кузнеца, про меня, про Палагу. Нам где-то молиться надо? Вот Актуган нашей вере привержен, Вечный Кочай. Да и старейшина наш, я знаю, крестик носит. Может, еще кто придет.

— Ладно, — сказал Топкай. — Нам без кузнеца никак нельзя, без попа тоже. Ты, Ярандай, напрасно говоришь, что силой нас крестили. Многие по своей воле крест надели. Стало быть, делай, Ешка, свое кюсото, молись богу.

— Смотри, Топкай, — Ярандай помахал руками над головой. — Ты русским палец в рот суешь — они всю руку откусят. Ты зачем, поп, скрываешь, что место для города пришел высматривать.

— Я об этом говорил Топкаю. Потому, я мыслю, и совет собран.

— Если мы не захотим тут город строить, царь нас послушает? — спросил Ялпай.

— Царя недаром Грозным зовут. Он на нас плюнет, — крикнул Ярандай.

— А мы снова бунтовать начнем! — Ургаш вскочил, ткнул кулаком в темноту. — Эта земля наша, мы ее вспахали, засеяли. Здесь деды, прадеды лежат..

— Мы ясак платим исправно! Чего еще ему нужно от нас?

— Да никто вашу землю отнимать не будет, крепостишку построят, только и всего. Для вашей же защиты.

— Мы сами себя защитим! — Ярандай ударил кулаком в грудь. — У нас каждый мужик — стрелок. Пока нам никто не грозит, никто не насакивает...

— Когда наскочат, поздно будет о крепости думать, — сказал спокойно Кочай. — Ты, Ярандай, с кем угодно съажся. О простых людях надо думать.

— Простые люди сами о себе подумают, Кочай. Ты вот о чем нам скажи: тут сидят два русских человека, один поп — он за царев город глотку дерет, а другой — кузнец, он почему молчит?

— Пусть сам скажет.

— Ты, Ярандай, правду привез — мне царев город ни к чему. Но я бы на месте Топкая, он этой земли хозяин, место для города дал бы. Скажи, Топкай, вы меня, пока я по родным местам ходил, ждали?

— Больно ждали. Без кузнеца нам совсем плохо было.

— Если город тут строить начнут, придет много разных

мастеров, они и вам, как я ныне, помогать будут. Чего греха таить, живете вы бедно, плохо. А город строить начнут — работы вам будет много, деньги будете получать. Говорят, отец Ефим много добра вам когда-то сделал, да и я помогаю вам жить. А если много русских придет сюда, разве будет вред? Они такие же работные люди, как и все, вместе-то с нуждой справиться легче будет. Вот что я скажу.

— Я человек старый, — медленно начал говорить Топкай. — Мне жить мало осталось. Я потому и позвал родню, чтобы они сказали свое слово. Им жить впереди. Скажи ты, Ургаш. Надо строить на нашей земле город?

— Нет, — сказал Ургаш резко. — И попа нам не надо. Своя вера есть.

— Актуган?

— Город — нет, попа надо оставить.

— Ты, Кори?

— Я — как старшие.

Карт Ялпай и все карты илемов тоже были против города. Родовой совет решил так: кузнеца и попа оставить, дать им земли. Если поп будет ставить кюсото своему богу, указать место и помех не чинить. Крепость на земле лужая нежелательна.

Расходились под вечер. Ешка и Кочай пошли в свою избу, а к Илье подошел Ярандай и шепнул: «Пойдем в кудо Ялпая, разговор важный есть».

— Ты не вздыхай, — сказал Кочай Ешке, когда они пришли в избу. — Придет время, и люди сами поймут, где правда. Ты мои сказы слушал? Я ведь не зря народу про Кокшу и про Турни говорю. В моей сказке зерно истины есть. Вот подожди, появится на нашей земле Турни со своей нечистой силой, сразу и Кокша найдетсЯ и про меч богатырский думать начнет. Вот тогда...

— Погоди, Кочай. Ты лучше посоветуй, что мне государю отписывать. Уж не думаешь ли ты, что я ему, сказку про Кокшу буду рассказывать?

— Если он умный царь, то и сказку поймет. И Топкай, и Ярандай — люди богатые, они за свои земли дрожат, за свои илемы. Они о народе мало думают, а простым людям, когда Турни появится, больше всех страдать.

— Где тот Турни? Он в сказке...

— Не говори так. Ты думаешь, почему Ярандай в такую даль на совет притащился и Ургаша с собой приволок? Появились на его земле ногайцы, потому он и осмелел. Сейчас их, говорят, немного, но скоро к ним придет мурза Аталык с большой ратью, это тебе пострашней вся-

кого Турни будет. Я понимаю, волшебных мечей не бывает, но тогда крепость, о которой ты говорил, вместо волшебного меча службу сослужит, и люди, которые сейчас против города кричали, сами же его строить помогут. Помяни мое слово.

— Про ногойцев вести верные ли?

— Подожди немного. Ты заметил, Ярандай кузнеца к карту увел. Это неспроста. Вернется — расскажет.

...В кудо Ялпая — свой разговор. Ярандай усадил Илью на нары рядом с собой, заговорил тихо.

— Ты не думай, что я про тебя ничего не знаю. Когда семь лет тому назад ты против царя бунтовал, в твоей ватаге мои черемисы были. Теперь ты по лесам скачешь, от царя прячешься, а он тебя поймать велел. Это все я знаю. И ты теперь, как волк, обложен со всех сторон, и некуда тебе деваться.

— Зачем ты это говоришь мне?

— А вот зачем. Скоро придет время, и царя мы с наших земель выгоним.

— Кто это мы?

— Ты царю враг, тебе скажу. Скоро придет сюда мурза Аталык с большой ратью. Черемисы ему помогать будут. И ты тоже помоги. Нынче в наших лесах много русских людей прячется. Собирай их всех под свою руку и с нами воюй. Если мы землю нашу очистим, тогда царь тебя не достанет, будешь ты служить хану, вольным будешь, богатым.

— О каких русских людях говоришь? Где они?

— Везде. В моих землях ватага русская зимует. Человек пятьдесят, может, сто. Я их мог бы всех в болоте утопить, но не трогаю, для тебя берегу.

— Откуда они взялись?

— Говорят, с Камы прибежали.

— С Камы?! Кто их привел?

— Девка какая-то. В соседнем лужае у Ятмана тоже две ватажки хоронятся. Ты бы побывал у них, поговорил. Я помогу найти их.

— Ладно, Ярандай, я подумаю.

— Вот и договорились. Сейчас зима, снега глубоки, а как весна придет — прибегай ко мне в илем, там обо всем и договоримся.

— По весне жди. А те ватажки оберегай. Не дай бог, мурза на них наскочит.

— Не наскочит. До весны его в наших лесах не будет.

Илья вернулся в избу, сели за стол ужинать. Ели мол-

ча, Ешка и Кочай ждали, что скажет кузнец. Он хлебал ши, ничего не говорил.

— Зачем Ярандай отзывает тебя? — не утерпел Ешка.

— Вроде бы Настенкин след появился: «Зимуют-де на его уделе ватажки беглых людей с Камы, и среди них девка». Кроме Насти некому там зимовать. Весной велел к нему приходить.

— А про ногайцев ничего не сказывал?

— Нет, — соврал Илья. Пока он сам ничего доподлинно не узнал, говорить об этом не хотел. Все решили ждать тепла. Ешка сразу же хотел ехать к Актугану, но Топкай и Илья отговорили его. Топкай сказал, что зимой все равно там жилище не построить, кормиться нечем, надо ждать весны. Илья очень соскучился по русской речи и просил Ешку зимовать у него. Да и Палага в доме больно прижится.

И началось Ешкино зимовье. Днем он либо помогал в кузнице, либо, надев лыжи, бродил по окрестностям илема. Он мысленно расставлял по местности крепостные строения. Вот тут — храм, тут воеводская изба, тут стена, тут башенки. Часто заходил в куду жителей илема, укреплял в них православную веру, о городе пока не заикаясь. Зимние ночи долги, если с вечера спать, все бока отлежать можно. Вечерами терзает Ешку скука. И удумал он детей илемских грамоте учить. Илья, узнав об этом, засомневался:

— А книги где?

— Есть у меня в котомице книга Нового завета, есть часослов. На первое время, думаю, хватит.

— Бумага?

— В Новгороде Великом да и в иных городах сыскони на бересте царапают, а мы чем хуже? Слава богу, березовой коры здесь хоть завались.

А Топкай посоветовал:

— В помощь возьми моего Коришку. Он будет сказки рассказывать, песни петь. К нему ребятишки как мухи к меду слетаются. А к тебе не пойдут, пожалуй.

В один из вечеров Кори привел в избу Ильи десятка два ребятишек. И подростки, услышав о сказании, тоже пришли.

Трещит в светце лучина, сыплет угольки в корытце с водой.

Кори сел на лавку в передний угол, задумался. Раньше, когда Кочай рассказывал эту часть сказания, Кори отлучался в кузницу, на все вечера не приходил. Правда, еще раньше от бабушки он про многих других патыров сказки

слушал, может, их в один котел бросить, сварить похлебку про онара. Кое-что додумать, кое-что присочинить. Ведь заменял он однажды Кочая. Неплохо вроде получилось. Побрякал Кори мало-мало на гуслях, заговорил:

— Прошло несколько лет жизни междуречья без онара. Турни долго крепился, держал свое слово и из болотного царства не вылезал. Наконец, он решил все же в одну из ночей тайно сходить к кургану. Теперь он стал совсем другим. Куда девалась наглость и самоуверенность? Он стал ворчливым, разговаривал сам с собой. Шел, крадучись и озираясь. В одном месте вдруг из кустов выпорхнула птичка и так напугала Турни, что тот растянулся на земле, дрожа от страха.

— У, керемет! Душа ушла в копыта, — заворчал он, поднимаясь. — Вот до чего я дожил — на землю, где царил и правил тыщу лет, хожу теперь тайком, как вор или разбойник. Шарахаюсь от каждой пичужки, боюсь людей. Нет вроде никого... Ну, отдохну немного и примусь. — Турни сел на пенек, отдышался, залюбовался тишиной ночи и... размечтался. Не заметил сам, как заговорил про себя:

— А ведь какие были времена! Бывало, стоит только выйти мне из царства кереметей, как эти же презренные людишки, дрожа и трепеща от страха, все как один вставали на колени и отдавали мне любую душу. Бывало, сотнями я души поглощал, был сыт и весел. А теперь...

Не заметил Турни, размечтавшись, как сзади него возник молодец и спросил:

— Послушай-ка, старик. Я сбился тут с пути, не знаешь ли, где дорога в Кереметию?

Турни хотел было дать стрекача, но вдруг раскинул руки и заорал:

— Яиге!* Сын! — и бросился обнимать парня.

— Отец? Вот встреча! — Яиге тоже обнял отца и, отойдя от него на два шага, начал разглядывать. — Ты сильно сдал, старик. Не узнаю великого Турни. Ну на кого похож ты, погляди. Прости, старик, но ты на чучело похож.

— Зато мой сын гладкий стал, — с обидой сказал Турни. — В тяжелые, лихие времена удрал из царства. Уж много лет не кажет в доме глаз. Хотя весточку какую бы послал, спросил бы, как живет отец...

— Я вижу, жизнь твоя, старик, не мед. Я слушал за кустом твою пустую болтовню, ты стал ворчун, старик. Где теперь онар, где меч?

* И я и ге (мар.) — сын сатаны.

— Видали умника?! Онар лег отдыхать в курган и меч забрал с собой.

— Ну что ж. Пусть дрыхнет этот крот на колдовском мече. Пора бы рать твою поднять, онара разбудить. Пока глаза он протирает — схватить и этим же мечом прикончить.

— Глупец. Онара разбудить никто не может, кроме Кайны.

— А это что за птица?

— Правнучка онара. Ей он оставил тайный клич, заветное слово...

— Ей сколько лет?

— Не больше двадцати.

— Положись на меня, старик. По женской части нет меня бойчей.

Обычно к кургану первым приходил Янтемир. Он должен был по ночам охранять покой онара. Чтобы ему не скучно было коротать ночь, приходила сюда и Кайна. Они гуляли около кургана, пели тихие песни. На этот раз Кайна пришла в урочное время, но любимого не застала. Это обеспокоило ее: Янтемир никогда раньше не опаздывал. И она запела песню, чтоб дать знак патыру, что она уже здесь:

Я зеленый листочек зажму между губ,
Полной грудью вдохну свежего ветра,
И листочек тогда запоет нежно и жалобно,
И все узнают, что я жду своего желанного.

— Это Кайна, — шепнул Турни. — Сейчас появится Янтемир, и нам несдобровать. Бежим!

— Ну нет, — зашептал Яиге. — Пока я не познакомлюсь с этой девой, отсюда не уйду. Поползли к кургану.

К Кайне подошел Янтемир:

— Прости, красавица, что опоздал немного. Предчувствием беды томимый, я по лесу ходил. Какая-то неясная тревога напала на меня. В лесу, на берегах реки и на полянах — везде я чувствовал большое беспокойство. Кругом летает воронье и каркает зловеще. Все стало так, как в прошлые года, когда Турни с своей ужасной ратью на нас готовил нападение. Попрыталось зверье по норам, они ведь чувствуют беду гораздо раньше нас. Стой, кто там?! — крикнул вдруг Янтемир, но на опушку леса вышел карт илема.

— В лесу ты не заметил ничего? — спросил он Янтемира.

— Тревогу чую.

— Я только что гадал на воске. И вышло, что в лесу дремучем нашем злодей какой-то новый появился.

— Где?

— Об этом воск сказать не может. И мы решили послать во все четыре стороны гонцов. И ты иди. Охотник ты, и знаешь все дороги: кого куда послать и где что посмотреть. Здесь мы останемся и доглядим за всем.

— Иди, отец. А ты, красавица, иди в илем, и будь со стариками рядом.

— Вернешься скоро?

— Недели две придется походить. Леса огромны.

— Я только попрошу — побереги себя. И вот возьми платок.

— Спасибо. Он будет каждый миг напоминать тебя.

— Знай, милый, это не простой платок. Волшебный. Ты, может быть, удержишься в отлучке, а злая рать с других дорог нагрянет. Ты знай, когда платок мой потемнеет, узоры все на нем увянут и поблекнут, спеши сюда на помощь.

— Прощай, родная, — Янтемир обнял Кайну, спрятал платок на груди и отправился за картом. Кайна долго махала рукой ему вслед...

...Турни понял план своего сыночка. Да и желание отдубасить сына за долгое шатание по белу свету тоже было ему по душе. Он схватил палку и с таким рвением начал молотить по спине, по рукам и по голове своего потомка, что тот завертелся мелким бесом и начал кричать, что есть силы.

Кайна, услышав стоны и крики, поспешила на помощь, она подумала, что беда случилась с Янтемиром. Когда она подбежала к Яиге, тот лежал на траве вниз лицом, раскинув руки в стороны.

— Ты жив, юноша? — спросила она, и когда Яиге не ответил, перевернула его лицом вверх. — Бедный, несчастный парень. Он мертв, — сказала она сокрушенно, и в этот момент Яиге застонал:

— О, юмо, я умираю!

— Кто этот злой и жестокий человек, который так избил тебя? — спросила Кайна, поднимая Яиге на ноги. — И куда ты?

— Я человек из восточного племени... Я заблудился в лесу. Долго я скитался по чащобам и вдруг увидел много черных людей... Они были с хвостами и копытами, а у их главаря было три змеинных головы!

— О, я знаю! Это Турни! — воскликнула Кайна в испуге.

— Подожди, Кори, — заметил один из мальчишек. — Ведь у змея две головы срубил Кокша?

— Об этом знаем мы, а Яиге ведь еще не знает.

— А я совсем забыл об этом. Рассказывай дальше.

— Наверно, Турни, — подтвердил Яиге. — Я притаился и подслушал — они собирались напасть на ваши илемы. Я хотел предупредить вас, но меня заметили, догнали. Они меня сильно били, я потерял сознание... и если бы не ты...

— Надо предупредить старейшин!

— Побудь со мной еще немного. Я так слаб... А как тебя зовут? — спросил он чуть позже.

— Кайна.

— Кайна?! Это имя керемети часто произносили, я слышал. Они говорили, что только ты можешь поднять онара из кургана.

— Да, это так.

— Что же ты медлишь?! Ведь враги рядом!

— Я не видела их.

— Но их видел я. Давай сами поднимем онара, догоним врагов, уничтожим их, и тогда о тебе и обо мне будут слагать песни. Ведь мы спасем родную землю.

— Я не тщеславна, юноша, а риск очень велик. И вдруг ты ошибся, и мы не найдем врагов?

— Беда не велика, если мы ошибемся. Он снова ляжет в курган. Разве ему не хочется лишний раз погулять по лесам, глотнуть свежего воздуха, повидать людей?

— Нет-нет. Я лучше побегу в илем, предупрежу старейшин. — И девушка исчезла на тропе.

— Ну что? Говорил я тебе, — Турни подполз к сыну. — Ее не проведешь. Она из рода онаров.

— Д-да, — задумчиво произнес Яиге. — Умна и красива. Ну ничего, она от меня не уйдет. Веди меня, старик, в наше логово. Придумаем что-нибудь.

Завывает на дворе метель. Кори замолчал, отложил гусли в сторону. Ребятишки нетерпеливо закричали: «Что было дальше, Кори?!»

— Вам бы только дальше да дальше. А я устал однако. Может, ты, Кугу тоя, меня сменишь, а? У тебя, я знаю, книжки есть?

— Есть, — отвечает Ешка. — Две святыя книги. Хотите, отроки, я научу вас читать и писать? И будете вы такими же умными, как сборщик ясака Митрей Суслопаров.

Ребятишки, конечно, хотят! Шутка ли — научиться читать!

Горит, потрескивая, лучина, освещает желтым колеблю-

шимся светом красные, писанные киноварью титлы. И повторяют ребятишки вслед за Ешкой хором: «Аз. Буки. Веди. Глаголь».

С этих четырех буквиц начинается грамота.

IV

Ярилась зима, ярилась, но силушку свою вымахала — обмякла. Ушли морозы и метели, солнце стало пригревать все сильнее и сильнее, начал подтаивать снег.

По последнему санному пути поехали Ешка и Палага к Актугану. Лошаденка выстоялась за зиму, гладкая стала. Бежит ходко, играючи. Да и сам Ешка весел, сидение на одном месте ой как надоело! Палаге грустно, она, как кошка, к избе привыкла.

Актуган встретил их радушно. В те поры, когда поп приходил сюда впервые, он еще совсем мальчик был, но Ешку помнил. Да и сейчас по лужаю слух прошел — учит руш* поп детей читать-писать, людям помогает. Угостил Актуган попу с попадьей на славу, потом стал жаловаться

— Делай скорее русское кюсото, будем там у вашего бога милости просить. Место хорошее я укажу.

— Наш бог, Актуганушко, в кюсото не живет, ему надо большой дом срубить, церква по-русски называется. А место искать не надо, сам бог нам место укажет. Ты сперва для моего жилья землю отведи, а потом посмотрим.

— У меня живи.

— У тебя я гость. А мне свою землю надобно, чтобы я на ней жил, трудился и кормился. И чтобы от тебя недалеко, и к Топкаеву илему близко, и к иным прочим людям.

Актуган подумал немного, сказал:

— Тут на реке у меня охотничья избушка есть. Место удобное: рыбы много, охота хорошая, рядом руэм выжженный есть. Я там рожь сеял, овес. Давно, правда. Теперь, я думаю, земля отдохнула, снова родить будет.

На том и порешили. Снова запряг Ешка кобылу и поехали с Актуганом к охотничьей избушке.

Место понравилось. Берег речки сухой, поляна светлая веселая. Избушка тоже для жилья пригодная. Печурку только подправить. Илья дал Ешке на обзаведение топор, пилу и иной инструмент. К лету обещал изладить соху, серпы.

Пока Ешка с Палагой обустроивали жилье, весна совсем вошла в свои права. Вспучилась река, взломала лед,

* Руш (мар.) — русский.

разметала его по бурливому потоку, погнала вниз. Поляна заискрилась первой зеленью, раскручивался на деревьях лист, суетливо хлопотали над гнездами пичужки. Белесое поднебесье вспорол первый клин журавлей. На старом руэ-ме подсыхала земля. Скоро можно пахать!

И разгорелся по этому поводу у Ешки с Палагой спор. Собрался было Ешка к воеводе кокшайской крепости, чтобы тот послал государю от него весть. Дескать, место для крепости сыскано, но тутошние хозяева земель ропщут. Может, холм на берегу откупить или как? Палага свое гнет:

— Никто тебя в шею не гонит, грива лохматая. Не слышал, как в народе бают: «Весенний день год кормит». Вспаши земельку, засеи, потом уж и скачи сломя голову. Инако чем кормиться-то будем?

— Много ты, квашня, понимаешь? Пока полая вода идет, я сяду на лодчонку да поеду до Кокшайска играючи. А если половодье прозеваю, то к Олене и Костетину* до Волги не добраться. А вспахать и посеять еще успею.

— Бродяга ты окаянный! Только бы шло да ехало. Земля еще не обсохла — у него уж пятки чешутся. Завтра же беги к кузнецу за сошниками, обещал ведь. Ладь соху, паши, сей, бездельник!

— И снова дура. Государь Иван Васильевич, чаю, вести от нас заждался. Зачем же мы тогда сюда притащились? Городу в этих местах давно пора стоять, а мы...

— Все город да город. А черемисы его не хотят. Они тебя приютили, жилье дали, землю, а ты им чем платишь? Ведь илем Топкаев зорить придется. В ином месте разве нельзя тот город возвести? На пустоши какой-нибудь.

— Ты думаешь, я зря всю зиму на лыжах по берегам бегал. Нет впереди иного места. Берега далее низки, река на мель идет. Едино высоко место тут. А Топкаю илем в любом месте сделать можно. У него, помнишь, Топкай-энгер у истоков Манаги есть. Жил он там безбедно и снова поживет.

Так, переругиваясь, они и уснули.

А утром влез в избушку кузнец Илейка. Сбросил на пол мешок с железами — там пара сошников да два десятка зубьев для бороны.

— Зря бранилась, старая, — сказал Ешка, обнимая кузнеца. — Вот Илья мне подмогнет, за пару дней землицу вспорем...

— Нет у тебя пары дней, отче. Прибегал на Кокшагу

* Праздник святых Елены и Константина 3 июня по новому стилю.

стрелец из крепости, тебя искал. Ждет тебя в Кокшайске царский указ — велено спешно бежать в Москву. К Троице чтоб там быть. Посему половодье не проморгай, ныне же садись на коня, там тебе Топкай лодку даст, и — с богом.

— А яровые как же? — Палага хлопнула по бокам.

— Беда не велика. Я тут задержусь, все посею. Актуган вам мешок семян послал, все будет путем.

Ешка и Илья вышли из избушки, сняли с седла мешок овса. Палага затопила печурку, начала варить завтрак. Кузнец присел на колоду, указал место рядом. Ешка приготовился слушать.

— В прошлый раз я не без умысла скрыл от вас разговор с Ярандаем. Уговаривал он меня встать над ватагами, что в его лесах хоронятся, и поднять их супротив царя. Судя по его словам, летом снова бунтовать собираются, из Крыма большая рать придет, Казань, Астрахань и все черемисские земли от Москвы хотят оторвать. Я с той поры много думал и порешил всех русских беглых людей собрать под свою руку и сохранить их до времени.

— А потом?

— Ты, будучи в Москве, поговори с государем, и если он обещает мне прощение, я эту силу брошу на басурманов.

— За что тебя прощать-то?

— Государь, поди, знает, коли приставов меня ловить послал. Скажи, крест, мол, тот Илейка-атаман на шее носит и делу Руси радеть надумал.

— Скажу, Илейка, скажу. И прощение тебе выговорю. Истинно.

— Ну и добро. А ты ныне же садись на коня и скачи к Топкаю. Конь этот его, отдашь хозяину. Ну а мне позволю твою кобыленку взять, на ней я в Ярандаевы земли поскачу, дочку спасать надо.

— О чем речь? Все равно кобылка моя задарма тут стоит. Бери.

V

...Мурза Аталык вел свое войско по левому берегу Волги тихо и незаметно. Грабить людей запретил, чтоб шуму не было. Шел больше ночами, подкрадывался к казанским пределам как рысь на мягких лапах. Переправился через Каму, в одном глухом бору остановил рать, выслал вперед сотню Аббаса — верного и опытного разведывателя. Сотник на рысях прошел по лесным дорогам, русского войска нигде не заметил. Если попадались одиночные люди — русские ли, вотяки ли, черемисы ли — всех уничтожал.

Ярандай привёл сотню в свой илем, разбросал всадников по жилищам, сотника Аббаса привел к себе.

За угощением сотник спросил сразу:

— Русские в ваших землях есть?

— Есть мало-мало. На реке Кокшаге у Топкая живет русский кузнец, потом пришел русский поп с бабой, теперь он ребятишек читать-писать учит.

— Зачем их учит?

— Знаю зачем. Когда русские Казань отвоевали, тоже в Карабаш русский поп пришел. Тоже ребятишек зимой грамоте учил, летом в глухом лесу в землянке жил. А потом появилась в том месте русская мечеть, и на всех черемис кресты надели, татар из селенья выгнали, ихнюю мечеть с землей сровняли. Вот почему и этот поп к Топкаю приехал.

— Почему он пустил?

— Этот шайтан давно с русскими якшается, и отец его тоже якшался.

— В других местах русские есть?

— По лесам их много шатается. Которые из своих мест убегают, здесь прячутся. Иные рядом с черемисским илем садятся, землю пашут, хлеб растят.

— Скоро сюда мурза Аталык придет, от турецкого султана посланный. Много джигитов приведет и скрестит с русскими сабли подобно молниям в июле. Черемисы рядом с нами встанут?

— Силу вашу почувствовав, встанут. Под моей властью мужиков много, всех подниму.

— Бик якши! Завтра мне укажешь дорогу на Топкаев илем.

VI

Сразу же после завтрака Илья принялся ладить соху и борону, а Ешка стал собираться в дальнюю дорогу. Кузнец углубился в лес, чтобы вырубить для сохи оглобли, и вскорости возвратился встревоженный.

— Едучи к Топкаю, осторожен будь, отче.

— Пошто?

— Видел я, на том берегу по дороге проскакали воины. Сотни полторы, не меньше. Не ради ли тебя они туда скачут? Может, про царский указ пронюхали?

— Ладно. Оберегусь.

До Кокшаги Ешка добирался весь день. Дорога на Топкаев илем была потоптана множеством копыт, и потому ехать пришлось малыми дорогами и тропинками. К реке подъехал, когда было совсем темно. На том берегу

стлался дым, на холме мерцали огни, это, видимо, догорали запаленные жилища черемис. Около пепелищ бродили люди, выли собаки, где-то в темноте звучал надсадный женский плач. На мостовую переправу Ешка не поехал, он привязал коня в кустарнике, нашел лодчонку, тихо перебрался через воду. Крадучись, обошел илем вкруговую, выбрался к избе кузнеца, которая стояла на отшибе. Опасаясь засады, он долго прислушивался, стоя за деревом. В избе было темно, окна не светились. Было тихо. Ешка хотел было рискнуть и подойти к двери, но тут кто-то сзади положил руку на плечо. Он вздрогнул, отскочил, увидел Кочая. Старик взял его за руку и молча повел в лес.

— Я тут ждал тебя, — тихо сказал Кочай, когда они отошли в густой ельник. — Мы знали, что ты придешь, а в избе засада есть.

— Кто?

— Турни. Помнишь, я тебе говорил. Все было, как в сказке. Налетела нечистая сила, кудо наши разграблены, некоторые сожжены. Трех человек убили, многих в схватке поранили. Топкая били, чуть живой дома лежит. Многие девок наших попортили, мужиков всех собрали, с собой увели. Большая беда у нас. Коришку и Айвику заложниками взяли. Сказали: если хоть еще один русский тут появится, им не жить. Тебя искали, сейчас в избе три ногайца сидят. Ты туда не ходи.

— Топкая бы повидать.

— Нельзя. У него тоже чужие люди. Мы тебе лодку подготовили, прямо отсюда уезжай. Топкай тебе велел передать: скажи русскому царю, пусть город строит. Нам самим против суасов не устоять.

Снова по опушке леса спустились к реке, Ешка сел в лодку и оттолкнулся от берега.

— Добрый путь тебе, — сказал на прощание Кочай.

— Оставайтесь с богом.

I

В ватагу пришла масленица. Не то чтобы она была такой широкой, как в прошлые времена в деревнях, но радостной. Ведь от масленой недели до весны рукой подать. Каждый думал: если до масленицы дожили, не умерли, то до тепла как-нибудь доживем.

Сначала спаянные одной мыслью — перезимовать, не замерзнуть, не подохнуть от голода, ватажники жили дружно. Но потом, как выразился дядя Ермил, распоясались. Началось с того, что перестали сторожить лагерь. Сначала выделенные охранники спали в шалаше около перешейка, а потом и совсем перестали ходить в свою очередь. Ватагу никто не беспокоил, близ болота никто не появлялся.

Андрейка с самого начала ударился в поиски Насти. Еще осенью, когда ватага только встала на место, прибежала в стан молодая черемиска. По-русски она говорить не умела совсем, ватажники не знали языка черемисского. Только Ермил знал татарский кое-как, сумел ее понять, да и то наполовину. Из этого разговора выяснили

одно — Настю схватили ногайцы, она просила ватагу скорее уходить и обещалась догнать в пути. Где Настя, что с ней — черемиска не знала или не хотела говорить. Уходить дальше ватаге было уже нельзя, и Андрейка принялся бродить по лесным дорогам, пытаясь хоть что-нибудь выведать о девушке. Побывал он и в илеме Ярандая. Пробриться к самому лужавую побоялся, а у простых людей что-либо выведать было трудно, не знал языка. Понял одно: Настя тут была, но потом ее куда-то увезли. Всю зиму парень не находил себе места. Дениска тоже переживал горе друга, и в ватаге началось безвластие. Ермил смотрел-смотрел на это и начал наводить порядок, объявив себя атаманом. Трудился день и ночь сам и не давал бездельничать ватажникам. Заставлял рыть землянки: сначала жили по десять человек в землянке, а к середине зимы жилье было построено на каждую пару. Когда людей стали одолевать вши, заставил построить баню.

Дениска, увидев, что атаману нужна помощь, стал главным добытчиком. Еще с осени он поднял всех на заготовку грибов. Перед утренними заморозками появилось великое множество опят. На пнях, на старых сваленных деревьях их можно было косить косой. Опенки таскали мешками, сушили и заготавливали впрок. Собирали, и тоже не в малом количестве, орехи, бруснику, чернику, шиповник. Потом Дениска подобрал себе пяток содружников и стал ходить далеко. Один раз приволок огромный котел, на другой день лопаты, топоры и кой-какую посуду. Потом появилась липовая кадь для мочения брусники, бочки для соленья грибов. Сначала ватажники смотрели на это сквозь пальцы. Но когда Дениска приволок мешок муки и два мешка толокна, Ермил забеспокоился.

— Ты, проныра, все это украл?

— Што ты, дядя Ермил! Не украл — выпросил. Я как увижу, что никого нет, так сразу и спрашиваю. А без спроса ни-ни!

— Красть грешно, ирод!

— Не в грехе дело, — сказал Андрейка. — По следам твоим придут — разорят наше гнездо, поубивают всех.

— Не пришли пока. А как без котла, без лопаты жить? Зима на носу.

Посудили-порядили и остановились на том, что более не красть ничего.

Любимицей всех стала Настёнка. Ей сшили меховые одежды, Дениска соорудил снежную горку, Андрейка изладил санки, стал выносить ее на воздух. Здоровье девочки поправилось, ватажники по очереди впрягались в сани

и возили ее по лагерю. Дениска же упрямо приучал лосенка к оглоблям и преуспел в этом деле.

Зимовать начали успешно, питались хотя и скудно, но с голоду никто не умер.

В середине зимы в лагерь пришло пополнение. Два десятка бродячих людей попросились на зимовку. Как отказать таким же, как и они, попавшим в беду людям? Сначала потеснились в своих землянках, потом Андрей дал им в руки лопаты, топоры, сказал — стройте себе жилье. В этом деле они с Ермилом были единомышленны: чем больше будут заняты работой люди, тем меньше будет времени для развратных дум.

С масленицы прибыль в лагерь пошла чуть не каждый день. Приходили по двое, по трое, просились в ватагу настоячиво.

— Будет вам конец или нет?! — бранился Дениска. — Бредут и бредут, как будто божедомцы какие. Откуда о нас узнали?

— Черемисин один послал.

— Какой черемисин?!

— Верстах в двадцати отсюда. Баял, идите на болото, там русские живут, ватагу копят. На наших землях охотятся, нашу рыбу ловят.

— Еще что говорил? — спросил Андрейка.

— Будто у вас верховодит девка, и весной придет к вам смелый и умелый атаман и поведет на большое дело.

— Мать твою за ногу! — воскликнул Дениска. — Без меня меня женили!

Шутки шутками, а после этого разговора ватажники задумались. Всю зиму прятались, верили, что никто о лагере не знает, и вдруг...

— Я давно это чудо разгадываю, — сказал Ермил. — Ходили мы во все стороны на охоту, ты, Денис, что греха таить, поворовывал немало, и все вроде сходило с рук. А выходит, что про нас не только все доподлинно знают, но и зачем-то берегут?

— Может, для грабежа приспособить хотят?

— Не думаю. Я что-то про наемных разбойников не слыхивал. Стало быть, в нас иную пользу ищут. Опять же, какую?

— Всю зиму тут ногойцы рыскали, — сказал Андрейка. — А нас не тронули. Может, мы им для чего-то понадобились?

— Вот тут ты в самую точку попал. Ногойцы знают, что мы с барами не в согласье, и нас на царевы рати послать хотят.

- Не пойдем, — сказал Андрейка.
— Вестимо, не пойдем.
— Ишь вы, какие хитрые, — заметил Дениска. — У них оружие, сила. Ведь погонят. А не согласимся — секим башка.
— Надо что-то придумать.

II

Ныне весна поторопилась, да напрасно. За неделю до пасхи снова похолодало, пошли дожди вперемежку со снегом. Дороги снова покрылись грязью, и ехать стало трудно. Илья решил не спешить, надо было беречь себя и кобылу. Одолев с десяток верст, он делал привал, разводил костер, сушил намокшую одежду. На ночь устраивал из веток шалаш, в нем отлеживался до утра. К илему Яранда подъехал только в конце второй недели.

Илем был намного больше и богаче Топкаева. На берегах реки Оно Морко по обеим сторонам разбросаны были небольшие, по 15—20 кудо, селения, над запрудой стояла мельница-мутовка, за ней на бугре виднелось высокое кудо. Время было позднее, шел мокрый снег, и Илью никто не встретил. У ворот широкого двора — коновязь. Илья привязал коня, на дворе залаяли собаки. Вышел хозяин, он сразу узнал гостя:

— Ой, хорошо, ой, больно кстати. У меня как раз согник Аббас гостит. — Он отвязал коня, увел в хлев, приказал работникам накормить его. Ввел Илью в кудо. Жилище состояло из двух половин, в первой горел костер, над ним на большом закопченном крюке висел котел, в нем варилось мясо. Дым уходил под крышу, там виднелось отверстие. За дверью во второй половине были нары, стол, на стенах развешаны медвежьи шкуры, две лосиных головы с рогами. На них висели саадаки со стрелами, сабли, ножи в украшенных серебром ножнах, одежда. За столом сидел сотник Аббас и обгладывал баранью кость. Голова у сотника лысая, лицо обтянуто черствой, обветренной и опаленной солнцем светло-коричневой кожей. Серые тонкие усы спущены мимо уголков губ.

— Приехал все-таки. Я уж думал, обманешь. Давно ждем.

— Дорога была тяжкая...

— Знаю. Садись за стол. Мало-мал ашать будешь.

— Как Топкай живет? — спросил Ярандай.

— С русскими не якшается теперь? Попа выгнал? — спросил Аббас.

— Поп уехал по полой воде на лодке, я подался к вам, про иных русских не слышно, — ответил Илья, раздеваясь. Жена Ярандай подхватила мокрые одежды, унесла к костру сушить.

— Давай, кочкай*, — Ярандай подвинул к Илье плешьку с мясом.

— Ватага ждет тебя, — Аббас вытер рукавом жирные губы. — Если приехал, стало быть, согласен вместе с нами против царя воевать.

— Мне более деваться некуда, — ответил Илья. — Мне теперь, как говорят, либо в стремя ногой, либо в царскую петлю головой.

— Хорошо сказал. Верно. Завтра Ярандай проводит тебя к ватаге.

— Может, рановато, мурза?

— Я не мурза! Зови меня прямо — Аббас. А идти туда самая пора.

— Прости меня, благочестивый Аббас. Ватага — это не сотня джигитов. Они вольные люди, и могут меня не принять.

— Заставим.

— По-доброму к ним подойди, будет лучше. Может, сначала послать туда кого-нибудь? Поглядеть на них, прощупать.

— Если я своего джигита пошлю, думаешь, ему они поверят?

— Зачем же джигита? Говорят, у них атаманом девка, так девку же к ним и послать.

— Где взять такую девку?

— Вы, я знаю, Айвику из Топкаева илема заплонили. Она умная, боевая девка.

— Где она у тебя? — Аббас обратился к Ярандаю.

— Все черемисы лес корчуют. Даром я их кормить не буду. Там твои джигиты их сторожат. Если ее к болоту отпустить, убежит домой.

— Не убежит. Я скажу ей: если не вернется, я отца ее на елку повешу.

— Смотри сам. Я за ней сегодня же пошлю.

— А что им сказать, благородный Аббас, если согласятся?

— Скажи так: сюда в середине лета, а может, ближе к осени, мурза Аталык придет. С приволжских земель царские рати выгонять будем. У нас каждый джигит в запасе

* От марийского слова «коч» — ешь.

коня ведет. Посадим их на этих коней, сабли дадим. А пока ты их воевать будешь учить.

— А потом?

— Когда потом?

— Выгоним мы царя, а опосля?

— На землю здесь посадим. В лесу земли много, на всех хватит. Мурзе ясак платить будут — и ладно. В обиду никому не дадим. Дуван какой в бою достанут — пусть себе берут.

— А мне?

— Ты над ними встанешь, ясак собирать будешь, мурзе лучшим помощником будешь.

— Ладно, согласен.

— Вот и хорошо. А теперь спать пора. Поздно уже.

Утром в илем привезли Айвику.

III

На рассвете перестал дождь, ветер разогнал облака, выглянуло солнце. День обещал быть погожим. Айвику посадили на коня, Ярандай передал ей угрозу Аббаса на тот случай, если вздумает бежать, указал дорогу к болоту.

— Илейка тебя мало-мало проводит, расскажет, что делать в ватаге.

Аббас со своей стороны приказал двум джигитам ехать следом за девкой. Если свернет в сторону, догнать и привезти обратно.

Айвика на поездку согласилась сразу. Первая мысль была — отъехать верст десять и бежать в родные места. Но после разговора с кузнецом передумала.

Не доезжая версты три до болота, она услышала за собой погоню. Два молодых всадника обогнали ее, загородили путь.

— Далеко ли едешь, красавица?

Айвика по-татарски говорить умела, ответила:

— Отсюда не видать.

Всадники поглядели на ее лук, стрелы в саадаке, на аркан, притороченный к седлу, на кривой нож за поясом.

— У нас девки в саклях сидят, по лесу не ездят.

— А у нас парни чужих девок в пути не трогают.

— Стрелять-то умеешь? В эту елку попадешь?

— А ты сам попадешь?

Ногаец выхватил стрелу, положил на лук, натянул тетиву. Спустил. Стрела, зазвенев, вонзилась в кору дерева на сажень от земли. Айвика усмехнулась, подняла лук, выстрелила. Мutowка на вершине ели покачнувшись, полетела

на землю. Ногайцы удивленно переглянулись, повернули лошадей, поскакали обратно. Один крикнул:

— С дороги, смотри, не сворачивай.

Болото от дождей снова вспучилось, вода почти кругом обняла островок, залила и перешеек. Над узким рвом Айвика увидела подъемный мостик. Крикнула по-русски:

— Эй, кто там!

— Чего базлаешь? — из кустов вышел человек в шурах, похожий на медведя. Не подходя близко, спросил: — Кого надо?

— У вас девка-атаман есть?

— Ну и что?

— Позови.

— Ты одна?

— Разве не видишь? Уж не боишься ли ты меня?

Человек вставил два пальца в рот, пронзительно свистнул. На островке забегали люди; один, молодой парень, с бугра крикнул:

— Что стряслось, Данилка?

— Тут баба одна Настю требуют.

— В ватагу, что ли, просится?

— Наверно.

Парень скрылся, через некоторое время на бугре показался другой человек.

— Чего надобно?

— Опускай мосток. Гостью встречай.

— Проезжай мимо, — неласково сказал парень. — У нас таких гостей полон двор.

— Погоди, погоди, — сказал второй парень. — Да это же баба, — и принялся отвязывать от столба веревку. Заскрипел блок, и мост опустился, лег на бережок. Айвика проехала через него, прыгнула с седла и спросила:

— Настька где?

— А ты отколь про нее знаешь? — тревожно спросил Андрейка.

— Подруга моя. Мы с ней когда-то в Топкаевом илеме вместе жили.

Андрейка вспомнил слова кузнеца, сказанные при расставании, обрадовался. «Может, — подумал он, — Настя уже дома и послала сюда эту девку?»

— Где она сейчас?

— А у вас разве нет ее?

— Ногайцы украли.

— Вот керемети! Ну ничего, найдем однако.

— А тебя кто сюда послал?

— Кузнец Илейка.

- Где он?!
- Тут недалеко.
- Илья тоже в плену?
- Нет. Его хотят в ватагу послать.
- Ну, пошли, поговорим.

Пока шли до землянки, Андрейка спросил:

- Где по-русски говорить научилась?
- Настька выучила.
- Отец ее где сейчас?
- В Ярандаевом илеме. Велел мне сказать, чтобы вы одно поняли — он добра вам хочет.

В землянке Айвика разделась, спросила:

- Давно здесь? Хорошо устроились.
- С осени. К вам шли, да вот зима застала. Да и Настю украли, а без нее как же?

В узкую дверь землянки протиснулись Ермил и Дениска. Кузнец степенно подошел к Айвике, пожал ей руку.

- Она от дяди Ильи пришла, — сказал Андрейка.
- Вот как? Здоров ли Илья Иваныч?
- Скоро сам здесь будет. Велел всем вам кланяться.
- И где же он сейчас?
- У ногайцев.

— В полон взят, или как?

— Они его к вам атаманом послать хотят.

— Мать твою за ногу! — воскликнул Дениска. — Стало быть, это тот самый смелый и умный. Ты, атаман, угадал в прошлый раз.

— И куда нас поведет Илья Иваныч? — спросил Ермил.

— Он послал меня упредить вас. Ногайцы хотят, чтоб вы с ними вместе против царя воевали. Обещают вам коней дать, а как русских с этих земель выгонят, вам тут землю дадут.

— Это после того, как русских выгонят? — переспросил Ермил. — Но мы тоже русские люди. Как тут быть?

— Кузнец Илейка так велел сказать: если вы не согласитесь, вас всех прибьют. Надо время переждать, а как дойдет до дела, можно будет встать на сторону русских. И чтобы вы, как его ногайцы сюда приведут, во всем соглашались бы.

Ермил долго молчал, обдумывал слова Айвики. Дениска не вытерпел:

— А зачем нам вставать на сторону русских? Какая корысть? Если, к примеру, мы одолеем ногайцев, что с нами будет? Снова отдадут барам, снова ярмо на шею. А если ногайцы нам тут землю обещают...

— Два аршина тебе дадут, не более, — заметил Андрейка.

— Все-то ты, Андрей, знаешь. Им нас убивать нужды не будет. Они ускачут в свои пределы, а здесь бар не было и не будет.

— Ты крест на шее носишь али нет? — спросил Ермил. — В тебе кровь русская течёт али вода холодная? Воевать против своих...

— А тот кузнец в прошлые года против кого воевал? За что его царские приставы ищут? А мы сами от кого в эти глухие лесные земли бежим? Столько перенесли тягот, и снова под сапог Бекбулатова!

— В твоих словах, Денис, зерно истины есть, однако, с ногайцами пойти — землю родную предать, веру осквернить. Я Илью Иваныча знаю давно, Андрюха его знает тоже. Он плохого нам желать не может. Посему надо его послушаться, и копь придет сюда, достойно принять.

— Верно говоришь! — воскликнула Айвика. — Мы тоже Илейку хорошо знаем.

— А черемисские люди как про это думают?

— По-разному думают. Мы далеко от русских жили и плохого от них не видели. А как пришли ногайцы, селение наше сожгли, все пограбили, молодых мужиков в плен взяли и тоже хотят на царя воевать погнать. А мы этого теперь не хотим. Вот этот красивый парень сказал, что здесь бар нет и не будет. Не верно он говорил — здесь двойной хомут будет, если ханство ногайцы поднимут. Тут недалеко лужавуй Ярандай живет, черемисин богатый. Это он вас тут всю зиму оберегал, чтобы мурзе Аталыку отдать, это он мужиков нашего рода в плену держит, лес корчевать заставляет. Он тебе, красивый парень, супонь потуже, чем любой русский барин, затянет. А другой хомут будет от мурзы Аталыка.

— Ладно, девка. Поезжай к Илье Иванычу, скажи, что мы его ждем. Андрейко, собери ватагу — поговорим. А ты, Денис, накорми гостью, пусть отдохнет.

IV

Спустя два дня в ватагу приехали сотник Аббас, Ярандай и Илья. Ватажники собрались около котла, их уже было человек полтора. Первым начал говорить Ярандай. Он оглядел ораву грязных, лохматых людей, усмехнулся:

— Вы, лесные люди, целую зиму жили на моей земле, всех зверей в моих лесах повыбили, шкуры их на себя на-

дели, рыбу в моих реках всю выловили, уху в моем котле варили. Я все терпел, вас не трогал. Чем теперь со мной расплачиваться будете?

Ватага загудела как потревоженный пчелиный улей.

— Вижу, расплачиваться вам нечем. Я знаю, однако, что все вы люди беглые, убежали вы от своих хозяев в леса, и теперь вас ищут. И если сюда придут слуги вашего царя, вам несдобровать. Рядом со мной стоит уважаемый сотник Аббас, он пришел сюда с войском от мурзы Аталыка, чтобы защитить наши илемы от слуг русского царя. Если вы хотите спокойно жить на нашей земле, сеять хлеб, ловить зверя и рыбу, вы должны нам помочь воевать русского царя. Мы дадим вам коней, оружие, а когда изгоним отсюда русских сборщиков ясака и царских стрелков, тогда дадим вам место — живите без бояр и без князей. Я вам прямо скажу, воевать с царем не просто, а вы войне не обучены. Говорят, у вас атаманом баба, она, наверно, саблю в руках не держала. Поэтому мы даем вам настоящего атамана, вот он стоит. У него с царем старые счеты, несколько лет тому назад он водил ватагу в тысячу человек, и царские стрельцы бегали от него не раз и не два. Он вас научит воевать...

— Когда начнем? — крикнули из толпы.

— Халлабаллык* начнем в конце лета! — крикнул Аббас.

— А до этого что делать? Грабить?

— Грабить мы сами хорошо умеем, — Аббас хохотнул. — Вы будете лес корчевать, землю пахать, сеять. Кормить потом вас никто не будет. И еще воевать надо учиться. Дел хватит.

— Согласны ли все? — спросил Ярандай.

— Ваша девка тут была, — Ермил выступил вперед. — И мы все меж собой обговорили. Атамана вашего берем, воевать будем. Нам все одно более податься некуда.

— Семян на посев кто даст? — спросил Андрейка.

— Я дам, — Ярандай махнул рукой. — Урожай получите, — вдвойне отдадите.

— Землю пахать на чем?

— Лошадей дадим, агу дадим, лопаты.

Обговорив остальные мелкие дела, ватага разбрелась по землянкам. Ярандай и ногойцы уехали, Илья спросил Андрейку:

— Настя где?

Андрейка начал рассказывать про Настю.

* Халлабаллык (тюрк.) — мятеж, восстание.

Айвику, как только она возвратилась в Ярандаев илем, сразу обезоружили и снова послали на раскорчевку леса. Ярандаю этот налет на Кокшагу сулил большую выгоду. Восемьдесят плененных в Топкаевом илеме мужчин расчищали четыре руэма, пахали новь и засевали овсом, горохом и гречихой. При хорошем урожае, а он на целинной земле не мог быть плохим, Ярандай получит много зерна. Жили пленники в наспех построенных шалашах, терпели нужду, кормились кое-как. Кори подумывал о побеге. Но когда Айвика рассказала ему о задумках Илейки, он понял, что лучше переждать и перетерпеть. Из родных мест приходили печальные вести: отец и вместе с ним все, кто остался в илеме, ушли на исток реки Манаги, где Топкай когда-то начинал свое самостоятельное житье.

В первый же вечер Айвика сказала Кори:

- Ты помнишь, как Кочай называл ногайцев?
- Отродье Турни, вроде бы. Очень правильно назвал.
- Надо нашим парням все время напоминать об этом.
- Ты думаешь, сказание про Кокшу надо продолжить?
- Обязательно. Все равно вечерами люди тоскуют.

И в ту же ночь после ужина пленники сошлись на одну поляну. Запалили костер, уселись вокруг, и Кори начал вести сказ:

— За какие-нибудь десять дней Яиге перевернул все во дворце Турни вверх дном. Пока отец ходил искать Япака, блудный сын всю бесовскую силу поднял на ремонт дворца. Был расширен тронный зал, царское кресло, сделанное из старых коряг, выбросили и соорудили новое из мореного дуба с резьбой и украшениями. За тысячелетия во дворце накопилось огромное количество хлама, который скупой кей все еще хранил. Яиге приказал все выбросить и сжечь, в комнатах стало просторно.

Но самое главное новшество, которое Яиге перенял за годы скитаний, было иным. Он разогнал всех мелких бесов и бесенят по лесам, чтобы собирать ягоды рябины, черники, малины и ежевики. Бесы так ретиво взялись за дело, что в первый же вечер натащили горы ягод. А Яиге превратил эти лесные дары в крепчайшую араку.

Кей возвратился злой. Он не смог найти Япака, а уж если говорить честно, то он боялся показываться в людных местах, и потому возвратился ни с чем. Увидев перемены, он начал орать, что не позволит в своем царстве самовольничать всяким молокососам, но сын молча поднес ему кружку араки, а затем стал внушать отцу мысли о пользе

перемен. У кея закружилась голова, дело в том, что бесы до этого на праздниках обходились хмельным пивом. Поэтому Турни сильно захмелел. Утром кею захотелось опохмелиться, что он и сделал. Яиге куда-то исчез, и Турни заскучал. Пить в одиночку он еще не научился. Но к этому времени во дворец возвратился младший сын кея. Он стал взрослым, и теперь его звали не змееныш, а Омарта. О нем кей совсем забыл, отправив куда-то на Ветлугу. Кей начал восхищенно рассказывать о возвращении Яиге, о его нововведениях, о бодрящем напитке.

— А я бы на твоём месте не радовался, — сказал Омарта.

— Как так?

— Если он начнет тебя поить всякой отравой, то и совсем перестанешь ноги таскать. И он тебя столкнет с трона и пошлёт сторожить леших за гнилым болотом в Корак-иксе.

— Ты думаешь, он...

— Не думаю, уверен!

— И я не буду царем?

— Ты будешь мелким бесом. На посылушках у сына.

— Что же делать, Омарта?

— К трону его не подпускай. И пойло его не принимай.

— Давай попробуем в последний раз и больше не будем.

— Уж очень скверно пахнет, — сказал Омарта, сунув нос в кружку.

— Зато все печали долой. Тяни.

Омарта с трудом выпил содержимое кружки, буркнул:

— Дрянь. Не буду больше, — но отец налил ему еще...

Когда во дворе появился Яиге, отец и младший сын воево горланили песни. Яиге тащил за воротник Япака. Бросив его около ног Турни, задыхаясь от гнева, прокричал:

— Я тебе приказал, старый бездельник, найти Япака, а ты?!

— Как ты смеешь орать на владыку лесов и болот?! — Омарта поднялся. — Шлялся по белу свету двести лет, не успел появиться в доме отца, как давай кричать.

— Это что за пень?

— Омарта — твой младший брат, — сказал Турни.

— Черти сиволапы! — не обращая внимания на Омарту, заговорил Яиге. — Где мне все успеть одному. Ты только умеешь посылать онару проклятия, а нам надо действовать, действовать, действовать. Скоро возвратятся охотники

и патыры, они поймут, что никаких врагов нет, и нам крышка!

— Какие охотники? Какие патыры? — надменно спросил Омарта.

— Потом расскажу, — отмахнулся Турни. — Мы задумали большое дело. Слушай, что скажет старший брат.

Омарта был труслив и сразу понял, что перечить Яиге не время.

— Надо найти, поймать и привести сюда Янтемира. И это я поручаю вам. Тебе, отец, и тебе, Омарта. Берите Хромого Беса и его ораву — они на ловлю тенетами мастера. Сейчас же марш отсюда и без Янтемира не возвращайтесь! А ты, Япак, поднимись и подойди поближе. Скажи, что ты хочешь больше всего на свете?

— Хочу жениться на Кайне! — воскликнул кривоногий, с гнилыми зубами Япак.

— Она не пойдет за тебя, — сказал Омарта. — У нее Янтемир есть.

— Вот именно, — добавил Яиге. — Но если ты нам можешь, мы тебя на ней женим.

— Что нужно сделать?! — радостно воскликнул Япак.

— Надо разбудить онара.

— Я не могу, — Япак сразу сник. — Я не знаю заветного слова.

— Слушай, Япак... А вы идите, идите. Выполняйте приказ... Я специально отослал их, — сказал Яиге, когда Омарта и Турни вышли. — Эти болтуны еще растрезвонят о нашем тайном разговоре. Так вот, мотай, Япак, на ус. Я дам тебе в помощь сотню лысых чертенят...

А тем временем Янтемир исколесил все леса вокруг. Он хоть и не заметил ни одного чужого, но все равно чувствовал что-то неладное. Измученный, он присел отдохнуть и поесть. Кругом буйствовала жизнь: пробегали звери, щебетали пичужки, ухал филин, трещали сороки.

— Ужель я разучился понимать вас, звери, птицы? — начал он сетовать про себя. — Ужель мне лес неправду говорит, ужель охотника чутье покинуло меня? Хожу я две недели по лесам, заглянул во все чащобы, пади, облазил все заросли, поляны — врага нигде не видно. А лес по-прежнему тревогой полон: дрожат березки, будто на ветру, серебряные листики осины трепещут. Встревожены все звери, птицы... Я не пойму причины страха. Умаялись и тело и душа.

Янтемир вынул платок, чтобы утереть вспотевшее лицо, глянул на него:

— Что это?! Платок темнеет, поблекли краски на узо-

рах? Теперь понятно все! Я здесь на севере измученный хожу, а враг, наверно, с запада пришел, и потому мне лес передает тревогу. Врагов здесь нет, и я торчу тут зря! Мне надобно спешить. Сейчас немного подкреплюсь — и в путь обратный.

Янтемир, уверенный, что здесь нет врагов, успокоился, отложил в сторону лук и стрелы, снял пояс с мечом и, раскрыв суму, стал раскладывать еду. Юркий бесенок выполз из кустов, утянул туда колчан со стрелами, другой бесенок потянул меч. Когда Янтемир заметил это, было уже поздно — сверху на него упала огромная сеть. Чем сильнее Янтемир старался из нее освободиться, тем больше запутывался. Орава чертей напала на него, опутала веревками и потащила в чащобу.

Сзади шли Турни и Омарта и, довольные, потирали руки.

Япак и Яиге, договорившись обо всем, решили отдохнуть. На дворе стояла ночь, когда разбудил их шум на болоте: слышались свист, улюлюканье, крики. Вошли Турни и Омарта, а за ними бесы несли опутанного веревками Янтемира. Они положили патыра у ног Яиге, а Турни встал перед сыном, выпятив грудь. Он ждал похвалы.

— А ты, старик, и вправду молодец. Я, честно говоря, не надеялся, что вы его найдете. Теперь, считай, победа наша! — Яиге сел на пенек, Турни и Омарта расселись рядом на корягах. — Итак, друзья, что нам делать дальше? Леший, где ты?

— Я тут! — огромный лохматый бес встал перед Яиге.

— Наклонись! — бес встал на четвереньки, Яиге ткнул пальцем в спину. — Вот тут курган онара. Мой план таков: вперед мы пустим храброго Япака. Одного. Япак?!

— Япак готов!

— Иди к кургану и жди меня. Я приведу туда твою невесту Кайну, изрядно напугав ее врагами. Ты скажешь ей, что керемети близко, затем... Эй, Овда!

— Есть, Овда! — ведьма кокетливо завиляла хвостом.

— Ты со своей оравой к тому времени будешь в лесу, около кургана. Поднимешь халлабаллык!

— Что подниму?

— Ну, шум и гам. Орать и блять, визжать и мяукать все вы мастера. Ты, Япак, поддай для паники жарку и убеди девицу поднять онара-лежебоку. Как только увалень-онар проснется, хватайте меч. Изъявши меч, пойдем мы на илемы. Вот тут поможет нам приятель Янтемир. — Яиге подошел к связанному, пошевелил его носком сапога. — О, да он, оказывается, связан?! Немедля развязать.

Бесы принялись распутывать веревки, а когда дело дошло до рук, Яиге приказал:

— Руки не развязывать. Успеем. Когда он нам кое-что расскажет, тогда... На всякий случай привяжите к дереву.

— Я вам ни слова не скажу, — твердо и спокойно сказал Янтемир.

— И напрасно. Если ты нам поможешь, быть тебе главой всего междуречья. Мы ведь — болотные жители, нам суша вредна. А не скажешь, так Кайну обманем.

— Она вам не поверит! Но если подлость и коварство победят, то все равно вам суждено погибнуть. Народ мой жить привык свободно, и он свободу эту будет защищать. Не обеднел наш край богатырями, и встанут перед вашей черной ратью тысячи онаров. Поднимется не только край моих отцов, о нашей жизни вольной знают все соседи — они восстанут против вражьей силы, и ей придет конец. И вы...

— Хватит, патыр! Я вижу, мы только зря теряем время. Вторую часть войны обсудим на местах. Пошли, ребята! А ты куда, старик?

— Как это куда? — Турни от обиды задрожал. — На войну!

— Скажи-ка, сколько тебе лет?

— Три тыщи двести двадцать...

— Песку на берегах Кокшаги и так полно.

— Да как ты смеешь, мерзкий дьяволенок?! — змей замахал перед носом сына кулаками, затопал ногами.

— Не торопись, старик. Во-первых, где бывало, чтоб царь шел воевать? А во-вторых, куда мы денем Янтемира?

— Ты хочешь меня... сторожем? — Турни задыхался от гнева и обиды.

— Зачем же сторожем? Ты царь. Ты будешь мне посылать приказы.

— Это совсем другое дело. Я еще могу! Где мой трезубец? Ах да, он сгорел. Ну ничего, мы и без трезубца.

— Эй, кто там! Кати сюда скорее бочку. Вот тут, старик, шестнадцать ведер араки. Преподношу тебе и Омарте, чтоб было чем обмыть победу.

— Давно бы так! — весело воскликнул Турни.

Яиге подошел к Янтемиру, молча вынул из-под рубахи платок Кайны, сунул в карман. Махнул рукой, и вся орава кереметей, чертей и бесов исчезла в темноте.

Омарта поспешно поставил бочку на попа, вырвал деревянную затычку и налил две кружки. Турни большими глотками выпил хмельной напиток. Омарта последовал

примеру отца. Он пошел было наливать кружки снова, но Турни воскликнул:

— Стой, Омарта! А закуску нам Янге оставил?

— Черта лысого он оставил, а не закуску!

— Я жрать хочу!

У Омарта тоже заныло в желудке. Он был голоден с утра:

— Сейчас человеческого мяса зажарить бы на медленном огне, посыпать солью ран сердечных да взять обид людских горчицу, да перцем зависти и злобы слегка припорошить, потом...

— Замолкни! — завопил Турни. — Я исхожу слюной!

— Не нравится? — Омарта захмелел и осмелел. — Могу предложить другое блюдо. Взять крови, пролитой в азарте злобной схватки, взять печень торгаша, взять сердце скупердя, перемолоть и все перемешать. Заправить чесноком разврата и все в кишку чревоугодника задвинуть. И эту колбасу сварить в барсучьем жире, на сковородке чуть поджарить...

— Ты доиграешься, мальчишка! Я съем тебя! — Турни схватил Омарту за горло и стал душить.

— За...чем ме...ння? — прохрипел сынок. — У нас же... есть Янтемир.

— Вот дураки! — крикнул змей, разжимая пальцы. — Мы про него совсем забыли.

— Поджарим на костре? — спросил Омарта.

—хлопот не оберешься, — Турни махнул рукой. — Сварим в котле. Быстро, легко, удобно. Вода, наверное, кипит?

— Кипела. Сейчас я дров подброшу.

— Давай. Я развяжу беднягу Янтемира.

— Развязывать не надо. Только отвязать от дерева.

— А ноги?

— Ни в коем разе! Он удерет немедленно.

— Но как же он пойдет к котлу?

— Придется отнести.

— Ты спятил. С моим больным сердечком...

— Придумай что-нибудь. — Омарта стоял на четвереньках у котла и дул на угли. Дрова были сырые и не разгорались. Турни стоял у дерева, держал в руках веревки, не зная, что предпринять.

— Вы зря боитесь. Я не убегу, — подал голос Янтемир.

— Ой, врешь! Не скажешь ли ты, что рад попасть в котел?

— Это было бы великим избавлением.

— И снова врешь! Нет, мы не дураки, нет, мы не...

— Подумайте получше, — Янтемир говорил спокойно. —

Ведь если вы оставите меня в живых, Яиге, возвратившись с неудачей, все зло начнет сносить на мне. Начнет глумиться, измываться. Он станет рвать куски живого тела, каленой спицей жечь живую кожу, мне выколуют глаза...

— А если он с победой возвратится?

— Идет победа с мезтью рядом. Все будет так же, только с разницей одной.

— С какой же?

— Яиге меня сварит и будет победителей кормить. Их много.

— Он прав, Турни! — воскликнул Омарта. — Яиге все сожрет с чертями. А мы...

— Чего «а мы, а мы»? Давай развязывай ноги. Нет, сам я развяжу. А ты сходи за хворостом сухим. Сырые палки выбрось.

— Иду. Смотри не вздумай руки развязать. Только ноги.

— Сам знаю. Я на веревку парня привяжу.

— Великий царь, я думаю, что ты великодушен, — сказал Янтемир, когда Омарта ушел. — Исполни смертника последнее желанье.

— Руки развязать? Нет, друг, шалишь.

— Зачем мне руки? Хочу напиться я вина, чтоб боль не чувствовать.

— Это можно. Я великодушен. И, кстати, мы совсем забыли про вино. — Турни подошел к бочонку, налил две кружки, одну поднес Янтемиру.

— Я за твоё здоровье буду пить. Великому царю — большая слава!

Турни опрокинул кружку в рот, а Янтемир выплеснул вино на траву.

— Ещё хочешь?

— Давай ещё. Живи, мудрейший из мудрейших кереметей, ещё сто тысяч лет. За это надо выпить.

— Верно, надо, — согласился Турни и выпил вторую кружку. — Теперь, я думаю, хватит?

— Я главный тост ещё не произнес. Налей ещё. И выпьем мы за то, чтоб сын тебя с большого трона не столкнул. А дело, вижу я, к тому идет.

— Да я его, сопливого мальчишку... За то, чтоб не столкнул! — Турни выплеснул в рот араку.

— За полную победу в предстоящей битве!

— Ты погубить меня задумал, Янтемир. С моей-то язой да без закуски? Хватит!

— Ну что ж, вари закуску. Я готов.

— Иди к котлу. Во, молодец. Лезь по лестнице и поднимай крышку.

Янтемир подошел к котлу. Лестница была короткая и ветхая: три кривые перекладки привязаны к двум суковатым палкам веревками. Со связанными руками подниматься по этой лестнице и в самом деле было трудно, а Янтемир делал вид, что ему не взобраться на котел совсем. Он несколько раз срывался с перекладки, падал, ронял лестницу. Турни торопил Янтемира и негодовал:

— Насколько глупы люди! Три перекладки не может одолеть. А хвастать мастера! Да ты не так! Какой дурак тебя учил так лазить по лестнице? Ты ставь сперва правую ногу, а левой рукой держись...

— Но по рукам я связан...

— Ну, погоди, я развяжу. Теперь давай!

Янтемир с развязанными руками легко поднялся на третью перекладину и начал открывать крышку котла. Приподняв ее немного, он пытался просунуть под крышку ноги, чтобы сесть на край котла, но всякий раз крышка падала.

— Какой ты патыр, если влезть в котел не можешь! — упрекал его снизу все более хмелевший Турни. — Не так надо, я говорю тебе! Ты ногу занеси, опришись о край котла руками, а крышку поддержи плечом. Да не так! Неужели не умеешь?

— Я первый раз в котле варюсь, могучий. Привычки нет. Ты показал бы!

— Пошел к чертям! Смотри, как надо! — оттолкнув Янтемира, Турни влез на последнюю перекладину, приподнял крышку и спустил ноги в котел. Янтемир быстро схватил лестницу и ударил ею Турни в спину. С диким воплем владыка болотного царства бухнулся в кипяток. Янтемир закрыл плотно крышку, положил на нее камень и скрылся в лесу. И вовремя. Около котла появился Омарта с охапкой хвороста. Увидев камень на крышке, он воскликнул:

— Ого! Янтемир уже в котле! Сейчас мы хворосту подбросим, огня прибавим... А где мой повелитель?

Омарта огляделся, увидел недопитые кружки, покачал головой:

— Наверно, наакался и спит в кустах.

VI

Айвика сказки слушала, а мысль о поисках Насти не выходила из ее головы. Рассуждения ее были просты: если Настю схватили ногайцы, то Ярандай должен непременно

об этом знать. Но если он и ногойцы хотят перетянуть ватагу на свою сторону, то пленение ее атамана непонятно. И Айвика решила ехать к Ярандаю. Сказав охраннику, что ей надо видеть Ярандая по важному делу, она появилась в его куду.

— Ты к русским меня посылал?

— Посылал. Что с того?

— Что у них в атаманах баба, говорил?

— Ну, говорил.

— Хочешь, чтобы они с тобой на царя пошли?

— Шибко хорошо будет! Пусть все люди узнают, что на царя не только черемисы идут, но и русские. А их, ты видела, много.

— Тогда зачем ты ту бабу-атамана в плену держишь? Они ее ищут всю зиму. И не приведи аллах, если они узнают, что ее вы с Аббасом украли. Пойдут они за вами? Ни за что!

— Никакого атамана мы не крали, — искренно ответил Ярандай.

Не уверена в этом была и сама Айвика, но решила бить в одну точку до конца.

— Как не крали! А кого ты от жены прячешь, от людей. Я знаю.

— Тебе баба моя сказала? Болтливая сорока.

— Значит, прячете?!

— Есть одна. Но она не атаман и не русская. Она татарка.

— Покажи.

— Тебе зачем?

— Я сама баба, и мне она незачем. Когда ты ее украд, вы про ватагу знали?

— Говорю тебе, я ее не крал. Это джигиты Аббаса...

— Она обманула вас! Это та и есть. Атаман, а не татарка.

— Пусть так. Но теперь в ватаге другой атаман будет. Два атамана — это много.

— А если она Илейке-кузнецу дочка, тогда как?

— Дочка?! Это совсем другое дело. Поедем, покажу.

Вызвав ревность у Ярандаихи, Настя хотела помочь ватаге, но вышло совсем наоборот. Сестренку жены, посланную в лес, Ярандай выследил, и она рассказала о ватаге. Связать этот факт с Настей похитители не могли, они поверили, что она татарка и посылала искать своего жениха. Думали, что посланная наткнулась на русских случайно. Ревнивую жену Ярандай сначала поколотил, потом успокоил: красавицу Аббас бережет для мурзы. Настю вывез-

ли в глухой лес, приставили к ней охрану, и жила она чуть не всю зиму в сухой и теплой землянке. Бежать по глубоким снегам было немыслимо. Ее по следу поймали бы тотчас же.

Ярандай и Айвика подъехали к землянке под вечер. Ярандаиха пригрозила Аббасу: если к девке будут пускать ее мужа, она пожалуется мурзе. Поэтому два охранника скрестили копья перед входом в землянку и враз крикнули:

— Нельзя!

— Эй, Ульфия, выйди! — крикнул Ярандай.

Настя никого, кроме стражей, не видела в эту зиму и выскочила на голос сразу же. Увидела Айвику, не узнала ее, остановилась на мгновение.

— Настька! — Айвика бросилась ей на шею, обняла, принялась целовать.

Ярандай стоял сзади, радостно потирая руки, думал: «Теперь Илейка-атаман от нас не уйдет никуда».

.....

Ночью советовались с Аббасом. Ярандай предлагал теперь держать девку, как заложницу: пока она тут, кузнец будет им послушен. Но Аббас, подумав, сказал:

— Отпустим ее к отцу. Будет ли он служить нам, если мы ее как собаку на привязи держать будем?

Так Настя снова появилась в ватаге.

I

Царь Федор Иванович нынче в большом испуге. Пока жил за батюшкиной спиной, казалось, что державой править легко. Есть бояры-князья, есть умники-приказные дьяки. Знай себе указывай: что надо, то и исполнят, что повелишь, то и сделают.

А если захотел отдохнуть — медвежьей травлей потешиться или в колокола позвонить, на эту пору шурин Борис есть. Ему только дай повластвовать.

У бояр-князей свои думы в голове. Они Годунову кланяться не хотят. Если к нему за всякой нуждой ходить — возомнит о себе бог знает что. И посему прут бояре и приказные головы за всяким делом прямо к Федору. Станет на их пути Борис — и не глядят, встретит бояр Ирина-сударыня — мимо нее.

Не успел царь сесть на трон, низы сразу в бунт ударились. Стольный град наводнили разбойники и всякая чернь, что ни день, то поджог, что ни ночь, то грабеж. Князь Иван Туренин — сразу к царю: «Что делать, госу-

дарь, моих стрельцов для наведения порядка не хватает. Где взять?»

А откуда государю знать, где есть лишние войска? Хотел повелеть оторвать от западных окраин, а Борис руками замахал: «Что ты, что ты? Круль Баторий Ям-Зампольское перемирие подтвердить отказался, то и гляди на западные границы бросится».

Ворвались к царю бояре, орут: «Богдашку Бельского из думы долой, в ссылку его, мошенника!» Царь испуган, глядит на Бориса: Бельский — свояк Годунова, можно ли его опалой карать? Шурин пожимает плечами, мол, делай, как хочешь, на то ты и царь. Пришлось Богдашку отдать на съедение боярам. Потом Мурат-Гирей из Крыма прибежал, сказал, что султан послал в черемисскую сторону четыре тысячи ногайских всадников. Тут уж государыня Ирина на царя надела: город на Кокшаге ей поручено строить. Три полка, государюшко-батюшко, вынь да выложь. Без крепостей заволжскую сторону от ногайцев никак не оборонить. Так этих забот царь испугался, что тут же захворал. И дюже сильно. Лекарей иноземных Федор не признавал, да и их к этому времени на Москве было мало. Англичанина, что помог уморить Ивана Васильевича, Годунов отослал домой, теперь при царе были одни попы да монахи. Лечили они государя все более мощами самых древних святых, но почему-то царю лучше не становилось. Опекунский совет распался. Богдана Бельского сослали на Белозеро, за ним туда же отвезли Афанасия Нагого. Никита Романов хворал сильнее, чем государь, люди ждали, что он вот-вот преставится. Князья Шуйские и Мстиславские сначала были сильны Казенным приказом. Два царских казначея, Петр и Владимир Головины, были им привержены, и потому Шуйские распоряжались казной как хотели. Петр Головин не слушал Бориса и краем уха, дерзил не только ему, но и царю. И это его погубило. Годунов добился у государя позволения сделать казне ревизию, а она вскрыла такое воровство, что боярский суд приговорил казначея к смерти, а его помощника Владимира к ссылке в казанские края. Главой Казенного приказа поставили сторонника Годунова Деменшу Черемисинова.

II

Борис Годунов думал, что Ноготков, узнав о гневе царя, будет либо браниться, либо молить о пощаде. Такому спесивому садиться в застенки мыслимо ли дело? Но молодой князь вошел в палату ни возмущенным, ни обиженным.

— Садись, княже, рядом, — Борис указал на лавку около стола.

— Спасибо, боярин, я постою, — князь провел ногтем большого пальца под усами, прикашлянул. — Насидеться, я полагаю, еще успею.

— Ты знаешь, государь огневан на тебя.

— Да уж знаю. Инако полк не отняли бы.

— И велено тебя заточить в тюрьму.

— Мудро повелел государь. Который год крепости строю, пора и отдохнуть. По заслугам и честь.

— Не храбрись, княже. Сидеть придется долго. И не зря.

— Понимаю, виновен. Но долго не усижу.

— Уж не бежать ли думаешь?

— Зачем же? Я ведь не разбойник какой. Придет время крепости возводить — вот и пригожусь.

— У царя и без тебя воевод хватает, не гордись.

— Так уж и хватает. Вон князя Воротынского взяли... Род, как змеиный хвост, издревле тянется, а сам пяти собакам шей не разольет. Крепости строить — не брюхо надевать. Ум надобен и расторопность. Дабы острог возвести, не менее пяти тыщ воев надобно. Их на малом клочке земли работой занять труднее, чем сто тыщ ратников на поле боя разместить. Тут ни знатность, ни род не помогут. Иному никаких заслуг не надобно: отдал сестру за царя, вот и шурин.

— Ишь ты. Я думал участь твою облегчить, но, видит бог, раздумаю.

— А я и не прошу. И ранее так было, так будет и впредь — всяк правитель, подданных своих в тюрьмы сажающий, в делах своих проигрывал. А уж ныне, когда покойный государь множество полезных людей из дела выхлестал, тем более. Уж кто-кто, а ты это более других понимаешь.

— В крепь сажаю тебя не я...

— А вынимать тебе придется. Подумай об этом. А я посижу, подожду.

— Ладно, княже. На меня обиду не держи. И если придет время, шапку я перед тобой сниму, не спесивствуй.

— До скорой встречи, боярин. Указывай застенки. Я готов.

III

Ешка добрался до Москвы сравнительно легко. Да и как сему не быть, если у него в кармане грамота с вызовом царя, подписанная самой государыней Ириной. При-

был он в белокаменную за неделю до Троицы и в Разрядный приказ решил сразу не являться. А причиной тому был кабак в Зарядье. Как выпил отец Иоахим первый ковш хмельного меда, так и забыл про свою Палагу, забыл про указ. Тем более, что до срока оставалось семь дней. Вспомнились былые времена с загулами, песнями и щедрыми на ласку молодайками. До баб Ешка был zelo лют, а как выпил зелена вина, так и совсем расхрабрился.

— Жисть она когда хороша? — спрашивал он голь кабацкую. — Когда есть семь кабаков, семь табаков, семь пьяниц шатких, семь скляниц гадких, семь Ульяниц гладких, на любовь падких! — И бросал пятаки и гривенники на стол целовальника. Утром, опохмелившись, Ешка пошел на базар. Рыночную суету он любил, с удовольствием слушал, как колготит гулом широченное торжище. Люди снуют меж торговых рядов, кричат, поют, бранятся, спорят из-за цен, расхваливают свой товар. По базару девки шляются табунами, стремятся на холм, к качелям. Там парни приглашают их на доску, встают, держась за веревки, и начинают раскачиваться. Иные качаются осторожно — как бы не выказать парням-охламникам промежнжие. Если парни на качели без девок — лихость показывают. Вздвигаются выше перекладки, жердь поперечная выгибается и трещит. Девки внизу от страха закрывают глаза, повизгивают. Ешка глянул и расхохотался: одна щелкала орехи, чуть не подавилась. Более всего шуму на торжище от скomoroxов; Ешка любит бродить за ними, слушать их песни. Глумцы, как опята средь леса, стайками крутятся меж рядов и лавок, бренчат на гусях, поют бывальщины. Один гнусаво тарабарщину поет:

Шары-бары-растабары, шилды-булды-чибалды,
Лень-шень-шиваргань, нам приплясочку сваргань!
Чудо-юдо рыба кит, пташка серая летит!

Чуть подалее гудошник надул пузырями щеки, приплясывая и притопывая, гудит разухабистую веселую припевку. Двое около него бьют себя по ляжкам, поют:

Эх, раз, по два раз, расподмахивать горазд!
Кабы чарочка винца, два стаканчика пивца,
На закуску пирожка, на приглядку девушка!

Посреди площади еще стайка. Эти с мочальными либо кудельными бородами, в колпаках, пляшут, кувыркаются, потешают народ.

Гулко звенят бочки в гончарном ряду. Ешке посуда не нужна, но он приценивается к ушатам, лоханям и кад-

кам. Ковыряет ногтем, подносит к уху, глядит на дно через свет — не худы ли. За бондарями — гончары. Там, само собой, жбаны, корчаги, горшки, миски и плошки. Поглазев на гончаров, Ешка пробирается мимо калек и нищих, мимо баб-ворожей, мимо дьяков с купоросными чернилами прямо к кружалу, откуда несутся винный дух, залихватские песни.

В кабаке было тесно и душно. Ешка один раз прошелся мимо столов, вернулся к двери — места, чтоб присесть, не находилось. Он мог бы вытолкать со скамейки какого-нибудь захмелевшего питуха, но не решался. Если бы у него было рубля два, можно бы и размахнуться, но в глубоком кармане рясы одиноко перекатывался из угла в угол пятак, тут уж приходится быть смиренным. Все деньги, которые ему дал на дорогу кокшайский воевода, размотаны. На улице жарко; можно, однако, пустить в расход рясу и остаться в подрыснике, но как явиться в такой стати к государю пред светлые очи? А ради пятака и место занимать не стоит. И вдруг сзади голос:

— Эй, борода! Что онучи топчешь? Садись со мной рядом.

На конце стола сидит в распахнутом черного сукна кафтане молодой детина, косая сажень в плечах. По виду и одежде — боярин, на худой конец дьяк. Он толкнул плечом сидящего рядом мужичонку, указал на освободившееся место. Ешка сел, прогудел «спасибо», запустил руку в карман. Детина подвинул к нему ковш с брагой.

— Выпей за упокой души рабы божьей Филисаты. Ныне девятины справляю. Не вином, слезами омываю душу свою. Горести конца нет.

— Супруга?

— Жена. Уж сколь ласкова была, сколь лепна! Не уберег. Остался один яко перст.

Ешка вытянул из-под рясы крест, осенил им ковш.

— Да будет ей царствие небесное!

— Люблю святых людей! — детина вытянул из-за пояса целковый, показал целовальнику. Тот поднес жбанчик, стукнул дном по столешнице.

— В каком приходе богу служишь, кладезь святости?

— Ни в каком. Пришед я с берегов Кокшаги, а святость вместе с деньгами растряс. Остался пятак и множество грехов в придачу.

— Уж не Ефим ли ты часом? — детина метнул на Ешку удивленный взгляд.

— Яз есмь Ефим. Позван к государю...

— Так что ж ты по кабакам шляесси? Мы тебя в Разряде вторую неделю ждем!

— Велено к Троице...

— Это к государыне к Троице. А допреж того в Разряде с тобой говорить надобно.

— Ты кто естмь?

— Зовут меня Звяга сын Воейков, и состою я у головы Разрядного приказа, боярина Григория Борисовича Васильчикова в дьяках. В Разряде неделю не был, быть может, за тобой на Волгу второго гонца послали. Посему сей жбанец оприходуем — и к боярину.

— Охмелеем, однако, дьяче. Боярин не помилует.

— Пожалуй, не помилует. Строг, не приведи господь.

— Да и обносился я...

— И то верно! Ладно, один день куда ни шло. Пойдем ко мне. Все одно изба моя пуста, один я в печалях пребываху.

До Лубянки дошли благополучно. Ешка после жбанчика захмелел, ноги ставил нетвердо, но Звяга поддерживал его за ремень, коим была подпоясана ряса, и дотянул до избы исправно. Не раздевая, уложил на рундук, сказал:

— Ты спи, а я все же боярина упредить должен.

Проснулся Ешка под вечер, походил по избе, нашел на полице полуштоф романеи, опохмелился. Вскоре пришел Звяга, принес новую рясу, кафтан, исподнее белье, камилавку и юфтевые, немного поношенные сапоги. Сели за стол, поели чего бог послал, запили романеей.

— Завтра с утра велено идти в приказ. Боярин собирает воевод, спрос с тебя будет большой. Место для града отыскал хорошее?

— Скажи мне, дьяче, неужто в приказе меня по имени знают? Откуда?

— От государыни Ирины Федоровны. Она боярину сказывала: «Есть-де на Кокшаге подвижник, святой человек — отец Ефим, он-де место для города разведаль, землю черемисскую всю исходил и о народе там должен досконально знать». Так что ты в грязь лицом не ударь!

— Да уж расскажу.

— Я вот о чем попрошу тебя, отец Ефим, ты бы государыне за меня словечко замолвил.

— Како словечко?

— Коли город будет построен, понадобится для него городничий. Я бы хотел сие место занять. Мне в Москве теперь жить не для кого, все тут мою Филисатушку напоминать будет, а там я бы зело сгодился. Да и до каких пор

мне с пером за ухом вокруг боярина топтаться? Надоело Пора свою дорогу торить.

— А самому попросить не лучше ли будет?

— Не в передачу скажу тебе — большинство дел в приказе на мне держится, и боярин все сделает, чтобы меня не отпустить. Самому перед государыней челом бить — напрашиваться зело неловко. А ты подвижник, тебя Ирина Федоровна послушает, для боярина ты недосягаем.

— Попрошу, дьяче, видит бог, попрошу.

— Спасибо. Слышал я, что тебя в настоятели храма прочат. Мы бы вместях с тобою отменно для новеграда поработали.

— Неужто настоятелем? А грехи мои прошлые...

— Какие грехи? Покойный государь Иван Васильевич снохе своей сказывал, что ты во Свияжске первый храм поднимал. Заслуги твои перед державой велики.

— Утешил ты меня, дьяче, ой как утешил.

— Садись-ка на скамью, я тебе патлы малость обкараю. Оброс ты зело.

Звяга достал с поллицы горшок, накинул Ешке на голову и принялся ножницами отсекасть торчащие из-под посуды лохмы.

IV

Вести с Волги опять пошли тревожные. В минувшую зиму воеводы под началом Воротынского выступили на Васильсурск, но до войны дело не дошло. Казанцы, узнав, что русские идут с пушками, с огненным боем и в большом числе, хвосты поприжали. Тем более, что обещанных ногойцев Саадет-Гирей не послал (об этом позаботился Борис Годунов), а черемисы от Ветлуги все разбежались. Но как только просохли дороги, опять все зашевелились на приволжских берегах. Стало известно, что Аталык-мурза привел на Каму конников и будто бы устремил их в черемисские земли. Заметались с места на место ногойские сотни за Астраханью, затаилась готовая к прыжку Казань. Из Крыма вести шли непонятные: там междоусобная грызня вроде бы начала утихать, а это значило — хан то и гляди соберется в набег. Хоть так суди, хоть эдак, а черемисские земли надо укреплять, намеченные крепости строить. И наипервейшее дело — царев город на Кокшаге.

Царь снова занемог, и делами правили Ирина и Годунов. Царица торопила Разрядный приказ: давайте большого воеводу для кокшайского строения, давайте полки, давайте деньги, оружие, хлеб. Собрались как-то вместе Ири-

на, Борис и голова приказа Васильчиков. Стали перебирать воевод, способных к делу строительства острогов.

Годунов. Я бы послал туда князя Василия Пронского. Смел, мастеровит...

Васильчиков. Что ты, боярин. Пронский в Смоленске вторым воеводой сидит. Смоленск оголять нам никак нельзя. Там поляки рядом.

Ирина. Может быть, Ивана, сына Татищева. Он молод, силен...

Годунов. Татищев в Изборске. Это порубежный город. Лучше Гагарина. Он в Великих Луках, сейчас там тихо...

Васильчиков. Неповоротлив больно. Ленив.

Ирина. А если Данилу Сабурова? Он в Нижнем сейчас, там близко.

Годунов. Он хоть и родич наш, однако, лихоимец большой. Разворует весь город, ей-богу.

Ирина. Нижний Новгород не разворовал же.

Васильчиков. Он на такое опасное дело не пойдет. Найдет увертку. Если бы Ивашка Ноготков был! Лучше его строителя я не знаю. Но он по указу государя в крепі сидит...

Ирина. Из тюрьмы вынуть, и вся недолга. У нас и так людей нехватка...

Годунов. Ты, сестра, права, пожалуй. Придется перед Ивашкой шапку ломать.

С утра затеяли чинить колокола, слава канун святой Троицы. Ешка и Звяга, приодевшись, пошли в Разрядный приказ. А с Лубянки идти в Кремль — никак торжища не миновать. Ешка на всякий случай размахисто перекрестился: не заманил бы бес сызнава в кабак. Звяга шел впереди, крупно шагая. Проходя мимо рыбных рядов, зажал пальцами ноздри — от столешниц нестерпимо воняло. В шорных рядах тоже вонько: пахнут разогретым дегтем хомуты, чересседельники, ремни всякие. Разжали носы и передохнули только около лавок меховщиков. Здесь овчины, шкуры прямо на рогатках, меха соболиные, норковые, беличьи для боярынь, княгинь, дьячих и воеводских женок и дочерей. Для простого люда — меха собачьи, кошачьи, заячьи. Пройдя по Пожару*, наконец, вошли в Кремль. Перекрестились на соборы, затопали к приказу.

Боярин Васильчиков бегал по приказным палатам, шугал подьячих. Те мели, мыли и скоблили половицы, смета-

* Так в те времена называлась Красная площадь.

ли в углах паутину. Стало известно: посетят ныне Разряд государыня Ирина Федоровна и царский конюший Борис Годунов. Чин конюшего и раньше был повыше всякого боярского, а ныне, когда царь болел, вся власть у шурина, он, пожалуй, и повыше самодержца будет. С Ешкой и Звягой боярин церемониться не стал, только крикнул:

— Мыслимо ли дело, сама царица вскорости прибудет. Такого при мне не бывало. Видно, отец Ефим, твоя Кокшага зело державе надобна. С духом соберитесь, а ты, Звяга, грамоты, карты и сметы — все как есть, на стол.

Вскоре пришли в приказ казначей Деменша Черемисинов, воеводы Ноготков, Григорий Бельский, Гагин-Великий и Шеховской. Чуть позднее явился со свитой митрополит Иов. Все поняли, совет будет не шуточный.

К назначенному часу вышли на крыльцо, чтобы встретить царицу. Летнее солнце било в глаза, и боярин Васильчиков из-под ладони оглядывал площадь — не появится ли Ирина Федоровна со свитой. Митрополит Иов со своими монахами спустился по ступеням и вышел вперед, ему первою благословлять царицу.

Никто не заметил, как сбоку из-за перил вышли царица и Годунов и стали подниматься по ступеням. Заметив это, митрополит стукнул посохом по каменной плите и начал разворачивать хвост своей свиты, чтобы успеть к благословию хотя бы у входа в сени. Васильчиков и Черемисинов сбежали вниз, подхватили царицу под руки, повели наверх. Ирина одета просто, не по-царски. На голове малинового цвета начёльник, на плечах шелковый зеленый летник под золоченым поясом без каменьев. Борис в летнем кафтане, в мягких сафьяновых сапогах. Шапка летняя, без меха.

Ирина, заметив оплошность, повернулась к митрополиту, склонила голову под благословение. Сказала тихо:

— Свиту отпусти, владыко. Не для моления собрались, для дела. А вы, бояры, встаньте. Сидеть будем ныне без чинов и без мест, по-простому. — Подошла к Ешке, протянула левую руку. Тот ткнулся в кисть губами, окутал ее бородищей. Хотел что-то сказать, не успел. Царица повернула голову к Борису:

— Вот сей подвижник, святой отец Иоахим.

— Вижу, вижу, — Годунов оглядел Ешку внимательно. прошел вперед царицы в сени.

В палате Годунов указывал места. Царицу посадили в кресло Васильчикова, рядом с нею воссел патриарх Иов. Ешке указали скамью на конце стола против царицы. Сам Годунов сел ближе к картам. Бояре и воеводы уселись на

скамьи по обе стороны длинного стола. Первое слово взял Годунов:

— Триста лет свистела над Русью сабля ордынна, наконец, с божьей помощью мы иго ордынское скинули. Но ныне снова на Русь аркан накинуть хотят. И уже не с полуденных пределов, а с иной стороны. Недавно хан Ислам-Гирей, послу нашему грозившись, говорил: «Если царь ваш и в самом деле в дружбе хочет быть, то он бы наших недругов Мурата и Саадета у себя не держал, а послал бы их туда, где бы их не слышать и не видеть. Если он с ними подружится, то мы непременно станем ногайские и казанские земли промышлять — эти земли по Волге спокон веков были наши». И обещал при этом послать на черемисскую сторону ногайских, верных ему, конников в большом числе.

— Уж послал! — не утерпев крикнул Ешка. — То сельбище, где я пребывал, ногайцы сожгли.

— Вот видите! А казанцы и черемисы только того и ждут. И посему крепости на Кокшаге, на Санчурине и на Яране нам надобно возвести в наикратчайший срок. Ныне лета половина, до осени рукой подать, надобно, когда земля подмерзнет, дороги устоятся, первую крепость на Кокшаге начать возводить. А ныне нам до государева указа требуется все обговорить, дабы никаких потом оплошек не было. Кто начнет?

— Пусть отец Иоахим про черемису скажет, про место для острога найденное, — повелела царица.

Ешка встал, разгладил бороду, начал говорить:

— При блаженной памяти государе, царе и великом князе Иване Васильиче многая черемиса, чуваша и даже татары православное крещение приняли, в наши храмы ходить начали. У неких еще губы после крестного целования не обсохли, а уж веру нашу сразу бросили. Ныне же новокрещенные живут по-старому, к церквам божьим не приходят, крестов на себе не носят, в домах образов не держат, попов не призывают, да и некуда их призывать — божьи храмы там никто не стрбит. В посты едят скоромное, живут мимо своих жен с блудницами. Иные татары, черемиса и чуваша не токмо не крестятся в православную веру, но ругаются ей; многие русские люди живут у инородцев, женятся у них и ходят по языческим капищам, молятся по их вере.

— Стало быть, сторонников Руси там нет? — спросил воевода Ноготков.

— Сие не так. Есть немало новокрещенных черемис, кои от своей веры отстали, но в православии не утверди-

лись и о том сильно скорбят. А утверждать христово учение там некому да и негде.

— Ты, отче, более о крепости рассказывай, — заметил Бельский. — Мы ратные дела собрались говорить, не церковные.

— Тебе, Григорий, язык надо бы прикусить! — сурово произнес митрополит и стукнул посохом о пол. — Твердыни не камнем, верой держатся! Глаголь далее, отче.

— Много лет тому и ныне жил я в землях одного черемисского рода. В те лета ордынцы их постоянно грабили, притесняли, убивали, а ныне набежали на них ногайцы. И они решили, что защитить их окромя русских ратей некому. И иные люди место для возведения острога мне указали, и примут они наши полки беззлобно.

— Где это место? Укажи, — Годунов подвинул Ешке карту. — Вот тут Волга, тут Кокшайска крепостишка.

Ешка глянул на цветную акварельную карту, увидел, как от Кокшайска голубой змейкой вьется река Кокшага. На глаз прикинул место Топкаева илема, ткнул заскоружлым ногтем, надавил, сделал отметину.

— Верст много?

— Около ста, пожалуй, наберется, ежели все кривулины считать.

— А поглубже не разведывал?

— Ходил. Но далее берега у реки низки, болотисты. А тут берег высок и холмист, и люди, здесь живущие, место нам отдадут по доброй воле. И еще одна пользительность — леса тут сосновые, дубовые, и березовые рощи великие.

— Камень ломать близко есть где?

— Чего не ведаю, того не скажу. А для кирпича глины много.

— На Санчурин-озерцо ходил? — спросил Ноготков.

— Был. Там тоже крепостишку воздвигнуть можно.

— А на Яран-реке?

— Не успел.

— Не беда, — заметил Годунов. — Нам бы сперва за одно место зацепиться.

— Теперь тебе, князь Иван Андреич, слово, — царица кивнула в сторону Ноготкова. Воевода вытянул из-под карты план города, начал обстоятельно:

— Назовем сей острог Царев город на Кокшаге. Если матушка-государыня соизволит...

— Пусть будет так. Говори далее.

— По сему чертежу судя, город наш будет шестиуголен, обнесен рвом и завалом глубиною до четырех сажень, чтя

их с вершины завала до донной зачисти. Стены бревенчатые, на каменном подкладе. Со стороны реки стены сосновые, с юга дубовые, столбы березовые. Трое малых ворот еловые и пихтовые с обшивкою. Наугольные башни глухие бои с них пушечный, пищальный и лучной. Наверху башен шалаши караульные, на них караул несводный.

— Какая обшивка ворот? — спросил Шеховской. — Ежели они еловые, то поджечь их стрелой сущий пустяк.

— Обшивка тонкого железа, гвозди кованые, трехугольные. Будут ворота главные. Одни из дуба, без обшивки. Над ними двухъярусная башенка с вестовым колоколом, а на челе ее крест резной березовый. Земляные накаты с пушками через сто сажен, к пушкам каменные ядра. На бревнотах, где стрельцы стоят, — запас свинца и зелья. Пушек затинных на всю крепость пять, по угловым башням и на главной же. У стрельцов пищали семипяденные, а також короткие, ручные. На щитах луки с саадаками, а в них мелкооченые стрелы в большом достатке. Ров вокруг острога залить водою до завалов. Вот тут, — воевода ткнул перстом в середину чертежа, — дом воеводской, рядом дьяков три дома, прикащичьи. Рядом кабак, супротив его, вот здесь, приказная изба. Потом пойдут дворы стрельцов слуг, а далее около стен людские черные избы.

— Кабак ты, княже, поставил, а храм где, храм? — воскликнул Иов.

— Храм покамест деревянный, немудрой, в одну маковку, на самом высоком месте. Крышу сладим из драни. выложим узорами, и будет зело лепно.

— Храмов надо бы два, — заметил Ешка. — Один для русских, другой для новокрещен, сиречь инородцев. Вместех молиться воеводы и дьяки не захотят. А черемис следует к молениям приобщать.

— Истинно! — владыка встал, метнул взгляд на Ноготкова. — Отчего храм немудрой и деревянный? Мы утверждаемся там не на год, не на два, а на века. Храм надобен сразу же каменный!

— Мы так и мыслили, но царский казначей...

— Государева казна, владыка, не бездонный кладезь, — сказал Деменша. — Ведомо ли вам, воеводы и бояре, что на город и так заверстано по большой статье гридцать две тыщи, 16 алтын да хлеба, ржи и овса восемь тыщ четей.

— Деменша верно говорит, — вступил в спор голова приказа Васильчиков. — На первое время ратники и в деревянной церквушке помолятся, чай, веры оттого у них не убудет. А потом уж...

— Сия крепость в изначале град божий, а потом уж

царев, — не унимался Иов. — Посему храм ставить следует в первую голову. Может, для инородцев церкву повременим, а главный храм сразу из камня!

— Ты бы сам, владыка, мощной тряхнул да выдал на богоугодное дело тысчонок пять али десять. — Годунов глянул на Иова насмешливо. — Тогда бы мы и на собор замахнулись. А то...

— Ты, Борис, глазами меня не гложи. Уж от тебя-то таких слов слушать не приведи господь. Ты-то первый знаешь, что от крепостишек волжских, кои без лепных храмов да монастырей живут, толку мало. А что касася патриаршей казны, то из нее на монастырь в кокшацких землях я не пять тысчонок выдам, а все пятьдесят. И сия божья обитель удержит инородцев в радении государю покрепче, чем твой острог.

Борис пожал плечами, перевел взгляд на Ирину.

— Говори, матушка-царица. Твое последнее слово.

— Все мы знаем, — Ирина начала говорить спокойно, как и следует царице, — что крымская орда — жестокий бич в руках турок. Ныне сей бич поднят не на окраины наши, а бьет по спине державы. Те тысячи конников, о которых упреждал нас Мурат-Гирей, уж, видать, в черемисских пределах, а мы спорим о каких-то пяти тысчонках. Ежели в лесах заволжских пожар инородческий разольется, то потушить его во много крат дороже станет. Государь Федор Иванович повелел мне денег не жалеть. Посему храм на Кокшаге ставить каменный, а тот деревянный, который придумал князь воевода Иван Андрейч, строить будем для инородцев. А ежели владыка на монастырь денег даст, куда как будет добро.

— Так и запишем, — Ноготков взял перо и рядом с маленькой церквушкой в одну маковку пририсовал храм.

— Настоятелем сего храма, матушка-царица, я мыслю послать отца Иоахима, как ты и советовала, — Иов поклонился Ирине.

— Добро. Утварь для храма готова?

— Иконописцы уже в деле. Образа будут на дереве в серебряных окладах, сосуды оловянные, серебряные, а для причастия один золотой. Свечи топленные из воска, литы тонко и толсто. Над алтарем буде икона Девы Мироносицы, паникадило медное, хоругви мастера изладят на месте.

— Посады и слободка будут? — спросил Гагин-Великий, обратясь к Ноготкову.

— Осадного жилья пока нет, слободку сделаем за рекой одну. Потому как покамест сидеть в осаде некому, и посадские жители не накоплены.

Решив кой-какие мелкие дела, советчики стали расходиться. Ешку митрополит взял с собой. В сенях Ешка шепнул Иову:

— Позволь, владыка, словцо царице молвить?

Чуткая Ирина просьбу услышала, убавила шаг, сказала:

— Молви, подвижник.

— Государыня-матушка. В крепости городничий должен быть. Нельзя ли на это место Звягу Воейкова посадить. Человек он боголюбивый...

— И выпить не дурак, — добавил Васильчиков.

— На выпивку вы все люты, — Ирина усмехнулась. — А Звяга человек расторопный, ему в городничих самое место. Ты уж, Григорий Борисович, отпусти его. Дьяков, я чаю, у тебя в достатке.

— И еще, матушка-царица, позволь слово молвить. Хоронится от царского гнева в тех местах русская добрая душа кузнец Илейка. А с ним человек сто народу. Они тоже убежали из разных мест либо от голодухи, либо от обид всяческих и бед. Их бы твоей царской волей простить да и приспособить для возведения крепости. А то они колотятся меж черемисами, татарами и нашими приставами. То и гляди недруги наши их к себе притянут...

— Когда же тот кузнец государю нашему нагрешить успел?

— Боже его упаси! Его вина перед покойным Иваном Васильевичем была, давний грех, лет, поди, десять тому.

— Так покойный государь все вины своим недругам простил.

— Он, может быть, и простил, а указ в Тайном приказе остался.

— Скажи русским людям, пусть идут к городу безбоязненно. Князь Иван Андреич!

— Я тут, государыня, — Ноготков подошел к царице.

— Слышал, что отец Иоахим спрашивал?

— От слова до слова.

— Мы с государем надумали в те дикие места переселять людей наших, а уж кои там обретаются, их и бог велел к делам государевым привечать. Тебе, я чаю, там кузнецы будут зело надобны?

— Как же, как же! Скажи, святой отец, тому Илейке, чтобы он не медля, как только я на Кокшаге сяду, ко мне приходил. Никому в обиду русских людей не дадим, так и скажи.

Перед летним Спасом во дворе Разрядного приказа собрались полки. Налегке выступал передовой полк князя

Гагина-Великого. Большая часть его ратников была уже на Волге. С нею Гагин-Великий стоял на вылазке в Свияжске. Места ему тут были зело знакомы, Гагин когда-то строил кокшайскую крепостишку и даже был там первым воеводой.

Над Москвой плескались колокольные звоны вослед полку, уходившему в глухое Заволжье на возведение новгородов, острогов, сторожек, дабы ставить там заслоны ногайцам, крымским ордам и султанским ратникам.

Воины с грустью смотрели на золоченые маковки церквей, крестились неистово: придется ли еще раз увидеть родную златоглавую Москву?

Рыдали у стремени жены стрельцов, терли воспаленные очи концами черных платков. Махали пухлыми ручками воеводские супружницы, тонко скулили в свои вязаные оторочки на рукавах невесты молодых воинов.

Воеводы скакали около полков на разгоряченных жеребцах, свистели нагайки, разбивались заторы на узких, кривых улочках слободок и посадов. Рати тронулись на далекую и неведомую Кокшагу.

Через две недели выступили полки большой и сторожевой. Они везли пушки, ядра, зелье, свинец и провиант. А когда встала Волга, с двух сторон, от Нижнего Новгорода и от Казани, по свежему ледку потянулись обозы с камнем, кирпичом и со сваями. Около саней бежали работные мужики, целовальники и лучшие посадские люди.

Нижегородский обозный рукав вел сам воевода Данила Сабуров.

ПЕРВЫЕ КАМНИ

I

Топкай понимал — этот год для его рода будет трудным. Почти все здоровые мужчины в плену. Все зерно, в том числе и семена, забрали ногайцы. Стариков, женщин и детей Топкай увел на Манагу; там на старом сельбище пришлось чинить полуразрушенные куды, кое-как обустроить жилье. Пока искали сохи, бороны, пока собирали по илемам семена, время для сева упустили. Зерно побросали в сухую землю, урожая ждать не приходилось. «Видно придется зиму голодать, — думал Топкай, и сердце его сжималось от предчувствия беды. — Конечно, мужчин в плену вечно держать не будут, к осени их Ярандай выгонит домой — чем такую ораву кормить? Охоты тоже не будет, запасов не сделаем, разве только бабы насушат грибов, наберут орехов и ягод. Какие это запасы! Как ни думай, все равно не миновать голодной зимы».

В опустевший илем на Кокшаге то и дело наведывались конные ногайцы и доглядчики Ярандая. Они следили: не пришли ли русские строить город? Как-то в день поминовения усопших из плена прибежали двое парней,

их тут же догнали, избили и увезли на раскорчевку снова. Топкай послал к Ярандаю Актугана, но хитрый и жадный сосед легко отговорился. Он сказал, что пленных взял и держит Аббас, а он, Ярандай, только их кормит, но не может же он давать еду даром—пусть корчуют лес. А когда сотник отпустит мужиков, и для чего он их пленил—это Ярандаю неизвестно. Он рад помочь соседу, но у ногайцев сила. И к тому же не один Топкай в беде. Аббас до сих пор берет пленных не только у него, но и в других лужаях.

Проклиная ногайцев и коварного соседа, Топкай стал ждать голодной осени и зимы.

* * *

С приходом нового царя, может, князьям и боярам стало легче, но не мужику. Люд по-прежнему метался по обнищавшей земле, народ искал места глухие, прибыльные, необжитые. Особенно влекла заволжская лесная сторона. Брели сюда люди многие: кто от хлебной скудости, кто от налогов и поборов, а чаще всего от княжеского да боярского непосильного гнета. А те, кто был грешен перед царем или перед богом, те и совсем забивались в недолазные места. Летом бродили беглые людишки по лесам мелкими ватагами, а зимой нужда заставляла сбиваться в большие станы под руку смелого и удачливого атамана.

И за малое время, всего недели за две, скопилось на острове человек двести. Отгонять их Илейка не мог, сам, как и они, тут на птичьих правах. Ватажники, пока были морозами прижаты, молчали. А как пришла весна—оттаяли.

И вскоро пошли вокруг Илейки разговоры:

— Без веры живём, атаман. Не пора ли в чужих амбарах молитвы служить?

— Слыхал такую присказку: господи, прости, в чужую клеть пусти, помоги нагрести да и вынести.

Илейка слушал, отмалчивался.

— Может, врут люди, атаман, что ты большую ватагу удачливо водил?

— Не врут. Однако, тогда я супротив бояр и князей шел, удачу на богатейских дворах находил. А здесь кого грабить? Черемис? Татар? У них и взять-то нечего — бедность одна.

— Ты, мы слышали, от лаишевского помещика сбег. Давай его под жабрами пощупаем?!

— Доколе кистенем креститься будем, а?—спрашивал Илья.

— А нам все одно некуда деться!

— Я много думал, разбойнички. И вот что решил: тут недалеко, на реке Кокшаге, царь-государь строит город. И русские люди ему зело надобны. Может, попроситься туда? Может, работой честной вымолим прощение, а?

— Мы работы не боимся!

— А воля будет?

— Может, город построим, да и опять боярину в ярмо?

— Помешшики-то, они везде есть!

— Здесь земли необъятны, леса непроходимы, — говорил Илья. — И бояре пока сюда не полезут. А царю, я думаю; выгодно здесь русских людей плодить. Даст он нам прощение, поселимся здесь и без бар заживем. Если мои мысли не лжбы, избирайте другого атамана и с богом, куда глаза глядят.

— Подумать надо!

— Думайте.

Потом снова появились Ярандай и Аббас, пригнали косяк лошадей, пилы привезли, топоры и указали места, где корчевать лес для руэмов. Илья разбил ватагу на четыре отряда, податаманами туда дал Дениску, Андрейку, Ермаила и Микешку из вновь прибывшихся. Мужичьи руки натосковались по настоящей работе, за дело ватажники взялись рьяно, разговоры про разбой вроде прекратились. На новых руэмах закипела работа, валился лес, мужики пилили его на бревна и на лошадях выдергивали их ближе к дороге. Горели костры, корчевались пни. Люди знали, что это все делается для других, но главное было в том, что появилась работа, что на нови будет расти хлеб и, кто знает, может и им придется жить около этих земель.

Спустя три дня приехали Кори и Айвика со своими людьми: Аббас поверил в искренность нового атамана и решил под его руку отдать и пленных.

Дениска подкатился к Айвике, как к старой знакомой:

— Краса ты моя писанная! Истосковался я по тебе, спасу нет! Внял господь моим молитвам, послал тебя ко мне. Хочешь, рабом твоим буду?!

Айвика в любовных делах совсем неопытна, она привыкла принимать мужские речи серьезно, на полную веру:

— Неужто ждал? И богу молился, чтоб я пришла?

— И денно и ночью! Люба ты мне...

Но тут подошел Кори, загородил девушку своей широкой спиной, сказал:

— Вот этот кулак видишь? Я запросто вдарить могу.

— Да вы что, с ума посходили! Ни к одной девке подойти нельзя. Один с совестью, этот с кулаком лезет.

— Ай, Коришка — омарта, ты его не бойся, — Айвике Дениска понравился, ей очень хотелось говорить с ним. — Ты, Кори, кулаками не махай. Иди отсюда пока. Я сама за себя постою, если надо будет.

Кори медленно пошел в сторону, но, отойдя несколько шагов, снова показал Дениске кулак.

II

Около Спасова дня Илью позвали к Аббасу. Ярандаев илем встретил его многолюдством. Около жилищ толпились черемисы, у коновязей привязаны десятки лошадей, везде снуют вооруженные ногойцы, пешком и на конях. Атаман догадался, — приехал мурза Аталык со своей ратью. Стало быть, его, атамана, позвали не по пустякам, наверное, начнут поднимать халлабаллык. «Дай бог, — подумал Илья, — чтобы мурза, как и многие ногойцы, был не в меру самонадеян и не шибко хитер. Тогда задуманное совершить будет легче».

Шелковый шатер мурзы поднят в роще под дубами. Два воина с обнаженными саблями стояли у входа в шатер. Они похлопали у Ильи под мышками, велели снять с пояса нож, впустили в шатер. Яранда, который привел Илью, не обыскивали.

Мурза сидел на большой атласной подушке, сложив ноги калачом, и курил кальян. Мундштук, положенный на колени, выпускал тонкую струйку дыма. Илья обрадованно отметил: Аталык оказался гораздо моложе, чем он предполагал. Он был по-своему красив: круглое смугловатое лицо, без единой морщинки, лоснилось, толстые губы улыбались, видимо, мурза был доволен тем, что тут увидел, тубетейка сдвинута, руки в боки. Ярандай упал на колени, ткнулся лбом в пыльный ковер. Опустился на колени и Илья, чуть склонив голову на грудь.

— Спину бережешь? — спросил мурза и хмыкнул: — Ярандай меня больше уважает.

— У всякого народа свои поклоны, мудрый Аталык Русские носом в землю не тычутся, прости.

— Откуда так хорошо татарский язык знаешь?

— На казанской земле родился, да и хозяин мой был татарин же. Окромя того, в моей ватаге немало татар было.

— Говорят, ты против царя воевал?

— Было, достославный мурза. Тысячную ватагу водил.

— Теперь у тебя сколько?
— К тремстам подходит. Но бродяги идут и идут.
— Аббас сказал, что ты и сейчас на русских пойдешь. Почему? Ведь ты русский.
— Мне более идти некуда. Меня царская плаха ждет
— А люди?
— Они тоже кругом в грехах. И перед царем, и перед помещиком, а иные перед Тайным приказом. Пойдут со мной.

— Поучить бы их воевать, да времени нет.

— Стоит ли, великий мурза? Саблей махать они все умеют, а уж дубиной крушить в своей бродяжьей жизни вот как научились. А что в бою надобно делать, так это ты укажешь. Ты, говорят, наимудрейший нуратдин*.

— Это верно,—мурза расправил плечи, выпятил грудь.— Мои воины говорят: танец в руках барабанщика, битва в руках Аталыка. Вот как говорят! А твои черемисы, Ярандай, воевать умеют?

— Они, великий, все как есть охотники. Стрелы пускают сильно, метко, копье, однако, тоже кидают ловко. Да и бунтуют не первый раз.

— Как твоё имя, атаман?

— Илья.

— Говорят, раньше ты кузнецом был. А кузнец по нашему — демерджи. Я так и буду тебя звать.

— Пусть так.

— Бик якши! Не позднее, чем через трое суток, мои воины скрестят сабли с русскими. От моих разведчиков стало известно — через Волгу переправился передовой полк царя. Ведет его князь Гага, и воинов в нем две тысячи с половиной. Идут они на Топкаев илем, хотят город там строить. Пусть идут. Дороги тяжелы, они до места две ночевки будут делать. На одной я их спящими всех прирежу. Ты, Демерджи, со мной пойдешь.

— Пеших тоже брать? У меня ныне сто конных, остальные пешие.

— Возьмешь десяток конных. Пусть они посмотрят на нашу силу, на нашу храбрость. Пусть увидят молнии наших сабель, которые засверкают в ночи! И ты, Ярандай, собери со всех илемов по человеку, пусть и они расскажут черемисам, как могуча моя рать, как неотвратимы ее удары. Впереди у нас много битв. На место передового полка царь пошлет другие полки — может быть, всю зиму придется драться. У вас, — мурза посмотрел на Ярандая и

* Нуратдин (тюрк.) — предводитель войска.

атамана, — есть полдня и ночь. Завтра на рассвете выступаем. Идите.

— Позволь сказать, могучий, — из-за занавески вышел Аббас.

— Говори.

— Ты, атаман, не вздумай свое мудрое решение отравить ядом глупости. О налете никому не говори. Найдутся такие — русских упредить могут.

— Как?! Они же пешие...

— Но девяносто лошадей останутся!

— Ладно! — мурза поднял руку. — Ярандай пошлет гонцов по илемам, а ты, Аббас, поедешь с атаманом. Поставь коней под охрану, с людей глаз не спускай, чтоб ни один с места не вышел.

Через час Аббас и атаман были в лагере. Сотник сразу же приказал сгрудить всех лошадей к одной коновязи, пересчитать и строго охранять. Илья пошел выбирать десяток ватажников для похода. Еще в пути он придумал, как упредить передовой полк. Аббас знал о всех лошадях, которые были приданы ватаге, но он никогда не видел Ешкину кобылу. Она стояла отдельно от всех лошадей, в загородке рядом с лосихой. Если бы с Ильей приехал Ярандай, он об этой кобыле непременно бы вспомнил. Кого послать? Ни Андрейка, ни Дениска кокшайскую дорогу не найдут. Другие ватажники тем паче. И выходило одно: надо послать Настю. Она в тех местах бывала и пути знает. Конечно, затея была рискованной. Настю могли встретить ногайские разъезды, но Илья подумал — бог милостив. Он незаметно заскочил в землянку. Настя готовила обед. Айвика забавлялась с Настёнкой. Отсылать ее из землянки было неудобно, и Илья рассказал им о замысле мурзы.

— Как хошь суди, дочка, а окромя тебя посылать некого. Как стемнеет, седлай кобылу и скачи. Наших непременно надо упредить.

— Настька не поедет! — грубо сказала Айвика.

— Почему?

— Я поеду. Дорог она не знает, на коне ездит плохо, к русским приедет, когда им могилу копать надо будет. И другое пойми: сиротка горластая, она без Насти так орать будет, что не только Аббас, сам мурза услышит. И спросят: где твоя дочь? А про меня спросят, скажешь: «Наверно, в свой илем к отцу убежала».

И выходило, что Айвика права. Вечером, как только стемнело, она тихо вывела кобылу на дорогу, вскочила в седло и поскакала в сторону Кокшаги.

III

Лето нынче выдалось дождливое. Не успел передовой полк переправиться через Волгу, заладили проливные дожди. Воевода Гагин-Великий спрашивал Ешку:

— Ты мне в минувший раз рассказывал, что в межречье берега болотисты есть, и дороги там трудны?

— Сказывал.

— А если слева Кокшаги взять, то там до озера Таира дороги сухи?

— Сплошной песок, чуть ли не до места.

— Тогда дожди нам на пользу. Я так мыслю: враги наши басурмане о нашем появлении тут узнали и пойдут к нашему месту, где городу быть, враз с нами. Мы с этой стороны, они с той. Мы посуху, а им дороги, ты сказывал, сырые. Стало быть, нам недельку-другую тут следует посидеть, дожди переждать. Тогда сырые басурманские тропы совсем непроезжими будут. А мы, глядишь, восводе крепостишку поможем починить.

— Сия мысль, княже, мудра, — сказал Ешка. — Однако подумай глубже. Нехристи оканные могут раньше на нашу сухую дорогу высочить.

— Только седни доглядчики вернулись — дороги на много верст пусты, не только ногойцев, конских следов не замечено.

— Смотри, княже, сам...

Десять дней ратники чинили стены кокшайской крепости, заменили старые ворота, укрепили башни, расчистили вокруг крепости рвы.

Потом дожди перестали, и полк тронулся в глубь лесов. Первую ночевку князь Гагин решил сделать на озере Таир, другую — на реке Студенке. Первый день отдохнувшие воины шли легко. Князь оказался прав, песчаные дороги после дождей стали еще доступнее: песок осел, затвердел, идти по нему — не тонуть по колено. К Таиру пришли к полудню, здесь воевода решил сделать полку поестирушку и помывку. Выставив вокруг дозоры, полк разделся, стирал исподнее бельишко, смывал потную грязь с телес, накопившуюся в тяжком походе. Летнее солнце высушило одежду, посвежевшие воины переоделись, поужинали и легли отдыхать. Дозорные не заметили ни одной живой души, и всем показалось, что неприятель еще далеко.

На землю опустилась черная ночь. На небе ни звездочки; непогодь, бушевавшая более недели, на ночь опоясывала землю низкими облаками. Холодный ветерок дует с озера, шумит камыш по берегам. Дозорные Терешка и Никишка после помывки задремали у дороги. Казалось, и

не спали совсем, все время, вроде, приглядывались и прислушивались к ночи, но как очутился перед ними всадник в беличьей нерусской шапке и с саблей, не заметили. А он склонился с седла, стукнул пожнами сабли по плечу, сказал бабым голосом:

— Эй, сторож, караул проспал!

Пока Никишка протирал глаза, Терешка успел взвести курок и, не прицеливаясь, грохнул из пищали.

— Зачем стреляешь, дурак! Я с добром приехала. Спать на карауле не надо. Ногайцы близко. Зови воеводу.

Но его звать уж было не надо. Лагерь проснулся, всполошился, и на выстрел прибежал сотник с солдатами. Айвике скрутили руки за спину, повели к воеводе в шатер. Гагип, в длинной исподней рубахе, поднял свечу над головой:

— Кто такая? Откуда?

Айвика ответить не успела, в шатер вбежал Ешка, крикнул: — Айвика! — облапил ее, поцеловал в щеку. — Зачем ты здесь?

— От Илейки-кузнеца прискакала. Велел упредить: на другой ночевке на вас налетит мурза Аталык, а у вас, я видела, сторожа спят.

— Садись, рассказывай. Где Илья, где Топкай, где моя Палага? Как они? Это, Иван Васильевич, девка из того илема, куда мы следуем. Ей верить можно.

— Кобылу накормите, — сказала Айвика. — Она полные сутки скакала без отдыха. Я думала, упадет.

Князь кивнул головой сотнику. Тот вышел из шатра, вслед ему князь крикнул:

— И девке поесть пусть пошлют.

Хлебная холодный гороховый суп, Айвика начала рассказывать...

На рассвете полк двинулся дальше. Айвике дали свежего коня, она поехала вперед с ертаульной сотней. Места эти она знала хорошо, не раз охотилась. Двигались медленно и осторожно. К реке Студенке (по-черемисски она звалась Юшто) подошли на закате. Князь Иван Васильевич приказал лошадей оставить под седлами, воинам не раздеваться и не спать. В саженьях сорока перед стоянкой воевода выставил всех пищальников, а их у него было полтысячи, и приказал зарыться в две траншеи. Тысячу конников выслал на три версты вперед и приказал скрытно встать по обе стороны дороги, войско мурзы пропустить. Другую тысячу ратников отвел назад, в запас. Велено было до полночи жечь костры, ужинать, а после чтоб ни единого звука.

Мурза повел на передовой полк только тысячу конников. Вырезать спящих врагов ногайцы умели, и план Аталыка был прост. Полтысячи он бросит на спящий лагерь и, когда оставшиеся в живых русские в панике побегут, в догон им бросит вторую половину и дорубит остальных. Бой окончить к рассвету и показать атаману и черемисам горы окровавленных трупов.

До Топкаева илема добирались тяжело: дороги после дождей разбухли, кони вязли, особенно при переправах через лесные речки, по брюхо. Удобных дорог проводники от Ярандая не знали, а Топкаевых людей мурза взять не догадался.

В илем приехали поздно, измученные все: и кони, и люди. Самоуверенность Аталыка сменилась тревогой. Посланные в разведку воины хоть и уехали на запасных лошадях но все равно могли задержаться до рассвета, а тогда прощай внезапность. И чтобы сократить время, мурза решил, не ожидая возвращения разведчиков, двинуть не успевшую отдохнуть тысячу им навстречу. Но они, к радости Аталыка, возвратились быстро и рассказали мурзе, что русские ночуют на реке Студенке, набега не ожидают, палят костры, дозоры выставлены слабые. До полуночи оставалось два часа, и мурза приказал воинам отдыхать, а лошадей погнать на лесных травах.

«Видно, аллах не забыл меня, — подумал мурза в полночь. — Звездное небо он закрыл облаками, темень сгустилась над лесом, и я подойду к русским совсем близко». Он махнул рукой, джигиты вскочили на коней, и тысяча тихо двинулась к Студенке.

Около реки мурза остановился, знаком отослал сотню Аббаса вперед. Через некоторое время сотник вернулся и молча дал понять, что тысячу можно выводить на рубеж атаки, что дозоры русских тихо сняты.

Бивак русских представлял мирную картину. Дымились тонкими струйками догорающие костры. Продолговатая поляна по всей задней опушке леса заставлена телегами обоза, около них лошади жуют траву. Где-то тут у передней опушки спят русские воины. Видят последние в своей жизни сны. Аталык выхватил саблю, поднял ее над головой и взмахнул. И тишину летней ночи разорвал тысячеустый не то крик, не то визг:

— Ур-ра-га-а!!!

Лавина ногайцев, рассыпавшись по лесу, хлынула на поляну. «Сейчас начнется резня, — подумал ехидно Аталык. — Сейчас сабли начнут свой кровавый пир!» Но вдруг раздался сухой треск, будто лопнули сотни сломленных

древесных стволов. Вспыхнули, разом осветив пространство перед поляной, огоньки пищального залпа, вой конников сразу смолк, раздались отчаянные крики, тревожное ржание лошадей, стоны раненых. Мурза понял: их ждали, хотел было остановить атаку, но сотни неудержимо неслись вперед. И тут прозвучал второй залп — густой, страшный, искристый — по всей опушке. Вторая и третья сотни будто наткнулись на невидимую стену: падали люди, кони, всадники рвали удила, поворачивая лошадей назад. Лес гудел от криков, трескали низкие сучья деревьев, меж стволами возникли кучи убитых людей и лошадей.

Третьим залпом были скошены четвертая и пятая сотни. Аталык врезался в ряды всадников, истошно закричал «назад!» и поскакал по дороге. Сотни развернулись, последовали за ним. А навстречу мурзе, сверкая саблями, неслись конники из засады.

Началась сеча. Она длилась, как и рассчитывал мурза, до рассвета.

Сам Аталык с горсткой всадников вырвался из сечи, спасаясь бегством. Русские было погнались за ним, но потом вернулись обратно.

Около озера Шап мурзу встретил Илья с черемисами. Он хотел что-то спросить Аталыка, но тот свирепо глянул на него, крикнул:

— Бегите домой! Ждите меня там!

* * *

Когда совсем рассвело, князь Гагин-Великий, Ешка и обозный сотник Истома Тюнин пошли оглядеть поле боя.

— А тысчонку свою басурман всю, почитай, здесь оставил, — сказал Истома. — И все твоей мудростью, князюшко-батюшко.

— Моей ли? — Гагин был хмур и недоволен. — Девке черемисской спасибо надо сказать. Если бы не она... Сколько наших полегло?

— Здесь совсем мало, — ответил Ешка. — А там, где был бой засадный — считают. Скоро станет известно.

— Ты, Истома, бери свою обозную сотню, недругов убитых похорони, лошадей убитых разруби, освежуй и закопти. Нам сего махана на полгода хватит.

— Изделаю, Иван Васильевич. Токмо коптить такую прорву конины долго придется. А мы, чай, нынче далее пойдем?

— Пойдем. А ты тут останься и копти. Сколь надобно.

— А если мурза наскочит?

— Не наскочит. Теперь он месяц раны зализывать будет.

К Ешке подошла Айвика, сказала:

— Мне домой ехать пора.

— Пошто? Оставайся с нами. В ваш илем седни тро-
немся.

— Нельзя. Если там меня хватятся, — догадаются. Тогда Илейке смерть будет. Да отца мне надо проведать, один живет, старый, больной.

— Не умер бы, не дай бог. Голодуха там, сама сказывала.

— Карту илем с голоду умереть не даст. Мне у Топкая непременно побывать надо.

— Чем бы одарить тебя, девка смелая? — спросил, подходя к Айвике, князь. — На вот целковый, возьми.

— Спасибо, князь. Я не ради золота...

— Ты многим моим людям жизнь спасла. Великое добро сделала.

— Мы еще встретимся. Вот тогда добром за добро отплатишь.

В тот же день к полудню Айвика привела передовой полк на место, где еще недавно был Топкаев илем.

Князь и воевода Иван Васильевич Гагин-Великий, длинный и сухощавый, восседал на коне подобно сторожевой башне. Его порученцы крутились вокруг на юрких лошаденках, ждали приказа. Князь расправил усы под крючковатым носом, крикнул:

— Сотников ко мне! — когда порученцы рассыпались, воевода обратился к Ешке: — Левый берег сух ли? Переправа есть ли?

— Мосток вправо от нас, а там за болотцем роща немалая со старицами. Укрепь строить можно. А на нашем берегу, сам видишь, леса сухи, древесинами обильны.

Подскочили сотники. Князь, много не говоря, отмахнул рукой в четыре стороны. Сотни ушли на нижний берег, рассыпались по лесам во все стороны, а на бугре осталось десятка три ратников, не более. Князь и Ешка спешили, пошли бродить по берегу, осматривали местность. Ешкин выбор воеводе понравился. Он, конечно, видел места и получше, крепостей построил немало, но для здешних низменных мест лучшей земли не сыскать.

Провожая Гагина-Великого на Кокшагу, царица Ирина напутствовала:

— Подвижник Иоахим мне сказывал, что на той земле, где городец строить, сельбище стоит, и хозяин есть. Гру-

бость с теми людьми не чини, землю откупи. Денег на сей город я у государя выпросила достаточно, не скупись.

— Казна не у меня будет, матушка-царица, а у Ноготкова. Пусть он и...

— Деньги еще когда придут, а ты договорись пока без казначея. С местным людом надо не силой брать, а лаской, добротой. Так мне государь велел...

— А братец Борис како мыслит?

— Как мы с государем, так и он, — жестко сказала царица.

Этот ответ воевода помнил, и когда передовой полк пришел на место, он сказал Ешке:

— Сельбище покинуто и спалено, может, хозяина и искать не надо, а?

— Надо, княже. Он не токмо этой земли хозяин, он глава рода огромного. А нам люди ой как понадобятся княже. А они сейчас в нужде великой, ты сам слышал, что девка рассказывала. Посему ты тут дело зачинай, а я поеду и хозяина приведу. Заодно и старуху свою проведу. Она где-то тут должна быть.

Не медля много, Ешка и Айвика поехали на север.

IV

Мурза Аталык думать умел только в седле. Он даже и письма писал верхом на коне. Сядет в седло, проедет десять верст туда и обратно — письмо готово. Вызовет писца, отговорит ему, что в седле придумал, тот запишет — и посылай куда надо. Если бой какой обдумать, налет, то тут десяти верстами не обойтись. Тут надо проехать верст полсотни, да хорошо бы по голой степи, чтоб ничто мысли не мешало.

Так и сейчас. Оставил мурза себе двух всадников для охраны, велел сотнику с остатками воинов скакать в илем Ярандая. Тот возразил:

— Может, сначала собрать джигитов? Не все же в сече погибли, есть кто и по лесу разбежался.

— Сами приедут. Дорогу знают.

— Ты остаешься зачем?

— Думать буду! — и махнул рукой.

Ускакал на Оно Морко сотник Аббас. Мурза одного воина послал впереди себя на сто сажений, второго — сзади. Сам опустил поводья коню и поехал медленно. По обеим сторонам дороги, будто пятясь, проходят ели, пихты, березы, лес источает утренние запахи, птицы начинают

петь, солнце всходит. Ничего не замечает мурза, покачивается в седле, думает...

Не о причинах неудачи. Об этом можно подумать потом. В таких случаях мудрые люди думают о следствиях.

Тысячи воинов, считай, у него нет. Ту горстку, которая ушла с Аббасом, и тех, которые разбежались, можно не считать. Они русскими пищалями напуганы, их теперь только в обозе можно держать. Стало быть, осталось у мурзы три тысячи. Одна на Каме, ее сюда выгнать придется, вторая средневожские травы топчет, третья под Астраханью хоронится. Это — запас. Третья тысяча на крайний случай. Прежде чем бросить свою орду на русские южные границы, хан Ислам-Гирей обещал к мурзе гонцов послать. Они пойдут через ногайские степи, найдут его третью и вторую тысячи, приведут сюда. «Что нужно к этому времени мне сделать? — думает мурза. — Надо хорошо все подсчитать». Русские военные порядки мурза знает: передовой полк воеводы посылают, чтобы строителям крепости место расчистить, убрать всякого, кто помешать делу может. Потом передовой полк уходит, на его место приходит сторожевой. В нем, как и в первом, сплошь ратники. Это, стало быть, около двух тысяч ратников. Большой полк содержит до пяти тысяч, но в нем больше все работные люди. Однако пики держать умеют, мечами владеют. Будем эти пять тысяч считать за три. Выходит, пять тысяч против моих трех. А если положить на весы русские пищали и пушки, которых у меня нет, то моя чашка совсем вверх подскочит. Но на время. Ярандай обещал собрать двадцать тысяч черемис, татар и чувашей. Если их кинуть на мои весы — взлетит вверх русская чашка. А если еще сказать черемисам, что все, что они добудут в бою: коней, оружие, деньги, одежду — все это ихнее, они будут драться, как барсы. И тогда русским не помогут ни пушки и ни пищали. Если они даже начнут строить крепость, ее можно сжечь, снести с лица земли.

Поэтому сейчас, как только приедем на место, надо послать к хану гонца и преподнести ему стычку как победу. Не приведи аллах, если хан про это узнает из вторых рук. Надо поторопить черемис. Сейчас они убирают урожай, вот-вот начнется сезон охоты — пусть спешат. Осенью мы поднимем их на русских, пусть об этом знают.

Все эти мысли уложились в голову мурзы спокойно. Но когда он начал думать о причинах его поражения, вот тогда в голове все завихрилось!

Ясно, что русских кто-то предупредил? Кто?! О налете кроме мурзы и Аббаса знали всего двое: Демерджи и

Ярандай. Заподозрить Ярандая мурза не мог. — ничего кроме вреда ему поражение не дало. Вполне мог предать Демерджи, но как он мог успеть?! Может, еще кто знал о налете?!

До конца дороги — мысли, догадки, сомнения.

V

Илья знал, что мурза, прежде чем ехать в Ярандаев илем, непременно заедет в ватагу. Он будет пытаться в первую очередь его, кто мог предупредить русских. И поэтому решил подготовиться и вести себя смело и независимо. К себе он не пошел, а остановился у Насти. Переночевал тут, отоспался, а утром в дверь вполз Ярандай:

— Беги бегом к мурзе. Он в твоей землянке.

— Он мне покамест не нужен.

— Так ты ему нужен!

— Если я ему нужен, так пусть он ко мне и идет.

— Как ты смеешь?!

— Смею. Передай мурзе — я ему неподначальный.

Спустя время, в землянке появился мурза, за ним Аббас и Ярандай, и еще два джигита. За джигитами вошли Андрейка, Дениска и Ермил.

— Ты зачем к бабе в землянку прячешься?! — надменно спросил Аталык.

— Это не баба, это моя дочь Настя, а у нее дите захворало. Потому я тут, — Илья тоже встал против мурзы и уткнул руки в бока.

— Ты думаешь, хвосты моих лошадей в бою увидел, и тебе можно со мной дерзким быть?!

— Я тебе и раньше не очень кланялся. Я в твоей орде не состою, у меня своя ватага есть, я с тобой рядом встал, а не под нагайку.

— А знаешь, что русских о налете упредили?

— Не знаю. Кто бы это мог?

— Я тебя хотел спросить?

— Если ты знаешь, что упредили, то, верно, знаешь и кто!

— Только двое знали о налете — ты и Ярандай.

— Значит, Ярандай. Я с того мига, как о налете узнал, вспомни, при тебе неотлучно был. А он, когда мы в ватагу поехали, дома остался, гонцов во все стороны посылал.

— Ты шайтан, кереметь, турак, зачем такие слова говоришь?! — закричал Ярандай. — Я мурзу как лучшего гостя ждал, как родного принял...

— Я не сказал, Ярандай, что ты предал. Я сказал, что ты на воле был, а я на привязи.

— Ты мог послать кого-нибудь!

— Кого? Вся моя ватага на месте. Да и кони все привязаны...

— Мне мурзу предать — разоренным быть!

— А мне мурзу предать — на царскую плаху лечь!

— Так кто же упредил?! — мурза ударил нагайкой по сапогу.

— Кто-то третий, мурза. Наверное, ты. Раз нас трое было.

— Ты совсем обнаглел, Демерджи! Думай, потом говори!

— И ты думай, мурза. Если мы хотим вместе воевать, то должны друг друга не только уважать, но слушать, совета спрашивать, а не кнутом друг перед другом махать.

— Ну, что ты хочешь сказать?

— Вот ты в минувший раз сказал: «От моих разведчиков стало известно...» А ты думаешь, у русских на тебя разведчиков нет? Может, есть и поболее! А ты в своей гордыне о налете на всех углах кричал, Ярандай за черемисами во все стороны посылал, чтобы победой похвастаться. О налете не токмо здесь, а во всей округе знали. А ты среди друзей предателей ищешь.

— Ладно, давай поговорим, как дальше жить будем?..

Ярандай вначале прислушивался к разговору, потом хлопнул себя по лбу и выскочил из землянки. Скоро врагился и, перебив беседу, спросил Илью:

— Ты когда к мурзе приехал, у тебя конь был?

— Была кобыла. А что?

— Где она теперь?

— Настя, где моя кобыла?

— На ней Айвика к отцу ехать у меня отпросилась.

— Вот третий человек, кто знал о налете! И ты, кузнец, ее послал!

— Неправда твоя, Ярандай! — воскликнула Настя. — Айвику я отпустила за сутки до налета. Ни бати, ни мурзы здесь еще не было.

— А ты не врешь?! — гаркнул мурза.

— Вернется — спросите.

— Она не дура! Она не вернется! — кричал Ярандай.

И словно по заказу открылась дверь, и в землянку вошла Айвика.

— Где была? — Ярандай подскочил к девушке, схватил ее за ремень.

— В Топкай-энгер ездила.

— Зачем?!
— Сказали, что отец умирает.
— Давно уехала?
— Сутки туда, сутки сюда да дома двое суток.
— Зачем к русским заезжала? Мы знаем, говори!
— Ты, Ярандай, седой, а глупый. Я же сказала, у меня отец при смерти, зачем мне русские, и где тут близко русские!

— Ладно, Ярандай, отпусти девку, — сказал мурза. — Мою вину на других не сваливай.

Ярандай все равно посмотрел на Илью с ненавистью.
— Ну, а вы чего сюда притащились? — спросил атаман Андрейку, когда ногойцы и Ярандай вышли.

— Узнали мы, что мурзе по загривку надавали, а он к тебе злой побежал, думали, как бы чего не вышло.

— Неужто, атаман, всю тыщу загребли? — спросил Ермил.

— Всю. Три десятка только и осталось.

— Как же это мурза так опростоволосился, а?

— Это не загадка, — весело произнес Дениска. — А вот моя черноглазая меня удивила. Говорила, что врать не умеет, а мурзе так кругло все хвастала, прямо загляденье. Где же ты четверо суток ездила, если я атаманову кобылу в тот вечер, когда мурза приехал, в стойле видел и кормил вместе с лосихой? А было это всего позавчера. Вот это загадка!

— Ладно, Дениска, язык не распускай, — сказала Айвика. — Твой лосенок подрост, его ты, наверно, за кобылу принял.

— Все может быть, ночь была, темно.

— Тут все свои, Айвика, рассказывай, — сказал Илья и позвал всех к столу.

— Ешка Большая палка тебе поклон сказывал.

— Ой-ёй! Кобылу свою у тебя не отнял?

— Зачем она ему? Теперь он от самого большого попа в Москве две телеги получил, в каждой по два коня запряжено. И еще сказал Ешка, что царица обещала бумагу написать, чтобы тебя и всю твою ватагу простили.

— Вот за эту весть спасибо.

— Пусть, говорит, идут на стройку города спокойно.

— Скоро ли они там будут? И кто ведет их?

— Князь у них Гагин называется. Длинный, худой и усы, как у kota. Мне золотой давал, да я не взяла.

— Опять врет! — заметил Дениска.

— На Кокшагу я их довела, потом мы с Ешкой нашли Палагу...

— Выжила?

— Живет в зимовке одна, ровно барсучиха. Грибы сушит, орехи таскает, желуди, рябину. Ешка там остался, я отца на Топкай-энгере наведала, с лужавуем поговорила и бегом сюда. За тебя шибко боялась.

— Спасибо.

— А Топкай ушел на старое место. Его русские туда позвали.

VI

Пока Аталык горячился в землянке, ему что-то думать мешало. А как вскочил в седло, мысли сразу потекли спокойно.

— Послушай, Ярандай?!

— Я тут, могучий, — Ярандай выровнял коня, поехал с мурзой рядом.

— Двадцать тысяч черемис, если надо будет, мы поднимем?

— Это не от нас зависит. Можно и больше поднять.

— От кого же зависит?

— От русских.

— Как это?

— Ты говорил, что царь хочет строить крепости на Кокшаге, на Яране, на Санчурине и еще на уржумской стороне. А для крепости ведь хорошее, высокое место надо найти?

— Аллах акбар! Конечно, на болоте крепость не устоит.

— А в наших низменных местах на всех высоких землях илемы построены, там лужавуи живут. Их ведь русским придется с этих мест сгонять.

— Они и сгонят!

— Пока город будут строить, народу много надо? Много. Его же кормить надо. А где корма брать?

— Ясно где. У черемис отнимать!

— Для стрельцов, которые потом в крепости сидеть будут, земля нужна, чтоб они кормились на ней. Много земли. Опять же ее отнять надо. Вот если все это русские сделают, к нам народ валом повалит.

— Верно! Бик якши!

— Однако и о другом выслушай, премудрый. Ты, наверно, заметил, что я той девке Айвике не поверил, кузнецу не поверил. Я его ватагу хоть всю зиму и хранил, но видать, напрасно.

— Демерджи и я не особенно верю, но девке твоей зачем русским радеть?

- Так она же не моя девка! Она здесь пленная.
- Какой ишак девок пленит? Зачем?
- Твой сотник Аббас.
- Ну-ну!

— Она из Топкаева илема. К ним еще зимой пришел русский поп. Место для крепости выглядывать. Топкай свой илем под город отдавать не хотел, но попа принял. Его род давно с русскими якшается, поп этот раньше у них бывал, да и кузнец, ты знаешь, у Топкая прятался. И тогда Аббас надумал кокшайских черемис наказать.

— Нужда в этом была?

— Не было. Просто кони у него застоялись, джигитам пограбить захотелось. Илем они сожгли, мужиков в плен взяли, ко мне привели, корма пограбили.

— Что же Топкай?

— Он сказал попу: иди к царю, скажи, что место для крепости я отдал, пусть меня русские от разбойников защитят. А девка эта — Топкаева карта дочка. И она вполне могла русских упредить.

— Аббас саблей махать молодец. В черемисских делах он что понимает? Ты-то куда глядел, о чем думал?

— Я далеко вперед думал, да просчитался. Когда сотник мне пленных на прокорм отдал, я их заставил землю корчевать, чтобы на зиму на ней много ржи посеять. Думаю, будет у Топкая в эту зиму голод, а он будет, и придет строптивый лужавуй ко мне с поклоном. Я и куплю у него родовой илем, посажу туда твоих и моих людей, и русских мы туда не пустим.

— Где просчитался?

— Идут слухи, что люди с Ошлы, с Ишута, с Илети хотят Топкаеву народу и хлебом помочь, и мясом. Стало быть, они с русскими якшаться хотят, а тебя и меня считают разбойниками.

— Скажи Аббасу — пленных сегодня же домой! Топкая пригласи в гости и не жадничай. Дай ему хлеба, мяса, не жди, пока его всей лесной землей кормить будут. Когда русского царя за Волгу выгоним, все наверстаем! Понял?!

— Сделаю все так, могучий.

VII

В один из вечеров в Топкай-энгер возвратились пленные. Вместе с ними приехал и Ургаш. Он привез брату большой поклон Ярандая и пять возов ржи.

— Ярандай велел мне сказать: «Настала осеннего сева пора, я брату моему Топкаю семена шлю, пусть всю землю засеет, пусть на меня не гневается».

— Шайтан большебрюхий твой Ярандай! — Топкай сплюнул в сторону. — Сперва разбойников на меня натравил, а теперь братом называется. Семена увезешь ему обратно, у нас рожь уже есть, и мы начали сеять.

— Я тоже всю дорогу Ургашу говорил, — вступил в разговор Кори. — Не надо было зря лошадей мучить. Потом за эту рожь Ярандай семь шкур спустит. Нас на корчевке чуть с голоду не заморил...

— А мне на прощанье сказал: «Ты, Айвика, ела много, работала мало — мне от ваших людей одни убытки остались». Он — ногайской кобылы хвост!

— Напрасно, брат, гордость свою тешишь, — настаивал Ургаш. — Вон сколько дармоедов пришло, чем кормить будем? Голодная зима на носу!

— Ты, Ургаш, около Ярандая близко пожил, совсем татарским прихвостнем стал, — сказал Актуган. — А нашего отца русский князь к себе в гости зовет.

— Какой князь, откуда?

— Он с Волги пришел, три тыщи воинов привел...

— И мурзе уже успел под зад коленкой дать! — добавила Айвика. — Оттого твой сосед Ярандай больно добрый стал.

— Это верно, брат? — спросил Ургаш Топкая.

— Завтра поедем. И ты собирайся. Пусть князь знает: наш род не мал и дружно живет.

На другой день к полудню к берегу Кокшаги подъехали верховые. Двенадцать человек. Одеты будто на свадьбу. На Топкае белая, катанной шерсти, шляпа, вышитая рубаша, суконный, белый же, кафтан, белые конопляные штаны, сапоги. Пояс широкий, алый, за поясом длинный нож в кожаных ножнах. Актуган, Янал и Кори в кожаных, с меховыми оторочками, куртках, в шапках с беличьим мехом. У каждого коричневый кушак, за ним нож короткий. Кони покрыты под седло попонами из липовой мочалы, в гривах ленты. Ургаш и Айвика тоже одеты празднично. За ними едут шестеро конников с копьями, в руках подарки и угощения. Хоть время и трудное пришло, но лужавуй решил в грязь лицом не ударить. И меду взял, и мяса, и блинов. На мостках их встретили Ешка с Палагой, повели всех в Илейкину избу. Она, почитай, одна уцелела в илеме, потому как находилась на отшибе. Спешившись, Топкай тихо спросил Ешку:

— Я, однако, не понял, кто к кому в гости пойдет?

— Ты этих земель хозяин, на твой порог и гость вступить должен. А потом будет видно.

— Я тоже так думал. Эй, Айвика! Бери мясо, бери мед. Котел-то у вас есть?

— Есть, Топкаюшко, есть, — заверила Палага. — Уж встретим гостей чином.

Ургаш разглядывал местность, но нигде русских ратей не было видно.

— Воины где? — тихо спросил Ешку.

— В лесу да на той стороне реки в рощах. Они теперь это место стерегут пуше глаза.

Князь Иван Васильевич Гагин, откровенно говоря, черемис побаивался. Чуть ли не всю свою воеводскую службу он провел здесь, на Волге, и сторонился черемисской стороны. Лет пятнадцать тому перевел его государь из Мценска на Казань в помощь воеводам Булановым, с того и началось. Где бы ни ставился полк — везде были наскоки то от татар, то от чувашей, то от черемис.

Весной 73 года сделан был острог в Кокшайске, строили его Василий Власьев да Афанасий Есипов, а годовать туда были посажены воеводы Андрей Палецкий да Яков Наумов. А на вылазки был поставлен полк Гагина. Чуть позднее посажен был князь туда же на воеводство.

В 82 году пришли в Москву вести, что казанцы снова заворошились, и царь велел над казанцами промышлять. Приказано было собраться в Муроме к сроку, к Дмитриеву дню, восемнадцати полкам, чтобы навалиться всем на бунтовых инородцев. Здесь-то и познакомился Гагин-Великий с Иваном Ноготковым. Узнал, что толковый в деланье городов воевода зело гордый и на каждом сходах спорит из-за мест, никому подчиняться не хочет, и в тот раз посадил его государь за постоянные споры в тюрьму. Поэтому ныне Иван Гагин выговорил себе место идти передовым полком, чтобы сразу после прибытия Ноготкова уйти снова в Казань. Потому вести денежные дела с черемисами князю не хотелось, ибо с Ноготковым неминуема будет ссора. Но приказ государыни был, и Гагин стал собираться к Топкаю.

— Я чаю, подарок надо нести? — спросил князь Ешку. — Что бы такое ему вручить?

— В блаженную пору казанского взятия, когда мы впервые вступили на земли Акпарса, князь Курбский подарил лужавую пищаль в серебряном окладе. Для охотника лучшего подарка не бывает.

— Выбери из моих ту, что полегче. Заверни в платно и сразу не отдавай. Быть может, он такую цену заломит..

Топкай вышел на крыльцо избы, поклонился князю, как его научила Палага, коснулся рукой пола, сказал:

— Кланяюсь дорогому гостю от всего сердца.

— Бог с тобою, хозяин, — князь склонил голову, ткнул бородой в грудь.

— Проходи в избу, садись за стол.

В избе по стене в ряд стояли брат и дети Топкая. Увидев Айвику, князь сразу успокоился, тревога и настороженность прошли. Улыбнувшись ей, Гагин скинул кафтан на руки рынде и прошел на передний конец стола.

— Это, однако, мой брат Ургаш, это мои сыновья, а деву ты, я вижу, знаешь.

— Вельми рад встрече, — Гагин уселся за стол, разгладил бороду на две стороны. Хозяева, гремя скамейками, тоже расселись.

Палага поставила на стол большую деревянную плоску — кюмыж с дымящейся бараниной, Ешка внес два туеса с медовухой, ковшики.

— Ну как, хозяин, полагаешь, — начал говорить князь, — незванный гость хуже татарина, ай как?

— Зачем так говоришь, почтенный? Если бы мы пустить вас сюда не хотели бы, то попа Епима ты не увидел бы. Наш народ маленький, нам, хочешь не хочешь, надо выбирать либо татар, либо русских. Мы выбрали вас.

— Все ли единодушны в выборе?

— Мой лужай не так велик: в какую сторону ни пойдешь, к вечеру на его краю будешь. И все мои люди как я думают. В сторону Казани, в сторону Вятки-реки другие лужай есть, как они думают, я не знаю.

— Сюда, хозяин, еще два полка придут, твоим людям потесниться придется. Как смотришь на сие?

— Ты, князюшко, погоди его испытывать, — заговорил Ешка. — Мясо вон стынет, а в углу туесок стоит.

Топкай торопливо поставил туесок на стол, достал два ковша с резными ручками, зачерпнул ими медовщину, подал Ешке и воеводе. Князь выпил, крикнул, сказал: «Знати!» Ешка сверкнул глазами, опрокинул ковш в рот, пробасил:

— Во здравие твое, княже. Богоугодное и славное питье. Пчелой господней принесенное. Мы теперича закусим, а ты, Топкай, ответствуй князю.

— Мы попу Епиму говорили уже, — Топкай посмотрел на Ургаша и на сынов. — Место это городу отдаем, хоть оно дорого нам...

— А как дорого? Мы уплатим, ты не думай, не задаром. Спрашивай.

— Ты неверно понял меня, князь. Место дорого потому что здесь наш род начался. Отцы и деды здесь жили...

— Понимаю. Во всякой торговле цену набить надобно...

— Ты это напрасно, княже, — сказал Ешка. — Говори, Топкай, сколько ты за это место хочешь. Божескую цену поставь. Царь наш хоть и не беден...

— Какую цену, поп Елим? Я разве когда-нибудь землю свою продавал, илемы покупал?! Откуда мне цену знать. Я бы даром все это место отдал, если бы не голод. Если бы большой гость наш сказал, что он в эту зиму людям моего лужая умереть с голоду не даст, — я с него и кумура* не возьму!

— Люди твои с голоду не умрут, хозяин. Иди к царю на службу и людей своих веди. Работы всем хватит. Я тебе жалование хорошее положу. Сотню человек приведешь — будешь сотником, тысячу — тысячником. Сотнику пятьдесят копеек в месяц, тысячнику — рубль.

— А когда хлеб пахать, на охоту ходить?

— Зимой какая пашня?! До весны мы крепостишку вскинем, паши потом, белку промышляй. И денег полный карман.

— Подумать надо.

— Сам-то выпей, да и думай сразу. Окромя жалования, даю тебе за место пятнадцать рублей, а брату с сыном по пять. А тебе, девка смелая, пищаль дарю. Стреляй. Отче, вручи.

Ешка пожал плечами, но пищаль девушке передал.

Топкай зачерпнул ковш браги, выпил. Захмелев, сказал:

— Тысячу я, пожалуй, не наберу, а половину приведу.

— Все равно будешь тысячным. Целковый — вот весь мой сказ. А работных людей досыта кормить будут.

— Ладно. Будем помогать, — сказал Топкай, а про себя подумал: «Рупь — это триста белок».

— Ты вот еще что скажи: чья это кузня на опушке леса стоит?

— Был у нас русский кузнец Илейка. Ногайцы его напугали. Теперь он в лесу прячется, не знаю где.

— Надо бы разыскать.

— Я знаю и розыщу, — утвердил Ешка, отхлебывая брагу из очередного ковша.

— А у вас кузнецов не хватает разве? — спросил Топкай. — Нам Илейка самим, однако, нужен.

— Мастеров у нас, Топкай, хватает. Ну, а кузни всяческой ковать надо будет гораздо больше. Короче, кузнеца того приволоките. А медовщинка у тебя знатная, Топкай. Ну-ко, плесни в ковшичек.

* К у м у р — три белки.

— А ты мурзы боишься?—спросил тихо Ургаш. — Если он русских победит.

— Мне надо мурзы бояться, Ярандаю надо князя бояться. Только тебе одному хорошо. Живешь посередке, никого бояться не надо. Кому захочешь, тому и будешь служить. Двум богам молиться можешь, а то и трем.

— Ладно, не бранись. Я тоже своих людей приведу. Скажи князю.

— Скажу.

VIII

Спустя неделю пришел сторожевой полк. Князь Петр Шеховской раскидал его по рекам Ошле, Манаге, Кундышу и Нольке. Дабы охранять мастеров, покамест город устроится. Еще через неделю появился большой полк с обозами, пушками. С главным воеводой Ноготковым пришел князь Бельский и знакомый уже нам Данила Сабуров. Обозы Сабурова с камнем, со сваями и кирпичом ожидалась со дня на день. На обозы со стороны Казани Ноготков надеялся мало, казанский воевода на исполнение царских указов был мало поворотлив (за что потом от царицы получит строгий упрек), да к тому же на его пути стоят ногайцы, которые помехи ему будут чинить немалые.

Была надежда на князя Гагина-Великого. Он по царскому указу сдал передовой полк Ноготкову и поехал в Казань. Мыслилось, что он казанского воеводу поторопит.

Проводив Гагина, большой воевода вызвал мастеров, десятников и дьяков и повел их привязывать план к местности.

— Ты, я чаю, отец Иоахим, место для храмов избрал?—спросил Ноготков, пропуская Ешку впереди себя.— Указывай.

Ешка, подоткнув полы рясы под пояс, крупно зашагал к берегу. В одном месте берег был обрывист, а над обрывом холм. Взойдя на вершинку, Ешка ткнул носком сапога влажную землю, сказал: «Тут».

Подскочил Звяга Воейков, забил в том месте колышек. Для деревянной церкви указано было место рядом, на другом холме. Меж ними и чуть подалее от реки отметили место для протопопова дома. Потом указали места для воеводской избы, для житницы, для тюрьмы, для приказной избы. Выделили участки, где будут строиться избы для дьяков, для ремесленного люда и для людей по прибору, то есть для защитников города. Затем началось главное действие — нарезка земли для рвов, крепостных стен, башен и ворот. Всюду забивались колышки, делались отметки.

Для отмеров служили, как издревле принято, копыя, считалось, что копыя содержат в себе косую сажень. Дьяки степенно ходили с вешками и бечевками. Большой воевода сидел на холме, где должен быть храм, держал на коленях карту крепости. От него к дьякам бегали десятники и передавали, сколько отмерить стены меж башнями, сколько отводить земли под башни. Сотники перемахивали копыя, ставили вешки, натягивали бечевы. Работные люди копали по бечеве малые канавки. Ноготков иногда вставал со стульца, выходил к бечеве, командовал либо «правее», либо «левее». Ешка со Звягой ходили по холмам, бранили с дьяками, которые нарезали место для хором, домов и изб.

Весь день прошел в спорах, криках, шуме. Однако прирезка прошла славню и точно по чертежу. На второй день Звяга с десятниками лазил по лесу за западной стеной города. Было промеряно и прирезано место для пашни — без малого две тысячи десятин. Решено так: лес с этой земли вырубить в первую очередь, чтобы с весны начать раскорчевку целины и посев яровых хлебов. Людей по цареву указу велено было держать в городе тысячу человек, эту ораву надо же чем-то кормить.

Пока не пришли обозы с камнем, кирпичом и сваями, решено было всю работную силу бросить на рубку леса. А как придут обозы, в первый же день начать закладку города.

И застучали в лесах топоры, запели пилы.

В день освящения града отец Ефим преобразился. В обозе прислал ему митрополит все, что надо для убранства храма и для службы. Шитая золотом фелонь, кадило, сосуды, образа, хоругви, подсвечники — все было уложено в телеги, обернуто тканями. Ешка накануне приготовил сосуд, налил в него воды, в воду на ночь опустил серебряный крест, дабы стала та вода святой. Отыскал среди ратников дьячка, псаломщиков и пономарей. Они пока несли работу наравне со всеми. Шествие к месту закладки храма было внушительным. Впереди, в золоченой ризе, в патриархали камчатой, в поручах бархатных, подпоясан широким поясом с накладками, шел отец Иоахим, сиречь Ешка с серебряным крестом в руке. Борода у него не только расчесана, но и подстрижена. За ним пономарь нес сосуд со святой водой. За ними несли икону святой Троицы, ибо храм закладывался во имя ее. Чуть подалее плескались на ветру хоругви, а в примычку к ним шествовали князья и воеводы во главе с Ноготковым. Со всех сторон будущей крепости стояли с лопатами, топорами и кирками стрельцы, мастера и работные люди. Топкай тоже вывел жителей

илема, к ратникам подойти не решился, а смотрел на торжество со стороны. К месту закладки мужики носилками подносили камни и кирпичи. Ими командовал Данила Сабуров. Он знал, что издревле храмы строятся алтарем на восток, и потому бутовый камень и кирпичи подвез к алтарному месту. Там каменщики уже забутили подклад и закладывали его сверху ровным слоем кирпича.

Когда процессия подошла к будущему алтарю, все строители и стрельцы встали на колени. Пономарь подсунул Ешке незаметно евангелие, и он прочитал для начала ектенью. Затем началась молитва основанию града, которую Ешка сочинял всю предыдущую ночь:

— Рабы божьи! Мученики Христовы! Помолимся ныне господу нашему Иисусу Христу и Пречистой богородице о здравии нам святости для возведения храма во славу Великой Троицы. И да осенит господь своим крестным знаменiem первые камни, заложенные в основу его, да окропит мать божия святою водою благодатные земли вокруг него.

Ешка поднял большой серебряный крест, осенил им трижды все четыре стороны. Пономарь, опять же быстро и незаметно, вложил ему в руку кисть, Ешка макнул ее в сосуд и трижды крест-накрест махнул во все стороны.

Воевода Ноготков первый поднялся с колен, размашисто ткнул перстами в лоб, в плечи и в живот. Вслед за ним шумно встало все воинство, осеняя себя крестно.

Воевода Григорий Бельский подошел к фундаменту, вынул из кармана четыре серебряных рублевика, вдавил по одному в раствор, махнул каменщикам рукой. Те торопливо стали набрасывать на известковую сероватую кашицу каленые кирпичи. Храм был заложен и начал строиться*.

К вечеру пошел дождь, и это все сочли знамением святой богородицы, которая окропляла первые камни города, обещая ему счастливую судьбу.

* Храм был выстроен только в XVIII в.

I

Наказ государыни Данила Сабуров выполнил — обоз со строительными материалами на Кокшагу привез, теперь можно было со спокойной совестью уезжать на свое воеводство в город Нижний. Тем более, что крепость заложили, и стены ее росли. Но Сабурову позарез нужно было ехать не в Новгород Нижний, а в Москву. В свое время в Свияжске он упустил из своих рук мятежника Илейку Кузнецова, на которого в Тайном приказе указ лежал: «Кто того вора и бунтовщика имает, тому выплатят триста рублей». Деньги даже для князя и воеводы немалые. Они были почти в руках Никиты, но кузнец улизнул.

И вот сейчас узнал Сабуров, что Илейка снова объявился на Кокшаге у Ноготкова. Будто бы ему царский указ о прощении есть. А вдруг нет! Мало ли что государыня обещала. Она обещала, а царь не подписал. Или Бориско Годунов помешал. Вот и выходило, что надо ехать в Москву, побывать в Тайном приказе, все выведать, и если старый указ в силе... Но в нынешнее время, когда ногайский мурза по левому берегу Волги шастает, разве можно без спросу воеводство бросить?

И пошел Данила на прощание к воеводе Ноготкову:

— Слышь-ко, Иван Андреич, я покидаю ныне тебя.

— С богом, княже.

— А ты, я чаю, о закладке города государю докладывать будешь?

— Надо бы. Но каждый человек на счету, а мелочь посылать к царю не принято. Подожду малость. Вот стены возведем...

— А ты бы меня попросил. Дюже я по ребятишкам да по бабе соскучился.

— Ты же мне не подначальный.

— Так если я твою грамоту радостную государыне привезу, то меня за самовольство она, я чаю, бранить не будет.

— Если так — поезжай. А грамоту я напишу...

И поехал Сабуров в Москву. За себя на воеводстве оставил голову Григория Шетнева.

В Москве такое присловье есть: «Ленив яко дьяк». А верно, чего бы ему стараться, если на каждого дьяка десятков подьячих, а то и более работают. Поэтому дьяки более всего распоряжаются, приказывают, а чтобы самому спину гнуть — зачем это нужно? А среди ленивых дьяков самые ленивые — в Казенном приказе. Приказ этот ведает царской казной и иными государственными деньгами. Золото, серебро и даже медь, если их в деньги обратить, к рукам пристают zelo липко, и уж если здесь работой себя обременять — совсем дураком надо быть.

Только два дьяка на Москве с этим были несогласны. Один — главный дьяк царской думы Андрей Щелкалов, другой — его племянник Спиридон. Чуть ли не двадцать лет служил в приказах Андрей Щелкалов и всюду работал как мул. Никто не знал, когда он спит, когда ест, когда празднует. Казалось, приди в приказ в полночь, а дьяк Андрей там. Какой тебе совет надобен, приди, спроси — даст. Ума у дьяка — палата. Проницательности более, чем у хоряка, грамотностью всех превосходит. Племянника своего Спиридона приставил к покойному Ивану Ивановичу в дьяки, после смерти царевича перешел Спиридон к Федору Ивановичу, да так до сего времени при государе и служит. А сам Андрей первосоветник при главе думы боярине Мстиславском. Вона куда махнул. Уж на что умен Борис Годунов, но и он Щелкалова за своего наставника чтет и верит ему во всем.

Первая встреча Ирины и Бориса со Щелкаловым произошла вскоре после коронации. Ирина искала деньги для строительства городов.

— Деньги, вестимо, государева казна дает, — начал говорить Щелкалов. — А казной той ведает Ленивый приказ...

— Его и впряме так на Москве зовут, — объяснил Борис Ирине.

— Я бы его еще воровским назвал. Мыслимо ли дело, скоро сто лет минет, как в Казенном приказе Головины хозяева. Один Петька что стоит, а теперь и Володька-плут тут. Первый из царевой казны ворует, второй — из государственной. Иван Васильич, покойничек, и так государеву казну вконец расстроил, а теперь эти двое ее стригут. Уж четырех рук не хватает, третьего Головина — Мишку приспособили. И посему скажу, матушка-царица, денег они вам не дадут.

— Как это не дадут?! — Ирина подняла голову. — Если государь прикажет...

— Петька-казначей пошлет вас в думу, а там его сторонники — Мстиславский и Шуйский. Они на повеление Федора Ивановича одной ноздрей не чихнут. Они только тебя, Борис Федорович, побаиваются, да и то только пока.

— Почему пока?

— А вот почему. Вспомни, кто при коронации государя шапку Мономаха нес?

— Ну, помню. Петр Головин нес.

— Шапка та давно у нас символом власти чтется, и он, сей Петька, как бы ее, эту власть, государю даровал. Дескать, бери, царевич, но если не удержишь, прости, — отниму обратно. Вот он как себя мнит! Теперь вся власть в думе у Мстиславского, а он тебя, Борис Федорович, ненавидит. И ждут они с Петькой, чтоб по тебе ударить. И ударят, если ты шею подставлять будешь.

— Смело говоришь, Щелкалов!

— А мне терять нечего! Я ваш наставник, и коль вас Петька угробит, то и мне сего не миновать.

— Уж коль наставник, то наставь, как быть нам?

— Надо упреждающие удары делать! И хитрые удары. Пусть государь прикажет: думе проверку казны сделать. Ты с этим указом приходи в думу и потребуй девять проверщиков. И все пусть будут они сторонники Головиных.

— Такое бывало не раз, — сказал Годунов хмуро. — Что толку?

— Нам важно, чтоб дума постановление вынесла. А как только сие случится, то государь пусть предложит добавить в ревизию Спирьку, а ты предложи меня. Им назад ходу не будет, и тогда... Уж как я раскручу Головиных, как раскручу!

Так оно и случилось. Дьяк Щелкалов раскрутил дела Казенного приказа, ревизия выявила, что Петр Головин похитил шестьдесят тысяч государственных денег, а Владимир Головин залезал в цареву казну.

Боярский суд приговорил главного казначея к смертной казни, а Владимира Головина изгнали со службы, лишили чинов и имущества и сослали в ссылку на Белозеро. Мишка Головин оказался проворнее брата и убежал в Польшу.

Партия Мстиславских и Шуйских пошатнулась, накренилась. Вот тогда и назвал Мстиславский Щелкаловых окаянными дьяками. И было за что. Щелкалов уговорил больного Романова отдать свои полномочия Годунову, и тот стал фактически во главе партии Романовых. Шуйский, испугавшись этой силы, отошел от Мстиславского. Главному опекуну царя пришлось спасать свою голову. Он ушел из думы, передав свой пост сыну.

Молодой Мстиславский оказался хитрее отца. Он свято чтит государя, слушался государыню, подружился с Годуновым. Все свои силы он решил бросить на Щелкаловых. Да придумал так умно, что вместе с окаянными дьяками можно было свалить не только Романовых, Годуновых, но и Ирины. А без них Федор Иванович не стоял бы и гроша.

II

Данила Сабуров приехал домой, помылся в бане, поужинал в семье, а утром прямехонько направился в Тайный приказ. Сунул первому подьячему гривенник в лапу, тот поворошил бумаги и сказал, что указ о поимке вора и бунтовщика не отменен и деньги за его голову целы.

Тогда Сабуров стал проситься на прием к царице, дабы передать ей грамоту с Кокшаги. Данила рассчитал тонко: грамоту могли принять просто так и в Разрядном приказе, но разве могла любопытная Ирина пропустить рассказ о крепости из уст князя и воеводы? Принимали его по-простому во дворце Бориса Годунова. Царь все еще болел, и его перенесли из тесных и душных кремлевских палат к шурина в светлые, солнечные комнаты с видом на Москву-реку. Когда Сабуров вошел, он увидел чисто семейную картину. Царь сидел в низком кресле, спиной к окну. Одет просто — льняная толстая, длинная до пят рубаха, на острые колени наброшена большая шаль. Ирина сидит за пальцами, вышивает образ Спаса Нерукотворного. Годунов в удалении справа сидит у стола, читает свитки. Дьяк Спиридон что-то пишет.

Данила шагнул к государеву креслу, хотел упасть на колени, но царь поднял руку, замахал ею.

— Садись, князь, будь как дома. Я поправляться стал — порадуй меня. Говорят, у ты грамота от Ноготкова воеводы?

Сабуров выхватил из рукава свиток, протянул царю.

— Дай, князь, грамоту сюда, — Ирина протянула руку через пальцы. — Чай, это мой город строится, мне и читать.

Царица читала медленно, в комнате наступила тишина. Царь нарушил ее.

— Иностранцы все еще бунтуют?

— Усмирились пока, государь. Землю для города продали добровольно, за малую цену, строить крепость многие пришли.

— Вот как! А я думал, они лютые.

— Всякие, государь. Бывают и лютые.

— Что про ногойского мурзу слышно? — спросил Годунов.

— Хотел было полк Гагина-Великого в ночи перерезать, да черемисская девка одна упредила. Князь более тысячи всадников из пищалей порешил.

— Вот как! С чего бы это черемиса нам радеть стала?

— А с того, мой братец, — Ирина прервала чтение, — что посылали мы туда людей божьих с добротой и ласкою. Они, чай, не звери — понимают. Спасибо, князь, что напомнил мне об этом. Обещала я благочинному Иоахиму написать указ, дабы всех русских беглых людей, которые в тех местах государю служить захотят, простить. И надо же, запаматовала.

— Нехорошо, Иринушка, — Федор покачал головой. — Ты теперь царица, а царско слово — это кремь. Я помню, ты мне про этот указ говорила. Спиридон, пиши немедленно...

Дьяк глянул на Годунова, тот развел руками. Спиридон отложил свиток, взял лист чистой бумаги, начал писать указ. Время на это ушло немного, и дьяк поднес Федору свиток, столик с чернильницей и пером. Царь взял перо, обмакнул в чернила. Совсем хотел было подписать указ, но Годунов сказал:

— Повремени, государь. Надо бы узнать, много ли там беглых людей?

Царь задержал руку с пером на весу.

— Да более чем надо, Борис Федорович, — ответил Сабуров.

— Поясни?

— У меня из вотчины полторы сотни мужиков убежа-

ло, — соврал Данила. — А ежели указ будет, то я совсем нищ окажусь.

— Не прибедайся, княже, — сурово заметила Ирина. — У тебя, я знаю, вотчины о семи местах, и мужиков в них хватает. А коли и утекут малость — царским городам польза. Подписывай, Федя.

Царь снова ткнул пером в чернила и поднял руку.

— Прости меня, матушка-царица. Я не к тому сказал, что мне для дела государева мужиков жалко, а к тому, что беглые людишки ко крепостям не бегут. На тех приволжских берегах их видимо-невидимо, а к Ноготкову ни один не пришел. Черемисы идут, а русские шатущие люди — нет.

— Если так, то, может, и повременим с указом? — царь обратился к Ирине.

— Они, государь мой, потому и не идут, что боятся. Указа о прощении ведь нет. Давай, подписывай с богом.

Федор снова ткнул пером в чернильницу, развернул свиток.

— Ты, сестра, государя не торопи, — сказал Годунов. — Указ сей бояр, помещиков, князей озлобит. Мыслимо ли дело беглым потакать?

Царь убрал руку, свиток снова свернулся.

— Скажи мне, Федя, кто державой правит, мы с тобой али Борис Федорович? Ты же сам сказал — царско слово кремень.

— Я же добра державе хочу, Иринушка. Пусть государь подписывает сей указ, но пошлем его только Ноготкову. Всю Русь в бега отпускать можно ли? А ты, государь, позволь мне еще Сабурова спросить, что беглые люди в тех лесах делают? В ватаги собираются, разбойничают?

— Благо бы если так, Борис Федорович. Прибился туда разбойный атаман Илейка Кузнецов, собрал ватагу в тысячу, а может, более человек и увел всех служить мурзе Аталыку. Там и так наши вои от татар да черемис нужду терпят, теперь свои против государя воровать начнут. Лихо ведь.

— Я, Иринушка, вспомнил! — царь затряс головой. — Минувлый раз ты просила за того Илейку. А он, вор, к мурзе! Подписывать не буду!

— Государь мой! — Ирина подошла к Федору, положила руки на его плечи. — Князь Сабуров, я знаю, правдивый человек, но он про того Илейку только слышал, а слухи могут быть напрасными. Отец Иоахим того кузнеца лучше знает, он жил с ним. Ему надо верить, он за русских людей в тех лесах ответчик. Подпиши указ.

— Боязно, Иринушка, — царь захныкал, как маленький.

— Стало быть, мое царицino слово на ветер?

— Сестра! — Годунов подошел к Ирине. — При чужих людях... Завтра утром наедине договоритесь.

— Верно, Иринушка, завтра утром, — Федор бросил перо на столик, Спиридон спешно унес его в угол. Сабуров поклонился, вышел.

* * *

Уходя из дома Годунова, князь Данила снова заскочил в Тайный приказ. Нашел того же подьячего, спросил шепотком:

— Указик тот далеко убрал?

— Вот он, тут, — также шепотком ответил подьячий и, протянув руку, добавил: — длань что-то зачесалась.

— Списочек с нее сделай, — Сабуров положил в ладонь писаря целковый. — Только спешно. Уезжаю я.

Спрятав копию указа в карман, князь выскочил на площадь.

А утром в доме Годунова случилось такое, что про указ никто и не вспомнил. Чтобы уяснить суть этого семейного скандала, мы должны отступить на несколько лет назад.

...В пору гибели царевича Ивана его личный дьяк и советник красавец Спиридон остался не у дел. Ирина посоветовала Федору взять Спиридона к себе. Ревновать в то время Федор не умел и совета послушался, а вскорости полюбил дьяка как родного. И то надо сказать — дьяк оказался истинной находкой. Он привел в порядок все бумаги царевича, помогал ему и Ирине не только в делах, но и по домашности. Он не ждал повелений, а сам искал себе дело, предугадывал желания Федора, давал мудрые советы. После коронации остался при царе, Федор и не думал его менять. Семейные дела царя укреплялись, Ирина вскоре после забеременела и родила дочь. Ребенок, правда, пожил недолго и умер, но царица понесла снова. Федор, да и Годунов, с радостной надеждой ждали мальчика, но роды прошли неудачно, царица выкинула. Так случалось несколько раз, и расстроенный царь снова заболел сильно. Лекаря тайно сказали Годунову — Федор не жилец.

Положение Бориса становилось опасным. Наследника у царя нет, сам вот-вот преставится. Бояре и князья, конечно же, его и сестру из Кремля уберут. Надо что-то предпринимать.

И Годунов придумал тайное посольство в Вену.

Двое доверенных послов подвели Годунова. Они в Вене

взяли к королю переводчика Посольского приказа Якова Заборовского, который давно шпионил в пользу Польши. Суть тайного посольства состояла в том, чтобы договориться с австрийским двором о браке принца и Ирины в случае смерти царя. Брак этот поможет возвести австрияка на русский престол и тем самым сохранить место Годуновых у трона. Такой договор состоялся, но Заборовский немедленно же передал о нем польскому королю. А Стефан Баторий сразу же поставил об этом в известность главу пропольской партии Андрея Шуйского.

В то злополучное утро Ирина снова заговорила об указе. Царь совсем было поправился, оделся в средний наряд, чтобы вместе с Годуновым читать деловые бумаги. Не успел он устроиться в кресле у стола, как вошел слуга и доложил, что на неотложный прием просится Андрей Шуйский. Царь настроился на деловой лад. Вошел боярин Андрей, брови нахмурены, сутул, глаза злые. Поклонился, коснулся рукой пола и без здравствования сказал:

— Принес я тебе, великий государь, весть о тяжелой измене, но пока тут Борис Федорович, говорить о ней не буду.

— Мне скажи. Государь еще не оправился, — Ирина встала, намереваясь вывести Шуйского, чтобы поговорить с ним, не беспокоя Федора.

— И тебе не скажу, государыня. Выйди и ты.

— Да что это такое делается?! — воскликнула Ирина. — Государь только с одра смертного встал, а его снова туда уложить хотят. Если весть о измене — неси ее в Тайный приказ!

— Выйдем, сестра, — спокойно сказал Годунов. — Сколь таких вестей сюда таскали Шуйские да Мстиславские — не перечесть. И все выеденного яйца не стоят. Опять, наверное, лжа какая-нибудь. Государь тоже привык. Пусть. — Годунов, крупно шагая, пошел к выходу, Ирина поглядела на царя. Он лениво махнул рукой, дескать, выйди, я все одно Шуйским давно не верю.

Годунов сказал правду, Шуйские и Мстиславские множество раз пытались вредить Годунову и Ирине, а более всего Щелкаловым. Сначала пустили по Москве слух, что Борис Годунов уморил дочь царя. Дескать, пытался заменить ее при рождении сыном одного стрельца и при этом простудил, а подучил его тому дьяк Щелкалов. Потом у царя появилась некая жонка, которая якобы видела, как Ирина блудодествовала с младшим Щелкаловым, и оттого у нее пошли дети, а раньше, мол, не было. Царь жонке не поверил.

Были доносы о подготовке отравления государя, о заговорах против него Щелкаловых, но царь верил во всем жене и шурина.

— Ну, говори, князь Андрей, — сказал царь, когда они остались одни.

— Все знаем мы, государь наш милостивый, как ты любишь жену свою, голубицу Ирину Федоровну. Но ведомо стало нам — отныне она не жена тебе!

— Чево-то ты несешь, князь Андрей? А кто она?

— Сосватана красавица наша за австрийского принца Ганса, и злодеи-изменники токмо смерти твоей ждут.

— Кем... сосватана?

— Шуриным твоим, Борисом.

— Да ты, князь, поди, врешь?!

— Не вру. Вели позвать толмача из Посольского приказу Янку Заборовского. Он за дверьми стоит.

— Веди.

Вошел Заборовский, упал на колени перед царем.

— Говори, кто государыню сватал? — царь дышал отрывисто, говорил зло.

— Двое было, государь, от Бориса Федоровича. Имен мне не сказали, но я толмачил их разговор в Вене. Видит бог, не вру, тому король свидетель.

— Как было дело?

— Сказывали послы слова Годунова: «Государь-де на ладан дышит, а царица-де — молодая, великолепная. И ежели принц стать мужем ее захочет — будет он на московском троне».

— Король согласился?!

— Он сказал: «Государь-де пока жив, но если умрет — шлите сватов».

— Ирина о сем знает? — царь встал, оперся на посох, подошел к Шуйскому.

— Не ведаю. Однако, без ее согласия как же было можно...

— Ну, князь Андрей, и ты, толмач, если солгали — обоих на плаху.

— Верь, государь. Об этом не токмо нам, королю польскому Сизигмунду ведомо. Вся Европа об этом знает. Да и Москва. Только ты один в неведении.

После того, как князь и толмач вышли, царь оперся обеими руками на посох, склонил голову на кулаки, долго стоял в молчании. Потом крикнул:

— Бориско! Где ты?

Годунов вошел в палату без страха, он и впрямь не знал, что его доверенные брали с собой толмача, и встреча

с ним в переходе не взволновала его. За Годуновым вошла Ирина, и вслед за ней появился Спиридон. Он поравнялся с царицей, что-то зашептал ей на ухо. И тут царь вдруг поверил, что жена его давно путается с этим дьяком, и ревность, может быть впервые в жизни, больно хлестнула по сердцу.

— Спирька, вор! — взвизгнул царь. — Пошел вон!

Щелкалов резко повернулся на каблуках, выскочил за дверь. Ирина глянула в глаза мужа, ужаснулась. Они были округлены, и в них плескалась злость, какую не раз она видела у царя Ивана. Федор поднял посох над головой и, потрясая им, заплакал:

— Блудня! Блудня! И ты иди вон. Я-то тебе верил, любил больше, чем себя, а ты...

— Опомнись, государь! — Годунов подошел к Федору, хотел его подвести к креслу, но царь крикнул:

— Изыди, сводник! Не тронь меня, поганый!

— Да неужто ты меня к Спиридону приложить мог, Феденька? — Ирина тоже заплакала. — Уж сколько раз клевета сия меж нами, не задев, проходила. Разве я...

— Невестушка принцева. При живом-то муже, а? Вы бы сперва схоронили меня, а потом бы уж и сватов слали.

— Кому ты поверил, государь! — Годунов силой усадил Федора. — Какие сваты, какие сводни?

— Жену мою за принца Ганса составил ты, Вельзевул черный!

— Андрюшка — лжец, еще и не то мог сказать.

— А толмач это сватовство толмачил. Вот на этом самом месте клялся в том он...

— Погоди, государь! — Борис выскочил за дверь, велел догнать Шуйского и толмача и вернуть немедленно. Возвратившись, задыхаясь, он проговорил: — Вот... сейчас... мы их... спросим, вот спросим.

Вскороги два стрельца ввели под руки Заборовского.

— А князь?

— Ушел, не дался князь. Мы и не посмели...

— Ладно, идите. А ты, Янко, скажи, когда я тебя сватать посылал и кого?

— Ты не посылал, да я и не сватал.

— Что же ты, аспид, только что тут врал?! — царь вскочил с кресла, подбежал к перепуганному Заборовскому. — Или я ослышался?!

— Сватали другие... Я только толмачил.

— Кто другие? — Годунов задал вопрос нерешительно, с хрипотцой.

— Имен они мне не сказали.

— Ну и ну! — голос Бориса окреп. — Как же ты, толмач государева приказа, с какими-то проходимцами поехал в Вену?

— Да не поехал я, Борис Федорович. Я уж в Вене был, уж домой собирался уезжать, вдруг посылают из дворца: «Королева-де послов не понимает, надо перетолмачить». Я пришел, они с королем уже говорили по-немецки сносно. Клянусь честью, послов я этих в Москве видывал, но именно не знал. А они, ссылаясь на тебя, Борис Федорович, матушку-государыню за принца Ганса сватали.

— Видишь, государь, до чего недруги мои дошли. За моей спиной каких-то пройдох послали, чтобы единым махом убраться меня, жену твою, да и тебя. Но, видит бог, я весь Посольский приказ подниму, сам в Вену съезжу, но узнаю, кто и кем туда был послан. А ты, государь, успокойся.

Ирина подошла к царю, обняла его, а он, как капризный ребенок, воскликнул:

— А что он тебе на ухо шепчет, словно девке какой! Убери его, Борис!

— Федя, родной мой! Ты же сам просил его медведя для забавы поймать. Вот он мне и шепнул, что зверина готова.

— Отчего тайно, на ушко?

— Чтобы Борис не слышал. Знаешь, он такие забавы зело не любит.

А Годунов сурово добавил:

— Спирьку убери сегодня же. Обнаглел совсем. Да и дядю его пора долой.

Конечно же, никто в это утро, как и в последующие дни, об указе для Ноготкова не вспомнил.

ПОТОЮКИ КОКШИ-ПАТЫРА

I

Пока шло лето, пока было тепло, ногайцы жили спокойно, привычно. Черт-те чем питались, коней своих кормили травой, ветками, даже мхом, спали, где застанет ночь, и мурза Аталык об этом мало заботился. Но когда начались дожди, холода, когда кони всю траву вокруг Ярандаевых земель выглодали, начался ропот. Пришел сотник Аббас к Аталыку:

— Ты знаешь, премудрый мурза, наши люди всю жизнь войной живут, а мы больше года на подножном корму топчемся. Воины твои сюда за добычей пришли, а им скоро покрышки от седел жевать придется. Уйдут они от нас. У Демерджи тоже ватажники бунтуют. Мы не посылаем их никуда, грабить не отпускаем, они уж желуди начали жрать. Уж разбегаются понемногу, и атаману их не удержать.

— Я бы давно войну начал, но я знака от хана жду. Мы в один раз начать должны. Он из Крыма, я из лесов. Да и черемисы еще не собраны.

— Тамга властителей Гиреев, да сохранит ее аллах

вечно, переходит от одного хана к другому иногда трижды в год. Мы сидим, знака ждем, а хана того, может быть, уже нету. На троне другой сидит...

— Один я этот край не удержу; Аббас! Русских я смогу выгнать, но если царь пошлет сорок тысяч, меня тут раздавят.

— Верно, могучий. Но зачем большую войну начинать? Вот стало тебе известно — русские заложили крепость. Им ведь надо помешать стены возводить. Давай малый байрам им устроим, крепость за одну ночь захватим, удерживать ее не будем. Все там спалим, разломаем, обозы пограбим, может, пушки отнимем и на рассвете — айда!

— Ты уж один раз так «айда!» кричал? Еще три раза нам с тобой крикнуть осталось. Войска у нас мало, храбрый мой Аббас.

— Дай мне русскую ватагу, дай четыре сотни джигитов, и я разрушу недостроенные стены, привезу русский обоз и пушки.

— Говори, что надумал?

— Я ватажников вперед пушу. Через реку, прямо на стены.

— Лед молодой еще, не выдержит. Утопят их русские всех до одного.

— Не жалко, пусть топят. Они долго в воде барахтаться будут, пока их со стен русские добьют. Я две сотни в обход слева пошлю, две сотни справа сам поведу. Русские, я знаю, в темноте воевать не умеют, они пока глаза протирать будут, я уж свое дело сделаю.

— Ладно. Бери Демерджи, бери четыре сотни. Но если снова на засаду нарвешься — живым не возвращайся.

— Засады не будет. Никто кроме нас двоих об этом не знает.

— Ватажникам можно и не говорить, но Ярандаю сказать придется.

— Зачем?

— Твоя задумка большой изъязн имеет. Демерджи не дурак. Он знает, что лед еще слабый. Он на лед не пойдет, да еще ночью. Он назад убежит, в лесу рассеется. Но если мы Ярандая сзади пошлем, да с ним сот пять охотников со стрелой, тут Демерджи поймет — надо лезть в воду.

— Ярандаю верить можно?

— Он не меньше тебя русских пограбить хочет. Жаден, как волк. Когда думаешь начинать?

— В следующую субботу — на воскресенье. Русские в этот день в бане моются, чарку пьют, спят крепко.

— В субботу, так в субботу.

Ярандай раньше сладким речам мурзы верил, своей мечте тоже верил. Думал, приведет мурза четыре тысячи, поднимутся все черемисы, хан со стороны Волги ударит — не устоять царю. Тогда не только земли Оно Морко, но все междуречье его будет, мурзой станет Ярандай, Аталык — ханом Казани, а то и Крыма, будет. Ах, какие были мечты. Сладкие мечты.

Теперь лоб у Ярандая поостыл. Одну тысячу Аталык погубил, и, казалось, жалеет об этой потере больше Ярандай, чем мурза. Сейчас у Аталыка тут пятьсот ропчущих конников всего, тысячи, которые на Каме и на Волге, он не зовет, от хана вестей давно нет. А русские на Чыкме город строят, на Топкаевом месте город строят, в Казани полки держат, в Нижнем городе рати стоят, во Свияжске войск полно. Так, пожалуй, просчитаться можно. Мурза, как весенний снег, вскочит в седло — и нет ногайцев. Вот тогда Топкай на него аркан наденет и к русскому князю приведет. А у того разговор короткий.

День думает Ярандай, ночь думает, а наутро приходит к нему Аббас и говорит:

— Три сотни охотников поднять сможешь?

— Зачем?

— Русскую ватагу надо испытать. Чтобы в бою не подвели.

— Как?

— Пошлю ее на стены крепости через реку. Ты с охотниками сзади толкать их будешь. Если побегут — стрелу в спину.

— Ну а если не побегут? Если на стены пойдут? Что мне делать?

— Мало-мало русских пограбите и домой с добычей вернетесь.

— Но у русских пушки, пищали. Они перестреляют нас, как в прошлый раз.

— В прошлый раз вас никто не стрелял. А ты так совсем в куду спал. Пора, друг мой Ярандай, языком воевать кончать. Ватажники на словах грабить рвутся, твои черемисы только кричать пока умеют, ты тоже ждешь, когда тебе Аббас пленных приведет, зерна притащит. Вот теперь мурза хочет узнать, как русские бродяги воевать умеют, как Ярандай за свою землю заступится. А про пушки ты не думай. Русские в темноте воевать не умеют. Пока они пушки свои наведут, ты должен, пограбив обоз, успеть убежать.

- Да, — согласился Ярандай. — Когда-то начинать надо.
- День тебе мурза укажет. Людей готовь.
- А ты с нами пойдешь, храбрый?
- Нет. Мы с мурзой от хана вестей ждем.

III

Илейка понял, теперь они никакие не ватажники, теперь они пленники. Своих пятьсот конников мурза привел к болоту, расставил сотни вокруг, коней, что вначале дали, отнял, людей из лагеря выпускает по 3—4 человека, чтобы желудей набрать. Люди от голода пухнуть начали, и стали ватажники наседали на атамана. Дениска, даже Андрейка — и тот с ним заодно, предлагают подняться всем в один миг, вырваться в лес, а там за дубины, за топоры. Лучше от сабли ногойской загинуть, чем от голода подыхать. Стал атаман искать выход и, наверно, послушался бы Дениса и Андрея, но в одну из ночей появился у него в землянке Ярандай. Он стряхнул с кафтана грязные листья, отдышался, сказал:

— Хорошо тебя мурза оберегает. Чуть прополз. На брюхе.

— Тебе-то, чай, никуда дороги не заказаны. Зачем пришел?

— В гости, атаман, в гости. Если ты сам не приходишь...

— Вынюхивать, поди, послан, а?

— Нет. Чего у тебя нюхать? Оценки сушеные и то, я знаю, все поели. Я кое о чем спросить тебя пришел. Можно?

— Спрашивай?

— Кобыла у тебя жива?

— Какая кобыла?

— На которой Айвика к князю скакала.

— Она к отцу ездила, а не к князю.

— Неправда. Я туда своих людей посылал, они все узнали. Она сперва на старый илем русских привела, а потом уж в Топкай-энгер поехала. И посылал ее к князю ты! Только ради чего, не понимаю. Ведь князь тебе враг!

— Значит, ты мурзе об этом донес, а он запер нас тут подыхать.

— Мурза про это не знает, я один знаю.

— Зачем ты все это говоришь мне?

Ярандай приблизился к атаману, проговорил шепотом:

— Мурза новый город воевать хочет. Наверно, в субботу.

— Давно пора, — Илья сказал это, а сам подумал: «Какую-то хитрую загадку заплетает Ярандай, не опростоволоситься бы». — Нас с собой брать думает?

— Вчера у меня Аббас был. Велел триста охотников собрать. Сказал: «Ватагу Демерджи испытать надо. Пусть они на стены полезут, посмотрим, какие они вояки». — «А если не полезут?» — спросил я. — «Ты за ними пойдешь. Стрелами их постреляешь».

— А сам мурза пойдет?

— Сказал, дома остается.

— Врет, я думаю.

— Хитрит. Если я вас не постреляю, он меня саблями. Вот я к тебе и приполз тайно — надо мурзу перехитрить!

— Дай подумать.

— Некогда думать! Я у тебя ночевать не буду. Я мурзе сказал, охотников собирать пошел. Не приведи аллах, если он узнает, что я здесь.

Илья не поверил Ярандаю. Мурза через него ватагу испытывает и атамана.

— Послушай, Ярандай. Зачем нам с мурзой хитрить? Его джигиты, твои охотники и мои ватажники для того тут и собрались, чтобы с русскими воевать. И он прав, что хочет нас проверить. Давай сходим на город, покажем мурзе свою силу, да и вся недолга.

— Какой я дурак был, что тебя и твою ватагу чуть не год берег, хранил. И ты тоже дурак. Два дурака в одном месте, это шибко много. Где мы с тобой силу покажем? Лед на реке тонок, перед стеной города — голое место. А у князя пушки, пичалы, стрелы. Он нас в реку загонит, утопит всех до одного. На наших костях мурза победу себе добудет!

— Как?

— Пока князь нас в реке топить будет, мурза своих конников в обход пошлет, а потом князю в спину ударит.

— Ты меня дураком назвал. Тогда сам скажи, что нам делать, если умный? Чай, не зря пришел?

— Русских надо предупредить еще раз!

— Тебе-то какая корысть их спасать?

— Совсем, Илейка, у тебя ума нету! Я не русских спасаю; себя спасаю. Если князь про обход узнает, он плюнет на нас, трогать не будет, все пушки назад повернет. А я те места знаю, выведу всех на старые русла реки, скажу потом мурзе, что заблудился. И все до одного целы будем.

— Если тебе это нужно, то и упреждай.

— Почему ты мне не веришь? — крикнул Ярандай по-

трясая кулаками над головой. — Я к тебе, башкой рискуя, пришел, сердце свое открыл...

— Врешь, Ярандай! Ты же знаешь, что я тут как мышь в мышеловке, и никак никого упредить не могу. И послать у меня некого...

— Дочку пошли.

— У нас дитя на руках хворое.

— Я знаю, это не ее малайка. Бросай в болото и все. Моих охотников хотят погубить, твоих ватажников хотят утопить — тебе их не жалко? Какую-то сопливаю малайку жалко, все равно ее смерть ждет!

— Почему?

— Мурза хитер. Чтобы ты ему не изменил, он Настю твою в залог оставит и этим тебе руки и ноги свяжет. А если ты ее к городу пошлешь...

— Ее на первой же версте пристрелят.

— Любого парня пошли!

— А дорогу он знает?! Да и если было бы можно, не послал бы.

— Почему?

— Потому что, если князь мурзу размечет, — нам тут не жить. Меня он первого на осину вздернет. Ты погубить меня перед мурзой пришел, это даже козе понятно. Если и впрямь мурза нас на город хочет послать, — передай ему, мы готовы воевать. Нам сидение взаперти до тошноты надоело.

— Ну, Илейка, дубовая башка, когда в реке тонуть будешь, Ярандай вспомнишь!

— Выплывем, даст бог!

— Смотри, если про наш разговор мурзе скажешь...

— Ты у меня не был.

— Зачем кричишь? Тихо говори. Совсем тихо!

После ухода Ярандай атаман до ломоты в голове думал об истинной цели прихода этого хитрого и лукавого черемисина. И о Настинной судьбе. Почему он раньше не думал о дочери? Конечно же, мурза не отпустит ее с ним. Да если бы и отпустил, куда она с ребенком на руках? Потом решил позвать друзей: ум хорошо, а два — лучше. Пришли по зову Ермил, Андрейка, Дениска и Настя. Илья пересказал им весь разговор с Ярандаем от слова до слова. Мужики начали чесать в затылках. Первым заговорил Ермил:

— Если, атаман, тебя испытывать приходили, то мурза непременно мешок, в который нас посадил, приоткроет. Будут сюда шастать ногаи, за кобылой твоей следить и за Настей. Ты правду Ярандаю сказал: кроме ее да тебя

туда дорогу никто не знает. В лесу в трех соснах заблудиться можно, а до Кокшаги верст сто, поди, будет?

— Поболее.

— Это с одной стороны. А с другой, видно, и впрямь мурза нас под стены бросить хочет. Потому как самая пора пришла. Уж больно хитро придумано: нас под пушечки посадить, чтоб к русским не переметнулись, а сам будет князя со спины да боков щупать. Шибко похоже, что Ярандай не врет.

— Кинет нас мурза под стены али не кинет, — сказал Ермил, — но наших упредить все одно надо. Ой, как надо. И для них была бы польза, и для нас.

— Стало быть, кобылу трогать нельзя? — спросил Дениска.

— Ни в коем разе.

— А если Параню?!

— Про лосиху-то мы и забыли!

Все враз подумали о чудесной находке Дениски. Лосиха своей тушей да огромной головой напугает любой ночной дозор. Ее пропустят непременно, о ней ногойцы не знают и не будут следить, есть она в ватаге или нет.

— А я, — продолжал Дениска, — привяжусь к ней под пузо, кто меня в теми-то заметит, а?!

— Так путя тебе, Дениско, не ведомы, — сказал Ермил с сожалением.

— Мать твою за ногу! А голова у меня только для шапки, да! Пусть атаман сутки без продыху мне про ту дорогу долбит — неуж не запомню?

И все решили: Параню можно испытать.

Висеть под животом у лосихи неудобно. Параня то и дело останавливается, недоуменно загибает свою длинную шею, просовывает голову меж передних ног, шумно нюхает Денискину голову, как бы спрашивая: «Чего это ты, мой добрый хозяин, придуриваешься?» Дениска шептал: «Пошла, Параня, пошла. На волю, на волю». Неловко было и лосихе, она раза два попыталась лягнуть Дениску задним копытом. Но он присосался к подпругам, как клещ, и не отрывался. Дело спас лосенок. Он, почувствовав свободу, взбрыкнул задними ногами, тряхнул большой головой и побежал к перешейку. Лосиха, переваливаясь с боку на бок, пошла за ним.

Мурза, чтобы не обижать ватажников, охрану велел ставить поодаль от перешейка, и четверо воинов сидели по обеим сторонам дороги в ста саженьях от мостика. Пока два сторожа бодрствовали, два других спали. Опасности большой не было, вокруг всего болота таких постов было

натыкано множество. Параня, перейдя через мосток (он теперь не поднимался), сразу набросилась на ветки. Дениска в последнее время кормил ее скудно, и она хватала ветки жадно. Но лосенок, после стойловой тесноты почуяв простор, побежал дальше. Лосиха двинулась за ним снова. Поторопившись, она не заметила дозорных, сбила их передними ногами и, когда ногаец пронзительно и испуганно взвизгнул как поросенок, бросилась бежать. Дениску било лодыжками передних ног в голову, но он держался. Ошарашенные дозорные приняли темную громадину за шайтана и долго не могли прийти в себя.

Прокачавшись под животом у лосихи версты две или три, Дениска решил оторваться, оглядеться и отдохнуть. Он скатился на жухлую, покрытую инеем траву, вскочил на ноги и сунул руку в карман, чтобы дать Паране кусок хлеба. Но не успел. Вдруг вдали призывно и тревожно закричал лосенок, и крик его словно хлестнул лосиху. Мотнув головой, она крупными скачками помчалась на зов. Дениска побежал за ней и увидел далеко, верстах в двух по просеке, мерцающий в ночи костерок. Там что-то происходило. Ревела лосиха, раздавалось несколько человеческих вскриков, потом все стихло. Дениска бросился туда.

...А случилось все просто. Лосенок за всю свою короткую жизнь видел от людей только добро и ласку. И тут, наткнувшись на костер, он спокойно пошел к людям. И получил меткую стрелу в глаз. Он рухнул около костра, еле успев передать матери тревожный зов. Двое дозорных, радуясь неожиданному мясу, тут же начали свежевать лосенка. Одного, склоненного над тушей, лосиха сокрушила в первом прыжке — она ударила его тяжелыми передними копытами, пробила голову, переломила хребет. Второй ногаец успел полоснуть ее саблей по горлу. Раненная и озверевшая, она измесила копытами обоих убийц ее детеныша, и сама упала рядом с лосенком. Мерцал в стороне костерок, Дениска подошел к Паране, поднял ее голову, поцеловал в толстые, шершавые губы. Молча отвязал лошадь, вскочил в седло. Другого коня хотел было взять в запас, но передумал. Пусть ногайцы подумают, что человека здесь не было, а один конь просто убежал, испугавшись зверя.

IV

Крепость строилась трудно.

Осень выдалась дождливой и холодной. Людей сначала вроде бы хватало, но потом пошли хвори. И русские, и

черемисы жили в землянках, а там сырость, духота, вши завелись. Вымокнет работник за день до нитки, придет в стан, начинает одежду у костров сушить, сам донага разденется, охватит его сырого ветерком — глядишь, через сутки-двое мечется парень в жару. Еды тоже не хватает. Мужику, который весь день бревна да камни ворочает, ему мясную обильную еду надо. А где ее взять? И идут рабочие люди в лес, подкармливаются рябиной, орехами и прочей лесной сыростью. А оттого начинаются поносы, другие брюшные болезни. Вот и пришлось Айвике с отцом снадобья готовить, отвары делать, корни и травы лечебные собирать.

Топкай жил, работал и радовался. Если бы не город, голодать бы его людям до лета. А теперь, глядишь, переживают люди, да и если юмо поможет, денег заработают. Ногайцы и татары теперь не так страшны.

Известно издревле: если снег упал на мокрую землю, это не снег. Он приносит только грязь и слякоть. Настоящий снег, который ложится на всю зиму, это тот, который выпадает на ледок. Так было и ныне — второй снег упал, когда встали реки.

Все жители лужая, работавшие на повале леса, а их было около пятисот человек, разбились на два стана. В одном главным — Кори, в другом — Актуган. Каждому отряду Ноготков выделил по двенадцать пищалей, порошу и свинца, ну и, само собой, все мужики притащили в лес свои охотничьи луки и стрелы. Ешка учил огненному бою людей Актугана.

У Айвики дареная пищаль есть. Порошу и свинца — навалом. К ней не только больных черемис волокут, но и стрельцов. А у них у каждого через плечо на ленте берендейка висит, а в ней зарядов по восемь штук. Она их снимает, уходит в свободное время в лес и палит по деревьям прицельно. Это ж не стрела! За сто сажень белке в глаз попасть можно. Звяга Воейков жил в отряде Кори. Ночевать домой ходить большой воевода запретил, оба стана выкопали длинные землянки, укрыли их бревнами в два наката, для тепла, засыпали землей. Кормились в одном месте из двух котлов. День работали в лесу — расходились от стана на юг и на север, а ночью, выставив охрану, прятались в землянки. Как-то Ешка сказал Кори:

— Ночи к зиме пошли длинные, спать их не переспать. Ты, говорят, сказание про Кокшу рассказывал. Может, и ныне людей займешь, а? Им все одно воевать придется, не мешало бы напомнить про то, как в древние времена онары врагов били.

— Так я уж почти все рассказал. Конец только остался.

— Я эти сказы от Кочая слышал. В конце-то самая суть и есть.

В одну из ночей, выставив охрану понадежнее, Кори собрал людей. Распалили небольшой костер, сели вокруг на хвойные ветки, на пеньки, на бревна, Кори вынес гусли, забрался на кадку с водой, удобнее устроился на крышке, повел разговор:

— Кто меня слушал прошлый раз, помнят: я рассказывал, как Янтемир сварил в котле кея Турни и как Яиге и Япак со сворой бесов отправились к кургану. Ночью они пришли тихо на условное место. Овда со своей оравой дьяволят расположилась в кустах на опушке леса, остальных Яиге увел в глубину бора. Япак шел по дороге к илему, он знал, что Кайна ждет Янтемира, не спит, а бродит где-нибудь около дороги. Так оно и оказалось. Кайна вышла на тропинку, по которой ушел ее любимый, надеясь встретить его там же, где они расстались. Увидев девушку, Япак припустился бежать ей навстречу. Задыхаясь, прокричал:

— Кайна! Беда! Враги близко!

— Где... близко?

— Около кургана. Пойдем! — он схватил Кайну за руку и потащил на поляну. Не успели они выбежать из леса на открытое место, как за курганом на опушке поднялся невообразимый гвалт. Бесы выли на разные голоса, свистели, улюлюкали, визжали, с треском ломали сучья. У Кайны от страха подкосились ноги, и если бы Япак не поддержал ее, она упала бы.

— Что будем делать? — спросила Кайна, когда чуть-чуть оправилась от страха.

— Как это «что делать»? Надо сейчас же поднимать онара! Ты же видишь — враги уже здесь. Только ты одна знаешь заветное слово! Я отойду, говори.

— Нет, Япак, я не скажу заветное слово. Я его хранительница, а поднять онара могут только старейшины. Пока они не решат... Побежим в илем скорее.

— Будет поздно, глупая девка! Нас догонят и убьют, а илем сожгут и разграбят. И тебя народ проклянет за трусость и нерешительность.

— Будь патыром, Япак, — Кайна совсем освободилась от страха и приняла решение: — Ты оставайся здесь и задерживай врагов. Я побегу будить старейшин.

— От женской глупости погибло патыров немало. Я не хочу отдавать себя на съедение змею ни за что ни про что. Я лучше убегу в чашобу и скроюсь. Когда враги уйдут, я

уцелевшим людям расскажу, что ты была виной беды народа. Хотя тебя в живых тогда не будет. Ведь жить тебе осталось полчаса. Враги не пощадят тебя, они уж рядом. Ну, говори!

— Прости меня, Япак, я побегу в селенье.

— Тогда прощай. Я побегу вглубь леса!

Япак быстро пересек поляну и побежал к коряге, за которой прятался Яиге.

— Садись в кусты и жди, — шепнул Яиге Япаку и, опираясь на палку, двинулся к тропинке.

— О, великий юмо! — воскликнул он, увидел Кайну. — Ты снова мне спасенье послал. Я вижу ту, которую искал, — Яиге покачнулся и упал поперек дорожки.

— Скажи мне, где ты был? — девушка склонилась над Яиге. — Я за тобой пришла в тот раз...

— Они меня уволокли в болото снова, — со стоном ответил Яиге. И если бы не Янтемир...

— Янтемир?! Ты видел Янтемира? Где он, что с ним?

— В тот злополучный день, лишь только ты ушла, меня схватили и в царство кереметей унесли. Там снова били, жгли мне тело, узнать хотели, успел ли я сказать народу о замыслах злодеев.

— Напомнил ты... Прости, я снова должна тебя покинуть.

— Куда ты?

— Враги пришли на нашу землю! Предупредить хочу!

— Не торопись. Враги пока ушли, они в разведке были. Не оставляй меня. Дай отдохнуть и проводи в илем.

— Рассказывай дальше.

— Меня пытали долго, но я молчал. Тогда меня поволокли к Турни, к великому, но злобному царю...

— Опять Турни!

— В пути нам встретился какой-то патыр. Он разметал врагов, но был в той схватке ранен. Я скрыл его в охотничьей избушке, а сам пошел сюда. Патыра звали...

— Янтемиром?!

— Да. Он меня сюда послал.

— Он сильно ранен?

— Не очень. Но много крови потерял, пока его я нес. А это передать тебе велел, — и Яиге вытащил из кармана платок.

— Он черный весь! Беда и впрямь пришла!

— Янтемир велел немедленно поднимать онара. Все полчища врагов поутру будут здесь. А то и раньше. Пока я шел, все слышал за собою топот. Они идут в бесчислен-

ном строю. Ты слышишь шум? Они идут. Скорее поднимай онара!

— Без воли стариков я не могу... Прости, пойду в илем.

— Промедлишь — будет худо! Подумай о любимом. Его найдут враги...

— Нет, не могу. Сейчас бегу в илем.

— Кайна, погоди! Враги пришли! Вот они, в лесу!

Яиге поднялся и дал знак Япаку. В лесу снова все загурдело, зашумело, на опушку стайками выскакивали бесенята и убегали в лес.

— Ну, что ты медлишь, Кайна?! Буди онара!

— Что делать мне? — Кайна заметалась на тропинке. — Я не могу решиться, я побегу! — И она побежала бы, но навстречу ей выскочил Япак и заорал:

— Я говорил тебе, народ погубишь. В илем враги ворвались! Старейшин нет в живых. Буди онара, иначе задущу!

И тогда Кайна решила:

— Ну, будь что будет! Отойдите!

Япак и Яиге спешно отскочили от нее. Кайна сделала несколько шагов к кургану, подняла руки над головой и громко заговорила:

— Тулводыж — Дух Огня! Дым твой длинен, язык остер! Проникни ты сквозь землю, в постель холодного онара, согрей и подними его! Народ его зовет — враг пришел на землю!

Луна, ярко освещавшая курган, вдруг спряталась за черное облако, тьма над лесом сгустилась, откуда-то пахнуло горячим ветром. Через минуту в небе сверкнула молния, раздался могучий удар грома, над курганом вспыхнул синеватый огонь, дёрн с треском лопнул, раздвинулась земля, и появился онар Кокша. Он распрямился, расправил плечи, и Кайна поразилась его росту. Кокша стоял вровень с елями, плечи его были широки, он походил на ветряную мельницу. Онар был могуч и грозен.

Он сошел с кургана, и земля дрожала от его шагов. Поравнявшись с Кайной, он заговорил. Голос его был подобен раскатам грома:

— Кто ты, разбудившая меня?

— Я, великий онар, твоя правнучка Кайна. Враги пришли на нашу землю!

— Где они? — гремел голос сверху.

— Они кругом. Весь лес полон ими.

— Ты обманываешь меня, внучка. Жалкая кучка бесов и бесенят, которых я сверху вижу, — не враги. Вон они

трясуются от страха на опушке. Эту мразь до утра размечет один Янтемир, я вижу, он спешит сюда.

— Великий Кокша! Меня коварно обманули. Прости меня!

Кайна упала на колени перед онаром и зарыдала.

Богатырь склонился над нею, положил огромную ладонь на ее голову, погладил по волосам и сказал как можно нежнее:

— Ты не виновата. За что же прощать тебя? Живи и будь счастлива. Скоро придет Янтемир, он накажет обманщиков, покарает коварных. А я, последний онар на земле, навсегда уйду из вашей жизни. Поведай, Кайна, моему народу — теперь он сам себе единственный защитник.

— Что же будет, что же будет?! — не поднимаясь с колен, повторяла Кайна. — Я виновница всех бед людских...

— Отчаиваться не надо, внучка. В илеме вашем есть патыр Янтемир, он много стоит. В других илемах тоже есть лихие парни. Я думаю, что будет лучше, когда я от людей уйду навечно. А то, надеясь на онаров, народ богатырей достойных не растил, защитников земли своей не готовил, и оттого Турни нам сел на шею. Теперь, я думаю, все будет по-иному. Скажи мои слова Янтемиру, старейшинам скажи...

Когда онар стал успокаивать Кайну, он заговорил тихо, и Яиге пришел в себя. Он поднялся и махнул рукой:

— Кривой!

— Я здесь.

— К мечу!

Кривой керемет с братом бросились к кургану. За ним цепочкой устремились другие бесы. Кривой первым спрыгнул в щель кургана и увидел меч онара. Он лежал рядом с постелью Кокши, такой же огромный, как и сам патыр. Керемет ухватился за рукоятку, но не смог и пошевелить меч. Ему на помощь поспешил брат, но и вместе им не удалось приподнять оружие. Меч словно прирос к земле.

Яиге заметил, что онар увлекся разговором с правнучкой, а бесы что-то медлят, сам кинулся к кургану и юркнул в щель. За ним прошмыгнул и Япак. Кайна заметила это и сказала Кокше.

— В твою обитель кто-то пробежал. По-моему, Япак..

— Я знаю. Они хотят похитить меч. Не только им, болатному отродью, но людям — патырам мой меч не по руке. Никто кроме меня поднять его не сможет. Ну, мне пора. — Кокша взял Кайну под мышки, поднял, поцеловал и опустил на землю. Затем молча повернулся и зашагал

к кургану. И почва снова закачалась под его ногами. Вразью рать выдуло из кургана будто ветром.

Кокша оглядел с высоты своего роста родимые леса, поляны, увидел притихший родной илем, реку, тихо катившую свои воды на юг, мысленно прощаясь навсегда с миром, который он любил когда-то. Сейчас он уходил в землю без сожаления. Он знал: придет время, и много патыров будет на его земле, и они постоят за честь народа. Вот и все.

Кори спрыгнул с кадки, положил гусли на крышку. Падал густыми хлопьями снег, полыхал костер, и его огненные отсветы метались по лицам людей. Было тихо, никто не мог проронить слова...

Иван Ноготков при первой встрече с Топкаем так сказал:

— Ты, дед, стариков, баб и ребятишек сюда не приводи. Они нам помогать должны, а не мешать. Много корма мы им не дадим, но с голоду помереть не позволим. Пусть старики нам лапти плетут, обувь и одёжа в нашем строительном деле рвутся куда как быстро. Бабы пусть одёжу чинят, а ребятня лечебные травы запасаает пусть.

Топкай согласился, а про себя подумал, что князь умный и хозяйственный мужик. С тех пор и пошло: увезут обозники в илем мешок ржи или овса, а обратно везут воз лаптей, ворох чиненного белья. Зерно бабы на жерновах смелют, в муку из желудей подмешают, глядишь, и сыты. На этот раз Айвика решила сама в Топкай-энгер съездить. Обозники, сколь ни наказывай, про травы и коренья забывают. А у нее хворых лечить нечем. Запрягла она лошадь, охрану не взяла, только в сани положила пищаль, князем подаренную, да берендейку. По свежемуснежку лошаденка бежит ровно, поют-скрипят полозья, хорошо в такое время думать. А у девок первые думы о чем? О женихах думы. «Правду Ургаш говорит, — думает Айвика. — Не зря смеется и старой девкой зовет ее. Давно замуж пора. А за кого? Кори всем хорош: и силен, и добр, и любит ее, но отчего ее сердце не лежит к нему? И других парней много, никто в душу ее заглянуть не может. Есть у Илейки в ватаге парень кудрявый. Айвика нет-нет да вспомнит его, оболъется сердце тоской. Коришка-омарта сколько лет за ней ходит, все лапти обтоптал, а ни разу «люблю» не сказал. А этот такие нежные слова говорит умеет, сердце тает, словно воск у свечки. Поцеловал он ее давно, в ватаге еще, а губы до сих пор горят. Едет Айвика на Манагу, а у самой надежда светится, вдруг на Манаге что-нибудь о Илейкиных людях узнали. Как-никак на со-

рок верст ближе к Оно Морко. Чует девушка, должны хорошие новости быть.

Встретили ее бабы радостно, про мужиков своих узнали: здоровые ли, куда свое не забыли ли? Накидали полные сани сухих пучков травяных, велели подождать ребятишек, что в лесу бегают, последние желуди собирают.

Шумной ватагой прибежали ребятишки и стали наперебой рассказывать о неожиданной встрече: «Видели конника, думали леший — весь в шерсти. Хотел догнать нас, кричал, но мы не поняли его, во все стороны разбежались».

— Где он?

— В сторону Чарла* поехал!

Айвика проворно запрягла лошадь. Она поняла: если человек в шурах — значит, из ватаги.

До всадника оставалась, может быть, еще верста, а Айвика узнала, что это Дениска. По осанке, по кудрявому чубу, лихо торчавшему из под шапки.

— Дени-и-ска-а!

Всадник резко повернул коня и помчался обратно. Осадил лошадь около саней, спрыгнул с седла, выдернул Айвику из саней, облапил, начал целовать в губы, в щеки, в шею.

— Смугляночка ты моя писаная! Снова господь тебя мне послал!

— Куда ты едешь, зачем?! — у Айвики сердце зашлось от радости.

— Как это куда? К тебе еду. Истосковался, прямо беда.

— Кто тебя отпустил? Как дорогу нашел?

— Атаман отпустил! Я ему говорю: жить без нее не могу! А он грит, поезжай, Дениска, к своей ненаглядной, кинься на белу грудь...

— Врешь ведь! — у Айвики вырвался не крик, а обидный стон. — Лошадь ногойская, седло татарское, сабля чужая...

— Так это я в пути добыл, в дороге!

— Твоя кобыла пала, да? — в голосе надежда хоть на малую правду. — Неужели загнал?

— Я из ватаги не на кобыле выехал...

— На чем?

— На лосихе! Ей богу!

Обида за глупую шутку, за насмешку хлестнула Айвику, как плетью.

— Чыла онтала**, кереметь окаянный! — Айвика вско-

* Ола (мар.) — город. Чарла (Царь ола) — Царев город.

** Чыла онтала (мар.) — все врет.

чила в сани, ударила лошадь концом вожжей, пустила в галоп. Дениска догнал ее, поскакал рядом с саними немного, потом решительно прыгнул на ворох трав в сани. Схватил вожжи, натянул:

— Богом клянусь — на лосихе! — ему было смешно, что истинной правде не верят, а смех этот еще больше разозлил девушку. Она навалилась на его, забарабанила кулаками по спине:

— Я ему все верила, верила! А он все врет, врет!

— Не дерись, девка! Больно же, правда! Ну перестань.

— Зачем все обманываешь? — Айвика заплакала. — Я так была рада, я ждала тебя все время, а ты...

— А разве ты сама не обманывала? Помнишь, в землянке, у Насти.

— Тогда Ярандай там был. Я не могла правду говорить.

— И ты у меня правды не спрашивай. Я тоже...

И тут Айвика поняла, что Дениска тоже, как и она, может быть, послан с упреждением, и о нем ему велено никому не говорить, даже ей.

— Ну, ладно, — сказала она, всхлипывая и растирая слезы по лицу. — Про меня-то думал мало-мало? Про это сказать можно ведь?

— Много думал! Все время думал! — Дениска стукнул кулаком по груди. — Не поверишь, висю я под пузом у Парани и думаю: «Вот приду, увижу мою черноглазую, обниму, задавлю и не охнет».

— Юмо серлаге*! Он опять надо мной смеется! — воскликнула Айвика, готовая вот-вот расплакаться снова.

Дениска вскочил на колени, размахисто перекрестился:

— Клянусь господом богом! Провалиться мне на этом месте, если вру. Из ватаги я выехал на Паране.

— Зачем?!

— Нас же там мурза запер на 77 замков, на 77 постов. На лошаде-то кто бы меня выпустил?! Я же под пузо лосихе приспособился, и будь здоров!

Айвика начала смеяться сперва тихо, потом упала на спину, и смех перешел в хохот, она махала руками, дрыгала ногами, не могла удержаться от смеха над правдой, которую любой бы назвал ложью.

— Ну, будя, будя, — Дениска поднял Айвику, прижал к груди. Скрипели полозья, бежала трусцой лошаденка, сзади следовал конь в седле, а девушка лежала на груди у

* Юмо серлаге (мар.) — боже милостивый.

Дениски, вдыхала кислый запах овчины, смешанный с запахом пота, и казалось ей, что лучшего аромата на свете не может быть.

В городе Айвика повела Дениску к князю Ноготкову.

Тот выслушал Дениску и — сразу совет. На совет собрались Иван Ноготков, Григорий Бельский, Петр Шеховской, Звяга Воейков, отец Иоахим. От черемис позвали Топкая, Кори и Ургаша. Первым начал говорить большой воевода.

— Допреж чем начать совет, я хочу спросить воевод, можно ли верить вестям, кои принес этот славный и смелый парень. Тем паче, что получил он вести от человека, верного ногайцам...

— Я мыслю, — начал медлительный и малословный Шеховской, — надо верить. Пока реки были не вставши — коннице не ходить. Ныне ледостав укрепился — ногайцев можно ждать. Мои разведчики доносят: мурза готов к набегу. Одначе оборону города вокруг я держать не могу. Половина моих воинов взята на устройство стен. Ты, Иван Ондрейч, их верни.

— Не могу, княже, — Ноготков поднял руки. — Половина работных людей из-за холодного жилья в шалашах да землянках хворью мается, простудой. Кому работать тогда, сам подумай? Может, мурза месяц не наскочит, а мы будем сидеть и ждать?

— А если держать рать только на берегу? — предложил Бельский.

— Опасно. Мурза не дурак, он половину конницы в обход может бросить. Западную сторону нам обнажать нельзя.

— Западная сторона — это где? — спросил Топкай.

— От леса.

— Так там мои люди могут постоять. Они все равно лес валят. Дайте им немного пичалов...

— Стрелять-то они умеют?

— Охотники все. Научатся скоро.

— Ладно, — сказал Ноготков. — Пищалей мы твоим людям дадим, в случае нужды пушчонку подбросим. Кому своих людей поручишь? Сам, может, встанешь?

— Я уже стар, да и другие заботы у меня. Я думаю, Кори и Ургаш...

На том и порешили. Всю наличность сторожевого полка вывести за восточный берег, запад отдать двум отрядам местных охотников, над которыми поставить Кори и Ургаша. Догляд за ними поручили Звяге и отцу Иоахиму. Пуш-

ками и огненным боем из пищалей в крепости ведать Бельскому, весь этот наряд держать около строящихся стен наготове.

На восток были посланы глубокие разъезды.

V

Они прискакали в ватагу неожиданно, рано утром. Мурза вошел в землянку атамана, сел на скамью, спросил:

— Люди все дома?!

— Все дома. Где им быть?

— Откуда знаешь, Демерджи? Ты еще с лежанки не встал.

— Твои охранники из ватаги не только людей, птиц не выпускают.

— Лошади тоже все на месте? — спросил Ярандай.

— Какие лошади? У меня всего одна кобыла. Остальные Аббас давно увел.

— Дочка в гости ни к кому не уехала? — это спросил Аббас.

— Куда она от больного дитя поедет? — Илья успел одеться.

— Радуйся, Демерджи, завтра с утра на войну идем. Русского князя вытурять пора, — мурза подошел к Илье, положил руку на плечо. — Вам с Ярандаем самое почетное дело доверяю — вперед идти.

— С чем, храбрый мурза? С кулаками?

— Ярандай копыа даст, стрелы. Я сотню сабель дам. До Кокшаги вас довезем: у каждого моего джигита, ты знаешь, запасной конь есть. До завтра собраться успеешь?

— Голому собраться — только подпоясаться. Мы, мурза, хоть сейчас готовы. Надоело сидение хуже горькой редьки. Ватажники давно в дело просятся.

— Ну и бик якши!

— Ты все-таки рассказал бы, что нам делать там?

— Садись, слушай. Русские по-хитрому крепость строить начали. Они, на крутой берег реки надеясь, ни стен, ни башен по нему пока не возводят. Канавы сделали, на аршин каменную кладку поставили, по бревну — два положили и все. Ворота, башни, стены они со стороны леса делают, где подходы есть.

— Разумно.

— Про меня и моих конников они знают, а про тебя, Демерджи, они не должны знать. Ты не обижайся, я потому твою ватагу запер, чтоб никто не убежал и русским о тебе не донес. Князь, конечно, думает, что я своими кон-

никами на крутой берег не пойду, а я и в самом деле не пойду, он этот берег оголит. Я обойду город с двух сторон и ударю ему в спину. Вот тогда вы с Ярандаем на крутой берег заберетесь и в городе большой шум сделаете.

— На берегах, премудрый, я полагаю, еще окопы должны быть, боевая охрана. Пока мы с ними возимся...

— Ты мои слова дослушай до конца, тогда и спрашивай. Я вперед вас сотню Аббаса пошлю, она вам место до берега реки расчистит, а через лед не пойдет. Потому как людей лед выдержит, а лошадей нет. После Аббаса на берег выйдут люди Ярандая, полтыщи охотников — они стрелами крепость засыпят, чтобы ты спокойно через лед перешел и на крутину забрался. Как ворвешься в город, знак дашь. За тобой люди Ярандая пойдут. К тому времени я со стороны леса успею. Как только мои джигиты в город вломятся, вы сразу уходите. Иначе вас вместе с русскими изрубят. План мой понял?

— Теперь мне все ясно. К утру воинство мое будет готово.

Но мурза и тут схитрил. В ватаге оставил Аббаса, сам прискакал не утром, а в тот же день, в сумерки, приказал:

— Поднимай людей! Выступаем!

Менее чем за полчаса вся ватага выстроилась у землянок.

— Все тут?

— Все. Трое хворых в землянке остались да Настька, дочка моя, с дитем.

— Бабу и хворых увезти в илем Ярандая. Здесь никого не оставлять. Да благословит аллах нам путь!

* * *

Воеводы на своем чисто военном совете, куда даже Ешку и Звягу не позвали, разработали план отражения вражеского удара. Передовые разъезды уже донесли: мурза Аталык тронулся всей силой на запад. Иван Андреевич Ноготков хоть и ссорился в каждом походе из-за мест, но здесь неожиданно сказал князю Шеховскому:

— В деле возведения града сего большим воеводой я считаюсь, но когда время пришло содеянное защищать, тут уж, Петр Михайлыч, твое первое слово.

— Я, воеводы, так мыслю, — медленно заговорил Шеховской, — Аталыка в город надо пустить.

— Ну-ка, ну-ка! — Бельский подсел к Шеховскому. — Занятно узнать, а как мы его отсюда потом вытурим?

— Святого князя Александра Невского вспомним. Он

рыцарей на лед озера Чудского заманил, да там всех и утопил. Надобно обоз из города вывезти, людей тут оставить мало, все воинство в лес вывести. Парень тот, Дениска, мне сказывал: на крутой берег мурза шлет русскую ватагу, а она хочет в сторону уйти. Сам мурза непременно в обход пойдет, конное войско ныне токмо для того и служит. А когда он ворвется в острог, вот тут мы на него и навалимся. В крепостной тесноте коннице буде худо.

— А запалить он крепость нашу не успеет? — спросил Бельский.

— Чего палить! Дерево на стенах и башнях сырое, храм возводится из камня.

— Ему, я полагаю, будет не до того, — сказал Ноготков. — Он не дурак. Он из крепости, яко из мышеловки мышь, выскочит.

— А мы ему выскочить не дадим. Мы его с крутого берега сбросим.

Обсудив еще десяток мелких дел, воеводы разошлись. Крепость каждую ночь стала ожидать налета ногайцев.

VI

Крепость помалу строилась, город потихоньку рос, а Ешка был недоволен. Дело приобщения инородцев к православной вере, ради которого он сюда и приехал, стояло на месте. Не было храма! Мыслимое ли дело, люди всей округи собрались в одно место, сейчас бы только проповеди и читать, а храма нет.

— Другой раз такой большой народ в одно место не будет, — сказал Актуган Ешке. — Город построим, разойдемся кто куда. Опять тебе большую палку в руки брать придется да по илемам ходить.

— Храма нету, Актуганушко, — печалился Ешка.

— А ваш бог разве только в храме живет? Наш юмо в каждой роще живет. Ты зачем большой храм ждешь? Маленький храм сделай. — И Ешку осенило. Попросил он у Ноготкова плотника да столяра и поставил на втором бугре вне крепости часовенку. Мала была часовня: толстый кряж в полторы сажени, на нем будочка, в ней икона богоматери. Над будкой крышка, под крышкой крест. Мала была часовня, а через много лет встал на ее месте главный городской собор. И стал Ешка по ночам (днем работать надо) приглашать к часовне черемис, служить молебны, читать проповеди, рассказывать о боге, о Христе, о Егории-Победоносце, о святых великомучениках.

Зимние ночи долги. И выспаться можно, и молебен

послушать, про русского бога узнать. Ешка в такие вечера преображается. Одевает фелонь, рясу, камилавку. Округ часовни запалит сотню свечей, они мерцают в ночи волшеб-но, завораживают людей. Вокруг Ешки пономари, дьяконы хор из подьячих и служилых людей гремит песнопениями. Ешка машет кадилом, псалмы поет густо, басом.

Для черемис, когда они раньше в кудо ходили, тоже был праздник, но у Ешки куда как интереснее, удивительнее, красивее.

Сегодняшняя вечерня собрала много народу. Топкаевы люди все до единого пришли, узнали, что «бачка Епим» будет проповедь говорить про Кокшу-патыра, про черемисскую старину.

И вправду, после богослужения и молебствий начал Ешка говорить про Кокшу-патыра. Дескать, родился этот богатырь не только в вашем округе, но и на этом самом месте, где илем ваш стоял. И, дескать, вы все, тут сидящие, — потомки патыра Кокши. И чтоб вы знали — Турни недалеко, он где-то тут в ночи крадется, и святое ваше дело — все три головы змею оторвать.

Кори слушал Ешку, и его распирало от гордости. Он искренне поверил, что кровь онара течет в его жилах, и крепко сжимал рукоятку меча. Да и люди все приободрились: шутка ли, такой умный, такой красивый русский поп называет их потомками богатыря. Верно, правду Кори вечерами рассказывал, наша земля родила Кокшу-онара. Окончена проповедь, но люди не спешат расходиться по землянкам. Они в думах о старых временах, о мече, который унес онар в могилу, о своей судьбе. Тихо падает пушистый снег, вокруг застыл темнеющий лес, мерцают свечи, роняют на холодную землю восковые слезы. И вдруг эту густую ночную тишину расколол звук пушечного выстрела. Люди вскочили, зашумели. Вслед за выстрелом забрякал колокол над крепостными воротами. Ешка вскочил на кадь, сдернул камилавку, грива волос рассыпалась по ветру. Зажав шапчонку в кулак, он взмахнул рукой в сторону севера и крикнул:

— Потомки онара! Настал час постоять за родную землю! Устремляйтесь все на свои места, наводите пищали, готовьте стрелы! Бесы Турни-кея близко.

Соскочив с бочки, он подбежал к Звяге, сбросил фелонь, сказал:

— Веди Коришку на полночь, я с Актуганом — на полдень.

Опустела поляна, потухал костер. А колокол в городе все брякал и брякал.

Князь Шеховской как в воду глядел. Мурза Аталык на крепость через реку не пошел, хотя и лед вполне окреп, чтобы поднять всадника. Соглядатаи донесли ему, что стены в городе хоть и недостроены, но на них пушки, пищали — огненный бой. А перед рекой — воины сторожевого полка. У них тоже пищали. А огненных вспышек боялся не столько сам мурза, сколько его джигиты. Они в первой стычке по зубам получили здорово. Зато западная сторона — узнал мурза — голая, там только лесорубы. И надумал Аталык на крепость послать всего две сотни, а остальное войско бросить в обход с двух сторон и ворваться в город из леса.

Все благоприятствовало набегу. Земля мерзлая, твердая, припорошенная снежком. Сверху тоже снежная пелена, за нею можно подъехать под самый город, ворваться в дома и резать, резать, резать!

Сотник Аббас получил такой приказ: выскочить с двумя сотнями на сторожевой полк, не воевать его, а наделать как можно больше шума. Русские в темноте ничего не поймут и будут до утра стрелять по пустому месту. А в это время клещи мурзы сдавят городу горло. На рассвете — резня, город предать огню — извечный, с чингизовых времен, прием.

Часа за два до полночи вывел Аббас сотни к опушке соснового леса, остановился. Густыми хлопьями медленно падал снег, в белесом мареве на берегу желтовато мерцали огоньки русских костров. Там за гребенками острокопанных тынов сидели стрельцы. Сотник бросил поводья, возвел руки к небу, провел ладонями по лицу, выхватил саблю. Две сотни джигитов с криками, гиканьем лавиной кинулись на окопы. Раздался нестройный пищальный залп, сотни разделились на две половины и, не переставая шуметь, растеклись в стороны. С крепости рывкнула тяжелая пушка. Аббас сделал круг и пошел на второй заход.

Ватага расположилась на болоте, перед рекой. Топь хорошо заковало морозом, и людей она держала. Сзади на песчаной бровке чернели охотники. Илья лежал на снегу за кустом и ждал знака Ярандая. Еще в пути Ярандай догнал атамана, поравнялся с ним стремя в стремя, сказал зло:

- Ну что, дурак, большая башка, теперь мне веришь?
- Теперь верю.
- На старицы за мной пойдешь?
- Я-то тебе зачем нужен?

— Уй-юй, шайтаново семя. Ничему не верит. Если я один уйду, мурза скажет: «Почему ты, местный человек,

заблудился, а кузнец, чужой человек, не заблудился?» Что я отвечу? Шею под саблю подставляю, да?

— Ладно. Иди вперед. Я за тобой.

Когда Аббас пошел на третий заход, люди Ярандая двинулись к реке и утонули в снежной мгле. Илья повел ватагу следом. Охотники спустились на лед и сразу свернули налево. С крепости редко постреливали пищали, потом и их стало неслышно. Ярандай уводил людей из боя, на старые русла реки. Илья дошел по их следу до моста и повернул направо. Поднял по крутому берегу и повел ватагу в чернеющую недалеко рошу.

Густо валил снег, темень покрыла землю.

Мурза Аталык грыз кончики усов. Где и когда согрешил он? Почему аллах всякий раз, как мурза идет на дело, посылает на него облака беды? В прошлый раз на реке Студенке он послал на ночную землю темные облака, и мурза не заметил засады. В эту ночь аллах послал густой снегопад. Ведь с вечера небо было совсем чистым. Подскакал Аббас. Мурза спросил:

— Демерджи на стены полез? Ярандай не струсил?

— Ушли на лед, великий. Дальше ничего не видать. Снег густой...

— Но послушать ты мог?

— И не слышно ничего. Будто на небесах белых овец стригут, все окутано шерстью.

Подскакал воин из ертаульной сотни, прокричал:

— С лесной стороны на стенах русских нету!

— Где они?

— Наверно, к реке бросились. Там сотник Нургали видел, как Демерджи свою ватагу на крутой берег поднял.

— Пора, могучий.

Мурза провел ладонями по щекам, выхватил саблю и бросил коня в сторону темнеющих западных ворот. За ним ринулись, вздымая тучи снега, конные сотни. Ни одного человека не встретил на пути мурза, ни один выстрел не раздался, не прозвучал ни один голос. Аталык достиг стены крепости, ров около нее еще не успели выкопать, помчался вдоль ошкуренных бревен к воротам. Но что это?! Ворота раскрыты настежь, створы медленно покачиваются от ветра, скрипят несмазанные петли. Аталык осадил коня, поднял руку. Сзади него, как в половодье, забурлила конная лавина.

— Назад! — крикнул мурза. — Это ловушка!

И сразу пришло решение: надо скакать вдоль стены на южную сторону крепости, откуда ведет левый обход сотник Нургали, надо предупредить его и вывести войско из-

под удара русских, который они, конечно, приготовили в лесу. Надо сохранить конников и завтра повторить набег.

Сотника Нургали мурза встретил на берегу какой-то речонки. Тот крутился на коне, выискивая дорогу. Увидев мурзу, он принял его за врага, выхватил саблю. Мурза подал знак рукой, сотник, бросив саблю в ножны, подскочил к нему, осадил коня.

— Где русские? — крикнул он. — Южные ворота открыты, в городе их нет.

— В лесу! Ты почему задержался?

— Куда идти — не знаю. Наткнулся на ватажников, думал, стрельцы. Они на стены не пошли, по лесу разбежались! Только время зря потерял.

— Остановиться надо!

— Может, город занять? Он пустой.

— Русские только этого и ждут. В тесноте на конях мы не воины! Пошли разведку в лес.

Нургали отъехал, мурза стряхнул снег с плеч, с шапки, дал знак сотням, чтобы те рассредоточились по обе стороны от него. Нургали долго не возвращался. Уходило время. Внезапные обходы, как удары плетью, не удались. Сначала пришла мысль прекратить дело, отойти за реку — ночью только неожиданные набеги хороши. Он совсем было решил дожидаться дня, но подскочил Нургали и сказал, что разведчики в лесу нашли русских и широкую дорогу, протоптанную при отходе в лес.

— Много их?

— Не узнали. Там горят костры, моих людей обстреляли из пищалей.

— Значит, стрельцы. Пошли туда тихо.

Мурза и воины Нургали выехали на протоптанную дорогу, шагом двинулись по ней. Наконец, появилась речонка, а на противоположном берегу — люди. Людей было много, горело три костра. Аталык поднял руку, призывая к тишине. На берегу раздавался женский голос, ему вторил глухой мужской бас. Проводник, стоявший рядом с мурзой, сказал тихо:

— Бабы... черемисы.

Мурза отмахнул в обе стороны, вырвал саблю из ножен. Это означало — через лед двигаться за ним тихо, а с берега идти на обхват. Какой-то всадник или не понял знака, или поспешил — его конь вырвался на лед, подскользнулся и рухнул, пронзительно заржав. И тогда с берега раздался ружейный залп, засвистели стрелы. Всадники, не ожидавшие огня, повернули коней, рассыпались по берегу. На реке ржали, бились об лед раненые кони, сто-

нали и бранились подстреленные всадники. С берега прозвучал еще один залп. И тогда мурза во все горло крикнул: — Биллягы!! — рванул поводья и перемахнул через лед, вырвался на берег, прямо на выстрелы. Часть всадников замолчала, в темноте засвистели стрелы.

Мурза метался меж деревьев, но настигнуть никого не мог. Про себя подумал: «Налет не получился, сотни растворятся в лесу, до утра не собрать». И вдруг на дорогу выскочил огромный, как медведь, мужик с дубиной, перегородил просеку. Аталык секанул саблей, мужик ловко загородил палкой голову, сабля, ударившись о нее, вылетела из рук. Дубина просвистела в воздухе и со страшной силой опустилась на голову коня. Рывок в сторону, и мурза ударился о мерзлую землю. Мужик, теперь уже без дубины, раскинув руки, пёр на Аталыка. Он что-то громко кричал, длинные космы волос разметались по плечам. Мурза тоже раскинул руки, как бы готовясь к рукопашной схватке. Они медленно пошли друг на друга. И не заметил мужик в темноте ловкого, молниеносного движения — мурза выхватил из-за пояса нож и, приблизившись, воткнул его в пах. Воин охнул, упал навзничь. Аталык подошел к нему, наступил сапогом на горло.

Справа раздался шум, крики, стрельба. Разгадав хитрость мурзы, воевода Шеховской вел сторожевой полк на врага.

Оставив чуть не половину всадников убитыми, Аталык ушел на восток.

ДЕМЕРДЖИ

I

Со времен Чингисхана все его потомки постоянно воевали между собой. Не за города, не за дворцы и не за пашни. Все они дрались из-за пастбищ. Да и сам потрясатель вселенной мечтал сровнять города с землей и сделать одно беспредельное пастбище. Дворцы Чингисхан не любил, одноразборная золотая юрта вполне его устраивала, а иметь великое кочевье по всему земному простору, где бы скакали несчетные конские табуны, паслись бы миллионные отары овец — предел мечтаний всякого чингизида.

Точно так же думал крымский хан Ислам-Гирей, когда готовил набег на русские земли. Хан любил думать за шахматной доской. Играя с визирем, он часто проигрывал, но когда садился за шахматы один...

Ислам придвинул к себе доску, поставил черного короля. Это он сам. На другую половину поставил белого короля. Это — царь Федор. Черного ферзя хан поставил в правый край на сторону белых. Это — мурза Аталык. Он хоть и имеет всего пять тысяч войска, но при надобности может поднять и пятьдесят. А главное, он уже внедрился

в русские земли и может угрожать белым даже не с флангов, а с тыла.

Но вот и его недруги Мурат-Гирей и Саадет-Гирей. Мурат — это белая тура, Саадет — черная. Хан поставил обе туры на свою половину. Они пока угрожают ему из ногайских степей. Так. Теперь стало известно — Мурат перешел на службу русскому царю. Через доносчиков стало известно и другое: царь решил войсками Мурата загородить свою южную окраину. Хан взял туру, поставил на передний край белых. Белого ферзя и пешек, защищавших эти позиции, хан переставил ближе к Аталыку. «Это главный просчет русского царя, — подумал хан. — Стоит мне побещать Мурату свою милость и пастбища около Карасубазара, как тот непременно уйдет в Крым и откроет русские границы. Они окажутся незащищенными совсем, и моя конница хлынет к Москве. Мурза Аталык в это время собьет ферзя и белую туру. Остается Саадет-Гирей. Ему одному в ногайских степях делать нечего. Он там на чужих пастбищах, его ногайцы выгонят в два счета. Если бы они были с Муратом, другое дело. Убираем Саадета, убираем Мурата — мат белому королю».

Такая игра у хана была год назад. Теперь хан сел за шахматную доску снова. Позиции оказались плачевными. Белая королева — это, конечно же, сестра Годунова, выдвинулась на южные границы сама, а Мурат был послан в Астрахань, чтобы вместе с братом укреплять город камнем. Пришла весть — мурзу Аталыка русские побили в первом же бою, и пришлось хану своего ферзя оттягивать назад. Теперь стоит только бросить войско на Русь, а туда надо посылать всех нукеров, все войско, как Мурат и Саадет ринутся на Бахчисарай. Хан в первую игру большую надежду клал на польского короля Батория, тот собирался нападать на царя Федора с запада, но теперь стало известно — король смертельно болен, и его можно смело убрать с доски.

Что же делать с Аталыком? Вчера пришла весть — в бою в новопостроенном русском городе мурза снова побит, и теперь у него, наверно, горстка воинов. Две тысячи, оставленные в запасе, рассеяны Муратом по ногайским степям. Теперь Аталыку дома нечего делать. Но жалко сбрасывать его с доски, хоть он и превратился в пешку. Надо ему написать. Пусть ищет сторонников Крыма среди казанских мурз, пусть собирает под себя черемис, становится у них ханом. Через год-два, когда положение на доске изменится, может, он снова станет ферзем.

Когда мурза Аталык получил письмо от хана и прочитал его, ему показалось, что свод небес обрушился на голову. После разговоров с вестником, привезшим грамоту, мурза предался безудержному гнєву, изрубил саблей все, что было в его юрте, побил, чего никогда не случалось, старого Аббаса, а затем, закрывшись в одиночестве, поносил хана самыми ругательными словами.

Потом напился бузы до бесчувствия и проспал сутки.

Раздумья о своей дальнейшей судьбе начались на хмельную голову.

Когда Ярандай вошел в юрту к мурзе, у него от страха подкосились ноги. Он и так, чувствуя свою вину, дрожал, следуя за посыльным, но когда откинул полог юрты, страх сковал все его тело. Были изрублены все столики, шкапчики, скамеечки, испорты подушки, на которых сидел когда-то мурза. Сабля, воткнутая в кошму, покачивалась, мурза стоял посередине жилья, широко расставив ноги. Правая рука на рукоятке ножа, левая заложена за спину.

Упав на четвереньки, Ярандай пополз к Аталыку:

— Я у ног твоих, могучий.

— Скажи мне, храбрый Ярандай, как случилось, что ты, вместо того, чтобы идти на город, пошел назад?

— Прости, справедливый, но была ночь великого снегопада, во мгле мы приняли старое русло за реку и заблудились.

— Почему не заблудилась ватага Демерджи? Ты местный, а он — пришелец. Однако ты заблудился, а он нашел дорогу в город.

— Будь мудр и сердечен, великий. Кузнец жил в этих местах, а я тут почти не бывал.

— Как ты думаешь, где сейчас Демерджи?

— Он, как донесли мои люди, в плену у князя, и его ждет плаха.

Гнев подкатил к горлу Аталыка. Этот презренный трус еще смеет врать! Он, конечно же, знает, что ватажники дрались с сотнями Юнуса и задержали его. И все же лжет. Но мурза сдержал гнев, ему сейчас не нужно было показывать его. Сквозь зубы спросил:

— Чем загладишь вину свою?

— Повелевай, могучий.

— Сможешь поднять двадцать тысяч твоих людей? Через месяц.

— Лучше убей меня, грозный Аталык, а людей сейчас не поднять.

— Почему?

— Ты хочешь знать истинную правду, премудрый?

— Конечно, не ложь. Ты и так много врал сегодня.

— Наши леса хоть и густые и глухие, а вести по ним разносятся скорее, чем в степи. Люди знают: Аббас разорил илем Топкая, сжег его кудо, обрек на голод его род. За эту зиму половина, а то и больше, людей на берегах Кокшаги вымерла бы. Но русские дали им работу, хлеб и деньги. Все в лесах знают: у Топкая не умер с голоду ни один человек. Русские, как взяли весной ясак, так больше и не появлялись у нас. А твои воины весь год рыскали по земле, брали у людей все, что им захочется, и теперь черемис на бунт не поднять. Ты можешь снести мне голову, но это не мои слова. Это — правда.

— Но не ты ли и не твои ли люди звали нас помочь вам выгнать русских с ваших земель? И не думали ли вы, что мы будем проливать кровь за вашу землю просто так, даром?

— Народ думал, что ты приведешь сюда огромное войско и сразу поведешь нас на Волгу. Но разве так было? За весь год мы два раза сходили на русских и оба раза...

— Это не твоего ума дело. Хан отвечает перед аллахом, я перед ханом, ты передо мной. Все, как видишь, в руках аллаха. А теперь слушай меня и будь мудр. Хан повелел мне здесь зимовать, и я не хочу сидеть на твоей шее. Продай мне всю свою землю по реке Оно Морко. Ты сам говорил, что леса ваши беспредельны и ты можешь откочевать в любое место.

— Но здесь зарыт прах моих предков...

— Это небольшая беда. У тебя, я знаю, два сына и дочь. Ты с ними переедешь на новое место, придет время — умрешь, и будет у твоих детей новый илем, где будет лежать прах их предков. Но они будут богаче тебя, ты им оставишь много денег, которые я заплачу тебе за землю. Я не хочу и не могу остаться без твоей помощи. А то я просто отнял бы у тебя все, что ты имеешь, и выгнал бы в дальние леса. Соглашайся, а то я раздумаю!

— Деньги, конечно, большая сила, но...

— Эй, Аббас! — мурза хлопнул в ладоши. — Принеси тот кошель, который в сундуке. Гляди, Ярандай! — мурза развязал кожаный кошель и начал высыпать монеты на ковер. Блестящая струя золотых, серебряных монет, звеня, лилась перед жадным взором Ярандая, она могла лишить человека разума.

— Это все... мне?

— Весь кошель.

— Я согласен, прещедрый Аталык! Я согласен! — крикнул Ярандай и протянул руку к деньгам.

— погоди, — мурза наступил ногой на кисть руки Ярандая. — Аббас, принеси бумагу, которую мы заготовили, позови свидетелей.

Аббас втолкнул в юрту пятерых мужиков, подал мурзе бумагу.

— Смотрите, люди. Ярандай продает мне все свои земли по Оно Морко-реке, а я отдаю ему это золото. Согласен ты, Ярандай?

Ярандай поднял голову, сел на пятки, сказал твердо: «Согласен». Аббас намазал Ярандаю ладонь сажей, смешанной с бараньим жиром, и отпечатал ее на бумаге. Свидетелей-мужиков вытолкали из юрты. Мурза сел на вспоротые подушки, сложил ноги калачом, указал Ярандаю на кучу монет: «Бери».

Ярандай, не вставая с колен, подполз к золоту, наклонился, сгреб ладонями монеты. Мурза вынул нож и не спеша ударил под левую лопатку. Лезвие легко вошло в тело Ярандая, он, даже не охнув, упал на горку монет. Аталык вырвал из спины нож, обтер его о полу халата, сунул в ножны. Аббас поволок тело к выходу.

Через день с сотней воинов мурза собрался уезжать. Аббасу сказал:

— Ты здесь оставайся за меня, старик. Время войны для нас пока кончилось. Настает время утех. Всех джигитов на зиму посади в землянки, жени их, сам женись.

— На ком, могучий?

— Что, разве черемисских девок по лесам мало? До весны охотой тештись, молодых жен обнимайте. Весной руэмы засевайте — помните, теперь мы этой земли хозяева. Раньше нас война кормила, теперь джигиты пусть за плуг берутся, землей кормиться будем. Я, может быть, до весны не вернусь — порядок здесь держи, старик!

— Где тебя искать, могучий, если будет надобность?

— Сам весть дам. Дочка кузнеца где?

— Взаперти сидит.

— Она со мной поедет.

— А внучка?

— Внучку увези на Кокшагу, передай Демерджи. Скажи ему так: «Ты мурзе наполовину отслужил — получай за это внучку. Когда за все рассчитаешься — получишь дочку». Так и будет. Биллягы!

III

Воеводы рассудили здраво: теперь до самой весны мурза сюда не покажет носа, и поэтому весь сторожевой полк поставили на работу. Вокруг только посылались малые разъезды, у стен ставились парные дозоры. Илейкину ватагу приняли в город безбоязненно, ибо за них ручался отец Иоахим, да и матушка-царица в свое время об этом говаривала. И не ошиблись воеводы — мужики так натосковались по настоящему делу, что ринулись в работу, как в прохладную воду знойным днем.

Илейка князю Ноготкову понравился сразу. Другой на его месте полез бы в начальники (как-никак, а вон какую ватагу привел), а этот сразу попросился в свою кузню.

— Только, Иван Андреич, помог бы ты мне?

— Говори.

— Осталась у мурзы в залоге дочь моя Настя с ребятенком. Как бы ее выручить?

— Далеко ли?

— Стережет ее, я полагаю, Ярандай. Он обещал мне ее в обиду не давать. Однако теперь я мурзу шибко подвел и боюсь...

— Я бы тебе помог, атаман, но силой тут, пожалуй, ничего не сделаешь. Поклонись-ка ты Топкаю. Он чего-нибудь толковее меня присоветует. Подумайте, и если что-то от меня понадобится — приходи.

Илейка вышел в город и Топкаева илема не узнал. Да его и не было. Стены храма были уже заложены, на отшибе за косогором был поставлен сарай для выделывания кирпича. Уже сушились глинобитные брусочки, уже дымилась калильная печь. Ноготков вел стройку железной рукой. В городе и вокруг трудилось около пяти тысяч человек, но не было никакой суеты и толчеи. Одни рубили и подвозили лес, другие ладили срубы. На стены бревна шли крупные и сырые, а помельче годились на избы. Срубы-клетки выстраивались в ряд на бугре для сушки. Уже построены над каменными кладями башни, тесались балки для ворот, готовилась дрань для крыши. Из сухостойных и смолистых сосен рубились воеводская изба и жилье для протопопа. Бревна клались на мох. К крещению, глядишь, и новоселье воеводе можно будет справить. Уже маячили над землей наугольные башни, из трех ворот сделаны двое, на башнях достраивались шалаши для несводного караула. Стены возведены все, сейчас к ним пристраивались бревноты для стояния стрельцам.

Крепость была, считай, построена, и можно было все силы бросать на жилые городские строения.

Выручать Настю отозвались сразу трое: Андрейка, Айвика и Дениска. Весь вечер спорили: молодая тройца настаивала — Настю надо выкрасть, а для этого чем меньше будет людей, тем лучше. Топкай возражал. Узнать, где прячут Настю, может Айвика, но выкрасть двою парней не смогут. Если и смогут, их догонят, убьют. Ярандай хитер, а мурза жесток. Илья предлагал просить у воеводы десятка полтора конников. Сошлись на совете отца Иоахима — послать троих, но только на разведку. Пусть все выведают и Айвику шлют обратно. А там можно будет что-то и придумать. Но утром выяснилось, что весь спор был бесплодным. На передовой дозор, что стоял на песчаной косе, нарвался ногаец. Увидев двух стрельцов в секрете, он бросил в снежный сумет большой узел и поскакал обратно. Стрелец успел взять его на прицел и трахнул из пищали. Лошадь под ногайцем рухнула, его поймали и привели к князю Ноготкову. Развернули узел — там лежала еле живая Настёнка. Ногаец долго не ломался и рассказал, что Ярандай продал мурзе свои владения и с деньгами куда-то скрылся. Аталык уехал в сторону Казани и взял с собой Настю, а в Ярандаевом илеме теперь хозяин Аббас и джигиты, которые остались с ним, ловят по лесам девок, чтобы жениться.

Настёнку передали Палаге. Теперь в Ярандаев илем ехать было незачем. Андрейка настаивал, чтобы его отпустили в Казань. Илья загрустил шибко — найти в Казани мурзу трудно, да и в Казань ли он уехал? Искать девушку в таком большом городе — это все равно, что искать иголку в стоге сена. Поэтому пришлось снова идти за советом к воеводе. Поручили это отцу Иоахиму.

В середине декабря в новый город приехал воевода князь Александр Михайлович Нагой, чтобы сменить Григория Бельского и Петра Шеховского. Он привез царский указ, который узаконивал Царевгород на Кокшаге. В указе было сказано:

«Лета 7093-го, ноября в первый день государь царь и великий князь всея Русин Федор Иванович указал послати в Новый царев город с нарядом и с запасы на три полка. А как воеводы запасы и наряд провезут, и быть в Царевгороде воеводам Ивану Ноготкову да Александру Михайловичу сыну Нагого. В городничих быть Звяге Воейкову, а князя Петра Шеховского да князя Григория Бельского велено отпустить. А князю Ивану Гагину итти в Казань...»

Ноготков, получив приказ, выбрал из передового и сторожевого полков лучших стрельцов, довел гарнизон до тысячи бойцов, остальных отпустил с князьями. Шеховской

ушел на Москву, Бельский — на Тулу. Гагин стал собираться в Казань. И тут к нему постучались Ешка и Айвика. Было это в воеводской избе, князь Иван Васильевич зашел как раз проститься с воеводой Ноготковым.

— А, девка храбрая! — воскликнул Гагин. — Проститься пришла?

— Пришла. Я думала, ты забыл меня.

— Как можно? Один бог знает, где был бы я и мой полк, если бы не ты.

— Помнишь, ты мне рубль обещал?

— Как не помнить. Вот он, — князь полез в карман.

— По карманам не шарь, у меня теперь рубли свои есть. Я другое хочу просить — возьми меня в Казань.

— Большой город поглядеть захотела?

— У меня подружку мурза украл, Настьку. Думаю, в Казань увез. Искать ее буду.

— Одна?

— Зачем одна? Андрейка со мной пойдет.

— Какой Андрейка?

— Настя — дочка кузнеца, — сказал Ешка, — а Андрюшка ейный жених. Я тоже к просьбе Айвики присоединяюсь. Княже, не откажи.

— У меня перед вами обоими долг большой, однако, в Казани вы девуку не найдете, — сказал Гагин. — Там же князь Куракин в воеводах сидит, три полка воев при нем. Разве мурза в те края посмеет сунуться?

— А ему более соваться некуда, — заметил Ноготков. — Теперь на ногайской стороне — Мурат с Саадетом, они ему сразу голову оторвут. На Вятке ему делать нечего. А середь казанских мурз у него дружков, я чаю, немало найдется — спрячут. Благо уехал он туда налегке.

— Надо бы князю Куракину о сем донести.

— Я уж позаботился. Да и ты, приедешь когда, позаботься.

— Добро, собирайтесь.

— А тебя, Иван Андреич, я попросил бы взять того Андрюшку в подьячие, — Ешка обратился к воеводе. — Парень грамотен зело, а у нас письменных людей в городе нехватка.

— Он, я чаю, худороден больно, — заметил Ноготков.

— Не скажи. Отец его дьяком приказа был при покойном государе и во Свияжеском городе умре. И если в Казань парня брать, то ему там подьячим будет гораздо способнее.

— Как отца звали?

— Не помнит он. Дитем малым остался.

— Звяга, припиши его к приказной избе. Жалованье положи, одёжу выдай.

— Как его по прозвищу-то писать? — спросил Воейков.

— Я думаю, он этого не помнит. Пиши — Царегородцев. Бумагу дай, что отпущен в Казань по делу с князем Гагиным-Великим.

— Добре, князь, сделаю. Нам толковые парни нужны.

На следующее утро подьячий Царегородцев Андрюшка и Айвика выступили с князем Гагиным в Казань.

IV

Данила Сабуров из Москвы — прямым ходом на Кокшагу. Чем ближе он подъезжал к новому городу, тем шибче разгорался его аппетит. Теперь уж не об одном кузнеце он думал, а о всей ватаге. Ведь умеючи можно не только схватить Илью и получить за его поимку награду, но и повязать всех беглых ватажников, увезти их в свое имение и сделать своими крепостными. Душ триста, если не более, — шутка сказать. Богатство!

Ноготков принял его радушно. Город, почитай, достроен, возведены последние ворота — главные, на всем валу положены поперек дубовые зубцы — заостренные карнизы, сверху зубцов поставлены земляные бои, выложены дерном с проемами для пушек. У главных ворот сделаны захабы — дополнительные валы, окружающие ворота, а в самих воротах поставлены черсы — железные опускаемые решетки. В крепости успели сделать погреб для зелейной и свинцовой казны и житницы для хлебных запасов. Возведена приказная изба, где горница с комнатою, к комнате прирублена казенка, перед ними сени, в сенях — чулан на жилых подклетьях. Все это покрыто тесом. Простые дома тоже красиво крылись драницею, лубьем, а иногда камышовым тростником. Все это сделали бывшие ватажники. Они, обрета постоянное место и работу, трудились, не требуя роздыху, а их атаман не вылезал из кузни, выковывал черсы, которыми так гордился воевода.

Данила развернул список с царева указа, подал воеводе:

— Приказано кузнеца сего мне выдать, и я повезу его в Москву.

— Но, сколь мне помнится, государыня даровала ему и ватаге прощение. Я сам слышал.

— А указ на это у тебя есть?

— Пока нет, но...

— И не будет! Иринка ныне в опале.

— Как в опале?!

— Дело просто. Годунов просватал ее за римского принца, а государь об этом дознался. И положил свой гнев на нее и на Годунова. Я сам своими ушами...

— Нет, Данила свет Гаврилыч, кузнеца я тебе не отдам, пока не получу указа. И его ватажников не отдам.

— А это тебе не указ?! — Сабуров ткнул пальцем в свиток.

— Так он же покойным государем подписан десять лет тому. А мне указ Федора Ивановича потребен. Пусть государыня в опале...

— Смотри, Иван Андреич, не просчитайся. Бунтовщиков покрываешь.

— Каких бунтовщиков?! Они мне полгорода построили!

— Тебе ли? Город сей — царев, а тебе-то от них какая корысть?

— А тебе? О награде за поимку печешься?

— Плевал я на награду. А о своих мужиках пекусь. И о твоих. Из моих имений за последние полгода более сотни мужиков утекло, вот по таким же ватагам в лесах околачиваются. Если мы им потакать будем — все убегут. И у меня, и у тебя. Твой-то, поди, тоже...

— Бегут, будь они прокляты, — Ноготков вздохнул.

— Я бы на твоём месте не артачился. Ты уж в темнице сидел одинова?

— Ну, сидел!

— Еще раз сядешь. У Федора Иваныча батюшкин характер проклевывается. Во второй раз он тебя в застенок сажать не будет, а сразу на плаху.

— Ладно, княже. Дай подумать.

В последнее время Ноготков все чаще стал советоваться с отцом Иоахимом. Старый священник был мудр, много знал, в делах праведных тверже его не было в городе. Правда, любил бражничать, но не во вред делу. Настоятеля церкви, а церквушку деревянную уже построили, и Ешка служил там богу, любили не только стрельцы, но и все черемисы и слушались его неукоснительно. Вечером воевода позвал попа к себе посоветоваться, он знал про кузнеца и ватагу все досконально.

Ешка выслушал воеводу, почесал ногтем в бороде, сказал:

— Если государыня Ирина Федоровна и в самом деле в опале, то рисковать тебе, княже, пожалуй, не стоит. У кузнеца, да и у наших мужиков, она единственная была защитница. Все иные прочие для них злочинцы.

— Что же, по-твоему, отдать их Сабурову?

— Давай, княже, отдадим их богу.

— Как так?

— На милость его положимся. Завтра дай Сабурову согласие, пусть берет их, если сможет.

И в ту же ночь Ешка пришел к Илье. Разбудил кузнеца, сказал:

— Вставай, раб божий, собирай ватагу.

— Пошто?

— Снова в лес ведем. В санчурские места. Князь Сабуров по вашим души приехал. И защитить вас воевода не сможет.

— А как же государыня? Ты сам говорил.

— Она, по слухам, в опале ныне.

— Ой, боюсь, отче. Не пойдут люди снова в нети, надоело же. Они только людьми себя почуяли.

— Скажи — на время. А я днями в Москву подамся, разузнаю все. Мне все одно к митрополиту надобно перед светлы очи встать. Обещал он денег на монастырь отвалить — пусть раскошеливается. И еще скажу ему: только молвлю, рабы божьи на праведный путь встали, только пользу Руси стали приносить, а их снова в бега кинули. Владыка, я полагаю, поможет. И тогда почнем мы строить монастырь во имя Дев мироносиц. Вот тогда вы и богу, и людям пригодитесь.

— А воевода ловить нас не пошлет? По снегу мы далеко не уйдем. Коньми нас сразу же догонят.

— Не пошлет. С ним у меня договор есть. Коли из Москвы возвернусь — дай знать, где ты. Хлебом, да и прочим иным буду помогать. А Данилку Сабурову кукиш с маслом покажем. Убирайтесь с богом.

— А как же с Настей?

— Положись на меня. Я Андрейку в это дело впрягу, Дениску. Выручить, может, сразу и не выручим, но где она — постараемся узнать.

Наутро воевода дал Сабурову стрельцов и позволил кузнеца и ватажников иметь и вести в Нижний Новгород, в тюрьму.

Данила сразу же кинулся в кузнецову избу. И опять нашел там только старые лапти. Ватажники тоже исчезли.

Сабуров взъярился донельзя. Он кричал и матюгался, как простой ярыжка: — Ну, волк поганый, ну, антихрист! Второй раз отрывается, яко дым от огня! Ну погоди, я его уловлю, что бы мне это ни стоило! — И стал просить у Ноготкова лошадей. Тот ответил: -

— Не мне приказано воров ловить, княже, а тебе. Вот ты и лови. Да и в какую сторону ехать? Всю ночь снег ва-

лил, следы занесло. Только коней замучишь. А мне их и так кормить нечем — овса и сена в обрез.

Данила скрежетнул зубами, сказал:

— Сей же день пошлю в Нижний гонца, пусть полусотню конную приведет. До весны тут пробуду, все леса округ истопчу, а царский указ сполню.

— Бог тебе в помощь, княже. Чем могу, помогу.

Ночью Сабуров дознался, что Илейку упредил протопоп Ешка. Воевода ворвался к нему в избу, заорал:

— Ты, отче, прикрываешь воров и бунтовщиков! Ты упредил их! Я донесу на тебя великому государю и Тайному приказу, и ты сана лишен будешь, на дыбу ляжешь!

— Не ори, княже, пуп надорвешь! — Ешка встал над Сабуровым, грозный. — Уезжай восвояси. Ты здесь человек лишний. Без тебя, даст бог, обойдемся. А меня сана лишить — у тебя руки коротки. Меня благочинным сюда поставил патриарх Иов по просьбе великого государя, а ему сие завещал покойный Иван Васильевич, дабы наградить меня за подвиги мои многотрудные во славу державы русской. И я ныне государю донесу...

— Государя к сему не приплетай. Он, я чаю, и не знает про тебя. Ныне все Годуновы вершат!

— И об этих твоих словах донесу. И поглядим, кто допреж на плаху ляжет.

— А беглых мужиков привечаешь зачем? — уже мягче сказал Сабуров.

— Их не я приветил, а черемисы. И сие токмо для пользы дела нашего произойдет. Боярин, я мыслю, без полусотни мужиков обойдется, а здесь они тыщи ратников дороже. Они дружбу с инородцами тут крепить будут, а это полезнее всяких крепостей. Советую тебе, уезжай с богом. И еще скажу: тебе, воевода, при твоём дородстве да на старости лет не стыдно за бегунами охотиться?

V

Мурзу татарские князья приняли охотно. Чтобы об Аталыке казанский воевода Григорий Куракин ничего не проведal, велели ему сесть в пяти верстах от города в лесной деревеньке, забыть свое военное имя Аталык, оставив первое — Муслы, и сидеть тихо. Своих конников мурза послал в лес готовить бревна, чтобы строить себе дом. О своей дальнейшей жизни думал много, но ничего радостного она не сулила ему. Все свое войско он растерял, в родные степи, по которым тосковалось, пути ему были заказаны. Русский царь, по слухам, укреплял Астрахань, достраивал

Царицын острог, ставил мелкие крепостишки по всей Волге вплоть до устья. В приволжских степях скакали сотни конников Мурат-Гирея и его брата Саадета, которые ненавидели мурзу. Мурат, как служилый царя Федора, был посажен в Астрахань, а Саадету было позволено кочевать с ногаями близ этой крепости. Мурза хорошо понимал крымского хана Ислам-Гирея: тот боялся своих племянников и потому на Русь не пошел, как обещал раньше. Через казанцев Аталык узнал, что из Бахчисарая царю было послано письмо, которое все разъясняло. Ислам-Гирей писал: «Если хочешь быть с нами в самом деле в дружбе, то ты бы наших недругов, Саадета и Мурата, у себя не держал, ты бы послал их туда, где не слышать их и не видеть, а деньги казны им не давал бы». Московский посол поручился хану, что Саадет и Мурат не пойдут на Крым, если только сам хан не пойдет на Московские окраины. Ислама в Крыму не любили, ждали на престол царевичей, и потому хану пришлось сидеть смирно.

Аталыку пришлось думать о том, чтобы осесть в казанских землях надолго, и не воином, а землепашцем. Деньги у мурзы были, купить земли он мог много. «Пора, — думал Муслы, — перестать жить войной, хватит махать саблей — надо уходить на покой. Молодость уже прошла, пора обзаводиться семьей, иметь жену, детей». Аббас из черемисской стороны тоже нерадостные вести слал. Крепость на Кокшаге встала во всю силу, местные люди с русскими воевать не хотят, ватага Демерджи куда-то исчезла, и взятая в залог дочка кузнеца теперь вроде бы ни к чему. Ее бы отпустить, но она мурзе нравилась все больше и больше. Настя пока была у него за служанку: готовила еду, стирала белье, создавала уют, но близко к себе не допускала. Быть женой отказалась наотрез. Пока строили дом, пока Муслы обзаводился хозяйством, время проходило в ожидании. Мурза надеялся, что девушка со временем полюбит его и станет в доме хозяйкой. Поэтому он от себя ее не отпускал, но не насильничал, старался ее приручить. Так шло время.

VI

Город Айвику ошеломил. Она всю жизнь провела в лесу и ничего кроме илемов не видела. Казань представляла себе таким же городом, какой построили на ее земле русские. И вдруг перед ее глазами возникло огромное скопище домов, улиц, каменные башни крепости, мечети такие, что пока глядишь на золоченый месяц на шпиле —

уронишь шапку. На тесных улицах бесконечные вереницы людей, на площадях толпы мужчин, на базаре поющий, орущий, кишачий муравейник, пестрота лавок, палаток, торговых рядов. Смелая, даже отчаянная в лесу, здесь она в первый день боязливо жалась к стенам домов, далеко от своего жилья не уходила. На другой день освоилась, на третий осмелела совсем. Жить их обоим с Андрейкой князь устроил в остроге, в комнатке на подклетьях. На четвертый день она побывала на базаре, увидела там столько красивых одежд, вкусной еды, что впервые в жизни пожалела, что у нее нет денег.

Князь Гагин сразу же сел на место острожного воеводы и с головой окунулся в дела. Главный казанский воевода, князь Куракин, готовился к смене и предавался безделью. Все свои заботы взвалил на Гагина, а тот не давал покоя Андрейке. Однако в первый же воскресный день Андрюху и Айвику отпустил на базар. Айвика долго и нерешительно топталась на пороге воеводской избы, потом сказала:

— Ты, князь, рубль мой не потерял?

Гагин рассмеялся и выдал ей вместо одного рубля три. Айвика почувствовала себя богачкой. Дома ей платили за три беличьи шкурки, за которыми надо ходить день, а то и два, всего одну копейку. При деньгах пошел на базар и Андрейка.

Сразу же купили девке шапку песцовую с малиновым бархатным верхом, сапожки из разноцветной кожи с украшениями, зеленый шелковый пояс и плисовые штаны. Лакомились бубликами, заморскими сушеными ягодами, которые назывались узум, пили шербет.

Вернувшись в свою каморку, Айвика сразу ушла одевать наряды. Вышла из чулана, ну, прямо заглядение. Сапожки плисовые, штаны в обтяжку, азымчик, подпоясанный шелковым поясом, песцовая шапка так изменили ее, что и не узнать. Вроде ушла в чулан толстая, как капустный вилок, девка, а вышла похожая на высокого, стройного юношу, совсем городского, пригожего и нарядного.

Андрюшка встал, шумно крикнул «Ух ты!», а восхитившись, вздохнул. Настю бы вот так нарядить — краше ее никого бы не было! Но где она сейчас, как ее искать?

Айвика вздох. Андрейкин поняла, сказала:

— Не грусти. Чует сердце, найдем мы нашу Настьку. Завтра князя потормоши, обещал же нам помочь. Я тебя понимаю, сама по Дениске тоскую, присушил меня, кереметь окаянный.

На другой день Гагин обратился к большому воеводе.

Тот, как и следовало ожидать, упреждение Ноготкова о мурзе положил в долгий ящик.

— Городничему Ваньке Волынскому скажи. У него доглядчиков много — найдут.

И трех ден не прошло, доглядчики донесли: «Новых знатных татар в городе и вокруг за последние полгода появилось четверо, ногойского мурзы Аталыка середь них нет. Есть ногоец по имени Муслы, живет без войска, думает пахать землю».

Гагин сразу позвал Айвику:

— Ты мурзу в лицо знаешь?

— Видела не раз.

— Сходи в лес, на исток реки Казанки, там некий ногоец Муслы появился. Может, он? Разведай тайно, не спугни.

Именье мурзы Айвика нашла без труда. Дом ногойцу был уже построен, теперь плотники возводили высоченный забор. Около забора стояли составленные в костры копыя, на копиях висели сабли — сразу понятно, что это бывшие воины. Последнее упреждение Айвика не вспомнила, в ее голове возник другой план. Она рассудила так: «Если Настя тут, то вырвать ее через такой забор, да при этих вооруженных плотниках — гиблое дело. Надо действовать похитрому и нахраписто». Ума и смелости девке не занимать стать. Она спешила с лошади, с нею в поводу подошла к работникам.

— Хозяина увидеть можно? — спросила. Плотники видят — парень одет богато, подумали, что гонец от казанских мурз. Они, эти гонцы, теперь бывали в этих местах нередко. Мурза тоже так подумал, он Айвику раньше видел мельком и в новом одеянии не узнал. Айвика смело, даже грубо, сказала:

— Далеко забрался ты, мурза Аталык. Чуть нашла тебя.

— Кто ты? — мурза положил ладонь на рукоятку ножа, что висел за поясом.

— По твоим следам от Ярандаева илема шла. Ты меня забыл разве?

— Зачем пришла?

— Нехорошо, мурза. Кузнец за тебя воевать пошел, дочку тебе на сбережение оставил, а ты ее украл. Так честные люди не делают.

— Кто из нас честен — не тебе судить. Кузнец меня предал.

— А дочка его причем? Ты ее с грудным дитем разлучил.

— Тебе какое дело? Она сестра для тебя? Ты черемиска, она русская.

— Она мне подруга, а Андрейке жена. Мы с ним пришли.

— Где он?

— В надежном месте. Отдай нам Настьку, и мы уйдем.

— А если не отдам? Если вас обоих на одну цепь прикую?

— Тогда Андрюшка пойдет к воеводе в Казань. Там сейчас князь Гагин сидит. Он твою реку Казанку Студенкой сделает. Студенку помнишь?

Мурза сверкнул глазами, прошелся несколько раз из угла в угол.

— Ладно. Говори, где Настин муж? Я жену его к нему отпущу, а тебя тут оставляю.

— Зачем я тебе нужна?

— Чтобы он Гагину про меня не сказал. Месяц здесь продержу, если русские меня не тронут — отпущу.

— Ты себя дураком считаешь — меня не считаешь?! — Айвика второпях перепутала русскую поговорку, но мурза ее понял.

— Слово даю!

— Знаю твое слово. Где Андрюшка, я тебе не скажу. Ты его сразу же поймаешь. Я Настьку сама к нему поведу, и воеводе тебя мы не выдадим. Живи тут, нам не жалко.

— Как я могу тебе верить?

— Что ты, что русский воевода — оба мне чужие. А с Настькой мы в куклы играли.

Муслы снова зашагал из угла в угол.

— Долго не думай, мурза. Если к вечеру я к Андрюшке не приду, он в Казань поедет. И завтра же Гагин будет здесь. Меня и Настьку он выручит, а ты...

— Как змея ты хитрая. Знал бы — в илеме прирезал.

— Ты мне верь, мурза. Если бы я думала тебя выдать, я бы сразу в Казань пошла. Зачем мне было свою голову в твою пасть класть? Слово даю — не выдам.

— Ладно. Настю я тебе отдам. Но помни, если предашь, Аббас тебя на дне моря найдет.

— И ты помни. Если вслед нам конников пошлешь, кузнец об этом знать будет. Тогда не кори меня за слово. Ладно?

Мурза хлопнул в ладоши. Вошел слуга:

— Скажи Насте — пусть в дорогу собирается. За ней приехали.

Кто знает, почему Муслы отпустил Настю по-хорошему? Может, оттого, что любил, может, хотел задобрить. Дал он ей в подарок коня, оставил с ней всю одежду, и летнюю и зимнюю, дорогую, сунул в руку кошелек с деньгами. На второй день на всякий случай поднял свою сотню в седло и выехал в лес...

Настя и Айвика сильно боялись, что мурза пошлет вслед им дозор, и если узнает, что они едут в Казань, поймает снова. Но этого не случилось, и к ночи они были у князя Гагина.

И князь, и Андрюшка, и Настя были рады-радешеньки. Договорились, что пробудут они в Казани неделю-другую, отдохнут немного, а потом пустятся в дальнюю дорогу на санях. До Кокшайска по Волге, а там накатан ледяной путь по Кокшаге до Нова города.

Айвика, однако, все время ходила озабоченная. Потом не вытерпела, сказала Гагину:

— Ты бы, князь, пока мы тут, мурзу не трогал бы.

— Почему?

— Слово я ему дала — не выдавать. Я бы могла сказать тебе, что это не Аталык, но Настя же с нами...

— Уж коли ты слово дала, надо держать, — ответил Гагин. — Мы его не тронем и после вашего отъезда. Слово есть слово.

А сам про себя подумал: «Ах ты, честная душа — девка. Да если бы ты попросила его схватить, я и то бы не послушал тебя. Ясно, что Аталык не зря к Казани прибил. Заговор его с Гиреями не удался, теперь он с казанцами задумал ханство поднимать. Пусть ездят друг к другу, а мы на их замыслы со стороны поглядим».

VII

Князь Данила Сабуров в беспокойстве был. Время шло, а гонец из Нижнего не возвращался, подмогу не приводил. А с Данилой слуг всего четыре человека. С ними князь гоняться за ватажниками не осмеливался. С кузнецом в леса ушло, как-никак, четыреста отчаянных мужиков. И приходилось Сабурову торчать в Царевококшайске, принюхиваться да прислушиваться, не появятся ли вести о ватаге. Воевода Ноготков несколько раз намекал, что-де не пора ли восвояси, ведь нижегородская крепость без воеводы оставлена, не дай бог государю об этом станет ведомо.

Наконец, посыльный из Нижнего вернулся, но с худыми вестями. Прибыл-де в город князь Иван Михайлов Во-

ротынский с указом стать там большим воеводой. А ему Сабурову, велено стать воеводой в остроге. Знают ли в Москве о его, Сабурова, отлучке? На это вестник ответил: «Не знают. Инако Воротынский об этом сказал бы». Людей в помощь князю Воротынский не дал, сказал, что об указе о поимке беглых ему не ведомо, а если таковой у Сабурова есть, то пусть он его скорее исполняет да возвращается на свою службу.

И тогда Сабуров решил на последний шаг. Оставив пятерых своих слуг в городе, он поехал в кокшайскую крепость к воеводе Василию Буйносову. Он надеялся уговорить князя дать ему стрельцов, благо к этому времени Данила вынюхал, где кузнец с ватагой хоронится.

А в это время пара саней приближалась к кокшайской крепости. Впереди ехала Айвика, за ней во вторых санях сидели Андрюха с Настей. Воевода встретил их по-доброму. Не потому, что был гостеприимным, а корысти своей ради. Сам Буйносов был безграмотен, а дьяк крепости по-черному записывал, и у воеводы накопилось читать и отписывать много бумаг.

Узнав, что Андрей подьячий, он засадил его за стол в приказной избе, сунул в руки перо — читай и пиши. Девочку поместил в чулане по соседству, велел отдыхать. На дворе трещали крещенские морозы, и все трое согласились переехать в Кокшайске.

Князь Сабуров приехал около полудня. Он вошел в приказную избу промерзший, на густых бровях иней, на усах и бороде льдинки. Собрал в горсть усы и бороду, отодрал лед, бросил на пол. Пока хозяин раздевал гостя, они поговорили о трудной дороге, о жестоком морозе, о здоровье — о всем том, о чем говорится при встрече. Потом сели на лавку и начали беседовать по сути.

— Гостить я у тебя, княже, долго не могу, то дело спешное. Имею я на руках указ государя имать разбойника и вора Илейку Кузнецова. Оный вор и царев недруг сбил ватагу беглых и хоронится ныне на Большой Кокшаге. Оружия с ним, окромя дубин, никакого нет, но воров много — четыреста душ. И стало мне известно, что намерен он на твою крепостишку наскочить, стрельцов поубивать, оружие все как есть забрать. И посему я к тебе с поклоном — помогай и мне и себе.

— А Ноготков о чем думает? У него, я чаю, полтыщи воев, не менее?

— Ты что, Ивана Андреича не знаешь? Спесив, как поляк, упрям, как немец. Тебе, грит, указано, ты и исполняй. А у меня пятеро стрельцов...

— Почему более не взял?

— Дак указ токмо на одного Илейку дан. В Москве, я думаю, о ватаге его не знали.

— Я более сотни стрельцов тебе выставить не смогу,— сказал Буйносов, подумав. — Острог совсем оголеть не в праве.

— Хватит, княже! Воры совсем безоружны, да и оголодали, я думаю. Повяжем их, да и вся недолга.

— Добро, воевода. Где эти воры, в каком месте?

— Мы так сделаем, княже. Я нынче же поеду в Царев город и доподлинно выведаю, где сии разбойники сидят. А ты через день-два веи сотню туда же, и мы дело свершим с божьей помощью.

Как только воеводы вышли, Андрюшка сразу шасть в чулан. О чем они там советовались — не известно, но сразу после отъезда Сабурова друзья заторопились, запрягли лошадей в сани и распрощались с Буйносовым.

Ныне, не то что в минувшие времена, дорога по реке накатана. Стоит впереди город, и ездят по ней постоянно. Хлопая по седлу задом, едет Данила Сабуров по дороге рысью. Лошадь хоть и не успела отдохнуть, но мороз поджимает ее, и она бежит ходко. Вдруг сзади скрип полозьев, конский топот. Оглянулся воевода, попридержал коня на всякий случай, правую руку положил на рукоятку сабли. Но, приглядевшись, успокоился. В санях, раскручивая конец вожжей над головой, мчался воеводский подьячий.

— Эгей, князюшко-батюшко, погоди! — кричал подьячий. Сабуров остановился, первые сани проскочили вперед, вторые остановились сзади.

— Что стряслось?

— Воевода Василий Иванович велел мне грамоту государя посмотреть.

— Он что, не верит мне?

— Не знаю. Велел прочитать и все. Инако стрельцов он не поведет.

Сабуров соскочил с седла, открыл переметную суму, вынул свиток. Он и не заметил, как сзади подошли две бабы, и в спину его уперлось что-то твердое. Он глянул через плечо, под лопаткой торчало дуло пищали.

— Руки, князь, поднимай, — услышал строгий голос.

— Вы что, с ума посходили?! — крикнул воевода, но руки поднял. Подьячий выхватил из его ножен саблю, выдернул пистоль из-за пояса. Сабуров резко наклонился, чтобы вырваться из-под дула ружья, но повернуться не успел. По голове ударили чем-то тяжелым, из глаз у него

посыпались искры, потом все потемнело, и он рухнул на снег. Очнулся связанным. Его куда-то волокли эти трое, и, глянув вперед, воевода понял, что его тащат к проруби, которую пробили, видимо, для водопоя. Из круглого отверстия во льду поднимался легкий пар, вокруг все запо-рошено снегом. И тут Сабуров вспомнил цыганку, ее гада-ние и пронзительно заорал:

— За что, православный-и?!

— За Илейку-кузнеца, воевода, за лихоимство.

И когда лицо ожгло студеной водой, уже подо льдом, у Сабурова мелькнула и погасла вторая мысль о цыганке: «Не могла, стерва, сказать о проруби. Я бы оберегался...»

VIII

Ешке надо было так и так ехать в Москву, к митропо-литу. Город новый, почитай, возведен, деревянная церквуш-ка построена, каменный храм заложен. На все это деньги из царской казны получены. На все иное воевода Ноготков ни полушки не дает. Он и сам мужик прижимистый не дай бог, а дьяк Виногоров при нем, который деньги считает, так тот еще зловернее. А у настоятеля церкви других рас-ходов тьма. Надо образами храмы украсить, а для этого из града Владимира придется иконописцев призывать. Нужно двух дьяконов, двух пономарей, звонарей и иных божьих слуг оплачивать, а чем? Хоругви, опять же, на два храма, свечи, паникадила, сосуды всякие. И вообще храмы божии внутренним великолепием должны блистать, манить прихожан во святую обитель. Певчих бы завести, просвир-ню опять же надо. Палагу бы на это дело поставить, гля-дишь, денга кое-какая перепадет. Ну и про ватагу, про кузнеца надо у государыни узнать — не век же им по ле-сам да болотам мыкаться.

Ехать с Ешкой попросился у воеводы и городничий Звяга. Причины были веские — при пожаре погиб брат Воейкова. Дом и усадьба сгорели дотла, жена и дочь оста-лись без угла. Надобно было их либо оставить в доме, ли-бо везти сюда. Стало быть, усадьбу можно продать, да и могилу жены в божеский вид привести, чай, осыпалась, осела.

Только бы выехать — вдруг на дворе гости. Настя, Ан-дрюшка, Айвика. У Ешки со Звягой радость, а у Насти грусть — отец опять ушел в нети.

— А что делать, раба божья? Приволок Данилка Са-буров царский указ — пришлось прятаться. Где сейчас Илья, бог знает. Обещал весть дать, пока ничего не vedo-

мо. А воевода того и гляди стрельцов из Кокшайска приведет.

— Не приведет, — уверенно сказала Айвика.

— Ты плохо Сабурова знаешь. Он ради награды отца родного выдаст.

— Не выдаст, царствие ему небесное, — Настя перекрестилась.

— Вот бабы, раскудахтались! — недовольно сказал Андрейка, глядя на Звягу: — Слух прошел, что утонул воевода. А вдруг это неправда! Молчите уж...

Воейков посмотрел на лица девок, сразу смекнул, в чем дело. Сказал:

— Ты, Андрей, от меня не таись. Сунули воеводу в прорубь?

— Ну сунули. Мы же думали...

— Нам истину знать надобно. Если Буйносов ему подмогу приведет, что-то сказать надо.

— Уж коли вы приняли один грех на душу, — Ешка тоже перекрестился, — то мы примем на себя и другой. Скажем, что он возвратился в город, встретил тебя, Звяга, да и ушел в леса ватагу искать. А так...

— Скажу. С поездкой недельку придется повременить.

В ту же ночь прибежал из лесов Дениска. Ему и отдохнуть не дали — послали обратно. Сказали: ватаге можно смело возвращаться в город.

Еще через день появился у Ешки кузнец Илья. Он пришел один. Людей на всякий случай оставил в пригородном лесу.

— А ватага где? — спросил Звяга Воейков.

— Ватаги нет. Кончилась ватага.

— Как это кончилась?!

— Есть артель. Ныне мы все плотники да столяры.

— Объясни.

— Я еще там, на болоте, задумался: не пора ли людей к истинному делу приводить. Не воевать надо, не жечь, не ломать, а строить. Пока город возводили, научились кое-чему. И ныне, когда мы в лесах сокрылись, решил я срубы рубить. Пилы и топоры мы с собой захватили и полтора месяца не в норах сидели, а валили деревья, пилили бревна да в срубы складывали. Домов, я чаю, на сорок заготовили. И если князь лошаденек нам даст, выдернем мы эти срубы из леса сюда да и начнем строить себе жилье. Земляное житье во как надоело, — Илья провел ребром ладони по горлу.

— Хлестко придумал, Илейка! — воскликнул Ешка. —

Город наш, почитай, возведен, теперь пора и посады строить. Не так ли, городничий?

— Истинно, — сказал Воейков. — Лошадей дадим, места укажем — стройтесь. Сперва себе избы поставьте, потом стрельцам. Заречную слободку возводить пора.

— Коль вы согласны, слава богу. Теперь ведите к дочке — соскучился, прямо спасу нет.

Воевода Буйносов привел сотню в Царевококшайск, кинулся к городничему Звяге. Тот соседа успокоил:

— Никаких разбойников в округе нет, они, вон, срубы в город возят, избы строят, а Сабуров куда-то пропал.

— А как же указ государев?

— Ты его видел? Я, к примеру, не знаю о таком указе.

Успокоенный Буйносов увел сотню обратно в Кокшайск. Дениска первым долгом разыскал Айвику. Обнял за плечи, поцеловал:

— Замуж за меня пойдешь?!

Девка хоть и рада таким словам, однако, верит им не совсем. Может, как всегда, шутит кудрявый Дениска?

— Не веришь, да? Тебе, я слышал, Гагин-князь коня подарил, а я через неделю избу построю — вот как заживем!

— Юмо серлагел! Он опять все врет! — у Айвики на ресницах задрожали слезы. — Дядя Илья не тебе чета, он и то целое лето избу себе строил. А ты — за неделю. Все врешь?

Дениска хлопнул ладонями по бедрам, крикнул:

— Ну, мать твою за ногу! Вру когда — верят, правду скажу — нет! Будет изба, ей-богу. Ну, не через неделю, так через две.

Утром Айвика запрягла лошадь, чтобы перевозить из леса срубы на первую в своей жизни собственную избу. Дениска к саням приладил подсанки, чтобы возить длинные бревна.

I

Шло время. Достраивался новгород Царевококшайск, укреплялись стены, пристраивались к ним разные добавки. Перед главными воротами возведен был захаб — дополнительный вал, который окружил ворота прочной оградой. «Это крепостные сени», — сказал Дениска, глянув на захаб. Углублялся ров.

В опасных для налета извне местах на стену клали поперек дубовые зубцы, называлось все это «карнизом во-стрым». Делались обламы, земляные выводы, где нужно ставились туры, палы, подлазы.

Обустройства город и изнутри. Выросла приказная палата — изба, в которой «для государевых дел быти дьякам, подьячим и яржкам». Появился восводский двор.

Это все делали стрельцы. А Илейкину артель всю до последнего человека выслали за город, чтобы они строили посады разметные. И стали возникать вокруг города усадебки в одну-две избы, и селились в них бывшие ватажники на постоянное житье. Упорно стучали русские топоры, расчищались места под пашню, горел валежник, взмы-

вался в небеса дым. Всю ватагу Илья разбил по малым артелям, и, кто знает, может быть, от имен артельщиков впоследствии возникли названия деревень. Там, где плотничал Пахом, возникла деревенька Пахомово; где стучал топором Федька Жук, стало Жуково; где работал Изот Коряков, вышло Коряково. Сам себе Илсейка выпросил землю в 15 верстах от города на реке Манаге. Сказать откровенно, жить в городе он побаивался. Хоть и ушел под лед его недруг, но мало ли таких Сабуровых появится на воеводском дворе еще. И село Кузнецово, нам кажется, от Илейки пошло.

Звяга и Ешка сборы в Москву чуток попридержали. Из Разрядного приказа пришла грамота: воеводе Ноготкову готовиться к переезду на озеро Санчурин для возведения новой царевой крепости. От подьячего, привезшего грамоту, узнали, будто бы на его место пошлют князя Александра Михайловича сына Нагого. Забегая вперед, скажем — заложив город Санчурск, Ноготков снова поссорился из-за мест с князем Волынским и был переведен на Оку, где построил еще один город.

Конечно, пока Ноготков готовил сметные и росписные списки, пока делал чертежи города, можно было бы успеть сгонять в белокаменную, но из Казани пришли худые вести. Князь Гагин-Великий не трогал мурзу Аталыка не потому, что послушался Айвику, которая дала мурзе слово не выдавать ногойца. Он рассудил хитро — через Аталыка можно было узнавать о тайных замыслах казанских мурз. И не ошибся. Зачастили к мурзе то один недруг Москвы, то другой. У Гагина среди казанских татар и сторонников было немало — одного заслали под видом ненавистника русских, и он выведал: крымский хан снова надумал поход на Москву и велел на реке Оно Морко накопить войско и ударить по царевokokшайскому острогу. И погнажи казанцы тайно в моркинские леса конников, дабы еще раз одновременно с ханским походом ударить по русской крепости. И посоветовал Гагин Ноготкову предупредить татар и ногойцев, воинов их разметать.

Решено было послать к Ярандаеву илему Звягу Воейкова со стрельцами на вылазку. К шестистам воинам приплюсовали тысячу черемис, а во главе их поставили Кори Топкаева да девку Айвику, которая сама напросилась в этот поход, потому как только она хорошо знала те места.

Ешка один ехать в Москву не решился, да к тому же у него сильно захворала Палага.

Если бы мурза Аталык хорошо прислушивался к вестям, которые посылал ему сотник Аббас, то, может быть,

и не решился на посылку туда конников. Но он слушал гонцов в пол-уха, верил в послушность своих джигитов, надеялся на казанских мятежников, и в моркинскую сторону пошли сотни одна за другой.

...А конные сотни, что остались с Аббасом, про мурзу стали забывать. Да и сам Аббас, чувствуя приближение старости, решил, что воевать хватит, пора садиться на землю, вить свое гнездо, заводить семью. Его конники бросили свои копья и сабли, запрягли лошадей в сохи, начали пахать землю и брюхатить местных девок. Поскольку коран разрешает ногайцам иметь много жен, они завели гаремы, хватали женщин и девушек, какие им нравились, отнимали у черемис жилища, земли, имущество, чем озлобили местный люд до крайности. А когда стали появляться сотни из Казани, стало еще хуже. Те начали свое житье с грабежей, и когда в Ярандаевы земли прибыли стрельцы Звяги Воейкова и люди Кори Топкаева, то местный народ повалил к ним валом. Скоро к полутора тысячам участников вылазки прибавилось втрое больше людей, желающих воевать с насильниками.

Звяга Воейков хоть и не был мастером ратных дел, но рассудил здраво — сначала надо послать по илемам охотников, пусть они там посмотрят, что к чему. Айвика и Кори с охотниками разошлись в разные стороны и ходили неделю. Возвратившись, донесли: Аббасовы люди гуляют свадьбы, множат гаремы, казанские воины грабят все, что не успели у лесных людей украсть ногайцы. Народ озлоблен и поможет выгонять грабителей вон.

Звяга разделил свое войско на сотни и послал по шести дорогам к илемам. Людей Кори Топкаева придал сотням в помощь, Айвику взял с собой и повел стрельцов на главный илем, где жил сам сотник Аббас.

Аббас в ту зимнюю ночь справлял тринадцатую свадьбу. В гостях у сотника — казанский мурза Амир. Оба лежат на медвежьих шкурах. Сотник учит свою молодую жену петь ногайскую свадебную песню. Невеста, путая ногайские слова, скулит сквозь слезы:

Шыбык салсам, шынлык кетер,

Кыз джиберсен — джылай кетер.

— Ты поняла, что поешь?

Невеста качает головой — не поняла.

— Ну и дура. Ты спела «Если стрелу пущу — звеня, уйдет, если девушку выдадут замуж — плача, уйдет». Спой еще раз.

Невеста поет со слезой во взоре, а Амир упрекает сотника:

— Зачем тебе тринадцать жен, Аббас? Ты старый человек, ты воин. Скоро на Кокшагу пойдем, воевать будем, куда такую ораву баб потащишь? Ты постоянно пьян, а что коран говорит? Капля вина отравляет душу человека. Я удивлен, почему аллах до сих пор не наказал тебя?

— Ля иллях, иль алла!* Ты правду сказал — я стал стар, но одновременно я стал мудр. Сорок лет я не вылезал из седла, служил мурзе и отцу его. А что я заслужил? Дома у меня не было, семьи тоже, деньги награбленные из худых карманов растерял. Мне теперь на покой пора. Я только сейчас счастливым себя вижу. Всем доволен. Эти молодайки разве жены мне, они служанки. Богатство мне приносят: шкурки выделывают, красивые одежды шьют, еду варят, по ночам мне пятки чешут. Придет весна — хлеб посею, скот заведу...

— А воевать когда?

— У мурзы молодых воинов много, а я спокойно жить хочу.

— Подожди, вот придет Аталык, он тебе авун** спустит да плеткой...

— Плюю я на Аталыка. Он теперь шан*** у моих ног! У него десяток воинов всего, а у меня...

С треском распахнулась дверь, впустила в куду клубы морозного пара. Подскочил к нарам воин, крикнул:

— Русские в илеме! Берегитесь!

За воином ворвался в куду Кори, за ним Айвика. Невеста, взвизгнув, выскочила в женскую половину, за нею бросился Амир.

Кори крикнул: «Ни с места!» Бросился к Аббасу, полоснул его саблей по плечу и пошел на Амира. Мурза схватил из-за пояса нож, метнул в Кори. Одновременно прозвучал выстрел из пищали. Это стреляла Айвика.

Дело свершилось за одну ночь. Стрельцы переловили, частично перебили всех конников Аббаса, казанские воины разбежались по лесам. На помощь Звяге поднялись черемисы моркинской стороны. За трое суток были очищены от насильников все илемы. Потери у Воейкова были невелики — десяток раненых стрельцов да трое убитых. Черемисских охотников погибло гораздо больше, от раны умер Кори Топкаев. Не вынес удара саблей и Аббас. Амир был застрелен сразу.

* Нет бога, кроме бога!

** Авун (ног.) — задняя часть штанов.

*** Шан (ног.) — пыль.

Кори, Топкаева сына, похоронили по православному обычаю. Это был первый похоронный обряд в новом деревянном храме. Провожать в последний путь сына лужавую, погибшего в ратном деле, пришли не только жители лужая, но и стрельцы. Ешка сказал прочувствованное последнее слово, певчие пропели «со святыми упокой». Потом гроб поставили на сани и повезли за город, на Шугатлу — место захоронения умерших рода Топкая. Впереди гроба шли стрельцы с пищалями на плечах. Над могильным холмом поставили крест — первый на этом кладбище знак вечной памяти рабу божьему Григорию.

Топкая вели с кладбища под руки Илья и Андрей, мать Кори шла с Айвикой и Палагой.

Айвика не плакала. Не потому, что ей не жаль было друга детства, а оттого, что она не могла поверить в смерть Кори. Ей все казалось, что вот пройдут поминки, откроется дверь, и в ее куду протиснется огромный, неуклюжий Кори и скажет:

— Если этот кудрявый еще раз подойдет к тебе, я ему клюв почищу.

Слезы пришли после поминок. Айвика возвратилась в куду немного пьяная, долго сидела на нарах и глядела на дверь. Но над крышей гудел ветер, и никто не трогал деревянную задвижку двери, и только тогда Айвика поняла — не придет в ее жилище Кори никогда. Она упала на медвежью шкуру, разостланную на нарах, слезы полились ручьем. А за окошком бесновалась последняя в эту зиму пурга, заунывно выл ветер в застрехах, словно оплакивал потерю человека, ушедшего так рано из жизни.

Мертвые уходят, а живые остаются. Жизнь нового города катилась все так же стремительно. Ватажники вывозили из леса срубы, ставили их на мох: возникали избы, на землю садился хозяин. Отстраивалась зареченская слободка. Туда переходили на жилье дьяки, подьячие и прочих служилый люд. Отцу Иоахиму плотники любовно отгрохали за храмом хоромы окнами на Кокшагу. Хоромы многокомнатные, светлые, просторные. Прежнюю избу отдали Андрейке с Настей. Дело насчет женитьбы уже решилось, на масленицу было намечено играть свадьбу.

Отец Иоахим заторопился в Москву: хотелось, пока не обрушились дороги, обернуться в оба конца. Собирали его в поход всем городом. Особенно старались Илья и ватажники. Сани — подарок покойного царя — кузнец по полозу обил железными полосами. На дровни поставили крытый утепленный возок с дверцей. Внутри обили кожей, накида-

ли туда звериных шкур для мягкости — возок вышел не хуже архиерейского. Князь Ноготков не поскупился, выделил пару лошадей в корень и пару в запас. Трех стрельцов для охраны: один будет скакать впереди, двое сзади. Звяга Воейков кусал губы. Как бы хорошо сгонять с Ешкой в Москву, да рана не дает. Полоснули его саблём в minulом бою, не только в дорогу ехать, а ни встать, ни сесть. Попал он в руки Айвики, лечит она его по-своему, у нее не вырвешься. Люди Топкая принесли к возку гору лисьих и беличьих шкур — подарок митрополиту, царю с царицей.

В один из дней Ешка, благословясь, выехал в дальнюю дорогу...

II

Как ни ходко гнали стрельцы санный поезд, а приехали в столицу только на двенадцатый день. Москва, как всегда, встретила Ешку звоном колоколов, уличной суетой, шумом на площадях.

Москва, судя по храмам, была все та же, что и раньше. И в будни, и в праздники около церквей толпился народ, нищие лезли на паперти храмов, ловили прихожан за шубные рукава, кланчили милостыню. Брякая веригами, ползли юродивые, несмотря на холод обнажившие свое уродство, открытые раны, выпрашивали копеечку. Однако было и новое — на папертях кроме прихожан торчали стрельцы с бердышами, всюду шныряли приставы с бляхами на ремнях и с саблями на боку.

Ешка еще в пути удумал с шиком подкатить к митрополичьему двору, показать святым отцам, что не какой-нибудь попишко приехал, а настоятель Царева города.

У Хмельного оврага поезд остановился, стрельцы приосанились, заломили шапки, Ешка одел беличью шубу, возок очистили от снега и покатили. У митрополичьего двора в воротах встретили их вооруженные монахи, загородили путь. Ешка вышел из возка, распахнул беличью шубу, важно подошел к стражу.

— Кто естъ и куда? — спросил страж.

— Настоятель храма новгорода на Кокшаге. Надобно к патриарху.

— Повременить придется, отче. Не до тебя ныне. У преосвященного на дворе патриарх византийский Иеремия.

— Ого! — Ешка зачесал в затылке. — И надолго?

— Думаю, надолго. Скажи, где тебя искать, ежели понадобится?

— Ищи на Якиманке, в доме Звяги Воейкова. Буду там, — и полез снова в возок. Он знал, что сестра Звяги после пожара жила в его доме.

Сестру Звяги звали Дарьей, племянницу — Ольгой. После пожара она, как бедная невеста, оказалась без женихов и считалась старой девой. Ей шел двадцать пятый год, надежд на замужество не было никаких, и Ольга готовилась к пострижению в монастырь. Умная и богомольная, она ходила по монастырям и храмам, в делах православной церкви разбиралась хорошо. Ешке это было шибко на руку. Он передал Дарье повеление брата продавать дом и готовиться в путь, а сам вцепился в Ольгу:

— Ты, девка, думы про монашество кинь прочь — в царевом городе мы тебе найдем жениха, каких в Москве и не бывало. А пока расскажи мне, что в православной церкви происходит?

— Ныне в Москве третий Рим хотят сделать, — просто сказала Ольга.

— Как это... Рим?

— Патриаршество сюда хотят перенести.

— Вона как! А Царьград куда же?

— Там турки. И вселенскому патриаршеству там быть неуместно.

— Рассказывай далее.

Из разговоров с Ольгой Ешка узнал многое. Он и сам знал, что давным давно, еще при папе римском Евгении, церковь разделилась на две веры — на латинскую и греческую. Православное патриаршество воссело на престол в Константинополе, и возник как бы второй Рим. Это был могучий церковный престол, которому подчинялась и русская церковь. Но в нынешнее время при турках патриаршество захирело совсем, и Иеремия приехал хлопотать о переводе центра вселенской православной веры в Москву. Царь Федор согласился посадить патриарха во святом граде Владимире, но Иеремия просился на престол в Москву, чтобы быть рядом с царем. А это означало — митрополит Иов будет отодвинут на второй план, а то и совсем потеряет значимость главы русской церкви. Годунов с этим согласиться не мог, терять беспредельно преданного ему Иова не хотелось. Спорили, судили-рядили полгода. В этих спорах Годунов утвердился в новых планах: хилое византийское патриаршество порушить, избрать на новое вселенское правление митрополита Иова и таким образом сделать Москву третьим Римом, властительницей всех православных церквей. Это сулило Руси, царскому престолу и самому Годунову великие выгоды. На Иеремию стали давить всеми возможными средствами: деньгами, страхом и упорными уговорами. Ему дали понять — пока он не согласится, его не выпустят из Москвы. Патриарх долго не

соглашался, но когда ему предложили шесть тысяч золотом, не устоял. Было решено патриаршество ставить на Москве, выделить для выбора трех митрополитов: московского Иова, новгородского Александра и ростовского Варлаама. Боярская Москва раскололась на три партии. Кому-то был выгоден Варлаам, кому-то Александр, а Годунов все делал для того, чтобы патриархом стал Иов. Вот почему в городе и около всех церквей торчали стрельцы. Выборы, как узнал Ешка от Ольги, намечались на 28 января, то есть ровно через пять дней.

Весь январь в том году был холодом лют, но в день избрания патриарха резко потеплело, и это сочли божьим предзнаменованием. К полудню стало известно: московским патриархом избран митрополит Иов. Эта весть с быстротой молнии распространилась по столице, церковь всех людей призывала на крестный ход. Отец Иоахим немедленно собрался и в сопровождении стрельцов вышел к Кремлю, к Фроловским воротам.

Около моста через ров — толпа людей, не протиснуться. Ешка не зря взял стрельцов, те, орудуя черенками бердышей, пробили проход к передним рядам, и Ешка пристроился около какого-то боярина. Тот толкнул было Ешку локтем, хотел ругнуться, но, увидев дорогую беличью шубу, замолк. Рядом с боярином стоял подросток, он перекрестился и произнес:

— Говорят, святейшего дух святой избрал. С небес знамение было.

— Держи карман шире, — мрачно сказал боярин. — Этот дух — Бориско Годунов. За неделю было знамо — выберут Иова. Заранее на него саккос шили и все патриаршье одеянье. Дух святой только ныне утром указал, а валаамскую ослицу месяц тому назад из Астрахани привезли.

— Каку таку ослицу? — спросил Ешка.

— Гляди — увидишь. Дурака, да в патриархи! Кто у нас Иова не знает? Расстилается перед Годуновым, вот и избран.

Ешка понял, что боярин — противник Годунова, потому и ворчит. Ну а о том, что Иов не блещет умом, он знал сам. Этот козлобородый шуплый старикашка не был любим народом. И как всегда это бывает, Иова любили властители. У Грозного он был в чести за то, что поддерживал опричнину и сам был опричником. Годунов приблизил его за преданность. Теперешний «святейший» мог возвести на трон даже сатану, если это понадобится Годунову. Одно было достоинство у Иова — железная память. Он знал

наизусть евангелие, мог без запинки и выразительно читать длиннейшие молитвы, «аки труба дивная, всех веселя и улаждающая».

Задолго до избрания патриархом, Иов разработал крестный ход, связанный с этим событием. Он наизусть прочитал царю и Борису Годунову ту часть евангелия, где рассказывается, как Иисус Христос приехал в город Валаам верхом на ослице, чтобы проповедовать свое учение. Вел ослицу в поводу верный его апостол Петр.

— Воззри, государь мой, — сказал Иов царю, — на сию картину из священного писания. Взошел святитель наш в град Валаам на осле и осенил всю ту землю светом новой веры, и потому доныне ослица валаамова чтется во всем мире святейшей, и памятник в тех местах воздвигнут ей на века. Потребно же и нам ввести в третий Рим нового патриарха на ослице, дабы показать всему люду, что и мы намерены осенить светом веры христианской из Москвы всю вселенную!

Мысль митрополита царю очень понравилась, и были посланы люди в Астрахань, дабы привезти ослицу.

...Вся Москва тонет в колокольных звонах, гремит в Кремле тысячеустное хоровое пение, и вот крестный ход появляется в створе Фроловских ворот. Впереди идет сотня стрельцов, она прорубает в толпе проход для торжественной процессии. За стрельцами идет отрок, он несет фонарь с десятком свечей внутри. Это как бы символ света веры христовой. За отроком сотня дьяконов с хоругвями, вторая сотня с крестами. Тут же позолоченную икону Спасителя несут. Поют священные гимны хоры дьячков, монахов и монашек, звенят колокола, плещутся на ветру хоругви, блестят на солнце золоченые кресты.

Все ждали, что в крестном ходе выйдет царь, но в створе ворот появился Годунов. Он вел в поводу крупную мышасто-желтого цвета ослицу, на которой восседал патриарх Иов.

Здрав вверх козлиную седую бородку, святейший блаженно шурился от яркого солнца, бившего ему в глаза. Когда Годунов ввел ослицу на мост, толпа словно по единому знаку рухнула на колени, ослица пряданула своими огромными ушами, испуганно остановилась. Борис потянул за повод, но животное не тронулось с места. Патриарх заерзал в седле, ударил ослицу пятками в бока, но она ни с места. Годунов с силой рванул повод, ослица вытянула шею, уперлась передними ногами и дальше не шла. В толпе раздались смешки, торжественное шествие могло закончиться позором. Кто-то из монахов подскочил было к ос-

лице сзади и хотел ударить ее посохом по спине, но Борис поднял руку — бить священное животное было бы уже кощунством. Самое страшное было то, что сзади, из Кремля, напирали не подозревавшие об остановке участники хода и своим напором грозили столкнуть патриарха с моста. Упрямая ослица, несмотря на все старания Бориса и Иова, далее идти не хотела.

И тут только один Ешка догадался, что делать. Он в своих скитаниях бывал в местах, где водятся ослы, и знал, что животные эти упрямы от страха. Чтобы стронуть с места испугавшегося осла, нужно поднять его длинное ухо и крикнуть, отвлечь животину от испуга, и осел в ту же минуту пойдет дальше.

Ешка смело и решительно подошел к ослице, поднял ухо и сказал:

— Ты же святейшего патриарха везешь! Иди!

Ослица тряхнула головой и пошла за Годуновым. Патриарх узнал Ешку, перекрестил перстами и, улыбнувшись, кивнул головой. Процессия тронулась, чтобы прошеествовать вокруг Кремля.

Вечером через посыльного монаха Ешка был позван к патриарху.

О происшествии на Фроловском мосту говорила вся Москва. Противники Годунова обвиняли Бориса, что он взялся не за свое дело и забыл внушить священному животному, которое все понимает, кого оно везет. Слава богу, умный человек наехал, говорят, священник, приехавший с Волги, под шубой у него была видна ряса. Когда об этом рассказали царю, он непременно захотел увидеть этого священника и приказал разыскать его и привести на пир, который устраивался по поводу утверждения патриаршества в Москве. Большой праздник устраивался в воскресенье, а ныне у государя не то, чтобы пир, а так — почти семейный ужин.

Ешка подкатил в своем возке к Фроловским воротам, там его уже ждали. Монах вскочил на облучок козел и повел возок через кремлевскую площадь прямо ко дворцу Бориса Годунова.

В Столовой палате дворца сидели хозяин дома Борис Федорович, патриарх Иов, архиепископы Варлаам и Александр. Ждали царя и царицу, но все четверо не утерпели и, видно, восприняли не по одной чарке хмельного. Иов, увидев входящего Ешку, воскликнул:

— Великий муж Иоахим, мудрый служитель бога, здрав будь!

Ешка, сложив ладони лодочкой, смиренно склонившись,

подошел к патриарху под благословение. Иов окрестил перстами Ешку, указал место за столом.

— Давно ли на Москве, отче? — спросил Годунов. — Святейший рассказывал о тебе много лепного.

— Неушто помнят меня, мошку малозаметную?

— Мне бог велел всех служителей его помнить, — тряхнув бородкой, сказал Иов. — А про тебя государыня-матушка не раз говаривала. Ты, бают, не только крестом, но и мечом новеград царев на Кокшаге защищал.

— Было, святейший, было, — Ешка глянул на ковш с медовухой, сглотнул слюну. Годунов заметил это, пододвинул гостю ковш. Ешка, перекрестившись, выпил.

— Как там крепостишка? — спросил Годунов.

— Почитай, построена, боярин. А вот храм...

— Чую, денег просить приехал? Патриарху челом бей.

— Об этом мы особо поговорим, — патриарх глянул на Годунова. — И тебе бы, Борис Федорович, на божье дело не мешало раскошелиться.

— Царская казна не в моих руках.

— Да не из царской, из своей. Вспомни жизнь Христову. Бедная вдова в некоем городе внесла свою лепту в дело новой веры, а ты, чай, не вдова, не нехристь какой-нибудь. Не жмись.

— Ладно. Я богомазов в твой храм, отче, пошлю. А на стены из патриаршей казны наскребут. Патриарх щедр.

— Истинно, наскребут. В Царьград не из той ли казны шесть тысяч золотом уплыло? Казна сия пуста.

— Уж будто бы! Ныне Москва третьим Римом зовется, а мы...

— Ох-хо-хо! — вздохнул Варлаам. — Боговы дела мытарств не терпят.

Борис понял намек архиепископа, сразу перевел разговор на другое:

— Инородцы бунтовать перестали?

— Пока все, слава богу, мирно. Если не считать...

За окнами в сенях полыхнул свет факелов — это шла царская семья. Годунов выскочил из-за стола, бросился к двери. Взял под руки вошедших Федора и Ирину, посадил на большое место за столом. При входе царской четы все встали. Федор махнул рукой в сторону Иова, сказал ласково:

— Ты, святейший, сиди. Ты ныне выше меня поставлен — над всей землей православной ты хозяин, всем праведным христианам ты пастырь. Трапезу нашу благослови, — царь встал, склонил голову под руку патриарха. Подошла к Иову и царица.

— И ты, Борис, и ты.

— Я уж благословен, государь.

— Царь голову склонил, а тебе лишний раз лень?

Борис пожал плечами, но под благословение еще раз подошел.

Вошли слуги, чтобы прислуживать за столом, но царь взмахом руки отослал их. На недоуменный взгляд Годунова ответил:

— Ныне тут богослужителей трапеза, а не моя. И прислуживать святым отцам не зазорно не токмо тебе, шурин, но и нам с царицей. Ты, Борис, архиепископам меду поднеси, я с патриархом выпью, а ты, Иринушка, отца Иоахима почествуй. Ныне он святое действо спас и нашей милости удостоин будет.

Федор первым поднялся, налил в золоченые чарки вино, подал одну Иову, другую поднял сам. Борис налил вино Варлааму и Александру, Ирина поднесла чарку Ешке.

— Выпьем, православный, за третий Рим!

— А четвертому не бывать! — добавил Иов и выпил вино. Царь в иные времена на всех пирах только пригублял вино, но ныне выпил чарку до дна и, улыбаясь, глянул на Ешку.

— Поведай мне, отче, какие словеса сказал ты ослице валаамской? Не токмо я, весь народ на Москве зело хочет об этом знать. И как ты надоумился?

— Божьим повелением, государь, — Ешка сказал это искренне, без хитрости. Он выпил и верил, что мысль ему внушена была богом. — А сказал я словеса простые: «Возгордись, блаженная, ты вся земля патриарха везешь. Иди с богом». И она безропотно пошла!

— Ах, как хорошо! Сии слова великого чуда достойны. Проси у меня чего хочешь за это — исполню!

— И попрошу, государь! — Ешка осмелел, а Годунов обрадовался. Он был уверен, что поп попросит денег на храм, царь пообещает, и ему, Годунову, не придется тратиться из своей казны. — В minulый раз государыня-матушка обещала мне дать указ о прощении вины давнему разбойнику Илейке Кузнецову и его ватажникам. Ныне они Царьгород не токмо отстраивать помогали, но животы клали на защите его от врагов.

— Шурин! Разве такой указ доселе не дан?! Я же помню — подписывал.

— Нет, государь. Ты хотел подписать, да не успел.

— Как же это я так?

— Захворал ты, Федя, — ласково напомнила Ирина,

Ей не хотелось, чтоб царь вспомнил об истинной причине.

— Разыщи его, шурин, я подпишу!

— Сейчас?

— Завтра. И чтоб отец Иоахим этот указ непременно увез с собой.

— Сделаю, государь.

— Я тебе завтра напомним, Федя. — Ирина уводила разговор от злополучной ссоры во время подписания указа. — Нам, государь, еще два города в черемисских лесах строить надобно, и пусть беглые люди в те места идут и пользу державе приносят.

— Истинно, государыня! Чем им задарма по лесам шататься да бунтовать, да разбойничать. И народов тех, кои в лесах диких живут, потребно привлекать к государеву делу мерами кроткими, а не силою. И еще храмы надо там строить, монастыри возводить. И денег на сие святое дело жалеть не надо.

Иов повернул голову в сторону Ешки, он понял, что поп осмелел и разошелся, и сейчас государь тряхнет патриаршую казну. Нужно было немедленно уводить разговор в сторону.

— А ты ведь схитрил, отец Иоахим?

— Когда, святейший?

— Ты ослице валаамовой не то слово на ухо шепнул. Ты ее не блаженной назвал. Я слышал.

— А как? — Ешка и сам забыл, как назвал ослицу.

— Не в том суть, боголюбивый Иов, — Годунов тоже понял уловку патриарха и решил порушить ее с тем, чтобы тряхнуть и святую казну. — Я мыслю, что отец Иоахим прав: денег на храмы и монастыри жалеть не надо. Теперь Москва не просто Москва, а средоточие вселенской православной церкви. И со всех ныне действующих храмов на земле деньги в патриаршую казну потекут обильно. И я мыслю, святейший патриарх повелит храмы и монастыри на черемисских землях строить не мешкая.

— Да уж повелю, боярин, — Иов хитро глянул на Годунова. — Я, как и ты, мыслю: более радеть об осиянии тех земель светом христовой веры некому.

— Как это некому? — царь захмелел, хлопнул ладонью по столу. — Из моей казны денег дадим тоже. Город сей царев али не царев?!

— Наш город, государь, наш, — сказала Ирина, обнимая Федора за плечи. — И завтра же мы о воспоможении храму подумаем. А сейчас тебе пора на покой.

— Да, да; Иринушка. Что-то голова у меня разболелась...

Сколь Ешка помнил себя, столь же и страдал от безделья. У него всегда не хватало денег на выпивку. А выпить он любил. И не просто напиться, как некие, до положения риз, а для веселия. Сидеть в кабаке, потягивать бражку или вино, вести веселые беседы с питухами, петь песни, а если случай придет, то и помахать кулаками. Потом колобродить по городу, тискать встречных молодаяк, а наутро найти ласковый заборчик, растянуться около него на травке и похрапёть до той поры, пока солнце не припечет поясицу. В Царевококшайске кабак только еще строился, и посему московские кружалы Ешке следовало бы посетить.

Но, странное дело, когда у него, можно сказать, впервые в жизни появилась куча денег, кабаки он миновал один за другим.

Что-то мешало ему распустить кушак на рясе и ринуться в шумный чад кружала.

Сперва показалось — причиной тому Палага. Оставил он ее дома хворую и вроде было совестно здесь бражничать и веселиться, когда она там мучается от болезней.

Потом размыслил — дело не в Палаге. Веди он здесь хоть самую разблагочестивую жизнь, боли жене это не облегчит.

Может, он боялся за казну? Дал ему кошель с деньгами патриарх, дал денег и царь, вернее, царица. Даже Годунов внес немалую лепту на сооружение храма. Одарили его и архиепископы — завалили возок церковной утварью, сесть негде. От этих денег отнять малую толику на пропой — не только казна, сам бог не заметит. Не боялся он за сохранность ценностей. Дескать, напившись, либо потеряет что, либо украдут. Нет, у кошелеев теперь стрельцы в охране, его самого берегут тоже. И все-таки в кабак не тянет.

И только в пути Ешка понял: причина его необычной трезвости крылась гораздо глубже. Каким бы Ешка ни был человеком, опутанным мелкими грехами, житейскими недостатками, в одно он верил непреклонно — в чистоту божьих помыслов, в святость царя, патриарха, архиепископов и митрополитов. А как окунулся он в эти дни в дела святых отцов — понял, что верил напрасно. Оказалось, что патриаршество куплено за шесть тысяч золотых, а не снизошло на Москву, как многие думают, «благодатью святого духа». Архиепископы дрались с Иовом перед выборами, потом делили казну, бранясь и богохульничая, как простые

ямщики на перекладных станах. Борис Годунов снова уламывал царя не давать прощения ватажникам, и если бы не Ирина, царь согласился бы с ним. Благо матушка-царица и умна и добра — указ ныне лежит у Ешки в укромном месте. И сказано в нем прощение не только Илейкиной ватаге, а всем, кто придет на возведение крепостей из лесов, ватаг и ватажек. Того же патриарха взять. Не ему ли о монастырях заботиться? Так нет, Иов долго и нудно внушал Ешке, что монастыри, мол, приношениями прихожан множатся, пустыни разрастаются в монастыри, и денег на это святое дело не дал.

И Ешка явственно понял: не святостью патриархов, митрополитов и архиепископов держится и будет держаться церковь, а усилиями таких, как он, подвижников, которые идут в глухие места и множат там божьи храмы, дают люду примеры честности, добра и святости. И если он, отец Иоахим, будет бражничать, греховодничать и лихоимствовать, то куда же тогда покачнется русская православная церковь? Вот почему он не взял ни полушки из кошель, вот почему он проскочил мимо всех кабаков на московских улицах.

На обратном пути к поезду прибавился еще один возок — Дарья продала дом Звяги, купила коня и возок, сложила туда свое небогатое добришко, посадила дочь Ольгу рядом с собой и пустилась в дальний неведомый путь.

III

С приездом Ешки в городе начались перемены. На проповеди в деревянном храме был прочитан указ о прощении ватажников, и люди вздохнули свободнее. Палаге стало, слава богу, легче, хворь оставила ее совсем. И, странное дело, Ешка заметил, что у Палаги стал меняться характер, да не в лучшую сторону. Баба и раньше, в молодые годы, не ревновала его, а тут началось! Не успел он вылезти из возка, как Палага сразу спросила стрельцов:

— Небось эта седая грива бражничал, по кабакам шлялся?

— Нетушки, — мотнул головой старший стрелец. — Не только сам, но и нам ни капли в рот. В строгости нас держал.

— Ох, врете, ох, омманываете! — Палага погрозила стрельцу пальцем. — Да такого быть не может! И с молодайками не хороводился?

— Да ты что, квашоночка моя ласковая, — загудел Ешка. — Нам обоим по восьмому десятку идет. Какие молодайки?

— Знаю я тя, бабский угодник, знаю.

Ешка подумал, что баба на радостях шутит, ан нет. Помог он Дарье из возка выбраться, Ольгу, отряхая от снега, хлопнул по задку, а Палага уж над ухом шипит, как змея:

— Ты, ирод, думал, что я умерши, уж иную нашел по ягодицам-ту гладить. Я те, пес волосатый, поглажу, я ей кудри-то расчесу.

— Она же дочь мне, дура старая. Это Звяги Воейкова племянница.

— А которая в шали?

— Это его сестра. Забыла, беспамятная. Звяга велел их привезти. Вот я и привез.

А тут как раз и масленица подоспела — для свадеб самая пора. Первую свадьбу решили справлять Дениске, тем более, что избу он для себя поставил, своего будущего тестя из кудо переташил, для лошадей хлев сварганил. Все дело по устройству свадьбы взяла в свои руки Палага. Она перво-наперво заявила, что играть свадьба будет в ее доме.

— А моя изба чем плоха? — спросил Дениска удивленно.

— Не плоха, а мала. Гостей-то знаешь сколько будет?!

И права была старая Палага. Гостей набралось столько, что хоть лавки выноси. Воеводы Ноготков и Нагой тоже не погнушались, пришли. Шутка ли сказать — первая в городе свадьба. Да и не просто свадьба — два **иных** народа роднятся.

Через неделю гуляли на свадьбе у Андрейки и Насти. Воевод, правда, на ней уж не было — позвали Ноготкова в Москву, а Нагой уехал по делам в Казань.

МЕРЫ КРОТКИЕ

I

С той веселой поры свадеб прошло два года. Андрей Царегородцев при воеводе Алексашке Нагом стал чуть ли не первым человеком. Приказной дьяк Гушин умер от простуды, воевода нового дьяка выписывать из Москвы не стал, передал все дела Андрею. А поскольку Нагой часто отлучался в Москву, то делами города правил Звяга Воейков, а дела воеводства вершил подьячий Царегородцев. Настя, жена его, подобрела, родила двух сыновей и теперь в городе звалась дьячихой. Илья женился на Дарье, сначала уехал было в свое хозяйство на реке Манаге, но потом был отозван Звягой в город, чтобы стать артельным старостой на строительстве каменного храма. Теперь он стал городничему шурином, а кто, как не родня, должен помогать обустройству города?

Дениска от Андрейки не отставал, у него тоже двое детей стало, обе девочки. «Ничо, — успокаивал он Айвику, — вырастут, отдадим их замуж за Андрейковых парней — глядишь, породнимся». А стал Дениска Ключ сборщиком ясака. С Митькой Суслопаровым их разделили. Дениске отдали все междуречье, Митьке — вятскую сторону. Пала-

га добилась своего: оженила Ермила на Ольге. Ермил, правда, малость поерепенился: дескать, шибко молода и дюже красива, а ему, Ермилу, слава богу, идет сороковой год.

— Ты, грязноногая наковальня, помолчал бы, — сражала его Палага. — Если бы я тебе сватала старую да косо-рылую, тогда бы иное дело. А эта умна, пригожа, я ее заместо себя при храме просвирицей сделаю.

А город день ото дня полнился людьми, хорошел. Царский указ делал свое дело: из лесов со всех сторон приходили ватажки беглых, просились в Илейкину артель и в иные работные места.

Однажды пришли к городничему Звяге в гости Дениска и Айвика. Посидели за столом, о том, о сем поговорили, выпили. А Дениска вдруг и говорит:

— Смотрю я, Звяга, на стрельцов и вижу — от них городу сплошной убыток. Отстоит этот бездельник сутки на стене крепости, потом сутки дрыхнет. А его корми, деньги плати.

— Без стрельцов нельзя, Денис Иванович.

— Женить их, дармоедов, надо. Женатый, он сразу на землю сядет, огород заведет, хлеб растить будет. Времени свободного у него навалом!

— И кормить он будет не только себя, — добавила Айвика, — но и на базар кое-что вынесет.

— А невесты где?! Тут каждый бабой обзавестись не прочь, а прибыль наша, опять же, — одни женихи. Из лесов с ватагами одно мужичье прет. Хоть меня возьми — до сих пор вдовым маюсь.

— А моя баба Айвика хороша?

— Уж куда лучше.

— Вот, мать твою за ногу! Так женись на инородной. Сделай почин. Тогда и стрельцы...

— Что, стрельцы? Они и так втихомолку к местным вдовам похаживают. А если законно, то ведь венчать будет надобно. А отец Иоахим согласится?

— Меня обвенчал же!

— Одного незаметно. А когда много?

— Пусть много. А что тут плохого? Я вот свою бабу обнимаю — и никакой разницы.

— Не в том суть. Ночная кукушка, она кого хошь перекукует. И может так случиться, что наши мужички не в храм божий будут ходить, а в кюсото. Вере нашей растворение может быть. Что казанский архиепископ скажет?

— Ты, городничий, разговор в сторону не уводи, —

сказала Айвика. — Сам жениться думаешь? У меня в соседнем илеме подруга есть. Хочешь, в гости приведу?

— Приводи. Гости — это еще ничего не значит. Поглядим.

Тут же все трое решили навестить отца Иоахима.

Ешка встретил их в сенях, приложил палец к губам:

— Палага захворала шибко. Только уснула.

На носках все прошли мимо опочивальни, где в занавешенной кровати лежала Палага. Ешка тихо затворил дверь, усадил гостей за стол: — Чего шляетесь, полуношники?

— Пришли узнать, как у тебя дела с храмом, — ответил Звяга. — Не надо ли чего?

— Я ныне как кулик на болоте: нос выну — хвост увяз, хвост выну — нос увяз. Сперва люди для стройки были, денег не было. Теперь деньги есть — мастеров нехватка. Ноготков всех с собой увел.

— А Илюшкины артельщики?

— Они работные, не мастера. Кирпич носить, класть кое-как умеют, а более ничего. Я стены уже начал. А как купола возводить надо, штукатурку класть надо, внутреннее убранство ладить?.. В Казань надо ехать, к архиепископу Гермогену. Может, он мастерами поделится. У него должны быть.

— Поедешь, узнай заодно: русских на инородках венчать можно ли? — сказал Дениска. — А то Звяге и иным жениться не на ком.

— Не во мне дело, — заметил Звяга. — Работные люди, стрельцы в холостых маются. В кабаке тоску заливают. А жены бы в кабак не отпускали, хозяйствовать заставляли бы. А так разбегутся скоро все.

— Про венчание я и без Гермогена все знаю, — сказал Ешка. — Если инородка крест носит, веру нашу чтет, в церковь ходит, ставь ее под венец и вся недолга! Окручу за милую душу. А ты, городничий, и впрямь жениться надумал?

— Не век же мне во вдовцах ходить. Айвика уж невесту подыскала.

— Кому невесту... подыскала? — раздалось из-за занавески.

— Звяга жениться удумал, Палагушка, — прогудел Ешка.

— Подойди, Звяга.

Звяга откинул занавеску, встал перед кроватью.

— Наклонись, я благословлю тебя. Заместо матери родной.

Звяга склонился над Палагой, она слабеющей рукой перекрестила его, прошептала: «Счастлив будь».

— До свадьбы выздоровеешь, чай? — спросил Ешка. — Без тебя венчанию не быть.

— Я у Дениса... на свадьбе... говорила: «Вот оженю Звягу... можно и умереть». Обвенчаюсь без меня. — И затихла.

II

Палага умерла на другой день.

Не успели ее похоронить, скончался карт Ялпай. Недели не прошло, тихо ушел из жизни лужавуй Топкай. Вечером уснул, а утром не проснулся.

Ешке предаваться горю не было времени. Только отпел Палагу, надо отпевать Ялпая. Кто-то было заикнулся, что карт Ялпай крест не носил и веру новую не принял, но Ешка цыкнул на него:

— У Ялпая дочь в православии и за христианином замужем. — И поставил гроб карта в церковь.

То же было и с Топкаем. Умер он в Топкай-энгере, и хоронить его хотели там. Ешка воспротивился, послал лошадей на Манагу, гроб с телом лужавуя привезли в город и похоронили по христианскому обряду.

В городе наступило затишье. Воевода Алексашка Нагой снова укатил в Москву, и Звяга догадался о причине. Царь Федор Иванович все время болеет, то и гляди умрет. Престол, конечно же, постарается захватить Борис Годунов. А в городе Угличе живет законный наследник трона — царевич Дмитрий, сын Ивана Грозного и Марии Нагой. Посему всем Нагим надо бывать в Москве чаще, надо сколотить силу, способную отстоять корону Руси от коварных Годуновых.

Только тогда затосковал Ешка по жене, когда кончились похоронные хлопоты. Сначала все свое время отдавал Настёнке.

Девчонка выросла, начала говорить, лепечет все время без умолку. Смерть приемной матери она еще не осмыслила, думает, что ушла хозяйка из дома временно и скоро вернется.

— Почему мамани долго нет? Где она?

У Ешки подкатывает комок к горлу, сдавленным голосом сквозь слезы он обманывает дочурку:

— Маманя в Москву уехала. Вот снега растают, дороги подсохнут — приедет. Спи спокойно.

Уложит Настёнку спать, сядет за стол и давай мочить бороду и усы сверху и снизу: сверху слезами, снизу аракой

да брагой. Напьется, наплачется, да и уснет тут же за столом. На строительство храма ходить перестал, а потом дошло до того, что не пришел и не открыл церковь в воскресный день. Дениска и Звяга зашли к Ешке в дом, смотрят — лежит отец святой пьяный, Настёнка не кормлена, плачет.

— Худо дело, Звяга, — сказал Дениска, почесывая в затылке. — Благодичный пьет, моя Айвика тоже ходит, как овечка очумелая. Развеселить их надобно.

— Плясать перед ними, что ли?

— Зачем плясать? Свадьбу надо заваривать. Кто умер — тем вечная память, а живым — живое. Завтра жди, привезем тебе невесту.

Смотрины решили сделать по всем правилам. Собрались у Звяги его сестра Дарья с Илейкой, Ольга с Ермилом, Андрейка с Настей. Дениска сгонял в Топкай-энгер, привез подругу Айвики. Звали ее Кунави, была она круглой сиротой и жила у дяди. Отец погиб в схватке с ногайцами в тот злополучный день, когда Аббас разгромил Топкаев илем, а мать умерла с горя.

Ешка тоже пришел на смотрины, привел с собой Настёнку. Пока ждали невесту, занимались девочкой. Все дивились, как она выросла, вспомнили по этому поводу ватажное житье на острове. Наконец в избу вошли Айвика. Дениска и Кунави. Ольга помогла им раздеться, вывела в переднюю комнату. Кунави, увидев множество людей, смутилась до крайности и выскочила обратно в сени. За нею выбежала Айвика, чтобы девушку успокоить.

Звяга на свою суженую взглянуть все-таки успел и возрадовался. Невеста была стройна и красива.

Если говорить честно, то Звяга жениться на местной девушке решил не сразу. Сначала они ему не нравились. Те, каких он видел, а видел он немногих, казались ему непривлекательными. Они были низкорослые, неповоротливые, может быть от того, что девушки, а еще более женщины, надевали на себя множество одежд.

Развевял его сомнения Дениска:

— А ты думаешь, наши девки все красавицы? Тоже пыльным мешком из-за угла хлопнутых достаточно. Бабы везде одинаковы: есть уроды, есть так себе, а есть ягодки-малинки. Вот мы тебе такую и найдем!

И верно, у Кунави было гибкое тело, округлые формы и косы до пояса. Она, не в пример Айвике, была светла лицом, волосы русые. Когда с нее сняли шубейку и она оправилась от смущения, ее провели в переднюю комнату. Ее тело красиво облегал тонкая белая рубаха, спущен-

ная чуть пониже колен и перехваченная цветным поясом с кистями. На плечах, на рукавах и по подолу вышита красно-коричневыми нитками. На груди связка серебряных монет. Шапочка на голове тоже унизана серебром.

Когда сели за стол, Ешка спросил в первую очередь:

— Крещена ли ты, дева?

Все думали, что это смутит Кунави, но она смело ответила:

— Дядя крестик носит. Если мне дашь, я тоже буду носить.

Потом за невесту взялась Дарья:

— Шить-то хоть умеешь?

— Умею мало-мало.

— Брату вон рубашку зашей. Порвалась по вороту. Ольга, иголку с ниткой принеси-ка.

Ольга знает смотринный обычай, иголку понесла да и уронила на пол, у самого порога. Невеста нашла иголку быстро, стало быть, не подслеповата.

— По одной половичке пройдишь, — не хромая ли?

Кунави эти обычаи немного рассмешили, но она прошла по половице.

Потом невесту заставили варить кашу. Каша из двух круп; одну крупу, просяную, принес жених, другую, овсяную, принесла невеста. Соль давала сваха. Этот обычай шел из древних времен, потому и женитьба называлась — сварьба. Айвика, она была за сваху, развязала узелок с солью, мешочек с овсяной крупой, Дарья от жениха вынесла блюдо с просом, и женщины ушли к печке. Мужики взялись за жениха, стали допытываться, нравится ли невеста? По обычаям, жених, если ему невеста была не по душе, должен сказать, что каша не хороша. Но Воейков, когда сваренную невестой кашу поставили на стол, уплетал ее за обе щеки.

— Ну, кашу, слава богу, сварили, когда сварьбу играть будем? — спросила Дарья. Видно, что невеста понравилась всем.

Через неделю отец Иоахим одним махом окрестил Кунави, а потом поставил Звягу с невестой под венец и обвел вокруг налож.

С того дня и пошло — пример городничего подхлестнул стрельцов, служилых и работных людей, и свадьбы с местными девками, вдовами стали играть чуть не каждую неделю.

Ешка взялся за это дело горячо, свадебные хлопоты и венчания отвлекали его от горя. Смерть Палаги стала по-немногу забываться.

Прошумела ледоходом матушка Волга, вслед за ней сбросила ледяной покров Кокшага. И тогда в Царевококшайск нагрянул нежданно-негаданно архиепископ казанский Гермоген. А до этого произошло вот что. Мурза Муслы Аталык голову поднял. Когда два года назад Звяга разметал его и казанских мурз сотни, Муслы стал соображать. Как это так получается? Настя с Айвикой казанскому воеводе непременно о нем донесли, военный поход на черемисские земли он сделал, а его не тронули. Значит, Гагин о нем все знает, за ним следит, а не трогает. Почему? Известно почему — воеводе держать его у себя под боком выгодно, все время на глазах. И решил Муслы уйти в глубь лесов, в илем Ярандая, благо там его бывшие войны на землю осели, своих людей много. И еще одна причина погнала мурзу в глухомань — Настя. Говорят, первая любовь сильна. А у мурзы она и первая, и последняя. Всю жизнь он войной жил. Женщин у него было немало, но все они мимо сердца проходили. Если день и ночь в седле, какая любовь? А тут не выходит Настя из головы, хоть о стенку башкой бейся. И подумал Муслы: может, девка живет одна, может, локоть кусает? Ну, был у нее жених, но мало ли что с ним могло случиться. Может, он погиб в том же бою, когда Аббаса убили, мог парень и на плаху лечь. У русских это больно скоро и часто получается. Тем более, что он в ватаге разбойной ходил. Знал мурза, русские цари сперва крепость строили, потом застенков, а уж потом все остальное.

Свился-собрался мурза, оставил свое именье на надежного человека и поскакал на реку Оно Морко. Прискакал в Ярандаев илем, а там не узнать ничего. Леса вырублены, поля распаханы, рожь-овес посеяны, илемов новых построено много. Его бывшие войны встретили мурзу неласково, они живут неплохо, ясак русским платят, на черемисках поженились. О том, что это земля мурзой у Ярандая куплена, и забыли совсем. В старом илеме живет сын Ярандая Васлейка. Один из бывших воинов, он у Аббаса коневодом был, приютил мурзу, рассказал о гибели Аббаса. Выходило, что все деньги, которые накопил сотник, были спрятаны в Ярандаевом кудо, Васлейка нашел и присвоил. Потому и разбогател он очень быстро, построил новое кудо в новом месте, земель раскорчеванных было, слава аллаху, много. Отдохнул Муслы Аталык, огляделся, разузнал что и как, а потом пошел смело к Васлейке в кудо. Парень встретил его настороженно, но из кудо не

выгнал, посадил за стол. Поговорили, как всегда при встрече, о том, о сем, а потом Мурза спросил:

— Про отца что слышно? Не нашелся он?

— Как он найдется, если ты его убил. Мне об этом Аббас рассказывал.

— Он врал, — твердо сказал мурза. — Зачем мне было его убивать, если отец твой мне все свои земли продал и мешок денег получил. При свидетелях. Вот бумага, где он руку приложил. Есть слух, что он в Казани богато живет, на молодой татарке женился. — Мурза вынул свиток, показал Васлейке. — Я уверен, что Аббас таких слов тебе не говорил; свидетели видели, как твой отец руку к бумаге приложил, деньги получил и уехал. Я свидетелей найду, да и отца в Казани найду тоже, и все эти земли у тебя отберу.

— А я в Чар-Олу пожалуюсь. Русскому воеводе.

— Жалуйся. Я теперь сам русского царя подданный, иначе кто бы мне под Казанью жить позволил?

— Говорят, у тебя там имение богатое. Мало тебе, что ли?

— Хватает. Это я к тому сказал, что мне твоя помощь нужна.

— Снова черемис против царя поднимать надо?

— Зачем? У меня другая беда. Я одну девку русскую полюбил, жила она у меня, потом ушла.

— Слышал. Настькой, вроде, зовут. Где она?

— В Царевом городе. Не знаешь о ней?

— Нет. Я в город не ездил, далеко. Был тут раза два Дениска, ясак собирал, но я не спросил. Зачем мне Настька? У меня своя жена молодая, красивая.

— Верно. Тебе она не нужна, а я жить без нее не могу. Узнать бы.

— Езжай в город, узнавай.

— Одному плохо. А я ее украсть хочу. И ты мне должен помочь.

— Откажусь если?

— Все равно в город поеду. Бумагу покажу, буду хлопотать, чтобы мне эти земли возвратили. Не пожалее тебя тогда.

— Что я должен сделать?

— Дело в городе придумай. Меня с собой возьми. В одежду твою одень. А там поглядим. Может, ее и воровать не надо. Может, она без мужа живет и сама ко мне поедет.

— Ладно. Когда собираться будем.

— Чего медлить? Завтра.

Весна вступала в свои права. Прошумели половодьем

лесные речки, дороги подсохли, и мурза с Васлейкой да с ними пятеро конников, одетые в черемисские одежды, за несколько дней одолели неблизкий путь до Царевококшайска.

Город жил напряженной жизнью. Добраивался каменный храм, стрельцы в свободное от охраны крепости время копались в своих огородах, служилые и работные люди готовились пахать выделенную им землю. Все еще игрались свадьбы, отец Иоахим непрерывно окучивал вокруг наложных женихов и невест. Люди, прибывшие сперва на временное строительство города, собирались осесть тут накрепко, навечно.

Васлейка перво-наперво пошел к Дениске. Мурза сначала идти к сборщику ясака не хотел — боялся, что Айвика узнает его. Но Васлейка проведал, что жена Дениски теперь стала лекарем и дома ее нет. Да и трудно было узнать мурзу: в старой войлочной шляпе, в белом кафтане, он совсем стал непохож на бывшего грозного вояку.

— Боже мой! — воскликнул Дениска, встретив Васлейку. — Ты пошто в такую даль приволокся?

— Ясак привез, — Васлейка бросил на лавку две связки беличьих шкур. — Прибились в мой лужай две новых семьи — это их доля. Да и купить надо кое-чего. — Увидев играющих в избе ребятишек, Васлейка спросил: — Это твои? Когда успел?

— Мои девчонки. А парнишки — Андрюшки Царегородцева. Играют вместе.

— Это кто, Андрюшка? Настькин муж?

— Он самый. Теперь большая шишка — дьяк земской избы. Настька уж третьим брюхата.

— Айвика жива-здорова?

— Жива. В церкву ушла. Тараску Опёнка женят.

— Нам можно сходить, посмотреть?

— А почему нельзя? Всем можно. Я с вами, пожалуй, тоже схожу. А ну, мелочь пузатая, пошли в церкву. — Дениска забрал ребятню и пошел на улицу. По пути с восторгом рассказывал, как хорошо идут дела — два народа роднятся между собой, жизнь налаживается, люди обретают не вражду, а дружбу. Мурза шел сзади и ехидно усмехался, теперь он знал, как насолить городу.

А через месяц казанский владыка Гермоген получил подметное письмо.

Гермоген в Казань назначен недавно. Патриарх Иов, посылая его на владычество, сказал:

— Край тот дикий, вере нашей противный, однако, богатый. И ты, Гермоген, как некие, не возлежи на перинах

пуховых, а рыскай яко волк по лесам сиим иноверческим и осияй их светом православия.

Гермоген и впрямь возлежать на перинах не любил. Он начал с того, что съездил по Волге до Царицина городка и нашел там иноверцев татар, калмыков. И еще углядел православной веры шатание. Сделав разнос местным многочисленным священникам, владыка вернулся в Казань и метнулся в другую сторону, на Каму до Лаишева. Там по разумению владыки, дела веры и совсем были худы. В одном татарском селении в пору казанского взятия построили было церквушку, оставили попа. Сей поп поддался наущению татар, у церквушки кресты сняли, на маковке водрузили полумесяц, и стала в том месте мечеть. А попа стали звать муллой. Что было делать Гермогену? Лишить попа сана? Он и так его давно бросил. Владыке ничего не оставалось, как пустить в ход кулаки (благодаря владыке был силен как конь), а избив попа, спросить:

— Чего ради ты муллой назвался, хриstopродавец?!

— Корысти ради, владыко. Сельцо сплошь татарское, приношений в церкву не было, яз с голоду помираху. А как начал коран читать, повалили ко мне валом, и жить яз стал безбедно.

Уезжая, Гермоген приказал:

— Храм оскверненный спалить, а нехристи пусть в ином месте свою мечеть строят. А твой удел — застенки.

Не успел владыка приехать домой — подметная грамота. Некий доброжелатель христианской вере писал:

«...И окрутил в Царево городе тот поп Ешка, может, триста, а может, и более православных людей с инородками некрещеными, и уводят те нехристи русских людей в дикие леса, в свои куды, и молятся с ними в кюсото по древнему языческому образу. Того мало, сокрывает поп Ешка множество разбойников, супротив государя воровавших, а во главе их — атаман Илейка Кузнецов. Не токмо простые люди, а городничий Звяга Воейков на черемисской девке обвенчан...»

Гермоген велел заложить тройку и — в Царевококшайск.

На ту беду в день приезда владыки Ешка только что обвенчал стрелецкого сотника, хранителя пушечной казны. на дочке Актугана, и была веселая свадьба. И предстал настоятель храма перед владыкой Гермогеном в хмельном виде.

— Церковную книгу сюда! — загремел Гермоген.

Принесли церковную книгу. А там, еще чернила не высохли, записано: «Обвенчан раб божий Софрон Петров сын на рабе божьей Пампалче дщери Актугановой». И та-

ких записей сотни. Архиепископ схватил гусиное перо и, разбрызгивая чернила, начал вычеркивать записи. Ешка не утерпел, вырвал у владыки перо, воскликнул:

— Они же крещеныи!

— Развенчать! Развести! — задыхаясь от злобы, закричал Гермоген. — Сии браки еретичны, богопротивны и греховодны!

— У иных многих уже дети есть, владыко!

— Неверных плодишь, отче! Чистоту христианской веры рушишь?

И тогда Ешка возмутился:

— Не умно глаголешь, владыко! Иисус Христос, господь бог наш, проповедовал мир между людьми. И то, что два народа меж собою роднятся, дружатся, это в сей земле, злобой наполненной, зело важно. Ты записи новокрещенных посмотри, сколько через сии браки новых жен в лоно церкви пришло.

— Врешь, отче! Они, мне ведомо, теперь мужей своих в кюсото водят! — Гермоген схватил книгу, пробежал глазами по записям, спросил: — Вот сей Денис Ключев, обрученный на Айвике Ялпаевой, кто он?

— Сборщик ясака, владыко.

— Сызнова лжешь! Он разбойник. А женившись на черемиске, они еще пуще супротив государя бунтовать начнут. Если уж не начали!

— Это ты лжешь, владыко! Айвика жена отважная, честная. Она многожды с нашими воинами в бой ходила, она полк воеводы Гагина спасла! И теперь лечит горожан наших преотменно.

— Лечит?! Колдовством черемисским, волхованием? Ты не токмо сам в грехах погряз, ты церковь святую в некое языческое капище превратил! Я священного сана лишаю тя! Из лона святой церкви изымаю!

— Руки коротки, владыко! Меня сам патриарх Иов сюда послал, меня государыня-матушка святым подвижником назвала.

— Воров и разбойников покрывателем тебя назвать следует.

— Эти люди город царю построили, и указом государевым прощены они!

— О, господь великий и милосердный! — Гермоген возвел руки вверх. — Пошто ты позволил свить тут гнездо смердящее, греховодное?! Пойдем к большому воеводе! Я укажу на тя кандалы надеть и в погреб бросить!

— Воевода в Москве.

— К городничему пойдем!

— А он сам на инородке женат. И живут в мире и согласии. Он тебе не подвластен. Ты бы, владыко, чем орать на меня, лучше бы храм вновь возводимый осмотрел, с прихожанами бы поговорил, а потом уж...

— Пойдем, показывай!

Осмотрев оба храма, Гермоген немного смягчился: он понял, что наскоком тут ничего не сделать. Про указ государя о прощении ватажников он знал и действовать супротив него не решился. Сообразил владыка, что ему надо ехать в Москву и с помощью патриарха и государя искоренять тут ересь, которую развел в приходе отец Иоахим.

IV

Москва полнилась злыми слухами, словно бочка порохом. Казалось, малая искорка — и взлетит город на воздух в страшном взрыве. По улицам праздно шатались монахи. Некий юродивый прыгал на площадях совершенно голый, с веригами на плечах и криками возвещал пророчества, поносил Бориса Годунова и всю его родню. Шептались по-за углами монашки, таращили глаза, передавая слухи один страшнее другого.

Некий боярский сын рассказывал в кабаке во всеуслышание, что царь Федор в великой ссоре велел наказать шурина палками, а Годунов выхватил нож и пырнул царя в пах. От двух ран государь шибко занемог, и все ждут его смерти. Боярский сын клялся и божился, что видел раненого царя сам.

Через день новая весть — царь убит Годуновым, и Борис уже примерял шапку Мономаха.

Между разносчиками слухов крутились иноземные послы, все вынюхивали и слали депеши в свои страны. Особенно много наушников в Москве было у литовского канцлера Сапеги. Он жадно собирал слухи о «москалях» и пересылал их в грамотах польскому королю. В одном из писем Сапега писал:

«...Царица-москалиха в минувшую весну родила дочь. Брат ее Борис, не будь плох, дочку утопил, а вместо нее положил новорожденного сына одного стрельца, дабы иметь нужного ему наследника престола. Об этом узнали сторонники Нагих и сообщили в Углич, Дмитрию. А потом и самому царю. Царь в гневе велел Ирину постричь в монастырь, за нее заступился Борис, и произошла драка. Москаль получил две раны в живот, а Годунов избит царским посохом...»

Спустя два месяца литовский подканцлер Бараковский сообщал в Рим, папе, о новом «москальском скандале»:

«...О великой же княгине сообщаю следующее: в пору, когда царь Федор ездил на длительное моление в монастырь, царица понесла от молодого дьяка, и все это открылось самым необычным способом... Царь был разгневан и постриг ее в монахини. Ирина пыталась отравить мужа, и только провидение спасло москаля-правителя. Ныне же царь тяжело болен, и дни его сочтены. Временщик Борис вряд ли сможет его заменить — против него поднимут голову бояре Шуйские, дьяки Щелкаловы и родственники законного наследника престола царевича Дмитрия — князя Нагие».

Слухи, пущенные представителями трех партий, по темным углам Москвы собирались иностранцами, они отправляли их своим властителям, а те возвращали их обратно. Иная дикая клевета, поднятая где-нибудь в сточной канаве Китай-города, не стоила бы и ломаного гроша, но, возвращенная по дипломатическим каналам, обретала правдивость, больно ранила ревнивого Федора и сильно подрывала престиж Годунова. Боярам не удалось избавиться от Ирины прямыми доносами, теперь они сеяли злостные слухи, которые лучше всяких наветов расстраивали семейную жизнь царя, подрывали пошатнувшееся его здоровье.

Защищаясь, Годунов пошел на решительные меры. Был сослан на Белозеро Иван Петрович Шуйский и там задушен угарным газом. Андрей Щелкалов попал под царскую опалу. Нагие были раскиданы по глухим провинциям. Александру Нагому было запрещено без царского указа покидать Царевококшайск.

Архиепископ Казани Гермоген приехал в Москву в самое тревожное время. Патриарх принял его ласково — в былое время они оба были ярыми защитниками опричнины, злобный дух жестоких времен жил в них обоих до сих пор. Иов помимо Бориса свел владыку с богобоязненным царем, и Гермоген нарисовал Федору мрачную картину упадка веры в Казанской епархии.

Царя привезли в патриаршьи палаты в то время, когда Ирина и Годунов и в самом деле были в ссоре с Федором. Гермоген начал докладывать о делах епархии:

— Великий государь мой! Посылаемый в казанские пределы, и памятуя наказ твой и святейшего патриарха, я оглядел многия места и нашел там великое порушение вере нашей. Был я в уездах казанских и свияжских, был во степях калмыцких, тако ж посетил кокшайские места. И всюду узрел греховодие многое. Живут там новокрещены вместе с татарами, чувашами, черемисами и вотяками, едят и пьют с ними, к церквам божьим не приходят, кре-

стов на себе не носят, в домах образов и крестов не держат, попов не призывают, отцов духовных не имеют; обвенчавшись в церкви, перевенчиваются у попов татарских, едят скоромное в посты, живут мимо своих жен с пленницами.

— Ну, а наши попы, которые там, что они делают?

— Государь мой великий! Да что там какие-то попы, когда я сам к вере истинной их призывал и получал токмо одни насмешки. Многие русские люди от христианской веры отстали, а те, которые в нашу веру приведены, в ней не утвердились, потому что живут с неверными вместе, от церкви далеко. Будучи в Царевококшайском уезде, прознал я, государь мой, что тамошний настоятель отец Иоахим сплошь и рядом венчает русских православных мужей на инородных жонках, кровь русскую и породу ухудшая. Жонки те ведут своих православных мужей в язычески капища, от веры истинной отрывают. И посему, заключая браки с инородцами, мы не столько приобретаем, сколько теряем. Мало того, тот поп царевококшайский привечает к церкви и крепости люд разбойный, мятежный. И верховодит этими бунтовщиками, как и прежде, атаман Илейка Кузнецов, на коего указ государев был. Я хотел было на того священника епитимью, но он сказал, что государыне-матушке известен...

— Да, да, — подтвердил царь, — я того подвижника помню. Но если он неладное творит, ты его, владыка, накажи.

— Его сана лишить надобно! — воскликнул Иов. — Мыслимо ли дело — бунтовщиков прикрывать?! А Илейку — в чепи! Бунтовщиков — на плаху!

— Ты, Иов, сан святейшего носишь, ты милосердным должен быть, — царь покачал головой. — А разбойникам, я помню, прощение подписывал. Подвижника тоже сана лишать не надобно. У нас и так в тех местах попов мало, а вы...

— Строгость, великий государь, нужна! — воскликнул Гермоген. — Инако растрясут нашу православную веру по капищам да по мечетям.

— Не спорю, строгость нужна. Но не к служителям церкви, а к инородцам новокрещеным. Их надобно в слободы собирать, от неверных отделить, яко овец от козлищ... Ты, святейший, грамоту на этот счет заготовь, а я подпишу.

— Браки русских с иноверцами расторгнуть бы надо, государь? — предложил Гермоген.

— Это с патриархом, с патриархом решай. Я зело устал. Возок велите подать.

На второй день Иов был у царя с грамотой для епархии и для воевод. В ней было сказано:

«...Воеводе казанскому не мешкая переписать всех новокрещен, устроить им слободу от города на лучной выстрел, с церковью и полным причтом; кто из них не захочет переселиться и ставить себе двор на слободе, тех в тюрьму сажать либо брать на поруки. Дать тем слободам сына боярского доброго и приказать ему там делами ведать, беречь, чтобы новокрещены христианскую веру держали крепко, женились бы русские люди только на русских; которые не станут христианскую веру крепко держать, тех смирать, в тюрьму сажать, в железа, в цепи, бить, а других отсылать к владыке, чтобы налагал епитимью. Все мечети, капища языческие посметать и вконец их известить».

Прослушав чтение грамоты, царица Ирина сказала:

— Грамоту эту, Федя, надо переиначить. Женитьбу русских на новокрещенных жонках надо одобрить, а не запрещать. Сия мера ненависть инородцев к нам ослабит, приведет к истинной вере множество людей...

— Прости, государыня, но жонки инородные разведут русских людей по капищам своим, по мечетям, — сказал Иов. — И тут мы не найдем, а потеряем.

— Ты, святейший Иов, сам написал — капища и мечети скрыть и посметать. Куда же разводить они станут? Надо написать так: «...новокрещены женились бы у русских людей в церквах, дочерей своих выдавали за русских же...»

— Воля твоя, государь, перепишу. Может, в этом зерно истины есть.

V

Гермоген возвратился в Казань недовольный. Царская грамота хоть и развязала ему руки в борьбе с иновением, однако, настаивать на своих угрозах царевококшайскому священнику он не мог. Лишать Ешку звания настоятеля храма царь запретил, расторгать браки тоже было нельзя, грамота царя говорила как раз обратное. О наказании бывших ватажников не могло быть и речи, поскольку Федор подтвердил указ о прощении.

И тогда хитрый и упрямый Гермоген решил настоять на своем, но по-иному. Узнав о ненависти Нагих к Годуновым, владыка все надежды по этому замыслу возложил на воеводу Алексашку Нагого, которому именно Годунов и Ирина запретили появляться в Москве. Теперь для Нагого царегородское сидение стало явной ссылкой. Гермоген написал воеводе в Царевококшайск пространное письмо,

представив Ешку как ярого сторонника Ирины и Годунова. Затем выложил все вины его, в том числе венчание русских на черемисках, сокрытие беглых и много другой хулы, при этом не забыл упомянуть, что деяниями отца Иоахима зело недоволен патриарх Иов, и попа спасло только заступничество Ирины и Бориса. Царскую грамоту в Казани владыка подзадержал. Пока ее переписывали да ждали okazji для пересылки, прошло много времени. А свое письмо Гермоген послал сразу с посыльным. Князь-воевода Нагой тоже сообразил: этим попом можно крепко насолить Годуновым. Он сначала позвал к себе Звягу и Дениску и предложил им освободиться от инородных жен. При этом показал письмо Гермогена, где тот ссылался на недовольство патриарха. Затем он велел переписать всех работных людей, которые ранее были в бегах, и не велел им никуда без ведома воеводы уходить. Ешке приказал более русских на местных девках не женить.

Все ватажники, да и сам Илейка, зачесали в затылках. Неужели опять придется в нети убежать? Айвика и Кунави плакали, Дениска и Звяга матюкались. Ешка всем твердил одно: вас соединил в браке не я, а сам господь-бог, и только он может разъединить. На что Илейка ответил:

— Бог-то бог, да и сам не будь плох. Все мы тут в руках воеводы. А если против тебя, отче, да против нас и Гермоген-владыка, да еще и патриарх, то никакая царица нас не спасет. Ты же сам, отче, говаривал — царь слаб, Годуновы боярами ненавидимы. Не дай бог, что там в Москве случится, по нам больно ударить может.

Ешка думал целую неделю. А потом собрал своих друзей, сказал:

— Вот что я надумал, братья мои. От сана священника я отрекусь. Мне это не впервой. И снова мы уйдем в места глухие, на вольные земли.

— Где они, эти земли? — спросил Илейка. — И есть ли они?

— В пору скитаний моих по лесам встретил я лужавую по имени Пайгиш. И звал он меня к себе на житье. Можно будет землю пахать, ремесла разные править, жить безбедно.

— Ты о пустыньке мечтал когда-то, — сказал Ермил.

— Время еще есть. Даст бог и пустыньку соорудим. Вы пашите землю, хлеб сейте, а я пойду место для пустыни искать. Настенку пока у вас оставляю.

На второй день Ешка пришел к воеводе, спокойно изрек:

— Ухожу я, княже, в леса. Пустынником хочу пожить.

— Пошто так? — воевода от неожиданности широко открыл глаза. — А как же храм святой?

— Свято место не бывает пусто. Владыка так и так грозился меня сана лишить. Зачем мне сего дожидаться? Отпиши ему, он те другого попа пришлет с великой охотой. Да и тебе, вижу, неугoden я. Грешить-то без меня вам с Гермогеном способнее будет. — И ушел.

...Этой весной у Актугана в людях большой прибыток. Те ватажники, которые не успели еще завести себе пашню, все из города к нему пришли. С пашнями стало тесновато, и порешил Актуган распахать старые заброшенные руэмы. Приехал с сохой на место, где раньше Ешкина зимовка была. Она погнила, обрушилась, руэм мелким кустарником порос. Выдрал Актуган кусты, начал вспарывать сохой землю. Вдруг под сошниками что-то блеснуло. Дернул Актуган вожжу, остановил лошадь. Наклонился над бороздой, видит — иконка малая из серебра. И вытиснен на ней лик богородицы. Отмыл Актуган образок в речке, очистил от земли. Допахал пашню, приехал домой. А там Ешка его ждет. Схватил он иконку, руки задрожали:

— Актуганушко, милый ты мой! Так это же знамение божье, знак! Быть на том месте моей пустыньке!

Всю ночь Ешка размышлял о находке. В чудеса он не верил. Шествуя в своей жизни по монастырям, он знал, как монахи такие чудеса творят. Но здесь же ни одного монаха никогда не бывало. Тут кроме него, Палаги и Илейки никаких православных людей и не появлялось. Илейка отродясь с собой образков не носил, у него и крест-то на шее редко когда висел. У них с Палагой икона есть, но не такая. Как богородицын образ попал в эту землю? И поверил Ешка в чудо, в знаменье божье, и решил ставить на том месте пустынь.

И разлетелась весть о находке по окружным илемам, и стали приходить к Актугану люди, чтобы посмотреть на чудо. Ешка каждого просил помочь в постройке часовенки, и скоро на берегу реки возникла рубленая обитель с маковкой над крышей. Илейка выковал из железа крест и водрузил его над маковкой. Пустынь во имя дев мироносиц стала расти, полниться строениями. Икону плотники врезали в дубовую доску, обложили тонкой кованой медью, поставили в часовне. Ешка был уже стар, памятью слаб — он так и не вспомнил, что иконка эта была у Палаги со времен казанского взятия, и обронила она ее в те дни, когда переезжали они из зимовки в город.

И еще один год прошел.

Мурза Аталык прожил этот год в Ярандаевом илеме — под Казанью он появляться боялся. Но надежды на то, чтобы снова подняться, Аталык не оставлял. Весной прошел слух, что хан Ислам-Гирей неожиданно умер и теперь в Крыму новый хан Казы-Гирей. Доносчики рассказывали, что Казы сразу начал готовить большой поход на Москву. Мурза немешкая помчался в Бахчисарай. Казы-Гирей встретил его ласково и подтвердил, что он готовит большое дело, но до этого хочет убрать из Астрахани Мурат-Гирея. Либо он выпросит у русского царя передать Мурата Крыму, либо его надо убрать. Мурза хорошо понял хана. Если Казы-Гирей поведет войско на Русь, Мурат очень даже просто может ударить по Бахчисараю и захватить трон. Доброжелателей в Крыму у него немало. Задача Аталыку оставалась прежняя: поднимать черемис и ударить русским в спину.

— Свое войско, премудрый, я растерял, — сказал мурза. — А без воинов как я черемис подниму?

— Где растерял?

— Они по черемисским лесам разбрелись, на землю сели. Многие русскую веру приняли.

— О, аллах! Они мудрее тебя оказались. Крестик с шеи всегда снять можно. И если я Москву захвачу, они все под твою руку встанут, черемис за собой повлекут. Ты давно дома был?

— Целый год в лесах скрываюсь.

— Доброхоты наши из Казани сообщают: царь велел для новокрещеных татар слободу сделать, всех в одно место сослать. Иди туда, крест надень, в той слободе живи. Время придет, всех новокрещеных поднять можно будет. Иди домой, моего знака жди, войско накапливай.

Приехал мурза в свое имение тайно, а ему — новость в уши. Воевода повелел на этом месте слободу строить. Аталык смиренной овечкой прикинулся, сам окрестился, людей своих окрестил. И снова казанские воеводы его не тронули. А слободу новокрещеных Аталыковой назвали.

Полгода не прошло, из Бахчисарая тайный приказ — ехать мурзе в Астрахань и Мурат-Гирея известить.

Аталык тотчас же тайно поехал в Астрахань, захватив с собой ведунов в таких делах. Ведуны раскинули свои юрты вокруг города и неторопясь стали лечить людей. Многим они помогли, и скоро слух об этом дошел до Мурата. Он в это время заболел некой болезнью, а вместе с ним

заболели две его жены. Позвали ведунов, те отворили Мурату и его женам кровь и выпустили ее по лохани из каждого. Мурат и жены промаялись ночь, а наутро умерли. Ведунов схватили, пытали, а потом сожгли. Аталык сел на коня и благополучно скрылся.

Устранив Мурат-Гирея, хан смело повел на Русь сто-тысячное войско. Кроме крымцев на Москву пошла стамбульская артиллерия и отряды из турецких крепостей Очакова и Белгорода.

Царь, узнав о приближении орды, все войско препоручил Борису Годунову и князю Федору Мстиславскому. Годунов около Данилова монастыря разместил «Гуляй-город», где собрана была вся пушечная ходовая часть, резервы и обоз. 4 июля хан подошел к Коломенскому и разбил лагерь по обе стороны Москвы-реки. Полки Мстиславского пошли навстречу врагу, чтобы «травиться» с крымцами. Эта травля продолжалась до ночи, ни та, ни другая сторона не вводила в бой главные силы. Ночью бой утих, крымцы расположились по берегам реки на отдых, сам хан был в обозе. Он никак не рассчитывал, что русские пойдут в наступление на более чем стотысячную рать, все говорило о том, что московские полки готовятся к обороне. В ставке между Годуновым и Мстиславским был спор. Годунов предложил ночью ударить из всех орудий и «напугать» не ожидающих нападения татар, сбить их с места и рассеять. Мстиславскому, считавшему себя опытным воеводой, затея «нератного» Годунова показалась рискованной. Ночью управлять прицельным боем пушек практически было невозможно, и Мстиславский решил, что «заряд» пропадет даром. Другие воеводы поддержали Мстиславского. Но хитрый и упрямый Годунов сделал по-своему. После полуночи, когда воинам с обеих сторон так сладко спалось, он пришел в обоз и криком «ордынцы!» испугал дремавших пушкарей. Те спросонок принялись палить из легких пушек, затем в дело вступили средние «единороги». Услышав ужасающий грохот, начали изрыгать дым и ядра тяжелые пушки на стенах Москвы. Снаряды сотрясали землю, вспышки выстрелов осветили всю округу, огромные клубы дыма поднимались в небо. Один снаряд упал рядом с ханским шатром, перебитый напроць шест ударил хана в плечо, ранил руку. Казы-Гирей, сладко спавший в шатре, в панике выскочил из-под полотнищ, вскочил в свой возок и поскакал от Коломенского к Оке. Не менее хана напугался и Мстиславский. Он спешно выслал дворянские сотни в разведку, те ворвались в стан татар и еще более усугубили панику. Стотысячная рать в беспорядке ринулась

вслед за ханом. Не помышляя об отходе (хан был уверен, что он ворвется в Москву), татары не подготовили на Оке никакой переправы. Повозки, кони, пешие воины бросались прямо с берега в воду, топили друг друга. Утонул и возок хана, а самого «мудрейшего и могучего» еле вытащили на берег его телохранители. Казы-Гирей вернулся в Бахчисарай в простой телеге, с подвязанной рукой, неся вместо трофеев груз позора. Грандиозное наступление на Русь провалилось. Крымцы потеряли более тысячи пленными, много воинов утонуло в Оке, потерялось при отступлении. Мстиславский пытался присвоить лавры победы одному себе, в донесении о сражении он даже не указал имени Годунова, за что и попал под жестокую опалу царя. Годунов же получил богатые подарки и был объявлен спасителем отечества.

Прошел месяц с небольшим, как хан позвал к себе во дворец московского посла Ивана Бибикова. Казы-Гирей был смирен и ласков, усадил посла за стол, начал говорить с усмешкой:

— Был я недавно на Москве, а меня государь твой не потчевал. Видно, был не рад.

— Ты, хан, вольный человек. Был у Москвы недолго, а если бы ты постоял подольше, то государь наш сумел бы хорошо тебя угостить. А чего ты, хан, приходил на Москву?

— Мне надо было себя показать. А то я как сел на ханство, на московской окраине не бывал, а это у нас бесчестье.

— А много ли ты чести из-под Москвы привез?

— Я Годунова испугался. Я знал, что если Бориса на меня пошлют, то с ним будет много людей. И верно, было — новгородская и псковская сила пришла. Вот я и отъехал... Ты теперь скажи мне, зачем твой государь везде города ставит? На Тереке, на Волге, в черемисских землях?

— Рубежи державы охранять, великий хан.

— Знаем мы эти рубежи. Сперва у Казани крепость свияжскую построил, потом Казань взял, сперва город на Тереке, потом Астрахань пала. Но Крым — не Казань. У Крыма много рук и глаз...

— Знаем, великий Казы. Один Муслы Аталык чего стоит.

— Уй-уй! Он предатель, этот Муслы. Он много вреда мне сделал. Он племянника моего Мурат-Гирея умертвил. Скажи своему государю, что я прошу его мурзу Аталыка извести. Я бы сам, да он под защитой Казани.

— Хорошо, достойный хан, я это передам.

И, видно, передал. Осенью нашли мурзу Аталыка в ка-

наве с перерезанным горлом. Так и не поднялся над лесной приволжской стороной тщеславный и жестокий Муслы Аталык.

VII

После поражения Крымской орды под Коломенским стала Русь оправляться, жить мирно, без войны. Поражение это обрекло на неудачу шведское наступление на Новгород и Псков. Шведский король отвел свои рати без успеха. Присмирела и Ливония. Исконно русские земли были возвращены России. Окрепили около престола Годуновы. Ирина вместе с братом все силы отдавала строительству крепостей. Через год после Царевококшайска была возведена крепость Воронеж, затем Елец, Оскол, Курск.

В эту же пору заложена была на Санчурин-озере новая крепость. Строить ее начал воевода Волынский, он же позвал охотников помогать деланию города желающих из Царевококшайска. Илейка на скорую руку собрал свою артель и махнул с нею на озеро Санчурин. Воевода Нагой не препятствовал — у него город построен, а держать бывшую вольницу при себе, считал, ой, как опасно.

И пошли мужики строить для русской державы еще один город. Пошли семьями, с детьми, женами, со всем скарбом. Ешка их провожал, через год обещал приехать в гости.

Андрюшка с Настей, Звяга с женой, Дениска с Айвикой тоже было собрались на новое место. Воевода Нагой озлоблен был, и жилось им не сладко. А санчурский воевода поманил их: у меня-де и дьяки требуются, и сборщики яска, а уж городничему — лучшее место.

Но тут Нагому перевод пришел — загонял его Борис еще дальше в глушь, на реку Уфу, новый город строить. Царь по совету Годунова рассовал всех Нагих по городам, далеким от Москвы. Ивана Нагого в Козьмодемьянск, Семена Нагого в Васильсурск. А в Царевококшайск был послан воеводой Василий Петрович Головин, человек добрый, честный. Он и задержал Звягу, Андрейку и Дениску. Долго они работали на благо города на Кокшаге, нарожали много детей. И теперь Головины, Воейковы, Царегородцевы, Кузнецовы и Ключевы живут на нашей земле — они, я думаю, от них пошли.

А Василий Головин был на воеводстве десять лет.

* * *

Ранней весной, когда только что стаяли снега и начали просыхать лесные дороги, в одном из полей между Санчурском и Кадамом показался обоз в двадцать пять телег.

Скарбу на телегах было немного; поверх сундучков, мешков и корзинок торчали, как воробьи, чумазые парнишки и девчонки. Женщины и мужчины шли сбоку или сзади телег: мужчины подгоняли лошадей, женщины шли стайками и разговаривали между собой. Только на передней телеге на старой дубовой бочке восседал кряжистый широкоплечий монах в старой рясе, перепоясанной веревкой. Седая борода всклочена, сивая грива волос развевается по ветру. Рядом с ним девочка-подросток. Вы, конечно, узнали их — это монах-пустынник Ешкă Яровиков и его приемная дочь Настѣнка. Она в домотканом пестрядином сарафанчике, босая, челочка русских волос, чуть завиваясь, падает на белесые бровки, под бровями синие, как весеннее небо, глаза. Вы догадались также, что это возвращается в кокшайские места плотницкая артель Илейки Кузнецова. Новеград Санчурск построен, и Ешка, приехав к работным людям в гости, сманил их на Пайгишевы земли, на постоянное житье. Сам он до этого побывал у главы рода Пайгиша, присмотрели они место для починка, срубили несколько избенок и назвали починок Тихомирновским. Поскольку сели они на это место для тихого и мирного житья.

Настѣнка, когда обоз проходил по перелеску, с телеги увидела согретый солнышком пригорок, весь усыпанный подснежниками. Она взмахнула ручонками и крикнула звонко:

— Девчонки-и! Парнишки-и! Гляньте, цветы-ы! — и прыгнула с телеги. За нею, как горох, посыпалась с телег вся ребятня и, сверкая пятками, бросилась на пригорок.

Бабы наперебой закричали:

— Куды вы, оглашенные-и! Земля еще холодная — простудитесь!

А Ешка, перекрывая бабий визг, басовито загудел:

— Ох-ох-хо! Не бойсь, мелочь пузатая, бегай! Это ваша земля, вам впредь на ней жить, хлеб растить, дома строить! Она, матушка, — ваша кормилица, она не выдаст!

СОДЕРЖАНИЕ

Сказ первый. Были междуречья	5
Сказ второй. Александровская слобода	18
Сказ третий. Кузнецы	44
Сказ четвертый. Настя и Настёнка	62
Сказ пятый. Сноха	93
Сказ шестой. Царь-звонарь	117
Сказ седьмой. В кокшайской стороне	142
Сказ восьмой. Ватажники	164
Сказ девятый. Град Царев — град божий	184
Сказ десятый. Первые камни	199
Сказ одиннадцатый. Дьяки окаянные	224
Сказ двенадцатый. Потомки Кокши-патыра	235
Сказ тринадцатый. Демерджи	260
Сказ четырнадцатый. Весна — время свадеб	282
Сказ пятнадцатый. Меры кроткие	298

Аркадий Степанович Крупняков

ЦАРЕВ ГОРОД

Сказание о нове городе на Кокшаге

Редактор А. Я. Спиридонов
Художник Б. А. Аржекаев
Художественный редактор Р. Е. Янгильдин
Технический редактор Е. М. Данилова
Корректоры Р. И. Садовина, Э. Я. Балдит,
Ю. М. Пирогова.

ИБ № 1166

Сдано в набор 09.04.84. Подписано к печати 21.05.84. Э-01568. Формат 84×108/32. Бумага типогр. № 3. Гарнитура Литерат. Печать высокая, Усл. печ. л. 16,8. Усл. кр.-отт. 19,63. Учетно-изд. л. 18,74. Тираж 150000 (1—40000). Заказ 223. Изд. 20. Цена в перепл. № 5 — 1 р. 40 к., в перепл. № 7 — 1 р. 50 к.

Марийское книжное издательство, 424031, г. Йошкар-Ола, ул. Красно-армейская, 44. Республиканская типография Госкомиздата Марийской АССР, 424700, г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112.